

ISSN 0131-6656

СЮДА

ЧТО НОВОГО В НОВОМ УРЕНГОЕ? • НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. МЕНТ ПОГАНЬИ

РАЗГРАБЛЕНИЕ МУЗЕЕВ: СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ

ПОЭЗИЯ

1'92

КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

БЕЗ КОРНЕЙ

(Читайте стр. 4.)

192

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА,
АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ

Технический редактор

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 25.10.91.
Подписано к печати 29.11.91.
Формат 84 × 108½.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 814 953 экз. (из общего
тиража 2 415 000 экз.).
Заказ № 1069.
Цена 4 р.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок,
212-11-27 — отдел писем.
Типография издательства
«Пресса»
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

1 (1527) ЯНВАРЬ

© Издательство «Пресса».
«Смена» 1992.

ПРОЗА

44

ХЕРБ ГАРДНЕР. КТО ТАКОЙ ГАРРИ КЕЛЛЕРМАН
И ПОЧЕМУ ОН ГОВОРIT
ОБО МНЕ ГАДОСТИ?

Рассказ

176

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. МЕНТ ПОГАНЫЙ

Детектив

ПОЭЗИЯ

17

ЛЕВ ОЗЕРОВ. «Я ПОЛОСКАЛА НЕБО В РЕЧКЕ...»
СТИХИ КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

131

ДУША И КРОВЬ. СТИХИ ИСПАНСКИХ ПОЭТОВ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. БЕЗ КОРНЕЙ

28

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ПОПЕРЕЧНЫЕ МЫСЛИ

66

АЛИНА ЧАДАЕВА. «... И БУДУТ ДВА ОДНОЙ ПЛОТЬЮ»

108

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. БИРЖЕВЫЕ СТРАСТИ

148

ЮРИЙ КАМИНСКИЙ. ПОЛЕТ В НИКУДА ЭКИПАЖА
СИГИЗМУНДА ЛЕВАНЕВСКОГО

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

80

ЮРИЙ ЖУКОВ. ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «ЭРМИТАЖ»

124

ВЛАДИМИР ЦЕЛЬТНЕР. ЗАГАДКА САЛЬВАТОРЕ ФЬОМЕ

На нашей
обложке:
фотоэтиюд
АНАТОЛИЯ
ЖМУЛЮКИНА.

К ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»!

Уже стало печальной традицией — причем не только для нас, сменовцев, но и для всех работников средств массовой информации — объяснять читателям причины очередного повышения цен на свои издания. Увы, в этом, 1992 году ситуация еще более обострилась. И даже «Смене», одному из немногих в стране изданий, не только не потерявших в тираже, а, наоборот, завоевавших доверие новых 600 тысяч читателей — **БЛАГОДАРИМ ЗА ОКАЗАННУЮ ЧЕСТЬ ВСЕХ СВОИХ ТЕПЕРЬ УЖЕ 2 МИЛЛИОНА 380 ТЫСЯЧ ПОДПИСЧИКОВ!** — нанесен поистине смертельный удар: с 1 января 1992 года цены и тарифы на выпуск и распространение периодики повышаются по сравнению с прошлым годом в 7—10 раз! Так называемый переход к рыночным отношениям оборачивается для нас экономическим крахом, разорением, а для многих других изданий и прекращением существования.

Не хотим выглядеть перед нашими подписчиками обманщиками и потому заранее всех информируем: в середине декабря 1991 года наш издатель сообщил, что той подписной платы в 24 рубля 60 копеек, которую вы отдали за «СМЕНУ-92», хватит только на выпуск трех-четырёх номеров журнала. На остальные номера мы, возможно, если правительство не окажет финансовой помощи, будем вынуждены — под жестким прессом и монопольным насильственным давлением издателя, связистов, бумажников и транспортников — объявить с марта месяца дополнительную подписку, но уже, естественно, по гораздо более высокой цене, чем прежде.

Мы прекрасно осознаем, что многие подписчики вынуждены будут отказаться от своей любимой «Смены», но, поверьте, другого выхода у нас просто нет. Что ж, в этой печальной ситуации можем только заверить, что, сколько бы подписчиков ни осталось у нас после такого исхода, мы будем делать «Смену» на том же высоком творческом уровне, который давно и прочно завоевал любовь и приверженность миллионов читателей.

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

БЕЗ КОРНЕЙ

Лет восемь не были в Новом Уренгое — это, кто помнит, бывшая Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Таких в Западной Сибири насчитывалось семь, но Уренгой, пожалуй, гремел громче остальных. Еще бы: самые большие запасы газа; строительство аж шести ниток газопровода в Западную Европу; объем капиталовложений — пять

или шесть БАМов. Размах!

Начиная с семидесятых годов многие сотрудники «Смены» приезжали в Уренгой. Старались писать о нем честно: так, чтобы кубометры газа, километры труб не заслоняли острейших житейских проблем — бедственного положения с жильем, здравоохранением, детсадами и школами, транспортом, учреждениями культуры... Не только писали, но и помогали посильными практическими делами. Организовали строительство двух первых библиотек (детской и взрослой), собрали для них — с помощью наших читателей — 50 тысяч книг. Проводили читательские конференции, привозили сюда творческие бригады артистов, литераторов. Словом, пытались по мере возможностей оживить духовную, культурную жизнь молодого города. Наверное, что-то удалось сделать полезного, раз одну из центральных улиц Уренгоя назвали именем нашего журнала.

Впрочем, все это дела прошлые... А как живется Уренгою сегодня?

Когда я в прошлый раз улетаю отсюда, дожидаться своего рейса пришлось на улице — в тесном зальчике аэровокзала даже встать было негде. Вместе со мной маялись десятки пассажиров. Слава Богу, зима тогда выдалась теплая... Ну, думаю, за восемь-то лет

построили что-либо более подходящее для сотысячного города.

Наивный оптимист... До сих пор строится новое здание аэропорта. Более того, действующий много лет аэропорт все еще не принят в постоянную эксплуатацию, работает по «временной схеме». Военно-транспортный АН-12, на котором я как-то прилетал в Уренгой, дважды заходил на посадку... поперек полосы. Была низкая сплошная облачность, а дальний привод на аэродроме, как объяснил командир, не работал. Так и не сели в тот раз, диспетчер отправил самолет в Свердловск. О подобных случаях у гражданских летчиков я не слышал, да неужели обязательно ждать «случаев»?

Зато хватило времени, средств, материалов, чтобы отгрохать «стройку века» (как ее тут окрестили) — гигантский мост длиной, наверное, с километр. Сначала он поднимается вдоль улицы имени XXVI съезда КПСС (теперь, наверное, другого имени), затем сворачивает влево, через железнодорожный переезд.

Надо сказать, сама железная дорога, пересекающая город пополам, здорово уродует уренгойский пейзаж и создает массу неудобств жителям. Шестерым она стоила жизни... Можно было пустить дорогу по окраине, но проектанты решили (или их заставили?!), сэкономить.

Мост, говорят, детище бывшего первого секретаря горкома КПСС. 35 миллионов рублей... Но кому он нужен — мы так и не поняли. Пешеходы по нему ходить не будут — это только бешеной собаке сто верст не крюк. Шоферы тоже недоумевают: здешняя дорога — не Транссиб, повзда редки и переезд большей частью открыт. Миллионы на сомнительное сооружение нашлись, копейки на оборудование простейших переходов через

дорогу — нет. И карабкаются уренгойцы по крутым насыпям: сыпучим — летом и скользким — зимой.

Новые городские власти пожаловались: в генплане города много чего не предусмотрено — к примеру, павильоны на автобусных остановках, автостоянки, общественные туалеты... Не знаю, можно ли — и нужно ли? — расписывать в генплане каждую мелочь. Поставить павильоны — это дело скорее управляющих городом. Несколько штук, правда, поставили кое-где — неказистых, щелястых, не спасающих от ветра. А если учесть, что зимой автобуса дождаются иногда по часу... (Раньше проще было: поднял руку — любая машина остановится. Нынче если и подвезут — то за изрядную плату.) Вот поневоле и складывается впечатление, что город построен не для людей — для машин. Я это мнение проверял на многих уренгойцах — ни один не возразил.

Десяток лет назад начали сносить печально известные вагонгородки. Хотелось верить, что в этот приезд мы не увидим вагончики, балки, самодельные халупы. Блажен, кто верует...

В четырех-пяти километрах на север от центра Уренгоя возведен новый район, целый микрогород. И все равно жилья не хватает. (Кстати, о северном районе. Уренгойцы полагают: кабы не железная дорога, отнявшая у города огромнейшую площадь, — не пришлось бы строить этот далекий район, тянуть туда коммуникации. И город стал бы компактней, удобней для проживания.)

В один из выходных дней мы попали в гости к старожилу вагонгородка треста «Уренгойтрубопроводстрой» Валерию Сафиканову, депутату горсовета. Бывший воен-

ный летчик освоил в Уренгое массу земных специальностей: работал бурильщиком, экскаваторщиком, бульдозеристом. Не так давно организовал товарищество «Лаванда», оно занимается благоустройством поселка.

Балок у Сафиканова немаленький, несколько комнат — в одном с тремя детьми было б тесновато... Сам строил, сам разбил во дворе огород, сделал небольшую оранжерею типа миниатюрного зимнего сада. Окно из детской открывается прямо в этот садик.

Казалось бы, жить можно. Если не обращать внимания на «пустяки». Ну, такие, как отсутствие водопровода, канализации. А еще эти балки горят очень здорово — прошлым летом сгорело девять штук. В тот раз молния ударила. Но причины бывают разные: электропроводка-временка, детские шалости. (Однажды, к слову пришлось, едва не сгорела наша детская библиотека. Стоит она на сваях, и юные читатели пролезли под здание поиграться со спичками. Хорошо, мимо шла из загса свадебная процессия. Увидев дымок, молодой муж и свидетели забросали очаг возгорания песком.)

Кроме того, вагон-городок поставили внутри 700-метровой охранной зоны газопровода. Рванет... нет, и подумать страшно. По всему по этому люди, уезжая на работу, берут с собой все документы, деньги: неизвестно, куда вечером вернешься — домой или на пепелище.

Жена Сафиканова стоит первой в льготной очереди на квартиру. Валерию самому теперь требовать что-то совсем неудобно — вот, скажут, зачем им, демократам, депутатство.

— Вы так напишите в «Смене»: когда строили трубопровод — мы всем нужны были. А теперь строители напрочь забыты. Развалива-

ются тресты, разбегаются рабочие... Поделили Уренгой на белых и черных — газовиков и строителей. Причем разделение начинается с детства: например, овощи поступают сначала в детсады Газпрома, а уж что останется — другим. Дети виноваты, что их родители «не там» работают? У нас разные талоны на продукты, ширпотреб. В прошлом году на одного работника Газпрома пришлось 34 пары обуви! Понятно, большая часть вещей перепродается своим землякам по бешеным ценам. А гендиректор Газпрома говорит строителям: у вас, мол, свое министерство, с него и требуйте валюту на товары. Но Газпром имеет валюту с газа, а наши с чего возьмут?

Это давний спор. «Товары мы покупаем на заработанную нами валюту, — считают в Газпроме. — Почему же мы должны обделять своих работников?» Вроде бы резонно — пусть каждый получает свое заработанное. Но ведь без строителей не было бы трубы — стало быть, ни валюты, ни жилья для газовиков...

— Теперь о жилье, — продолжал Сафиканов. — После приезда Горбачева в 86-м году... Да, — засмеялся он, — там такая история была. Перед приездом высокого гостя выкопали в тайге березки и воткнули их вдоль улиц. Все деревья потом засохли... Так вот, во время визита вынесли решение: тридцать процентов нового жилья отдать обитателям вагон-городков. Газпром своих переселил, строители остались с носом. На сегодня 15 тысяч человек живут в балках. Но вот вопрос: есть ли смысл строить все новые и новые дома?

Вопрос действительно непростой. В семидесятых шли дискуссии: осваивать уренгойское месторождение вахтовым методом или строить здесь нормальный город?

Победила вторая точка зрения. Я и сам ее придерживался, а вот теперь сомнение взяло. Во-первых, «нормального» города не получилось, хотя генплан на рисунках был красив. Во-вторых, чем займется горожане, когда газ кончится? Никаких других крупных производств здесь нет. Правда, ведется подготовка к строительству химического комплекса, но на его первой (а всего две) очереди будет занято всего 500—600 человек. Да и привязан комплекс опять-таки к газу.

Обнадежили изыскатели: километрах в трехстах от Уренгоя разведано новое крупное месторождение. Так что, судя по всему, городу жить и работать.

Но и расширять его до бесконечности не резон. Удивительное дело: сколько новых микрорайонов выстроено, а очереди не исчезают, временки — тоже. И это при том, что население города уже не увеличивается, как в минувшие годы. Ликвидирован строительный главк, сокращаются тресты. Куда ж девается жилплощадь?

В Уренгое немало пустующих квартир, где только формально кто-то прописан. Еще больше желающих вернуться на материк, но беда в том, что возвращаться-то большинству некуда — ни кола ни двора на материке. Депутаты предлагают выкупать квартиры плюс выдавать отъезжающим компенсацию — по тысяче рублей за каждый отработанный год. Это уже получается солидная сумма, с ней не так страшно уезжать — можно купить домик, квартиру в более теплых краях. И городу не разорение — наоборот, экономия на строительстве все новых и новых домов.

А вообще прежде в Уренгое жизнь шла веселей.

— Это потому, что водки хвата-

ло, — так объяснял один ветеран. — Даже газопровод строили пьяные. Знаешь, какие у нас премиальные были, кроме денег? Ящик водки на конце плети.

Ну, не думаю, что все дело в напитках. Водка, правда, давно по талонам, но кооператив «Север» при тресте Уренгойдорстрой бесперебойно снабжает горожан бормотухой собственного изготовления.

Не будем ханжами: на Север ехали с расчетом заработать на машину, квартиру, а потом уж за романтикой. И расчеты оправдывались: получив триста «прямого» — а это с коэффициентом и полярной надбавкой за стаж составляло 600—800 рублей, — рабочий был доволен. Сейчас сварщик на трубопроводе получает со всеми накрутками до полутора тысяч, другие — и того меньше. Что это по нашим временам? На материке можно найти более теплое место с большей зарплатой.

Учтите и то обстоятельство, что на Севере все дороже. Летом картошку в магазине продавали по восемь рублей. За килограмм!

Снабжение заметно ухудшилось. Мясо, масло (особенно необходимые в северных условиях) — по талонам. Для детей — ничего.

Словом, уровень жизни сравнялся с «материковым». Летом северяне побывали в отпусках, посмотрели, как где живут, и вернулись в Уренгой с неважным настроением.

Как-то мы столкнулись в центре города со старым знакомым, плотником Женей Пенкиным. Он приехал еще в 1978 году, с отрядом имени XVIII съезда ВЛКСМ. Мало кто остался из того отряда... А я помню, как дружно скандировали, отправляясь на Север: «Уренгой, Уренгой, не расстанемся с тобой!»

Спросил Женю, представлял ли он себе, какой будет жизнь в Уренгое лет через десять? Каким станет город?

— Нет, тогда я об этом не раздумывал. Какие мы сюда приехали? Молодые-зеленые... А если сравнить — раньше уверенней жили. Знали: деньги заработаем и что-нибудь на них купим. Если не здесь, то в Москве. А сейчас не видим ни морального, ни материального стимула работать. На своем горбу испытали все три модели хозрасчета. Ничего понять нельзя. Раньше как было? Сделал — получи. Сегодня вкальваем — зарплаты нет. Другой месяц дурака проваляли — зарплата так и прет... Если десять лет назад надеялись, что государство в случае чего защитит, то сейчас, чувствуем, никому мы не нужны... Ничего хорошего не стало в Уренгое.

При всем том у Жени все в порядке. Квартира, машина, в скором будущем — свой дом в южном городе. Что говорить о менее удачливых, менее работающих? «Уезжают нищими», — коротко ответил Пенкин. А еще рассказал он, что продажа квартир началась, но идет каким-то странным образом. Кооператив «Выгода» покупает квартиру, продает ее горисполкому. Тот перепродает стройуправлению. Каждый имеет свой навар. Зачем столько посредников? Кстати, на продажу квартиры нужно задолго записываться. И тут очередь...

Трест «Уренгойтрубопроводстрой» (сокращенно УТПС) раньше находился на гребне славы: это он тянул знаменитую трубу. Теперь мы почувствовали неладное еще на подходе к конторе треста: ни одной машины у подъезда, ни единого человека.

В оживленных прежде коридор-

рах — ни души. Закрытые двери, пустые кабинеты... Нашли двух заместителей управляющего: Валерия Кокурина — по экономике и Владимира Новикова — по материально-техническому снабжению. Они — небывалое дело для прошлых лет — никуда не торопились, никто их не дергал, можно было спокойно разговаривать сколько угодно.

— Мы построили газовикам трубу и остались не у дел. За последние пять лет объем строительства снизился втрое! Примерно на столько же сократилась и численность рабочих. А нет работы — нет денег. Мы в сплошных убытках... В девяностом году месяцев шесть не могли выплачивать зарплату рабочим! Рассчитались только в июне прошлого года. За счет чего выкарабкиваемся? Начал возвращать долги заказчик — Газпром. Но что будет дальше? У нас, представьте, нет фонда социального развития. Более семисот человек стоят в очереди на жилье, а строить не на что.

— Фронт работ в принципе еще есть, — добавил Новиков. — «Посадило» нас снабжение. Полтора года не можем получить выделенную по нарядам импортную трубу. Да и техника у нас сплошь импортная — трактора, бульдозеры, трубоукладчики... Своя, отечественная на Севере работать не может. Обновление парка машин, запчасти — это опять-таки валюта, которой у нас нет.

Короче говоря, заключил Новиков, социальные вопросы трест решать не в состоянии. Все средства уйдут на долги, проценты, пени банку. Долговая удавка затягивается, и, если долги не списать (как списывали колхозам), трест окончательно рухнет.

В подобной ситуации, чуть в более мягкой форме, оказа-

лись и остальные строительные организации. Разваливаются тресты, управления. Разрушить все недолго — как потом восстано-
вить?

А тресту УТПС не повезло и в другом. Четыре принадлежащих ему 24-квартирных дома (производства Пермского ДСК) оказались «фенольными». Людей пришлось срочно переселять, отодвинув очередников. Каждый дом — это 460 тысяч рублей убытка. Я уж не говорю о жителях тех злосчастных домов — не привыкли мы отстаивать свои права, — но даже трест до сих пор не может получить с пермяков возмещение убытков.

И еще такая деталь: горсовет взял на свой баланс все детские сады строителей. У трестов нет денег даже на пропитание детей... Газовики смогли добавить своим рабочим по 200 рублей на питание; выплачивают лечебные к отпуску, оплачивают дорогу туда и обратно каждый год. Строители смогли выдавать лишь минимальную компенсацию — 60 рублей в месяц...

Да, дела у газовиков получше, но настроение тоже невеселое. На вопрос о проблемах главный геолог Уренгойгазпрома Александр Свечников так ответил:

— Мы вышли на потолок добычи. Расходы растут — бурим новые скважины, строим дожимные компрессорные станции, а добыча та же. Централизованные поставки оборудования снизились наполовину, а за деньги сейчас ничего не купишь, везде идет сплошной бартер. Ну, а нам что менять? Газ в мешке не увезешь. Мы направляем его в газопровод, а дальше — не наше дело...

Я спрашивал одного из руководителей газопромыслового управления:

— Помните, было соцсоревно-

вание за миллиард кубометров тюменского газа?

— Как же, помню...

— Какой шум стоял, какие торжества проходили!.. А в последние годы было нечто подобное?

— Да какая мне разница, сколько его, газа, добыть? — чуть не осерчал мой собеседник. — Ну, миллиард, ну, два, мне-то что с этого?! В прошлом году осталось восемь миллионов рублей прибыли. Раздали тринадцатую зарплату. Директор был против — и оказался прав. Концерн выделил нам зарплату на семь месяцев! Еле добились, чтоб хоть на десять дали. Ждут, когда газовики сядут в такую же лужу, как нефтяники? Разбегутся же люди! Если этой зимой не решат вопроса с зарплатой — будет такой же крах. Чего ждать? Все равно зарплату повышать придется. А если опытные работники не выдержат и уедут, где искать новых?

— Концерн — это бывший Мингазпром?

— Он самый. Сменили вывеску. Переименовали отделы в фирмы, увеличили штаты, оклады. А в остальном все по-прежнему. Мы остались просителями. Некоторые считают: газовики гребут валюту лопатой. А мы ее и не нюхали! Концерн покупает для нас мясо, промтовары. Почему мы не можем делать это сами? Уже рабочие ставят вопрос: платите ползарплаты валютой!

Съездили на установку комплексной подготовки газа. Условия труда здесь не сравнить со стройплощадкой. В зале, где пульт управления, тепло и уютно. Деревья, аквариум, птички поют. Настоящий оазис.

— Работаем мы пока стабильно, — говорил замначальника УКПГ Геннадий Дьяченко, — но

жизнь с каждым годом тяжелее. Как и везде.

— Вам-то все-таки полегче.

— Если вы о бытовых делах, то да. В балках у нас никто не живет. Труднее работать становится. УКПГ изначально строили с плохим качеством, сейчас многое надо ремонтировать. Но чем? Запчастей нет. Частично восстанавливаем в ремонтном предприятии — но только для отечественного оборудования. А у нас огромное количество электродвигателей, насосов... Труднее стало и в смысле эксплуатации. Давление снижается, приток газа уменьшается. Приходится расширять дожимную станцию, ставить новые машины.

Неволью вспомнилось, лет десять назад заказам Западной Сибири везде давали «зеленую улицу». Теперь другая крайность — от Уренгоя отвернулись все. Ни продуктов, ни труб, ни денег.

— Все время идет запаздывание с принятием решений, — говорил нам новый председатель горисполкома Лев Ермилов. — А обстановка ухудшается. Если не принять срочных мер, у нас возможны те же процессы, какие были у шахтеров.

Уренгойцы слегка обиделись на Б. Н. Ельцина: почему не вернулся к ним во время летней поездки по Западной Сибири? Но очень надеялись на обещанный им Указ.

И вот Указ о развитии Тюменской области опубликован. Там я нашел одну конкретную цифру: предприятия нефтегазового комплекса могут начиная с 1992 года свободно использовать до 10 процентов своей продукции. То есть свободно торговать на рынке, в том числе и зарубежном. А чем торговать строителям? Боюсь, в их положении мало что изменится.

Р. ФАЛЬК. Портрет КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ. 1947 г.

ЛЕВ ОЗЕРОВ
«Я полоскала
небо
в речке...»

17

Страницы отечественной словесности

Началось с того, что меня покорила образ в только что прочитанном Ксенией Некрасовой стихотворении «Урал»: *Лежало озеро с отбитыми краями...*

Это было до войны. Я и сам, грешным делом, в начальную пору своей работы придерживался живописной манеры. В слове обнаруживались качества рисунка и цвета. Колористическое богатство стиха брало верх над всем другим.

Я отметил у Ксении Некрасовой образ солнца, которое каждое утро «кладет лобастую обветренную голову на горизонт», образ неба и речки — «Я полоскала небо в речке», образ из «Музыки» — о скрипаче, который «дорогой струн выводил весну навстречу людям», и, конечно же, в «Слепом»:

*...десять зрачков на пальцах его
и огромный мир впереди.*

Здесь «дерзость глазомера» (Пастернак) или «хищный глазомер» (Мандельштам) от чисто живописной манеры идет к духовному видению предметов и явлений. Это путь каждого серьезно го художника. В том числе и Ксении Некрасовой.

Она производила впечатление человека вялого, невыспавшегося, просто сонного. По крайней мере вначале. Припухлость губ, некоторая отечность, рыхлость, похожая на природную неуклюжесть. Но опять-таки вначале. Когда Ксения Александровна (ее называли просто — Ксюша) начинала читать стихи или говорить о стихах, появлялась скрытая прежде душевная пластика, возникало, удивляя, некое особое изящество.

*Когда стоишь ты рядом,
я богатею сердцем,
я делаюсь добрей
для всех людей на свете,
я вижу днем —
на небе синем — звезды,
мне жаль ногой
коснуться листьев желтых,
я становлюсь, как воздух,
светлее и нарядней.
А ты стоишь и смотришь,
и я совсем не знаю:
ты любишь или нет.*

Жаль «ногой коснуться листьев...». Так же подходит она к лежащему на столе бумажному листу.

*На столе открытый лист бумаги,
чистый, как нетронутая совесть.
Что-то запишу я в памяти моей?..
Почему-то первыми на ум идут печали.
Но проходят и уходят беды,
а в конечном счете остается
солнце, утверждающее жизнь.*

Ее не надо было просить: «прочитайте новые стихи». Она сама предлагала. У нее была потребность делиться с людьми своими стихами.

Прочитает новое, добавит: «а вот еще одно», «и еще одно». Голос душевный. Просишь: «читайте, Ксюша». Не отказывает. Потом слегка опустит голову, посмотрит как-то снизу, исподлобья, как бы обращаясь: «ну что?».

Вы начинали говорить об ее стихах, а она, не дождавшись конца вашей фразы, продолжала читать и читать.

Ее непосредственность и открытость, которую часто путали с наивностью, явлена в ее стихах. Это чувствовалось и в житейском общении. Стихи были похожи на нее. Она была похожа на стихи.

Мои стихи

иль я сама

одно и то же —

только форма разная...

Несколько раз я приглашал Ксению Александровну на занятия моего семинара в Литературном институте. Слушали отменно, задавали вопросы. Некрасова на них отвечала парадоксами, вызывавшими улыбки и переглядывания. Один из студентов сказал:

— Она сказительница. Может проходить по секции фольклора.

— Вы это в упрек ей? — спрашиваю.

— Нет, она владеет секретами, которые скрыты от многих эрудированных профессионалов.

Она шла охотно на встречи со студентами. Они согревали ее. В большинстве случаев удавалось убедить ректорат, что собеседования полезны и должны быть оплачены.

После семинаров я приглашал Некрасову на обед. В ту пору еще можно было попасть в пристойный ресторан. Некрасова ела молча, медленно, молитвенно, по-крестьянски. Думая, что я скачу, она говорила:

— Подождите, поговорим потом.

Где она обучалась таким манерам? Дома, в Донбассе? В Киргизии? В Клубе писателей, ставшем Центральным Домом литераторов? Это у нее от природы.

Вокруг нее роились легенды. Одни позабыты мной, другие недостойны внимания.

Ксения Некрасова появлялась в самых неожиданных местах: в мастерских художников, на собрании бывших политкаторжан, в консерватории, на птичьем рынке, на кладбище. Она не боялась жизненных контрастов, напротив, шла навстречу им.

Льнула к добрым людям. Обходила литературных шакалов и, несмотря на свою бедность, авторов нашумевших сберкнижек.

Не пропускай, читатель,

мимо глаз

людей, чей рысний взгляд

меж лиц, покоем осененных,

вдруг промелькнет,

как острое клыка.

Она была Хлебниковым в юбке.

Вряд ли можно принять это всерьез. Но молва есть молва. У молвы свои заботы и цели.

Конечно, это могло прийти в голову окружающим, у самой же Ксении Некрасовой не было желания во что бы то ни стало походить на Хлебникова.

Не было наволочек, набитых рукописями. Не было берега Каспия, хождения в мешковине или рогоже. Была московская коммунальная нужда. Была глухота издателей, не признававших ее стихов без рифм, — мол, это всякий сумеет.

Имя Хлебникова то и дело возникало в разговоре о Некрасовой. В разговоре с Алексеевым и Япиным, Щипачевым и Слуцким. В дневнике своем М. М. Пришвин писал, что у Ксении Некрасовой и Велимира Хлебникова «и у многих таких души сидят не на месте, как у всех людей, а сорваны и парят в красоте».

В литературном объединении «Молодая гвардия» до войны Семен Кирсанов задумал серию небольших книг стихов Михаила Кульчицкого, Бориса Слуцкого, пишущего эти строки, и, конечно, Ксении Некрасовой. Все мы (или почти все) подготовили рукописи (8—10 стихотворений), которые должны были войти в некую серию и которые предполагалось печатать на бумажных обрезках. Кирсанов говорил нам, что хочет попросить Тышлера и Митурича придумать формат и оформление серии. Замыслу не дано было воплотиться в жизнь. Сорвалось. Мы об этом сожалели.

В узких литературных кругах Ксения Некрасова слыла не то блаженной, не то юродивой, не то бродячей нищенкой-философом, не то несостоявшейся прорицательницей, не то городской сумасшедшей. Ни одно из этих определений не подходит. Она была человеком внутренне свободным. Природный инфантилизм был усилен в ней жизнью, условиями существования.

Способы заработать деньги были разные. Наиболее частые: с трудом выпрошенный кушый аванс, Литфонд, участие во встречах с иностранцами. Последнее требует пояснений. Привожу рассказ самой Ксении Некрасовой, поведенный мне при одной из последних бесед.

Перед войной, да и в первые годы после войны, Союз писателей налаживал литературные связи с литераторами разных стран, главным образом с теми из них, кто симпатизировал СССР или по крайней мере не высказывался против него.

В пору генсеков от литературы — Фадеева и затем Суркова — устраивались собеседования с угощением. Круг приглашенных был строго регламентирован. Ксения Некрасова не считалась ни с какими списками. Приходила, усаживалась, как равная среди равных, угощалась, задавала вопросы поэзаковыристей.

Ее вопросы были такого рода: верите ли вы в построение социализма вообще, в частности в одной стране, догадываетесь ли вы, что помимо официальной литературы у нас существует много талантов, которые представляют себя самих и не находят выхода?

Такого рода вопросы нарушали задуманный порядок ведения встречи и смущали ее ведущих.

Сурков вызвал к себе Некрасову и имел с ней беседу.

Сурков (делая сильный упор на «о»). Ксюша, ты знаешь, как мы обожаем тебя, помогаем тебе...

Некрасова. Что-то я не чувствую этой помощи. Книга очень давно лежит в издательстве.

Сурков. Ничего, подожди, обязательно выйдет. А сейчас я беспокоил тебя, чтобы дружески просить, ты прости уж, не приходишь сегодня на встречу с англичанами. На что они тебе сдались! Встреча эта, так сказать, рабочего свойства, так сказать, внутреннего характера.

Некрасова. Я все равно приду.

Сурков (встает, ходит по комнате). Ну можешь ты пойти навстречу просьбе старшего твоего товарища?

Некрасова. Могу. Но и Союз должен пойти мне навстречу. Я живу без средств на жизнь.

Сурков. Уважим через Литфонд.

Некрасова. Ну когда это будет! Мне нужно сейчас.

Сурков нехотя тянется к бумажнику и, удалившись в угол, вынимает пятирублевую купюру. Некрасова берет, благодарит и уже в дверях, обернувшись, бросает:

— Все равно в следующий раз приду. Обязательно приду.

В разное время я видел ее с Николаем Глазковым, Робертом Фальком, но чаще всего со Степаном Щипачевым. Он был не только добр к Ксении Некрасовой, он отдавал много сил и времени на устройство жизни этого неприкаянного человека. Он верил в истинность ее поэзии и добивался издания первого сборника ее стихов «Ночь на баштане». Он и меня увлек своей увлеченностью. По его просьбе издательство поручило мне написать внутреннюю рецензию на рукопись книги, что я и сделал. Это же повторилось при подготовке второй ее книги, «А земля наша прекрасна!», до выхода которой Ксения Александровна не дождала.

Она ответила Степану Щипачеву стихотворением «Поэт»:

*Вы прячете доброе сердце
в застегнутый наглухо
черный пиджак, —
и вдруг при взгляде на стихи
чуть розовеет бледное лицо,
так при огне просвечивает
алым
мечтательное
зимнее
окно.*

Родственное внимание к Ксении Некрасовой проявляли многие взыскательные люди из среды художников, музыкантов, актеров, сумевшие увидеть в ней новое явление в нашей поэзии: нескованность канонами, душевную распахнутость, готовность номер один воспринимать «впечатления бытия» и удивляться им.

Однажды я подарил ей «Листья травы» Уитмена.

При встрече Ксения сказала:

— При первом чтении — дальний родственник. Прадед. Или прапрадед. При ближнем — близкий родственник. Любимый дядя, скажем, брат матери или что-то в этом роде.

Материал для работы она брала в окружении, в самой природе. Как скульптор, находивший в карьере свою глыбу.

*Есть камни,
скалы, горы.
Они таят в себе узоры
из яркочерночных веществ.*

*.....
Так мастер глазом угадал
среди глыбы яшмы
каменный рисунок.*

Ксения Некрасова угадывала в слове свой рисунок. И эти рисунки сейчас перед нами. Их немного, но они авторские, по своему неповторимые — Ксении Некрасовой.

«Бумаги лист так мал», — жаловалась она и старалась на этом малом листе уместить деревья, скалы, реки, города, даже солнце.

==
*Как мне писать мои стихи?
Бумаги лист так мал,
А судьбы разрослись
В надширие небес,
Как уместить на четвертушке небо?*

УРАЛ

*Лежало озеро с отбитыми краями...
Вокруг него березы трепетали,
и ели, как железные, стояли,
и хмель сучки переплетал.
Шел человек по берегу — из леса,
в больших болотных сапогах,
в дубленном буром кожухе,
и за плечами, на спине,
как лоскут осени —*

*лиса
висит на кожаном ремне...
Я друга из окошка увидала,
простоволосая,
с крыльца к нему сбежала,
он целовал мне шею,
плечи,
руки,*

и мне казалось, что клен могучий
касается меня листьями.
Мы долго на крыльце стояли.
Колебя хвойными крылами,
лежал Урал на лапах золотых.
Электростанции,
как гнезда хрусталей,
сияли гранями в долинах.
И птицами избы
на склонах сидят
и желтыми окнами
в воду глядят.

А я недавно молоко пила —
козье —
под сочно-рыжей липой
в осенний полдень.
Огромный синий воздух
гудел под ударами солнца,
а под ногами шуршала трава,
а между землею
и небом — я,
и кружка моя молока,
да еще березовый стол —
стоит для моих стихов.

О СЕБЕ

Я долго жить должна —
я часть Руси.
Ручьи сосновых смол —
в моей крови.
Пчелиной брагой из рожка
пошли прадеды меня.
Подружки милых лет,
как оленята из тайги,
водили по лугам меня
неизъяснимой красоты.
И шелест буйных трав
мой возвышал язык.

СЛЕПОЙ

По тротуару идет слепой,
а кругом — деревья в цвету.
Рукой ощущает он
форму разных ветвей.
Вот акации мелкий лист,
у каштана литая зыбь.
И цветы, как иголки звезд,
касаются рук его.
Тише, строчки мои,
не шумите в стихах:
человек постигает лицо вещей.
Если очи взяла война —
ладони глядят его,
десять зрачков на пальцах его,
и огромный мир впереди.

МУЗЫКА

Было скрипачу семнадцать весен.
И, касаясь воздуха смычком,
юноша дорогой струн
выводил весну
навстречу людям.
И была весна изумлена,
что перед нею —
тоненькой и ломкой —
люди, умудренные делами,
затаив дыхание сидят,
что глаза у них
от звуков потеплели,
губы стали ярче и добрей,
и большие руки на коленях,
словно думы, в тишине лежат.

РУБЛЕВ. XV ВЕК

Поэт ходил ногами по земле,
а голову прикасался к небу.

Была душа поэта, словно полдень,
и все лицо заполнили глаза.

≡

Я знаю:
в доме вещь
от долгого житья
с хозяевами рядом
приобретает нрав
хозяйки милой
иль делается желтой и ребристой
в мозолистой хозяина руке.

Не ради барыша
ученики и мастера
из дерева торжественных пород
точили стулья и столы
и каждый стул,
как живопись, несли.
Ковали медные горшки.
Изображенья четкие листвы
чеканили до краешкам сосуда.
А то животных вырезали
резцом по дереву на стульях и столах.
Недаром вещи в сказках говорят
на человеческих языках.

≡

А земля наша прекрасна.
И, может быть, одинока
среди пламенных солнц
и каменно-голых планет.
И вероятней всего,
что сами мы —
еще не выросшие боги,
живущие под воздухом целебным
на нашей зеленой
и сочной земле.

≡

Нет! Зеркало не льстец,
правдивее поклонников оно,
мой милый,
мой домашний друг,
я скоро подойду к тебе,
и ты, не улыбаясь, отразишь
седую голову мою.

≡

О мой талант,
дай силу мне
мой тяжкий труд
окончить до предела.

Не отнимай всепокоряющую кисть,
дай искренность в словах,
дай правду жесткую в чертах
людей, и подвигов,
что выну из души.

Это не небо,
а ткань,
привязанная к стволам, —
голубая парча
с золотыми пчелами
и россыпью звезд
на древесных сучках...

МОЯ КОМНАТА

Куда-то все плывут, плывут
продольные дожди
перед окном моим.
А на столе — цветы,
как млечные созвездья,
да стул один,
да рукопись в углу —
мои стихи
иль я сама —
одно и то же, —
только форма разная.
И все,
и больше ничего,
да сор еще
цветочный на полу.

Когда стоишь ты рядом,
я богатею сердцем,
я делаюсь добрей
для всех людей на свете,
я вижу днем —
на небе синем — звезды,
мне жаль ногой
коснуться листьев желтых,
я становлюсь, как воздух,
светлее и нарядней.
А ты стоишь и смотришь,
и я совсем не знаю:
ты любишь или нет.

СЛОВО

Мне в дар отчизна принесла
жемчужницы в подоле —
дыханье мира и свободы
обширно хлынуло в стихи.

Как жемчуг, русские слова
лежат в сиянье оболочек,
они несут в строенье строчек
народов новые черты.

≡

Утром рабочие ходят по улицам,
а ленивые телом
спят в четырех стенах,
и, конечно,
великолепие зорь
достается рабочим.

ИСТОК

Когда неверие ко мне приходит,
стихи мои
мне кажутся плохими,
тускнеет зоркость глаза моего,—
тогда с колен
я сбрасываю доску,
что заменяет письменный мне стол,
и собирать поэзию иду
вдоль улиц громких.

Я не касаюсь проходящих,
что ходят в обтекаемых пальто
походкой чванной,—
лица у них надменны,
разрезы рта на лезвие похожи,
и в глазах бесчувственность лежит.
Не интересней ли
с метельщицей заговорить?..

ПОПЕРЕЧНЫЕ МЫСЛИ

28

Необходимое вступление

Когда кого-то или что-то очень сильно ругают или так же безудержно хвалят, почему-то сразу хочется возразить. Видно, здакая поперечность заложена в натуре человеческой. Инстинкт срабатывает. И, на мой взгляд, здоровый инстинкт. Есть стадный. Но есть и антистадный. То есть поперечный. Который предупреждает: не поддавайся общему возбуждению чувств, не подчиняйся слепо общему течению мыслей. Сам думай. Сопоставляй даже очевидные факты.

Анализируй.

Пусть будет тебе уроком то, что еще вчера все дружно шагали в одну сторону. А сегодня так же дружно устремляются совсем в другую... Или куда-то вбок. Но главное — что дружно.

Не лучше ль на себя оборотиться

Рухнул последний идол.

До сих пор для нас, простых советских людей, более или менее неприкосновенным оставалось последнее имя в коммунистическом пантеоне — имя Ленина. Я имею в виду не разговоры на кухне, а публичные выступления.

Но вот ко дню его рождения столичная вечерняя газета провела и опубликовала результаты экспресс-опроса, и там, в числе прочих мнений-откликов, Ленин был назван врагом человечества, вторым преступником после Гитлера и так далее.

Ясно, что к очередной ноябрьской дате пролетарская революция будет названа не просто «роковой ошибкой», «узурпацией за-

конной власти», а объявлена «преступлением против человечества и человечности».

Все верно. А что же тогда восстает во мне против? Что же раздражает меня в этой безапелляционности формулировок?

Обвинение. То, что мы во всех наших бедах обвиняем Ленина, Троцкого, большевиков. А давайте зададимся простым вопросом: что же они, собственно, сделали, Ленин, Троцкий и большевики? По моему мнению, они воплотили в жизнь вековые чаяния трудящихся масс.

В самом деле, разве не мы, массы, во все времена истории человечества мечтали о равноправии и равнодостоянии? Разве не мы пытались достичь этого только и единственно одним путем — путем ограбления богатых и раздела их имущества среди бедных? Разве не мы сплошной серой лавой шли за большевиками? Не мы ли с восторгом жгли дворянские усадьбы вместе с людьми и книгами? Не мы ли радовались, когда раскулачивали наших соседей? Радовались тому, что теперь никто не имеет больше меня. И не мы ли так же, спустя семьдесят с лишним лет, поджигаем усадьбы сегодняшних арендаторов и фермеров? Не за то еще, что больше нас заработали, но уже за то, что хотят больше нас работать.

Но коли так, то нельзя и не задуматься в отчаянии: да почему же именно с нами приключилась такая напасть? Что мы, хуже всех прочих народов? Больше всех любим грабить и жечь? Меньше всех любим работать? Значит, дело не в истории, а в нашей породе?

Нет, все-таки в истории.

И здесь снова надо идти поперек нового, но уже очень мощного течения общественного энтузиаз-

ма. Свергнув коммунистических кумиров, мы тотчас же начали на пустое место в нашем сознании возводить кумиров новых: белую гвардию, дворянство, императорскую фамилию. Дескать, народ наш — быдло, не ценил старой жизни, поймавшись на удочку, пошел за «плохими» большевиками, истребив «хороших» дворян.

Но почему же он пошел за ними? Неужто и впрямь от хорошей жизни? А может, он, народ наш, потому и решил ринуться в темный омут всероссийского отчаянного бунта, что властители тысячу лет держали его в черном теле, в рабстве, начиная со времен Рюрика? И знать не желали своего народа, языком родным гнушались, а мужика почитали за быдло и деревни выменивали на хорошую борзую. В Лондоне уже метро строили, а тут еще дискутировали, сечь или не сечь мужика, отпустить смерда на волю или держать в рабстве. И не было стыдно перед лицом цивилизованного мира!

Так стоит ли после этого удивляться, что кипевший тысячу лет котел народного гнева взорвался с такой ужасающей силой. Стоит ли удивляться, что мужик, может, вовсе и не думал о большевистских теориях, а более всего опьянялся мыслью, что наконец отомстит за века унижений.

Но не все же дворяне были салтычихами и троекуровыми? Конечно же, нет. Были и другие. Звались либеральным дворянством, либеральной интеллигенцией. Знали народные горести и беды. И что же делали, видя несовершенство жизни? Призывали Русь к топору! И никто был не указ. Ни Пушкин, предупреждавший, что нет ничего страшнее русского бунта, бессмысленного и беспощадного, ни Достоевский с пророческими «Бесами», ни само

дело Нечаева, потрясшее мыслящую Россию. Никто и ничто.

К топору призывали.

И получили топор. В том числе и на свою голову...

Все наоборот

Иногда кажется, что это всеобщий морёк. Затмение.

Оценки деяний Петра Первого разноречивы, но все они сходятся в одном ключевом слове — Европа. Одни считают, что недостаточно круто повернул нас император, не довел-таки до европейских кондиций, хоть и старался. Другие упрекают его за это: дескать, своротил нас с нашей самобытной дороги на гнилой европейский тракт — и ничего хорошего из этого не вышло.

Суть не в оценках. Непреложно одно обстоятельство: да, повернул на европейский путь. Или, во всяком случае, пытался. И вот здесь я начинаю трясти головой, стараясь отвадить морёк: все наоборот, друзья, все наоборот! Никуда, ни к какой Европе не поворачивал нас царь и император Петр. На самом же деле он вверг Россию в жуткую пропасть жесточайшего азиатского деспотизма. В Азию превратил европейскую страну Россию, в Азию! И никакого самобытного пути у России не было, а был обыкновенный путь обыкновенной европейской страны, чуть более отсталой, чем другие. И если свернули куда, то как раз с европейского-то пути на как бы самобытный азиатский, самовластный.

Это не парадоксы, а, на мой взгляд, очевидности. Но любая мысль, тем более поперечная, требует обоснования, объяснения. А оно — простейшее. Прежде всего, что считать европейскостью? Насильственное бритье бород, немецкие камзолы, питье кофий

и ассамблеи? Да, это был такой удар по боярскому быту, что мы до сих пор кричим: караул, Европа! И до сих пор разглядели, что Европа — это не кофий и менуэты, а, упрощенно говоря, политическое устройство общества.

Только и всего.

История европейских стран до новых времен — это история борьбы монархов с феодалами. Короли и императоры стремились к полной централизации власти, а крупные и мелкие феодалы, естественно, бились за свои свободы и привилегии. Полную и окончательную победу в этой борьбе не одержала ни одна из сторон. На протяжении веков сохранялось динамическое, а если хотите — диалектическое равновесие. И центральная власть усиливалась, но и права подданных у нее, у власти, отвоёвывались и законодательно закреплялись. Так, в борьбе, и пришли европейские страны к нынешним конституционным монархиям, к нынешним парламентским республикам.

Той же дорогой шла и Россия.

И у нас боярская оппозиция со временем превратилась бы, преобразовалась в парламент, в парламентские, общегражданские институты власти. Если бы ей, боярской оппозиции, не переломили хребет. Начал первый русский царь Иван Грозный, а закончил первый русский император Петр Первый. Динамическое, диалектическое равновесие в развитии общества было нарушено и разрушено. На этом и закончился европейский путь России, и началась эра азиатского абсолютизма. Мало того, Петр Первый в нашей истории стал Первым Бюрократом, основателем Всеобщей Бюрократической Системы, пронизавшей жизнь страны сверху донизу, сковавшей ее железным панцирем. И Система эта сохранилась практически в пер-

возданном виде до нынешних дней. Не случайно для Сталина образцами государственных деятелей были как раз они, Иван Грозный и Петр Первый.

Из всей русской истории, осененной многими светлыми именами, коммунистический диктатор выбрал именно их. Их имена, их деяния преподносились нам с экранов кино, со страниц книг. Нам в сознание вбивалось, что так и надо — зажать всех в железной узде, сковать страну железной дисциплиной сверху донизу, чтобы даже бояре пикнуть не смели. Это, мол, и есть прогресс, это и есть европейский путь для тогдашней грязной, отсталой, мол, России.

Увы, все наоборот. Все наоборот...

(Уверен, что ничего нового в моих рассуждениях нет. Уверен: все это было, было в трудах русских историков, философов. Но ведь мы на семьдесят с лишним лет оказались отрезанными от нашего наследия. И до всего пытались дойти своим умом, с великим трудом преодолевая вбитые в нас догматы.)

Параллели

Признаюсь, страшноато выступать хотя бы чуть-чуть поперек религиозных и национальных течений в общественной жизни.

Очень уж велик энтузиазм. Но право слова, право мысли сильнее боязни...

Сразу оговорюсь: речь не о религиях, не об идеалах христианских, мусульманских или коммунистических. Речь о практике, об институтах духовной власти. Всеобщий церковный энтузиазм, пришедший на смену всеобщей насильственной коммунистической убежденности, вполне понятен. Но вольно или невольно он наво-

дит меня на некие параллели. Таково, видно, свойство людей сторонних.

И церковь, и коммунисты претендовали на власть над моей душой. Взамен же обещали рай. Но не сейчас, немедленно, а в отдалении. Одни — на небесах, другие — в грядущих поколениях. В идеале и те, и другие от меня, слабого, требовали невозможного: возлюби ближнего как самого себя. Или подчини свое «я» интересам коллектива, партии, учения.

Во имя утверждения веры и церковь, и коммунисты пролили немало крови. Лилась кровь во имя утверждения учения. А попав в опалу общественного мнения, устраненные от институтов государства, и те, и другие, с разницей в семьдесят лет, перестали петь осанну властям предреждающим и вновь заговорили о ценностях общечеловеческих.

А еще они, церковники и коммунисты, всегда пугали меня чужими. То есть другими народами, другими верованиями, другими убеждениями и мыслями. Чтобы я, напуганный неизвестными мне другими, искал спасения у них, отдавал себя в их власть.

Таковы параллели...

Надеюсь, я был объективен и не подгонял факты. И когда недавно мне мой друг шепнул проникновенно: «А ты знаешь, моего сына благословил сам благочинный отец Николай», я вдруг подумал: «Если начнутся гонения коммунистов, если они уйдут в подполье вместе со своим учением, то не исключено, что через десятки лет праправнук моего друга скажет моему праправнуку: «А ты знаешь, моего сына благословил сам батюшка-секретарь подпольного райкома...»

Все может быть. Только, конечно, не дай Бог.

Повторюсь: страшновато выступать хотя бы чуть-чуть поперек религиозных и национальных течений в общественной жизни. Очень уж велик энтузиазм масс. Но право слова, право мысли сильнее боязни.

Я далек от мысли, будто бы царская Россия была чуть ли не образцом решения национальных вопросов. Нет же, и колониализм присутствовал в чистом виде, и великодержавный шовинизм, и словечко «инородцы» бытовало не как люмпенская выдумка, а как вполне официальный термин.

Но при всем том прошу обратить внимание на одну очень интересную особенность: государство как таковое как бы устранялось, как бы отстранялось от вмешательства во внутренние дела национальных образований. Скажем, Казахстан входил в состав империи на правах внутреннего самоуправления. Свои судьи, свои волостные правители, не говоря уже о школах, мечетях, медресе... Более того, казахи не подлежали призыву в армию даже во время военных кампаний. Мы как-то мало задумываемся над известным фактом: знаменитое восстание 1916 года во главе с Амангельды Имановым и Алибием Джангильдиным было вызвано тем, что царское правительство в первую мировую войну приняло решение о мобилизации казахов на тыловые работы. Мои соплеменники взбунтовались: договор нарушен!

Из этого, между прочим, следует еще и то, что договор метрополии и колонии в те времена был отнюдь не пустым звуком, не формальностью.

Но вот к власти пришли боль-

шевики. На словах провозгласив право наций на самоопределение, на деле они тут же стали вводить насильственный интернационализм, преследуя при этом главную цель — удержать власть. А это всегда достигалось одним путем: разделяй. Чтобы нигде и ни у кого, тем более в руководстве, не было бы ничего родного, близкого.

А как иначе объяснить, что руководить сельским хозяйством России был назначен степняк, скотовод, чабан Турар Рыскулов, который, наверно, увидел впервые рожь только после приезда в Центральную Россию. А в Казахстан был направлен небезызвестный Филипп Голощекин, быть может, только в те годы впервые увидевший живого казаха.

Словом, дальнейшее известно. И потому понятен взрыв национального самосознания, который последовал тотчас же, как только ослабли тиски большевистской империи. И сейчас борются практически все. Политик, не провозгласивший в своей программе национального суверенитета, обречен на всеобщий остракизм.

А что, если в результате борьбы, победив, мы получим мыльный пузырь? Да не простой, так сказать, нейтральный, а такой, который принесет нам неисчислимы бедствия?

Уже принес. Именно с провозглашением национального суверенитета начались волнения, рознь, пролилась кровь. В чем же дело? Только ли в минах замедленного действия, оставленных нам сталинизмом, которые взрываются на каждом шагу? Очень прошу понять меня правильно. Я не против суверенных республик, не против их отделения и выхода из Союза. Меня даже можно уличить сейчас в передергивании фактов, в подлоге, сказав, что ра-

нее везде я употреблял сочетание «национальный» суверенитет, а надо говорить — «республиканский», «государственный»...

Правильно. Сознаюсь. Совершил подлог. Нарочно подменил одно другим. Потому и подменил, что почти всюду шла и идет незамысловатая игра в слова. Говорим «республиканский» — подразумеваем «национальный». Но и в этом нет ничего плохого. И не надо скрывать. Зачем?

Да затем, чтобы опять же спрятаться за словами, а самим упорно идти к своей цели.

Причем подавляющее большинство активистов и рядовых энтузиастов национальных движений даже и не подозревают, что их цель — уже давным-давно нечто вроде экспоната в музее истории: определена, проанализирована, расклассифицирована, проспиртована и подколота к историческому гербариям.

Это — национально-государственное устройство общества.

То, что человечество уже прошло и еще в давние времена убедилось: невозможно, нежизнеспособно, самоистребительно. Потому что национальное государство может существовать только при одном или двух условиях. Первое: абсолютная национальная однородность населения. Что невозможно было и в историческом прошлом, не говоря уже о сегодняшнем дне, когда все перемешались. Или второе: приоритет одной нации, считающейся коренной, над всеми остальными, над национальными меньшинствами. Что тоже невозможно, поскольку рано или поздно вспыхнут волнения, прольется кровь...

Конечно, национал-экстремисты в наших республиках и не подозревают, не осмыслиют, к какому государству они стремятся. Но, как говорится, нутро свое дело

знает. Лучшим доказательством того, что именно эта, неосознанная, но стихийно, животво понимаемая ими цель преследуется национал-экстремистами, служат их лозунги. Например, в одной из наших автономных республик на митингах в открытую говорят, что всех инородцев, всех иноязычных надо изгнать из пределов республики, а всех детей от смешанных браков — их там очень много! — уничтожить.

Поймите, это не просто бред сумасшедших, это не просто «экстремистские высказывания», как мы привыкли говорить. Это единственный путь достижения национал-государственного устройства.

Вот и судите, воцарятся ли (после такого!) мир, покой и благолепие в душах подданных той республики?

Потому-то я и начал с примера той, далекой, имперской России. С того, как государство отстранялось от вмешательства в сложные структуры национальных образований, а полагалось на территориальное самоуправление, которое принято во всем цивилизованном мире. Когда есть эллина и иудея, а есть гражданин, подданный города, области, района или республики. И мой родной Петропавловск, будучи в пределах Казахстана, был и останется русским городом по языку, по укладу жизни.

А казахские села, допустим, в Астраханской и Свердловской областях РСФСР создают свои казахские школы, ансамбли, театры, музеи... весь быт и весь уклад, свойственный казахам. Но такое возможно лишь при одном условии — полном устранении государства с его кованым сапогом от этой тончайшей, духовной области человеческой жизни. Национальное ощущение, национальное са-

мосознание — глубоко личное, внутреннее дело человека.

Но нам ведь история и опыт человечества не указ. Мы о них и не слышали. И потому снова, со всей неизбывной мощью нашего бескультурия мы ломимся то в открытые ворота, то во вчерашний недобрый день. И, видимо, только на собственном горьком опыте, хлебнув до конца, убедимся и откроем для себя давно открытое: национал-государственное устройство общества — химера. Опасная, кровавая химера.

Да здравствуют совхозы?

А почему бы и нет?

Но, с другой стороны, как они могут здравствовать, если государство рано или поздно откажется покрывать их убытки, великосветски называемые дотацией? До реформы цен убытки казенного сельского хозяйства составляли 160 миллиардов рублей, а в какой сумме они сейчас выражаются — уму непостижимо. И хорошо, что непостижимо, потому что не всякий ум выдержит такую убыточность бесплатной земли, воды и солнца.

То есть совхозы рухнут сразу, как только для них закроется государственная казна.

Но вместе со смертью этих оплотов советского крепостного права могут рухнуть и зачатки свободного фермерства — вот в чем сложность дела.

Совхозы — залог будущей вольной жизни. Они могут сгореть без следа, испепелив все вокруг, а могут и возродиться, подобно птице Феникс, но уже в новом оперенье.

Я не нарочно выстраиваю эти парадоксы — сама ситуация парадоксальна.

Как-то я писал о том, что директора совхозов делятся на тех, кто

угрюмо требует от страны: «Дай!», а демократам и фермерам не менее угрюмо говорит: «Не замай!», и на тех, кто сам, по профессиональной честности и необходимости, дает волю хотя бы арендаторам, предвестникам фермерства. И призывал не делать всех директоров огульно врагами, а поддерживать, перетягивать на свою сторону реформаторов. В этом, конечно, есть резон. Однако добрая воля и личные воззрения отдельных представителей системы — это еще не гарантия.

Совсем иное — суровая реальность: как только прекратятся дотации, они, совхозы, под страхом смерти вынуждены будут искать спасения. А пока что некоторые совхозы уже сейчас преобразуются в государственно-кооперативные объединения, но их мало и о них отдельный разговор. Большая же часть, то есть все остальные, поневоле станет развивать арендаторство. Ведь арендатор — не совхозная унылая рабсила, его не надо подгонять, он сам себя подгоняет круглые сутки. А львиную долю прибыли, своего труда отдает совхозу. Конечно, совхозы будут держать их при себе. Это им выгодно. Без арендаторов им смерть. Но и арендаторы со временем окрепнут, наладят (и уже налаживают!) структуры, параллельные совхозным.

Таким образом, вольное фермерство у нас вырастет как бы само собой. Но вырастет — без кровавого пота, без надрыва жил и нервов, просто и естественно, на мощной существующей материальной базе совхозов. Ведь еще действует, функционирует механизм единый, есть каркас, охватывающий всю страну. Так разумно ли разрушать его или равнодушно смотреть, как он сам собой приходит в упадок? В то время как на

старых корнях легко взрастить новое дерево, новые цветы...

Впрочем, совхозы сохраняются, думаю, и в лучезарном фермерском будущем. Хотя бы как гарантия социальной занятости. Даже и тогда не все, далеко не все смогут оторваться от привычной государственной кормушки и выйти на бой с жизнью один на один. Это свободного человека довольно легко превратить в раба. Достаточно войти в его дом с винтовкой, отнять все, что нажито, вывести его под конвоем в поле и сказать: вот твой рабочий участок, приступай... А вот обратный процесс займет не один миг... На Востоке издревле число «семь» — магическое. От своего отца, от стариков, приходивших к нам в дом, я не раз слышал такое: должно пройти семь поколений, прежде чем кровь раба-вольноотпущенника очистится. И только в восьмом поколении потомки бывшего раба станут подлинно свободными людьми.

Семь поколений мы ждать не можем. Просто не дождемся. Померем с голоду...

Американцы по недомыслию

Мы всю жизнь будем кормить мышей и сусликов. Если не задумаемся. И всю жизнь будем бороться. То есть биться. Опять же если не задумаемся.

А сделать это очень трудно. Обозрим наши великие просторы от Карпат и до Курил. Что на них происходит? К примеру, битва за урожай. Ну, хорошо, назовем ее уборкой, обмолотом хлебов. Десятки миллионов людей ежегодно привычно впрягаются в нелегкий труд, необходимый стране, и никто еще из них публично не задался вопросом: а зачем? Зачем обмолачивать хлеб в поле?

Или — повернем по-другому.

Чем убирают хлеба? Школьник ответит: комбайнами. Вот и спросим: а зачем — комбайнами?

Восстановим всю цепь. В идеале предполагается, что хлеба у нас созревают до полной спелости прямо на корню, мы пускаем комбайны, и они тут же, сразу, выдают нам зерно.

Это все иллюзия. Самообман.

Такого никогда не было, нет и не может быть.

Лишь незначительная часть хлебного массива, в теплых краях, обмолачивается напрямую. На всех же остальных громадных пространствах страны уборка проводится в два этапа. Называется — раздельная.

Вначале комбайны косят, как говорят, на свал, то есть попросту скашивают хлеба и укладывают их в валки. Уже эта операция — чудовищная нелепость. Комбайн — это завод на колесах. Дорогостоящая машина, капризная, сложная. Зачем же гонять по полям, бить и колотить по кочкам целые заводы, чтобы совершить сию примитивнейшую операцию? Да приделайте к любому более или менее мощному мотору вроде мотоциклетного колеса и косилку, посадите на них пятнадцатилетних мальчишек, и они лихо, с удовольствием и за милую душу скосят все, что надо.

Зачем микроскопом забивать гвозди?

Но ладно. Вернемся к процессу. Предполагается, что скошенные хлеба дозреют в валках. А потом уже пойдут комбайны, будут подбирать и обмолачивать. В идеале. В жизни же часто идут дожди. Ведь лето у нас короткое. Хлеб вымокает, прорастает в валках. На десятки миллионов гектаров выходят миллионы людей с вилами и начинают эти валки переворачивать, приподнимать, чтобы их подсушило, обдуло.

И правда ведь, не уборка — битва. Я сказал бы — смертный бой.

И вот на поля выходят снова комбайны, уже переоборудованные на подбор и обмолот. Правда, не все. Часть из них уже поломана. Так сказать, пали в начале наступления...

Говорю же — смертный бой. И так — каждый год. А причина, помимо всего прочего, в том, что мы как бы американцы. Только американцы по собственному недомыслию.

Комбайновая уборка хлебов — метод сугубо американский. Для них. Для их условий. И правда, чего им не комбайнировать, если у них хлеба до звона созревают на корню. И чего им не созревать, если и хний Вашингтон южнее нашей Ферганы, а штат Айова, «житница» Советского Союза, — это Ташкент на юге и Балхаш на севере. Вот они и комбайнируют.

А мы куда со своими хлябями? Со своей пшеницей севернее Томска и кукурузой чуть ли не под Архангельском?

А ведь был у нас свой, российский, русский метод уборки. Проверенный поколениями предков. Естественный, как сама жизнь. Приспособленный к нашим условиям. Скашивали рожь да пшеницу, свозили на гумно и потихоньку, не надрываясь, не завися от дождя или снега, вели обмолот на току, под крышей. Одной молотилки с локомотивом на всю деревню хватало.

Между прочим, прабабки наши, идя на ток, наряжались, как могли. Праздник был, а не битва за урожай.

Что же сейчас-то мешает нам вернуться к своему? Тем более при нынешней технике.

А ничего, кроме сознания. Заблокированного наглухо сознания. У нас уже в инстинкт превра-

тилось: уборка — это комбайн. И никаких! Конечно, сделать навесы из примитивных железных конструкций и свезти под них урожай — это очень сложно. А держать специальную комбайновую промышленность, гонять эшелоны с запада на восток и обратно, словом, поднимать ежегодно на дыбы весь Советский Союз — это куда как просто.

И действительно, просто. Потому как привычно...

Тем более деньги как бы не свои. Да и никто не болтается, все при деле, от уборщицы в совхозной конторе до президента. Мобилизованы на смертный бой. Со здравым смыслом.

Игра в дурака

У нас все принимают участие во всем. Правительство предлагает программы выхода из кризиса, а мы обсуждаем, плохая она, программа, или хорошая. Похоже, никому в голову не приходит, что мы гоняем туда-сюда мыльный пузырь уже хотя бы потому, что программы — это вовсе не дело правительства. Пусть ими, программами, занимаются политики.

А правительство посажено на то, чтобы принимать конкретные решения. Например: за счет таких-то и таких-то ресурсов военно-промышленного комплекса выпустить сто тысяч мини-тракторов и раздать их фермерам бесплатно или в рассрочку на пять лет. И — все.

Но ведь этого нет. А есть «расширить», «углубить», «принять», «начать» и тому подобное. И мы деятельно обсуждаем очередное «углубить», подходит оно нам или не подходит. И оно, правительство, тоже как будто всерьез отнесется и к своей деятельности, и к нашему мнению.

Не значит ли это, что, простите за карточную терминологию, дураки играют с дураками в «дурака»?

Хорошо, если так. По крайней мере никому не обидно. Все равны и все одинаковы. Гораздо оскорбительней предположить, что с нами играют мастаки. Конечно, в определенном смысле.

...Мастаки играют с простаками в очередное платье голого короля.

Снимем очки

Если вы страдаете близорукостью или дальнозоркостью, астигматизмом или косоглазием, обратитесь к нам.

Издательская фирма при А. О.

«РАУТ»

вышлет вам наложенным платежом следующие издания:

□ 1. Методика американских врачей-офтальмологов У. Бейтс и М. Корбетт, позволяющая ежедневными тренировками и упражнениями полностью восстановить зрение и исключить возможность появления старческого зрения при условии строгого выполнения всех изложенных в методике рекомендаций. Издание содержит полный набор упражнений и таблиц, используемых при лечении.

Стоимость 24 руб.

□ 2. Сборник рекомендаций и упражнений, основанных на уникальном методе лечения и профилактики глазных заболеваний — хатха-йоге. Метод разработан индийским врачом А. Б. Тхакером, позволяет улучшить и восстановить ваше зрение с помощью комплекта «экзотических» упражнений. Методика применима для всех возрастных групп.

Стоимость 22 руб.

Заявки на получение вышеперечисленных изданий присылайте по адресу:

✉ 164522, Архангельская обл., Северодвинск, а/я 63, А.о. «РАУТ». Издательство.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ

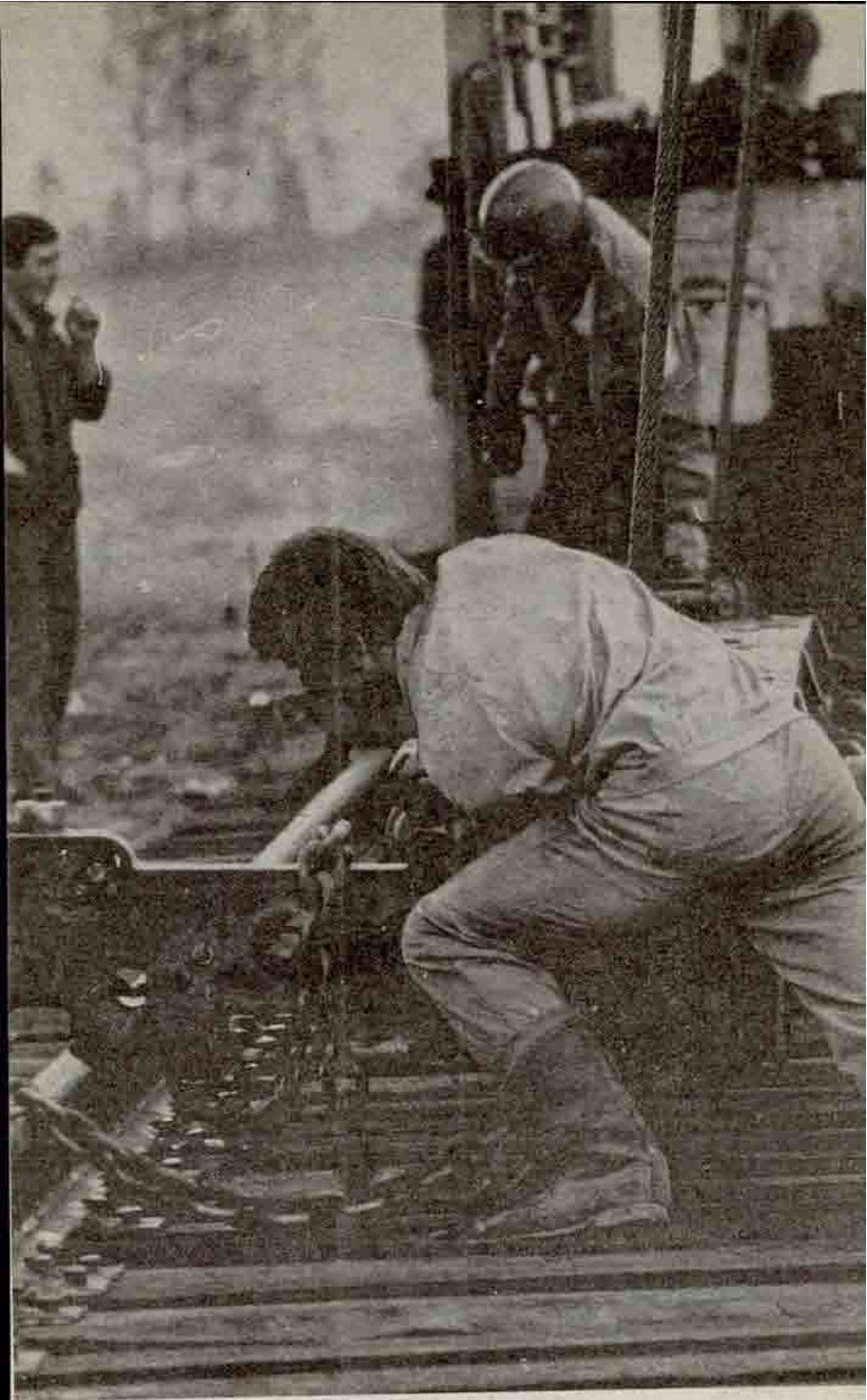
ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

ПРАШАШЕ!

И будто ничего не произошло... Скажите, бывшие члены ВЛКСМ, как отразилось на вас исчезновение многомиллионной организации?

(Не спрашиваю тех, кто потерял неплохо оплачиваемую работу.) Ну, перестали платить взносы, ходить из-под палки на собрания. Что еще?

...Не все хотели прощаться с ВЛКСМ. У входа в гостиницу «Орленок», где проходил последний съезд, пикетчики развернули плакаты типа «Позор погромщикам комсомола».

А один из делегатов строго допрашивал президиум: почему на сцене не вывешены ордена комсомола?

Почему отсутствует бюст Ленина?

Почему не возложили венки к Мавзолею?

Бог ты мой,

подумалось тогда, решается судьба огромной организации, а он — об орденах...

Делегат из Средней Азии сравнил роспуск ВЛКСМ с... самосожжением. Не знаю, стоит ли воспринимать события столь трагически. Но, если отрешиться от сиюминутных реалий, объединения молодых нужны. Об этом говорит и опыт других стран.

Несмотря на

многообразие молодежных партий, движений, молодые люди тянутся к единению — в форме свободных ассоциаций, добровольных союзов или иной другой.

Потому что у молодежи разных вероисповеданий, идеологий есть все-таки общие проблемы, которые проще решать вместе.

Мы простились с коммунистическим союзом молодежи...

Кто

ХЕРБ ГАРДНЕР

Такой

Гарри Келлерман

**И ПОЧЕМУ ОН ГОВОРIT
ОБО МНЕ
ГАДОСТИ?**

пять Джорджи маялся без сна, на груди у него теплым бурундучком пригрелся телевизорчик. «Следующий этап: телевизор вольют в шприц и будут вводить прямо в мозг», — подумал он и впервые за шесть бессонных ночей ухмыльнулся.

— У-ух-у-ух, милашечка ты моя, — нашептывал Джорджи телевизору, — крошечка моя, загремим мы с тобой на пару в дурдом.

Десять минут четвертого. Глубокая ночь. Только что распрощался со зрителями 7-й канал, и, утомленно вздохнув, телевизор погас. Наступил черед Джорджиевым снам. Они группировались в тупичках его сознания, словно оркестр, готовящийся к торжественному параду. Сны внезапно наплывали и так же внезапно таяли: десяток-другой короткометражек за ночь — фестиваль снов. Доктор Миллер велел ему записывать сны по утрам, и за шесть лет у Джорджи накопилось 42 толстые тетради. Он держал их на полке рядом с кроватью и, когда Сеанс для Полуночников запаздывал, читал, усыпляя себя прошлыми сновидениями.

Но уже шесть ночей из-за навалившегося кошмара Гарри Келлермана Джорджи не удавалось заснуть. Сегодня, к примеру, он вернулся к снам-хитам аж из 63-го года, но все без толку. Он ломал голову над загадкой Келлермана, а в мозг проשמывали всякие другие проблемы. Сняв с груди теплый телевизор, Джорджи присел на край постели. Ум его блуждал, точно старый бродячий пес, плутающий по пляжу среди отбросов.

Доктор Миллер — вот кто ему поможет. Хотя нет... Джорджи опустил трубку на аппарат. Не может он звонить ему среди ночи, не так уж близко они знакомы. Но лечение потому-то и действует: доктор Миллер может помочь ему только в роли объективного незнакомца; уже шесть лет доктор зовет его не иначе как мистер Фишман.

Прижав к уху приемник, Джорджи снова повалился на постель. Стоит нажать кнопку, как через пару минут начинает звучать его песня и в душе разливается умиротворение. Прошло пять минут... Где же она?... Джорджи лихорадочно завертел настройку, перескакивая с программы на программу. Ах вот... «Крошка, любовь моя-я...а-аа-аа!.. Ты любовь... глаза... йа-а-а! Сердце-победитель-властитель. Моя любовь-победитель-властитель...»

Джорджи блаженно улыбнулся. Наконец-то! Его песня в исполнении «Моби Дика и Вейлеров» — номер четыре в хит-параде «Рок Сингл» — как бешеная рвется вверх! «Мне хорошо, мне чудесно, мне...»

Скатилась невесть откуда взявшаяся капля пота, и он понял: где уж там хорошо, какое уж там чудесно... сегодня даже собственная песня не привела его в норму.

Джорджи снял трубку и набрал номер доктора Миллера.

— Алло, слушаю!

Знакомый голос незнакомца. Джорджи улыбнулся.

— Эй, хэлло, док-крошка!

— Мистер Фишман?

— Он самый. Здорово, да? Психи всякие тормозят посреди...
— Ничего. Что произошло, мистер Фишман?
— Прежде я ведь никогда себе такого не позволял. Не звонил вам домой...

— Все в порядке, мистер Фишман. Как себя чувствуете?
Шесть лет, а ему до сих пор неизвестно, как я себя чувствую. Чудесно я себя чувствую, лучше не бывает.

— Мистер Фишман?
Интересно, как он ко мне относится?

— Мистер Фишман, что произошло?

Может, ненавидит...

— Алло? Алло?

Так досконально меня изучил, что непременно должен ненавидеть.

— Док, тот диск, помните, я вам подарил... Слушали его?

— Э-хм... диск... э...

— «Любовь-победитель-властитель». Моя новая песня.

— А, конечно. Очаровательная песня. Буйство молодости.

Порыв...

И песню мою ненавидит.

— Вы ведь позвонили не насчет песни, мистер Фишман?

— Нет.

— Тогда что же случилось?

— Док-крошка, что-то творится. Я открою вам, где Джорджи. В стране Отчаяния. Созрел для психушки, можете отправлять.

— Вы, мистер Фишман, имеете в виду лечебницу?

— Я имею в виду нью-йоркский дурдом, приятель. Шарик у меня враспынную, док-крошка. На полу вон, закатились под кровать, потерялись за холодильником. И уже не выпрести их оттуда...

— Мистер Фишман...

— Джорджи. Называйте меня Джорджи, и я откроюсь. А то — телефон. Да вдобавок — мистер. Всё вместе чересчур отчуждает. Или хотя бы Джордж. Да, на Джорджа тоже согласен.

— Отлично. Итак, что вас беспокоит, Джордж?

— О, так совсем другое дело. Прорезался тут один тип, желает угробить меня. А я его даже не знаю. Док, человек ведь не параноик, правда, если его действительно кто-то ненавидит? Мы с вами уже договорились — я готов к тому, чтобы меня любили. Уж сколько лет вы готовите меня к этому номеру. И я готов — любить сам, отдать себя другому человеческому существу. Научился прощать себе испорченность природы... Мы ведь с вами досюда дошли, верно? Таков сейчас сценарий? Как-никак мне это влетело в двадцать восемь тысяч семьсот шестьдесят долларов, не считая расходов на такси и нескольких лет жизни. Чтобы я сам себя захотел купить. А теперь, когда я готов к любви... некто извне, какой-то паршивый нью-йоркский козел крушит все! Нет, вы представляете?

— Джордж, мы уже несколько раз обсуждали ценность, заложенную в сумме, которой вы оплачиваете мои профессиональные услуги. Вы...

— Про деньги вырвалось случайно, простите...

— ...стали обменной стоимостью. Вы поддаетесь терапии, нуждаемый фактом стоимости...

— Доктор, дорогуша, лапуша, забудьте, бросьте...

— Но если вы тем не менее считаете...

— Довольно, довольно... Доктор, божья коровка, в огне ваша детка! Какая-то крыса, под названием Гарри Келлерман, злоязычит обо мне каждой девочке, с которой я встречаюсь. Уже шесть дней я стараюсь вычислить, кто же это. Этот козел насыплет на меня черную чуму, позорит по всему городу. Каждой птичке, с которой я виделся за последние пять месяцев, хулит меня. Вам понятно? Ублюдок колошатит меня по голове сапогом. Какова ирония! Нет, вы видите иронию? Сколько лет я не мог встречаться ни с одной девочкой больше одного раза. Теперь же, когда я готов по-настоящему удержаться — мне ведь уже тридцать восемь, — является этот оголтелый громила, этот телефонный Аттила и названивает моим подружкам, с которыми я тусуюсь. Поливает меня грязью. Помогите, помогите же мне, о мудрейший, потому что валяюсь я распластанный на дороге из желтых кирпичиков...

— Мистер Фишман... Джордж... Когда вы впервые узнали?..

— Салли. Помните, я вам про нее рассказывал? С ней я чувствую себя счастливым. По-настоящему. Единственная девочка, у которой достало мозгов выложить мне информацию.

Салли позвонила Джорджи шесть дней назад в пять утра. Он как раз подтягивался на турнике в дверях спальни, приговаривая при этом: «О, Непобедимый!» Когда он подтянулся в четырнадцатый раз, затрещал телефон.

— Да?

— Хэлло, это Салли. — Голос тепло щекотал ухо, нашептывая, что ему суждено жить вечно.

— Салли, милая!

— Джорджи, какой кошмар! Мне только что позвонил какой-то тип. Назвался твоим другом и сказал, что у тебя есть жена, трое детей и десяток заразных болезней и что ты прыжком из клиники. А туда тебя упрятали за буйное поведение.

— Кто? Кто это наговаривает на меня? Бог ты мой!

— Гарри Келлерман.

— Да я не... даже имя незнакомое!

— Ты правду говоришь?

— Боже, ну надо же! Ну ничего подобного! Как он сказал? Кто он мне?

— Друг бывший. Сказал, что у тебя все друзья — бывшие, потому что рано или поздно ты впадаешь в буйство и накидываешься на них. Он вроде бы тебя хорошо знает.

— Господи! Да кто ж это мне пакостит?

— Кто-то тебя ненавидит. Может, ты буйствовал и избил его?

— Милая моя! Салли! Сладкая, нежная! Ты встречаешься со мной уже три недели. Ведь нам было здорово, не так ли?

— Ну конечно, Джорджи, еще бы!

— Любимая! Хорошая! Пышечка ты моя золотистая, поджаристая! Не позволяй сбить себя с толку. Ты веришь мне?

— Конечно, конечно. Джорджи!

— Так выбрось это из головы. Пожалуйста, конфетка ты моя, пирожок сладкий, забудь ты Гарри, как там его.

— Келлерман. Совесть его загрызла, вот и решил мне позвонить. Предупредить. Джорджи, чего это мне вдруг называют в полнятого утра? А, Джорджи?

— Нет, я убью его! Найду и прикончу!

— Джорджи, вот видишь, ты впадаешь в буйство!

— Салли, детка! Но ты ведь тоже разозлилась бы, если бы с тобой такое случилось!

— Но убивать никого не стала бы! Знаешь, Джорджи, сейчас пять утра. Я устала. Мне на работу скоро. Я позвонила только рассказать.

— Еще минуточку...

— Но уже совсем-совсем поздно.

— О'кей. Встретимся вечером, у Сида...

— Нет, сегодня мне надо пораньше лечь спать. О'кей?

— Э-эй, Салли...

— Совсем уж поздно...

— Салли, лапочка моя...

— До свидания, Джорджи.

Джорджи вернулся к турникету и повис на одной руке в четырех дюймах от пола.

— Клянусь, доктор-врачеватель, мне понадобилось три альбома. Час проигрывал свои песни, пока пришел в норму.

— Да, действительно крайне неприятно, — ответил доктор Миллер и замолчал.

До чего ж человечно он молчит. Тревожится обо мне всерьез. Тревога Незнакомца.

Джорджи вспомнил, как однажды увидел дока в мужском отделе «Блуминдейла». Док его не заметил, и Джорджи наблюдал, как тот примерял серый в полоску костюм, крутился перед трельяжем, оглядывая себя, втягивал живот...

— Джордж, вы сможете сейчас заснуть?

— Ни малейшего шанса. Пришлите мне сверхдозу снотворного.

— Джордж, еще шесть часов, и начнется наш обычный сеанс... Может, вы...

— Вчера ночью опять снился сон про самоубийство. Он записан под номером 34. Будь это моя песня, так точно стала бы номером шестым в хит-параде «Рок и Грусть» и быстро выбилась бы в первый. Я в роскошном отеле, как всегда, пишу предсмертную записку на бумажном пакете. Вешаю пакет на ручку двери, открываю окно, вылезая на широкий карниз и пробираюсь к углу. Внизу перекресток, ну, все как обычно... На перекрестке сбилась толпа, лица все знакомые, они всегда появляются в этом сне. Смотрю вниз, улыбаюсь приветливо и тут замечаю нечто странное. Наверх-то люди смотрят, да только не на меня, а куда-

то левее. Заглядываю за угол, а там на карнизе, в нескольких дюймах от меня, бывшая моя жена — Глория. Крадет, стерва, мой номер! Она вот-вот прыгнет, и все глазают на нее. Не на меня! На нее!

— Глория! — шепчу я. — Ну-ка глянь сюда, куколка! Это я, Джорджи, твой любящий бывший...

— А, Джорджи! Как дела?

— Да вот, счета с жизнью кончаю.

— Остынь, миленький! Эта публика моя.

— Ну нет! Зритель мой! Ради меня сбежались! Не тяни на себя! Шоу мое!

— Пошел к черту! — огрызается она. — Сегодня звезда — я! Хочешь погубить мою последнюю роль, как загубил в моей жизни все?

— Глория, ты меня еще любишь?

Она молчит. Я снова спрашиваю:

— Глория, ты меня еще любишь?

Она что-то говорит, вскидывает руку, трогает свои теплые медвяные волосы, смотрит вниз на толпу, на густой поток машин и... прыгает...

Так про что это вы — буйство молодости?

— Буйство молодости? — переспросил доктор Миллер.

— Ну да, док, моя новая песня. Вы сказали про нее — буйство молодости. Почему буйство? Это что, комплимент?

— Я имел в виду...

— Помогите же мне! Помогите, док, миленький! — прошептал Джорджи, трубка плясала в его руке. — Пожалуйста! Я — на грани!

— Что? Плохо слышно, Джордж!

Джорджи положил трубку, потянулся к полке за листком, на котором был старательно напечатан Список Подозреваемых, и принялся изучать его.

1. Ее муж. Такая сволочь, что вообще нечего было с ней связываться.

2. Билли, которому я не отдал новую песню. Сейчас в Лос-Анджелесе.

3. Синий Замшевый Пиджак, ее дружок.

4. Агент из «Синего Неба» и «Летайте Самолетами Найт». Я всегда его довожу, а он злобно на меня косится.

5. Стюардесса, которая когда в Чикаго — замужем. Ее муж, старик (а я так уж молод?).

6. Глория. Но как же голос?

7. Испанец-наркоман, как там его, который выдумывает, будто я украд у него мелодию для своих «Любовников и Неудачников» (идет сейчас номером восьмым в хит-параде, но быстро-быстро ползет вверх).

8. Сукин сын из Восточного Хэмптона. Его я так и так ненавижу.

9. Другие, которых надо еще вспомнить.

ФАКТЫ о Г. К. и ЕГО ПРИМЕТЫ

А. Число девушек, которых я опросил, — двадцать две. К. звонил шестнадцати из них.

Б. Их реакция.
1. Решили, что звонит шизик, — шестеро.
2. Поверили всему, что он наплел, — двое (в том числе Одри, которая вообще всему верит).

3. Поверили частично — четверо.
4. Решили, что я их разыгрываю, — половина.
5. Напуганы и расстроены все (кроме Одри).

С. Основные приметы.

1. Ненавидит меня.

Д. Другие приметы.

1. У него низкий хриплый голос, но говорит холодно, вежливо, не употребляя грязных ругательств.

Е. У всех девушек, которым он звонил, телефоны значатся в справочнике. Всех я водил либо в «Мандарин Чарли», либо в бар «Вторник».

Ж. Вероятные причины.

Он (или они) не хотят, чтобы я женился, уходил от него (или от них), считают, что оказывают мне услугу, избавляя от девушек...

Взгляд Джорджи задержался на последнем предложении. Он схватился за телефон и принялся лихорадочно накручивать диск.

— Алло, — откликнулся низкий хриплый голос.

— Пап, это я, Джорджи.

— Джорджи, — повторил отец, не употребляя грязных ругательств.

— Твой сын — Джорджи.

— Твой сын... Джорджи. — Самое большое, на что отец оказался способен в данный момент, — эхом повторять слова Джорджи; он еще толком не проснулся, и своих придумать ему было не под силу.

— Твой единственный сыночек — Джорджи.

— Джорджи... четыре утра... Что-то случилось?

— Да нет, папа. Просто захотелось поболтать.

— Поболтать? О чем? Четыре утра!

— Как... как поживаешь, пап?

— Отлично. Превосходно... четыре утра.

— Ага... А кулинария как?

— Закрыта. Она у меня всегда в четыре утра закрыта.

— Пап, как ты отнесешься к тому, что я женюсь?

— погоди рассвета. Тогда мы с Роз приедем.

— Да нет, не сейчас. Но если надумаю, то как твое мнение?

— Я днем и костюм приготовлю, а тогда...

— Пап, крошка, если не желаешь, чтоб я исполнил шоу с женитьбой, если, по-твоему, я тогда окажусь плохим сыном, увиливающим от сыновнего долга, ты ведь все равно не станешь надирать глотку и молоть моим подружкам про меня? Правда, пап?

— Эл... — донесся голос матери. — Эл, что случилось?

— С Джорджи худо, — объяснил отец. — Ему не то глотку разодрали, не то измолотили всего... толком не пойму.

— Он в больнице, — заключила мать. — В больнице!

— Я не понял, Роз.

— Джорджи, — вступила в разговор мать. — Джорджи, ты ранен! Ты в больнице! В какой?

— Да нет, куколка! Все путем!

— Ах, вот как!

Она, конечно, была рада, что сын невредим, но, живя в непрестанном ожидании трагедии и готовясь к ней, терялась, если трагедия вдруг не наступала. Смертельную болезнь она чуяла загодя, а похороны — еще раньше. В голосе ее постоянно слышался слабый, но безошибочный отзвук больничных коридоров.

— Четыре утра, Джорджи, я подумала, что...

— Расслабься, куколка, все клево.

— «Расслабься, куколка, все клево!» Джорджи, ты окончил Колумбийский университет, у тебя диплом филолога, специалиста по английской литературе... Я всегда надеялась, что ты выучишь иностранный язык. И ты выучил.

— Ладно, ма. Поздно. Отчаливаю спать.

— Джорджи, на днях я купила твою последнюю пластинку «Восхитительная победа»...

— Нет, роднуля, это «Любовь»...

— ...и снова убедилась, что в собственном доме вырастила врага английского языка...

— Ну ты опять пустилась отбивать любимую чечетку...

— ...и убийцу музыки. Джорджи, какие прекрасные, какие трогательные баллады ты сочинял в школе. Особенно мне запомнилась одна — «Золотые Горизонты и Обещание Будущего».

— А, туфта! Больше таких не кропаю, мамчик.

Счет сравнялся. Игра шла без победителей, и Джордж понимал это. Но уж очень игроки были искусные. Она научила его всему, что знала сама: понимать литературу, играть на фортепьяно, ждать худшего...

— Эй, Джорджи! — Опять отец. — Не слушай ее! Знаю я твою новую песенку. Ох, красивая! Поверь мне, сынок. Иди спи. Не переживай, песенка шикарная.

— Спасибо, пап.

— А у меня для тебя потрясающая новостинка. Я ведь тебя вчера в меню вставил! У меня тут все знаменитости. Особый «Джеки Глисон», салат «Джони Карсон», Сэмми, Дэвис, Мерв Гриффит. Ну все-все! А теперь и ты тоже есть.

— Обалдеть! А я кто?

— Ты — трехслойный сэндвич.

— У-у, отпад!

— Тройной «Джорджи Фишман» — свежий, тонко нарезанный нови, золотистый озерный осетр...

— М-м, объединение!

— ...сливочный сыр, чеснок по вкусу, прослойка бермудского лука...

— Ой, ой! Слюнки текут!

— ...на поджаренном ломте ржаного хлеба.

— И с салатом из шинкованной капусты?..

— Конечно. Без салата никак.

— Пап! Я бессмертен!

— А то! Теперь беги спать.

Джорджи положил трубку и прикрыл лицо Списком Подозреваемых. Голова запрокинулась, руки и ноги обмякли, и он провалился в сон.

Джорджи входит в кабинет доктора Миллера и видит, что кушетка заменена на Джорджиеву постель. Он ложится и натягивает покрывало до подбородка.

— Так как ваше мнение, док-куколка? — спрашивает Джорджи. — Какие идеи?

Доктор Миллер наставляет на Джорджи провинцательные глаза и говорит, шепеляво, с густым ямайским акцентом.

— Мой тумай... — рассудительно покачивает он головой, — мой тумай, у тебя в голове — дьявол.

— Э?

— Да, палень, дьявол в голове. Худой дьявол вошел тебе в кловь, и мы его изгонять. Ступай на озеро, палень, поймай тлеску, положи лыбку на лоб. Лыбка возьмет всех худых дьяволов из клови. Да, палень, лыбка возьмет.

— То есть я...

— Конец. Твой влеме кончен...

— Но, доктор...

— Твой влеме кончен, палень. — Доктор сверяется с часами. — Наступил день, и мой желает домой...

Входит секретарша доктора мисс Борден, совершенно нагая, но хитроумно прикрывающая правое колено регистрационным журналом.

— Легистлация счета, — доктор Миллер указывает на журнал, — легистлация. Наступает день, и мы хотим...

Проснулся Джорджи разозленный. В сжатом кулаке похрустывал Список Подозреваемых.

Двуличный сукин сын, никогда не играет напрямую. Я ему всю песню до словечка вываливаю, а он в ответ — нуль... вызнал всю мою подноготную... док... док...

Джорджи рывком сел. *Все ясно. Гарри Келлерман — это док. Выкачивает все про мои отношения с девочками, а я все выбалтываю. Рассказываю про каждую, с кем спал, а он пишет, пишет себе... Я сам виноват, напшиговываю его историйками, вот старик и сдвинулся. Эта бледная немочь, этот недотепя слушает про любовь целыми днями, а сам ничегошеньки не получает. А тогда... Как разглядывал он себя у «Блуминггейла»...*

Джордж стал накручивать знакомый номер.

— Хэлло?

— Доктор Миллер... это... это вы?

— Да, это доктор Миллер.

— Нет, нет! Гарри Келлерман — это вы?

— Это доктор Арнольд Миллер. Извините, кто говорит?

— Док-крошка, док-крошка... Я...

— А, мистер Фишман...

— Угу.

— И разумеется, проблема Келлермана. Как и следовало ожидать, вы решили, что неуловимый Келлерман — это я. Оча-

ровательно. Вновь старый наш знакомец — синдром разрушения; потребность подрывать авторитет всех, кого вы уважаете, и доверие к ним...

Нет, не док. Изначально идиотская затея...

— ...втоптать в грязь.

Ну и завелся старикан, разливается, прямо прерывать неохота.

— Давай, крошка, свингуй, — шепнул Джорджи бережно, стараясь не помешать доктору, и положил трубку.

О'кей, прекрасно, расчудесно. Значит, не док. Но тогда с чем же я остался?

Джорджи уселся за пианино и поставил вместо нот Список Подозреваемых. Он тихонько запел, подбирая плавную грустную мелодию.

О-о-о, шестнадцать девочек, и он звонил им всем,

Стар он или молод? Кудряв или лыс совсем?

О-о-о, кто творит такое?

С другом и собратом своим?

Кто же он, о, кто же он?

Этот Гарри Келлерман?

Джорджи посмотрел на стену, залепленную фотографиями. Штук пятьдесят, не меньше, визитки спасающегося бегством музыканта: Джорджи выбирает якорь на яхте «Чиз Крафт»; Джорджи улетает на «чесне»; заводит «порш»; газует на «хонде»; укатывает на тележке для гольфа. И всюду — в прощальном жесте вскинута рука.

Хочет, чтоб я остался один,

Брошенный и одинокий,

Шестнадцать девочек, и всем он им звонит...

Черт с ним, со всем этим кордебалетом. Но Салли... Салли... ее я люблю. Верните мне Салли, и я навек закопаю в землю ключи зажигания, все до единого. Зброшу к чертям дорожную сумку. Я устал. Загляни-ка под капот, малыш, ты уже тысячу миль гонишь без мотора...

Левая рука перешла на рок, и Джорджи завопил песню в честь Салли.

Да-а, да-да-а!

Говорю я-а,

Прощайте — прощанья!

Кричу-у я-а!

Прощай — расставаньям!

Пою я-а,

Прощай — никогда!

Здравствуй — навсегда-а!

Джорджи отыскал себя девятнадцатилетнего. На велосипеде. Он сбежал от Рути Треш... на велосипеде...

Да-а, прощай —
Путешествие в грусть!
Здравствуй — новое свиданье!
Да-а, да-а, конец — расставаньям!
Й-а, й-а, ты захватила сердце мое,
Да-а, да-а, Салли, крошка моя!

Рути Треш. Эй, где ты Рути? Огненные волосы, зеленый джемперок... Конфетка, а не девушка. Тогда зимой, перед его уходом в армию, у них случилась любовь или что-то очень похожее, в лодочном домике Проспект парка. В 1946-м он написал Рути три письма из Гамбурга.

Я-а-а...
Говорю я...
Прощай — прощаньям!
Кричу я
Прощай — расставаньям!..

В ритме рэгтайма он помахал своим фотографиям, и пятьдесят убегающих Джорджи помахали в ответ.

Й-а, й-а, бывал я с ветеранками,
Бывал и с новобранками.
Платил всегда сполна
За сласти я...

...слыхал, вроде бы Рути вышла замуж за невропатолога из Форест Хиллс. Фамилия у нее теперь какая-то такая, на имя похожая... Не то Чарли, не то Чарльз... Ах да, Чарльтон. Да, правильно, миссис Чарльтон.

...да-а
Кричу я
Прощай — никогда!
Привет — навсегда-а!

Затренькал телефон. Полпятого утра. Звонить в такое время может лишь один человек.

— Сид?

— Он самый. Иисус, чего это у тебя вечно занят телефон?

Лет десять назад Сидни Джилл написал музыку для первых двух хитов Джорджи — «Полуночная леди» и «Реактивная любовь». С тех пор они делили песни, иногда женщин и бессонные ночи.

— Нет, Сид, это ты такой занятой. Звонил тебе раз пять вечером. Э-эй, представь, кто мне вспомнился? Рути Треш!

— Кто такая?

— Девчонка одна. Спал с ней в ее семнадцать лет.

Джорджи подразумевал, что любил ее, когда той было семнадцать, но Джорджи с Сидом были два Великих Белых Охотника, и о своей добыче им не пристало говорить сентиментально.

— С кем по телефону трепался? С Салли? — спросил Сид. — Еще пасешься там?

— Само собой. Еще кое с кем поболтал. С доком...

— Ох, уж этот док! Кудесник! Миром правят врачи. Благосло-

ви Бог врачей, ибо они наследуют слабым. Точно тебе говорю.

— Что-то я в неважной форме... Крушит меня этот тип. Келлерман этот, козел...

— Слушай, я звоню словечко шепнуть про Салли. Девочка-то совсем не находка. Худые вести. Девчонка — захватчица. Прочитал это по ее глазам. Налетчица. Таится в засаде, поджидая раненых, хватая зазевавшихся.

— Нет, Сид. Она... вот она совсем не из таковских.

— Все они в одной армии тренировку проходят. У меня глаз наметан. Девчонка — захватчица. Точно тебе говорю.

— Но ты же не знаешь ее, Сид. На самом деле...

— Не знаю? Слишком долго в школе учился, чтоб грамоту забыть. Эй-эй, Джорджи! Что-то у тебя чутье слабеет! Что с тобой в этом году творится?

— Сегодня подумал, а ведь мне уже тридцать восемь. Сыну шестнадцать. Пол-альбома сыграно...

— Да ты что! Времени навалом! У нас еще времени — ого-го! У тебя да у меня, Джорджи. Еще вся молодость впереди! Сколько нам всего? По тридцать пять... Мы еще...

— Сид, я же сказал — тридцать восемь...

— Старик, да у нас еще столько лет в запасе! Будут еще Салли и Салли, пока какая-нибудь не защелкнет наручники. Старик, не следует готовиться к похоронам, пока не умер. Видал я хватку твоей Салли. Это же Робеспьер! Царица Террора! Ей бы побольше черепов в корзинку трофеев!

— Ну не знаю, Сид... Если все захватчицы, то как же узнать, которая стоящая?

— Лично я рассуждаю так. Я — барон фон Рихтхофен, совершаю налеты на вражескую территорию. Если меня и собьет кто, так только ас. А мелким птахам, сэр, меня не подстрелить. Я не паду в огне и пламени перед фламинго. Усек?

— Не знаю, Сид. Я...

— Эй, кстати! Про самолеты. Что стряслось в субботу? Хотел же позвонить, полетать собирались...

— Хм... непредвиденная проблемка, Сид...

— А что? Авария с «чессной»?

— Не совсем. Салли... девочке в зоопарк захотелось.

— Та-а-ак! Понятно. О'кей. Мне пора. Без четверти пять, а в пять прилетает шведский груз. Суперкачественный.

— Стюардесса?

— Воздушный фрахт. Скорость и надежность гарантируются.

— Ого! Тогда не буду задерживать.

— Да уж, меня-то не удержать!

— О'кей. Пока!

— Ладно. Эй, дружище! Остерегайся скворцов на бреющем полете!

— Ладно, Сид. Постараюсь соблюдать осторожность.

— Смотрите, сэр, точно вам говорю.

— О'кей, Сид.

Джорджи положил трубку, снова поднял и набрал номер Справочной.

— Справочная. Мисс Томпсон.

— Хм... я... я... — Джорджи силился вспомнить, зачем ему Справочная, и никак не мог.

— Справочная. Мисс Томпсон, — повторил гнусавый голос. — Чем могу помочь?

— Мне, пожалуйста, номер миссис Рут Чарльтон или доктора Чарльтона из Квинса. Как имя доктора, не знаю. — Джорджи нервно смахнул с подушки несуществующую пыль.

— Сэр, я нашла служебный и домашний телефоны доктора Бернарда Д. Чарльтона в Форест Хиллс. Это тот, кого вы ищете?

— Да, миленькая. Дай домашний.

— Алло? — пропищал детский голосок.

— Кто это?

— Это Данни Чарльтон. Я проснулся.

— Дивненько! Твою маму зовут Рути? Рут?

— Да. А я только что проснулся.

— Роскошно. Можно ее?

— Сейчас.

Когда заговорила Рути, Джорджи удивился, как явственно слышится ее голос, какая четкая между ними связь через разлуку в двадцать лет.

— Хэлло, хэлло!

— Хэлло, Рути! Эй, Рути!

— Кто это? В такую рань!

Голос сердитый и не такой интеллигентный, как ему помнилось, но что это Рути — сомнений не было.

— Эй, Рути! — прошептал он. — Это я, Джорджи!

— Да кто там? Не слышно!

Конечно, я смьялся, но все-таки я любил ее, три письма, твой навеки, любовь...

— Хэлло! Кто у телефона?

... а она ни разу, ни словечком не обмолвилась про лодочный домик. Я никогда не был уверен...

— Хэлло, кто там? Говорите громче!

Ничего себе голосок. Джорджи поудобнее откинулся на подушки. Вряд ли работает, ничего хорошего в их отношениях не предвидится...

— Хэлло... Кто там?

Только послушать. Требовательная, властная. Нет, не работает. Без толку...

— Хэлло!!!

Взлетев на велосипед, Джорджи приналег на педали и умчался от Рути Треш во второй раз. Мини-телевизор взрывчато потрескивал у уха, точно вдалеке ему аплодировал зал.

— Эй, кто там? — В голосе его шестнадцатилетнего сына проскальзывали на удивление взрослые властные нотки. Джорджи даже поймал себя на том, что чуть-чуть оробел. Возможно, играл и тот факт, что Пол был единственный, наверное, подросток в Америке, ненавидевший музыку Джорджи.

- Твой отец.
- Который?
- Джорджи.
- Ах, Джорджи! Понимаешь, Дейв уехал, так что мог быть и он.

Вечно называет меня — Джорджи. Какого черта? Я тебе не приятель, малыш. Я все-таки твой отец.

- Ты что, Джорджи, спятил? Всего шесть утра. Мама спит.
- Я не с ней хотел поговорить. Я тебе звоню.
- А... ладно.
- Хм... Ну как там у тебя в школе, Пол?
- Ты спозаранку решил выяснить про школу?
- Вот именно. Как в школе?
- Прекрасно.

О чем бы еще с ним поговорить? О чем угодно, только не вздумай спрашивать, понравилась ли ему твоя новая песня.

- Пол, ну, а как тебе моя новая песня? Понравилась?
- Бабушка наверняка расстроилась.
- А ты?
- Если честно, не такая дрянь, как прежние. Не такая оглушительная. Мне понравилась, правда. И поет Джерри Милиган. Ты с ним знаком? С Милиганом?

- Нет.
- А-а. А я думал, знаком.
- Нет.
- Ладно, мне пора в школу собираться.
- Ну, а как у тебя вообще?
- Нормально, я же тебе сказал.
- Ну и отлично.
- О'кей, пап, мне пора.

«Пап». Джорджи ухватился за слово обеими руками и покачался. Будь слово турникетом, он сумел бы подтянуться раз пятьдесят.

— Пол! Удели мне минуту, нужно кое-что выложить. Подключись ко мне...

— А?

— Понимаешь, иногда у взрослых, у твоего отца, например, то есть у меня, вдруг разваливается все, и они без понятия... они запутываются, расстроены. Им охота пообщаться с кем-то, кто им симпатичен и кому, как они надеются, симпатичны они. Вот почему, Пол, я и звоню тебе...

— Последний раз ты два с половиной месяца назад звонил.

— Верно, Пол, Ты прав...

— Да, да. И вообще всегда только звонишь. Общаешься со мной только по телефону.

— Да, да. Как же ты прав, Пол!

Ну давай же, выложи сыну попросту, что любишь его, давай свингом или роком... Но как это тебе представляется? Сколько процентов любящих делают ставку, не надеясь на выигрыш? Цепляются за любовь, убиваются, бросают все фишки на этот номер и выходят, проигравшись подчистую.

— Понимаешь, — сказал Пол, — если я сейчас лягу, то успею еще часок поспать до школы.

— Э... э... хорошо.

— О'кей?

— Да, да, все в норме. Я и сам не прочь вздремнуть.

— Пока, Джорджи.

— Пока, Пол.

Джорджи положил трубку и вышел в кусочек июльской ночи, замкнутой на балконе, поеживаясь от несуществующего холода. Стоя на высоте четырнадцатого этажа, он выгудил взглядом бары «Вторник» и «Мандарин Чарльза» в двух кварталах от него.

«Мандарин» и «Вторник», думал Джорджи, два рынка плоти, у них общий День Всех Святых. Туда сбегаются парни и милые-премилые девушки и дергаются под музыку Джорджи, под зажигательный ритм его песен; трясется все и вся, подпрыгивают хвосты причесок, позвякивают кубики льда в бокалах дайкири, постукивают противозачаточные таблетки в пластиковых флаконах...

Неделю назад он водил туда Салли. Они мотались ночь напролет из бара в бар, по замкнутому кругу, совершая путешествие, в какие он пускался по ночам со всеми Нэнси и Бэтси, Бонни и Пэгги. Вдруг в разгар танца выпал момент, когда у него начисто вылетело, которая из его девушек прыгает напротив.

Они танцевали танец типа «не тронь меня», «не смотри на меня»; их сочинял и сам Джорджи, и другие ребята: партнеры не сближаются, точно борцы легкого веса, которые кружат друг вокруг друга, страшась нанести первый удар. Парни дергаются с деланным равнодушием, запрокинув головы, вычитывая нечто на потолке. Девушки в суровом одиночестве, с закрытыми глазами, творят собственный узор.

Только через несколько минут Салли обнаружила, что Джорджи замер посреди зала.

Музыка, которой стереоавтоматы обстреливали зал, была Джорджиевой песней, но и она казалась ему сейчас незнакомой. «Крошка, не бросай меня». Слова вещали о приходе нежной любви, а голоса и инструменты надрывались воем воздушных сирен, предупреждая о вражеских самолетах и смерти в клубах огня.

Джорджи стоял в оцепенении. Вокруг танцующие с блаженными, отрешенными лицами впитывали его музыку, а тела их паниковали в открытую.

— Джорджи, ты в порядке? — спросила Салли.

— Салли, — указал он на нее, называя по имени. И тут же ему вспомнилось название бара, где он стоял, и название гремящей песни, но никак не отыскивалось название для страха, который парализовал его; сочиненная им музыка гулко била в голову.

Увидев ужас на лице Джорджи, Салли тронула его за руку, и Джорджи вдруг померещилось, будто он любит ее. Он взял ее лицо в свои руки и произнес: «Номер одиннадцатый. Песня

эта — номер одиннадцатый в параде «Рок Сингл» и как бешеная карабкается наверх!»

Потом он завез Салли домой, отправился в аэропорт Вестчестер и поднялся на «чесне» на пять тысяч футов. Близилась зоря, Джорджи летел к резко прочерченной линии горизонта. Потом выключил мотор и заскользил в чистом, тихом воздухе.

— Я люблю тебя, Салли, — признался он ей на высоте пять тысяч футов.

— Я люблю ее! — сказал он, вернувшись с балкона, нырнул в постель и, схватив трубку, набрал номер Салли.

— Я люблю тебя, Салли, — сообщил он в телефон, ожидая, пока Салли возьмет трубку. Он слышал свой усталый голос, видел в окне серенький рассвет, занимающийся над Манхэттеном. Шесть утра, и он опять не спал всю ночь.

— Хэлло! — прощепетала Салли.

— Хэлло, — сказал Джорджи. — Слушай, хочу сказать тебе...

— А! — воскликнула девушка, мгновенно узнавая низкий, хриплый голос. — Снова ты!

— Звоню сказать...

— И слушать ничего не желаю! — оборвала она. — Оставь меня в покое. Я все про тебя рассказала Джорджи. Он очень рассердился, и я тоже сержусь! Никогда, никогда больше не смей звонить мне. Не то я полицейских на тебя наущу, Гарри Келлерман!

Крохотный перегревшийся телевизор, затаившийся в простынях рядом с Джорджи, грел одеяло и наблюдал за Джорджи белым бельмом глаза. На другом конце спальни уселся за стол доктор Миллер — лыжный инструктор в красном джемпере. У доктора было длинное белое лицо, и он улыбался, показывая безупречные белые зубы.

— Приветик, псих! — закричал доктор Миллер; его голос гулким эхом перекатывался в высоких красивых горах вокруг.

— Привет, док-крошка!

— Ну, сегодня попробуем пробег в две мили. Как, готов, шизик?

— Да, док-крошка.

Доктор повернулся и заскользил вверх по просторному белому склону, а Джорджи поспешно поплелся следом, тяжело вспахивая лыжами снег.

**Перевод с английского
ИРИНЫ МИТРОФАНОВОЙ.**

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

Г Я по свету немало хаживал...

Почему именно «Смену» выбрал я для исповеди? У журнала есть то, что в наше время почти потеряно, — сочувствие, милосердие... Но пишу я, не надеясь ни на ответ, ни на сочувствие. Почему, вы поймете, прочитав до конца мое письмо.

В шестнадцать лет я первый раз убежал из дому. Не помню уже причин, которые толкнули меня на этот шаг, но что дал мне этот первый побег, я не забуду даже тогда, когда буду умирать.

Чувство нового, неизведанного, встречи с тем, о чем раньше мечтал, читал в книгах, смотрел по телевизору. Поезда носили меня в Сибирь и в Среднюю Азию, на Кавказ и в Заполярье. Пусть были голодные дни, были моменты крайнего отчаяния, но я видел минареты Бухары, гулял в белые ночи, купался в Черном и Балтийском морях, смотрел сверху на величественную Ангару. Несколько раз я попадал в детприемники, меня привозили домой, но... спустя неделю-другую я уже не мог усидеть на месте. Не из-за того, что ко мне плохо относились. Нет, нет. В то время мама меня любила, были у меня друзья, была любимая... Любил и я, но ничего не мог сделать со своей страстью.

Перед призывом в армию жил в Абхазии. Работал, учился, и будущая специальность — маши-

нист электрооборудования земснаряда — мне нравилась. Нравилась независимость, самостоятельность, но скоро все это кончилось — армия. Сначала меня брать не хотели, так как у меня близорукость, но я настоял, считая, что армия сделает из меня человека, выбьет блажь из головы. А получилось обратное. Часть была хорошая, дедовщины не было, но меня убивало чувство несвободы — ночами спились горы, море, бескрайние просторы тайги, и, не вытерпев и не заготовев бежать, вскрыл вены на руке, порезал сухожилия. Меня вовремя нашли.

После того как сухожилия срослись, руки заработали, меня обследовали в Днепропетровской психиатрической больнице и решили комиссовать с диагнозом циклотемия. Из части поехал домой. Маме сказал, что комиссовали по зрению. Вроде бы пора и жизни наладиться. Стал работать слесарем-электриком, но бывшая тяга не прошла. Меня тянуло, неудержимо тянуло в дорогу, и, когда полетели журавли на север, я...

Если раньше, убегая из дому, я обходился без воровства — подрабатывал, где мог, то теперь все стало по-другому. Тяжело столкнуть камень с горы, а когда он уже покатился, то его невозможно остановить до тех

пор, пока он не достигнет dna уцелья. Вот и стал я вором. Первый раз украл — дня три руки тряслись. Но человек привыкает ко всему. Привык и я. Страшно было, не без этого, но это был уже не мелкий, перехватывающий дыхание страх, а страх, порождающий осторожность и расчетливость.

Есть верная поговорка: «Сколько веревочке ни виться...» Эпилог ясен? Экскурсия в места не столь отдаленные сроком на пять лет. Но прежде была следственная тюрьма в Новосибирске, своеобразная академия, где круглые сутки идут «лекции». Камеры переполнены, одним приходилось спать днем, другим — ночью. Чем скрасить однообразные тюремные будни? Разговором. Каждый рассказывал о себе, и хотя я понимал, что в этих рассказах много бахвальства, лжи, но слушал, как и другие, с интересом, да и сам, поощряясь всеобщим вниманием, приукрашивал свои потопждения.

Колония усиленного режима меня ошарашила. Именно это слово подходит ко всем моим ощущениям. И в следственном изоляторе было тяжело — ни зелени, ни солнца, мучили клопы, вши, грязь: тридцать человек в восьмиместной камере. Там я тосковал о свободе, но прятал тоску глубоко — этот мир не любит слабости. В колонии я тоску подавить не смог и, преобраз всевозможные варианты, решил бежать. Чтобы моя подготовка не привлекла внимания, я вынужден был надеть на руку красную повязку, выражаясь на тюремном жаргоне, стал «красным». Это мне дало свободу передвижения по территории колонии, так как колония разделена забором на множество частей — сектора. Когда мне

осталось несколько дней до намеченного дня, я был разоблачен и водворен в штрафной изолятор. За невыполнение норм выработки, за нарушение режима содержания меня из ШИЗО перевели в помещении камерного типа и впоследствии осудили на трехгодичную замену режима содержания, то есть из колонии перевели на тюремный режим.

«Среди волков овцой не проживешь...» Слова из этой песни характеризуют жизнь за колючей проволокой. Да! Там приходилось быть волком. Там приходилось показывать зубы даже ради того, чтобы они остались на месте. Но по складу характера я не жажду крови, и поэтому, как только утвердился, как только к моим словам начали прислушиваться, я стал решать все вопросы миролюбиво. Рядом со мной были воры, убийцы, насильники. У каждого свой характер, свои привычки, вкусы, взгляды на жизнь. Те, кто находился на тюремном режиме, знают, как тяжело поддерживать в камере миролюбивую обстановку, когда годами видишь одни и те же лица, когда глаза, куда их не повернешь, упираются в стену. И я приложил все свое умение, заодно и учась этому «на ходу», чтобы сглаживать острые углы, создал в камере, с помощью других заключенных, конечно, нормальный климат.

Закончились три года тюремного режима. Прощаясь с сокамерниками, я вытирал слезы. И они тоже. Мы же люди, хотя и изгой...

В колонии меня встретили соответственно — три года на тюремном режиме что-то да значат: администрация — настороженно, осужденные — приветливо. Действовала еще амнистия 1987 года. Повел начальник

отряда и меня на комиссию. Я вошел и сразу растерялся. В комиссии было человек десять. Вопросы задавали такие, что можно было отвечать, не кривя душой.

— Запомнишь ли ты тюремный режим?

— Конечно (как можно забыть?).

— Хочешь ли ты обратно туда, в тюрьму?

— Такого желания нет (а у кого оно будет?).

Поинтересовались моими взглядами на дальнейшую жизнь, я ответил, что врагу не пожелал бы оказаться в шкуре осужденного. Мне сбавили почти полгода срока. Комиссия и суд состоялись в один день, и через трое суток я был уже на свободе.

Новый год встречал дома. Прошло несколько дней 1988 года, и снова тоска по странствиям, по новым местам и лицам. Я опять ушел из дому. Ушел, зная, чем это кончится. Но все оказалось еще страшнее. Мотался по Союзу, смеялось и веселилось мое лицо, а душа разрывалась на куски. Я верю в то, что у каждого человека есть душа. Я хотел иметь семью, детей, но вместо этого были лишь случайные встречи со случайными женщинами; играя с их детьми, я знал, что у меня этого счастья не будет. Говорят, что дети тянутся только к хорошему человеку. Но это не так. Они тянулись и ко мне. Как они мне нравились и как я люблю их сейчас! Ведь детство — неповторимое время, когда мир для тебя прекрасен. Но вместо того, чтобы вырастить и воспитать человека, именно человека, я живу, точнее, существую... даже не с мечтами, не знаю, как и сказать... Если в двух словах, то я — чело-

век без будущего, без завтрашнего дня.

Эпилог этого путешествия почти тот же. Статьи 144, ч. II, 195, 215 УК РСФСР и плюс к ним четыре года строгого режима. Если первый раз, когда я сел на скамью подсудимых, мне дали больше, чем я того заслужил, то теперь я получил меньше, чем рассчитывал.

И начал я делать то, о чем иногда мечтал, — писать. Писал о добре и зле. Парадокс? Несущий зло и — пишет о добре? Да. Действительно, так. Я показывал бессердечность одного человека и высоту другого.

В колонии мне предрекали светлое будущее, липецкая молодежная газета написала обо мне хвалебный очерк, а периодически печатался в газете УВД Липецкого облисполкома.

Показалось, что после стольких лет мытарств я нашел себя, нашел свое счастье, потому что, начиная писать, становился другим, много думал. Я анализировал впоследствии свои действия и пришел к выводу, что я двойственный человек. Именно двойственный, а не двуликий. Двуликий в моем понимании человек, который скрывает свое истинное лицо под маской. Я творил зло, но одновременно не мог пройти мимо чужой беды. Даже бывало, что, украв у одного, я помогал другому. Не подумайте только, что я обеляю себя. Я описываю все так, как есть на самом деле.

Но я немного отвлекся. Во втором заключении моя жизнь шла более спокойно. Уже не попадал в ШИЗО и ПКТ. В тяжелые минуты писал, да и в радостные тоже. Раньше времени вышел на свободу, правда, частичную — в колонию-поселение.

Определили меня в поселок

Типичный Ивдельского района Свердловской области. Начальником колонии-поселения был типичный представитель образца советского продвижения по служебной лестнице благодаря связям. Я не отрицаю, что он хороший специалист по лесу, но ему в первую очередь необходимо иметь дело с людьми. А люди не лес. Ко мне он отнесся вначале благосклонно, но запретил обращаться в редакции со своими рукописями.

Тайком от него я написал в ивдельское общество «Мемориал». И вскоре случилось так, что я заблудился в тайге и около пяти часов не мог найти дорогу в поселок. За отсутствие на территории поселка меня посадили в ШИЗО, и, как назло, пришел ответ от главного редактора газеты общества. Если бы сценку, которая произошла в изоляторе при прочтении начальником колонии пришедшего мне письма снять на пленку, то получилась бы кинокомедия. В течение двух часов он бесновался. Смет я прятал, но потом стало не до смеха. После изолятора меня повезли на суд и хотели закрыть на прежний вид режима; правда, судья, не найдя для этого веских причин, оставил меня в колонии-поселении. Но за это время моими рукописями растопили печь в штабном бараке. К этому удару я не был готов. И смотря сквозь слезы на утмывляющееся лицо начальника колонии-поселения, я терял опору под ногами. Через неделю перевели меня в другой поселок, и снова победило мое второе «я» — сбежал. Как мне тяжело! Если раньше я мотался без цели, без надежды на будущее, то теперь я было нашел себя, и вот... Можете сказать — слабый я, безвольный человек, если убе-

гаю, не могу перебороть себя. Согласен. Но, будь целы мои рукописи, я бы боролся. Теперь — увы.

Последние рукописи остались в одной из московских гостиниц, где я жил уж не помню под какой фамилией. Все для меня потеряно! Мотаюсь по белу свету, как волк в человеческой шкуре. Оставаясь один, оплакиваю то, что для меня утеряно навсегда.

Как все надоело! Надоело воровать! Надоело притворяться! Надоело ходить с несколькими масками на лице! Если бы с моей «богатой» биографией можно было уйти в монастырь, я бы ушел, отрекшись от всего земного, делая людям только добро. Но нельзя! А как быть? Как?

Сейчас, даже если явлюсь в милицию добровольно, меня ждет больший срок, чем два первых, вместе взятых. Ведь я буду уже считаться особо опасным рецидивистом. А потом? Кому я нужен со своей биографией? Для мамы я давно отрезанный ломоть, и поэтому даже сейчас не показываюсь ей на глаза, хотя недавно, тайком, приезжал в родной город и всю ночь просидел на улице, глядя на окна квартиры, где прошло мое детство.

Женщина? Когда я знакомлюсь с ними, то они относятся ко мне благосклонно. Но ведь это знакомится моя маска, а узнай, кто я на самом деле, то...

Единственное утешение сейчас — на фоне зла, которое я приношу людям, — помочь донести вещи, купить ребенку конфету, подать нищим и т.д. Мелкие добрые дела, но как приятно слышать слова благодарности, хоть я и убегаю, не дожидаясь этих слов.

Написал, и стало немного легче на душе — хоть в письме был честным.

СЕРГЕЙ НЕВЕДРОВ

АЛИНА ЧАДАЕВА

” И БУДУТ
... И БУДУТ
два
одной
плотью”

В городе Сихарь, у колодца, Христос встретил женщину из низшей сословной касты — самарян. Их разговор не забылся, не стерся за две тысячи лет и сегодня тревожен и современен.

— Пойди позови мужа твоего, — велел ей Спаситель.

Стыдясь своей свободной связи с мужчиной, женщина ответила:

— У меня нет мужа.

Иисус подтвердил: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе».

— А кто же? — искренне недоумевая, смиренно или заносчиво спросит каждая из нас, нынешних «самарянок». Иные же и сам этот вопрос сочтут анахронизмом, заменив понятие «муж» словом «партнер».

На переходах в столичном метро юноши и девушки с одинаково бритыми затылками торгуют модной литературой о плотских взаимоотношениях полов. Распращенное чтиво без тени стеснения излагает «современную технологию секса» или скверные «анекдоты на любой вкус». Кто они, сочинители и торговцы: дичинные дельцы, мелкие пакостники из подворотен и подвалов, новоявленные теоретики-нигилисты или... просто заблудшие дети наши?..

Они заблудились задолго до своего рождения, потому что мы, их бабушки и матери, под указующим перстом государственной политики сами блуждали в раскаленных лабиринтах страстей. «Общее одеяло» для патриотов и патриоток революции не было мифом. Считалось, что, сдернув с жениха и невесты целомудренные венчальные одежды, их вернут к «здоровым, натуральным инстинктам самца и самки». От них требовалось воспроизведение себе подобных — безликих оптимистов

с рефлексами партийного повиновения.

В одной из утренних православных молитв поется: «Ты бо еси Бог мой от чрева матери моея». Но чрево молодой матери неизбежно оскверняется, если супружество не освящается обрядом. Помните хотя бы вскользь слышанную фразу: истинные браки совершаются на небесах. Да и старинные слова «суженый», «суженая» значили: судьбой сужденный.

Всякий народ, независимо от вероисповедания, издревле знал: брачный союз двух людей — сокровенная тайна, обручение их друг другу — таинство. Помню узбекскую свадьбу в древнем городе Андижане. Как и тысячу лет назад, в вечернем воздухе трубили длинные горны карнаев, хрипловатым, слоновьим гласом оповещая народ о торжестве. Посреди узкой улочки горел ритуальный костер, и грузовик со стоящими в кузове женихом и невестой взревел, набирая скорость для рывка, и промчал молодых над огнем. ...Совершался древний обряд очищения. Когда-то жениха и невесту, по обычаю прячущую лицо под паранджу, пронесил над пламенем легконогий скакун. Менялись времена, менялись декорации обряда, но смысл, заключенный в действе, оставался неизменным.

Во внутреннем дворе, где без вина степенно вершился свадебный пир и бесшумные женщины прислуживали сидящим мужчинам, невесте не полагалось быть. Так велел старинный обычай предков. Люди праздновали земное свершение небесного Промысла о юноше и девушке, чье участие во взаимном выборе было и необязательным. Его единственность и непреложность предопределялись не людьми.

Свадебная одежда у всех народов мира была пронизана символами брачного таинства. Например, на полах халата нанайской невесты вышивалось Дерево душ.

Птенцы, сидящие на его ветвях, и означали души еще не рожденных детей. Белый — цвет невинности и чистоты — полагался наряду девушки, идущей в христианский храм под венец...

Но вот разрушенные, погранные храмы, где торжественно оброчали двоих «во едину плоть и во единомудрие», заменили казенным домом со скучной аббревиатурой: загс. Ваш избранный, вами опозтизированный брачный союз протоколировали лишь как «акт гражданского состояния». Его скрепляли буднично отпечатанным «свидетельством о браке». Для вящей верности, подозревая в молодоженах будущих неплательщиков алиментов, оттискивали штамп в паспортах. Скороговоркой проговаривали один и тот же дежурный напутственный текст и гордились «новой советской обрядностью».

Советская обрядность, введенная «от Москвы до самых до окраин», оказалась несостоятельной, даже как бы недействительной, хотя и сейчас действует повсеместно, да и кто из нас не прошел через нее! Но от наших походов в загс и от наших свадебных вечеринок не осталось ли у вас оскомины обыденности, суевой старины, чтобы все было, «как у людей»: непременно «Волга», нанятый фотограф, возложение цветов к подножию высоко поставленной фигуры, а потом дорогой ресторан, все более пьянеющие крики «Горько!». Кич, парадия...

Нет главного: благословения. Благое слова, знака, скрепляющего ваш союз благодатию небесных сил. Вы спросите: а что это такое? И я напомним эпизод из Евангелия от Иоанна, который вошел в нашу религиозную память как Брак в Кане Галилейской. Иоанн Богослов не называет имен молодых, здесь важен не частный случай, иное: сакральный, таинственный смысл торжества. Поэто-

му так подробно перечислены необыкновенные гости на обычном свадебном пиру. «Мать Иисуса была там. Был также ЗВАН Иисус и ученики Его на брак». Вдумайтесь: не заповедь ли это на все времена: ПРИЗЫВАТЬ Святые Имена в качестве небесных свидетелей и покровителей брачного союза наших земных детей?

Недоставало вина, — сказано в тексте, — и Иисус велел наполнить водою шесть каменных сосудов, «стоявших по обычаю очищения». Вода же превратилась в доброе вино. Вино в сосудах очищения сотворилось не для безудержного веселья пирующих. Осмелюсь предположить, что чудо, сотворенное Христом, знаменовало мистическое очищение христианского брака от ветхозаветного несовершенства.

О сути супружества Спаситель сказал кратко: «...оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью. ...Итак, что Бог сочел, того человек да не разлучит».

Бог сочел... В этом все дело. Казалось бы, за семь нечестивых десятилетий мы забыли об этом. Свадебный обряд с дружками, плачами невесты, расплетанием косы исчез из русских деревень, перекочевал в этнографические, со слов стариков записанные книги: «Ветлужская свадьба», «Чердынская свадьба»... В национальных селах Приамурья старые люди тоже с печалью вспоминают: да, было. Невеста уносила огонь из родного очага в дом мужа, чтобы там продолжить линию своего рода. Покидая дом, ступала ногою в пустой котел, поставленный у порога... Свадьбу «играли». И в древнем обрядовом спектакле творился таинственный магический смысл соединения двоих.

Христианская церковь утверждала: близкие отношения мужчины и женщины, не освященные венчанием, — блуд есть. Поэтому Христос и не посчитал мужьями

шестерых возлюбленных самарянок. Таинство венчания имело своим следствием заповеди нравственности в поведении супругов. Само слово «пол» не означает ли «половину», недостающую мужчине или женщине, чтобы стать гармоническим целым?

Евангелисты утверждают, что Спаситель был категорически, максималистски против разводов. Фарисеи возражали Христу, ссылаясь на главную фигуру Ветхого Завета — пророка Моисея, который «позволил писать разводное письмо и разводиться». (В этом и состояло ветхозаветное несовершенство брака.) «По жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь», — отвечивал фарисеям Спаситель.

Вот и мы будто в ветхозаветные времена живем. Развод давным-давно узаконен Кодексом гражданского права. За неудачную «примерку» противоположной половины платим после бракоразводного процесса денежный штраф и готовы к новым матримониальным подвигам. Но может ли формальный суд или штраф хотя бы приуменьшить хаос неряшливых и трагических семейных отношений, становившихся ложью со времен провозглашения эмансипации женщин еще в прошлом столетии?

В чем же выход? Где искать спасательные круги молодым и немолодым парам, чьи «любвные лодки разбились о быт», о невоспитанность чувств, о пресловутую «несовместимость характеров», необязательность гражданских браков? Множество наших современников ищет их в религии. Зайдите в христианский храм, синагогу, мечеть и сами убедитесь в этом. Моя генетическая религия — православие, поэтому мне доступнее рассказать немного об обряде венчания в церкви. Все в нем исполнено высокой, торжественной красоты. И символов, полных мистического смысла. Над

«молодыми» держат венцы, похожие на царские короны. Ведь, по слову апостола Павла, брачный союз жениха и невесты подобен таинственному браку между Христом и церковью: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь и Себя предал за нее...» Горят венчальные свечи, знаменуя чистоту помыслов суженных друг другу людей. Горят, напоминая о горнем, наднебесном свете вечности. Жених и невеста меняются обручальными кольцами, как бы замыкающими двоих во единое, нерасторжимое целое, которое и называется счастьем.

Так или почти так начинает священник напутствие стоящим перед ним венчающимся. «Счастье — значит со-участие. Полюбить другого означает отвергнуть себя, принести свою целостность в жертву новому единству семьи. Крест любви возникает от неизбежности самоотречения. Умейте радоваться, что ваша жизнь восполняет жизнь любимого вами человека».

Как странны, как непривычны нашему сознанию эти слова, не так давно произнесенные в одном из храмов псковской земли священнослужителем. Но вслушайтесь в его слова: брак можно называть христианским, когда в быту, в повседневности супруги осуществляют Божественный замысел брака. В последние десятилетия равенство мужчины и женщины перед законом перенесли в сферу семейных отношений. При двух равных голосах семейная демократия неизбежно превращается в замаскированную форму раздора. Муж должен олицетворять Божественную власть в семье, разумную власть, которую нельзя подменить деспотизмом. Семейное служение жены — послушание. Эти истины были азбучными для наших предков, для нас стали букварем на непонятном языке. Его предстоит постигать заново, но эта тема требует отдельного разговора.

Я упоминала о встрече Иисуса Христа с заблудшей самарянкой. В этих словах Евангельского текста проложена, предначертана дорога и для нас с вами, чаще всего не ведающих, сколь глубоко мы погрязли во грехе.

Спаситель и женщина встретились возле обыкновенного колодца, из которого «пьющий воду сию возрадует опять». Женщина неправедной жизни тоже подобна сосуду. Ее суетная, плотская жажда неутолима. Но мертва вода житейского моря. Христос предлагает самарянке испить воду живую, которая делается в испившем ее «источником воды, текущей в жизнь вечную». Иными словами, душа наша обретет благодатное бессмертие, если каждое мгновение своего бытия мы проживем с образом Бога. Ведь в истории с самарянкой, попросившей Иисуса: «Дай мне этой (живой) воды», — не сказано, что женщина откуда-то реально черпает и пьет ее. Сам Христос — сосуд, наполненный живой водой веры, достаточно призвать Его Имя и идти по стопам Его заповедей.

Именно так сложилась судьба самарянки после целительного свидания со Спасителем. Из книги «Жития святых» мы узнаем о высоко подвижничестве Фотины, светозарной, — таково, оказывается, было имя самарянки. Вместе с двумя своими сыновьями и сестрами она безбоязненно проповедовала христианство во времена его лютого гонителя римского императора Нерона.

Нам, знающим теперь о не столь уж давних казнях и мученичестве духовенства разных конфессий нашего отечества, с палаческого указания Ленина выкошенного под корень, легко представить участь отважного воителя за церковь Христову. Какой же силы духа была исполнена не молодая уже Фотина, знавшая, что ей и ее детям уготованы немислимые страдания, и тем не менее

с радостью возвещавшая Слово Христово в цитаделях гонителей — Карфагене и Риме. Добровольно явилась она к Нерону, «чтобы научить его чтить Христа». Наукой ему была ее стойкость во время нечеловеческих пыток. Фотину с раздробленными руками, содранной с тела кожей, но и на мгновение не отрешившейся от Спасителя, бросили умирать в колодец, наверное, похожий на тот, возле которого она отрелась от порочных радостей греха.

Историю Фотины можно истолковать по-разному. Как исторически реальную. И как назидательный образ пути женщины: от заблудшей самарянки — до христианской святой.

К теме ли я так подробно вспоминаю святую Фотину? К теме. Ведь мучения, извне раздиравшие плоть святой, подобны страстям, истязавшим нас изнутри. Страсти — орудия пыток нашей души. Ими разрушаются супружеские союзы. Ими извращаются сокровенные отношения. Они убивают Божественное начало в человеке, заменяя его сатанинским.

Беречься соблазнов зовет Книга книг — Евангелие: пресечь чувственные взгляды или прикосновения. «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Это слова Христа. Геенна, погибель ждет блудника и блудницу. «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя...» Только одно спасительно, одно правомерно в плотских отношениях мужчины и женщины: целомудрие освященного обрядом брака.

Первокурсницы.

Гимнастика для Гамлета

Фото
АНДРЕЯ СЕМАШКО

Среди московских вузов театральные всегда стояли особняком. И дело не в том, что ГИТИС, Школа-студия МХАТ, Вахтанговское или Щепкинское училища во все времена были островками большей независимости, большей духовной свободы и меньшей идеологизированности. Просто в них шла жизнь, непохожая на жизнь любого другого вуза. Там учили быть человеком с множеством лиц и множеством характеров и при этом оставаться самим собой, сохранять индивидуальность. К театральным училищам редко присматривались как в годы театрального бума, так и в период театрального кризиса. Теперь, в трагичное для культуры время, их устойчивость вы-

глядела бы не совсем естественной, а все происходящее в их стенах не вполне правдоподобным, если бы не существовала особая тайна. Тайна первого курса.

В здании старейшего московского Высшего театрального училища имени М. С. Щепкина при Малом театре — неуютные коридоры, аудитории и репетиционные залы, поражает заброшенностью и внутренний дворик со сломанными скамейками, заросшей сорняками клумбой и невзрачными деревьями. Начало беседы с доцентом кафедры актерского мастерства, заслуженным артистом РСФСР НИКОЛАЕМ ВЕРЕЩЕНКО, было под стать обстановке и особым оптимизмом не отличалось.

73

Мастерская

— Стало гораздо труднее работать. Интеллектуальный разрыв между абитуриентами сегодня велик, как никогда. С одной стороны — семнадцатилетний человек, толково рассказывающий философскую концепцию Конфуция. С другой — девица, которая, говоря о романе «Война и мир», не может вспомнить, кто такой Наполеон. Общий уровень культуры пугающе низок. Эта беда менее поправима, чем кажется, — посмотрите, кто учит детей в школах! В большинстве малограмотные или полуобразованные люди. А язык, на котором говорят поступающие! Восемьдесят процентов мата или сленга, либо того и другого вместе. Культурный язык от нас практически ушел. К моей радости, студенты в нашем училище с удовольствием приобщаются к настоящему русскому языку.

— Первый курс называют фундаментом обучения. На что вы, как педагог, обращаете внимание в первую очередь?

— Стараюсь выявить и сохранить непосредственность студентов, раскрепостить их, развить фантазию, инициативу, ассоциативное мышление, внутреннюю свободу...

— «Лепите» образ нового человека, свободного от советского воспитания?

— Терминология в данном случае значения не имеет. Дело обстоит хуже, чем, скажем, двадцать лет назад. Конечно, не потому, что тогда «вода была мокрее». Но, к примеру, раньше студенты готовили этюды с местом действия в консерватории, операционной, научном институте. Один студент, ныне известный режиссер, показывал работу сапожника, причем очень профессионально, так как владел ремеслом. А теперь в этюдах бесконечная серия «я в общепитии». На большее фантазии не

хватает. Вообще, первый курс всегда труден и для студентов, и для преподавателей из-за огромного объема работы, но теперь труден особенно — столько дыр надо латать. Здесь и постоянный тренинг, здесь и то, что у Станиславского называется муштрой: специальные комплексы упражнений на развитие внимания. Метод, как в цирке: повторять, пока не получится. В этом смысле образец — артисты балета. У них ежедневно — станок и репетиция. Если будет хоть один пропуск, мышцы уже не так эластичны. Еще пример — Святослав Теофилович Рихтер. Великий музыкант по многу часов играет гаммы, а потом уже работает над программой. Студенты обязаны разминать себя даже по утрам, когда чистят зубы.

Одно из упражнений называется «тигр». Дается сигнал — в помещении ворвался разъяренный зверь. Из всего курса только один по-настоящему испугался. Это и есть вера в предлагаемые обстоятельства. Остальные отнеслись по-разному, некоторые даже иронически. Крайне непрофессионально. Поэтому и нужны тренинг, муштра.

— А имитация испуга вас устраивает?

— Если только не будет отличаться от настоящего страха.

— Выходит, студенту необходимо развивать в себе истерику, страх?..

— Как и все присущие человеку эмоции. В этом — специфика профессии.

— Для поступления в обычный вуз практикуются подготовительные курсы, занятия с репетитором. Приемлема ли такая система для театрального училища?

— Занятия с репетитором, считаю, дурное копирование вступительных экзаменов. Знаний они не прибавляют, а целенаправленно

натаскивают на ограниченный перечень экзаменационных вопросов. Для таланта — вредно, для способного — тоже не годится, а бездарь или лентяй провалится после первого же вопроса не по программе. Правда, наше училище проводит эксперимент в 232-й московской школе, где организован театральный класс. В нем девятиклассники начинают заниматься по программе театрального училища, не имеющей ничего общего с натаскиванием. Ребята скорее играют в игры, но совершенно особые, развивающие внимание, прививающие веру в предлагаемые обстоятельства, о чем мы уже говорили. Формы игр разные: например, они рассказывают друг другу научную и ненаучную фантастику, сказки. Такая подготовка кое-что дает, так же как и общение с преподавателями училища, которые на многое открывают ребятам глаза.

Мы упоминали нашу специфику. К сожалению, она страшна и жестока. Абитуриенты и не предполагают, что именно их ждет, какая предстоит нагрузка и какие страдания. У нас всегда большой конкурс — не менее пятнадцати человек на место. Мы проводим строгий отбор. Уже на первом курсе вступает в действие термин «профессиональная непригодность». Приходится не церемониться и быть беспощадным. После отсева трудности только возрастают. И учеба, и вся наша профессия требуют полного самоотречения. Курс малочисленный, и небольшое пространство «простреливается» насквозь. Нет поблажек и передышек. Актер — профессия штучная, поэтому подготовка к ней не может быть иной. Психологические перегрузки — частое явление. Напряжение настолько велико, что, скажем, целый курс вдруг перестает ходить на лек-

ции — ребята просто выключаются. Или хором пишут заявления об уходе. Причины могут быть разными, но представьте подобную ситуацию в другом вузе.

— А как же быть с воспитанием чувства внутренней свободы, раскрепощенности и непосредственности?

— Не знаю, найдется ли другое дело, в котором все подчиняется логике и общепринятым принципам целесообразности. У нас сумасшедшая профессия! И для нее нужны сумасшедшие люди. А внутренняя свобода и страх... Понимаете, даже мучительная любовь остается любовью. Мне бы не хотелось погружаться в психофизический анализ обстановки в училище, но спросите здесь каждого, является ли для него атмосфера невыносимой, — и никто не ответит утвердительно. В невыносимой и нетворческой атмосфере вряд ли смогли бы вырасти таланты, которые, выйдя из этих стен, становились и становятся известными всей стране. А то, что качество подготовки выпускников в наших училищах лучше, признано в мире.

— Особая атмосфера в училище создается специально?..

— Специально создавать общее состояние торжественной сопричастности к тайнам зарождения творчества никто даже и не помышляет. Это глупо и нелепо. А рабочая атмосфера — совсем другое. Когда впервые встречаюсь со студентами, я говорю: «Я не Антон Семенович Макаренко, здесь не колония имени Горького, а высшее театральное учебное заведение, где живут по своим особым законам».

— Каким именно?

— Их тут не заучивают, по ним живут. Наиболее простой пример — дисциплинарные требования, имеющие у нас особую моти-

▲
Три
грации.

▶
Кто
последний?

◀
«Я
считаю —
так!»

оставаться под контролем. Не много ли тут противоречий?

— Наша задача не водить за ручку, а научить ходить. Уже на первом курсе мы даем студентам возможность играть любую драматургию и любые роли. Конечно, многое проходит негладко, с издержками, но необходимо, чтобы начиналось творчество, а для него любые противоречия хороши.

— Что вы сказали студентам перед экзаменами?

вировку. Я запрещаю студенткам курить и злоупотреблять косметикой, не ссылаясь на абстрактный вред. Если у будущей актрисы голос еще не установился или недостаточно поставлен, она может его испортить сигаретами. Косметика противопоказана, актриса должна знать свое лицо, изучать и понимать его возможности. Нельзя грязнить и замазывать лицо косметикой, иначе потом трудно переходить к занятиям гримом.

— В школах и институтах спутницей преподавания была и остается ложь. Она даже приобрела разновидности и оттенки: обман, неправда, полуправда, вранье, вымысел. Приходится ли вам прибегать к их помощи?

— Мы прибегаем только к маленьким хитростям. Иные студенты — как дети. И если у них что-то не получается, легко впадают в отчаяние, и кто знает, куда оно может завести. Поэтому надо успокоить и приободрить человека неоправданно высокой оценкой труда. Что касается лжи вообще, то у нас никогда не придавалось решающего значения общественно-политическим дисциплинам.

— Раз актер — профессия штучная, то и обучение должно быть индивидуальным. В то же время училище, как и театр, — коллективное творчество. Уделяется большое внимание самостоятельной работе, которая должна

После занятий.

— До встречи с теми, кто сумеет перейти на второй курс.

— *Многих отсеяли?*

— Никого. Я их люблю и оберегаю.

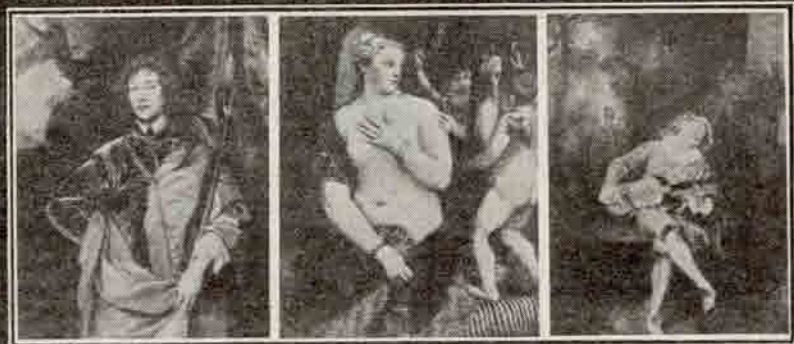
Вряд ли возможно разгадать тайну театрального училища, которая — суть всего в нем происходящего, основа его педагогики и защитная оболочка, предохраняющая организм от разрушения. Тут все происходит внешне обычно и с какими-то уж слишком

домашними аксессуарами, вроде кошки, бродящей по аудитории. Здесь привыкли к трудностям, не лезут в карман за словом и выдают капустники и учебные спектакли, память о которых сохраняется десятилетиями. Работают во имя того, чтобы сказать: «Если из курса хотя бы трое выйдут на сцену — очень повезло». А тайна все равно остается...

Беседу вел ЛЕОНИД ЗАВАРСКИЙ.

ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «ЭРМИТАЖ»

5

6

7

1. РЕМБРАНДТ. Мужской портрет.
2. РУБЕНС. Портрет Елены Фурмен.
3. РАФАЭЛЬ. Святой Георгий.
4. ЯКОБ ВАН ЭЙК. Благовещение.

5. ВАН-ДЕЙК. Лорд Филипп Уортон.
6. ТИЦИАН. Венера с зеркалом.
7. ВАТТО. Влюбленный Меццетен.
8. ЯКОБ ВАН ЭЙК. Татищевский складень.

Осенью 1988 года наш журнал опубликовал ставший сенсацией материал Алексея Николаева «Грабеж». Именно из него советские люди впервые узнали о циничном экспорте уникальных произведений живописи, графики, прикладного искусства, реликвий старины, изъятых из многих музеев страны, прежде всего из Эрмитажа. Прочитали о скандальном берлинском аукционе 1928 года, вызвавшем протесты русских эмигрантов — бывших владельцев выставленных к продаже художественных ценностей. О тайной сделке, позволившей миллионеру министру финансов США Эндрю Меллону пополнить свою коллекцию пятью холстами Рембрандта, четырьмя — Ван Дейка, двумя — Рафаэля, по одному — Рубенса, Веласкеса, Боттичелли, Ван Эйка, Веронезе, Тициана, Перуджино, украшавшими до того залы Эрмитажа.

1

2

3

4

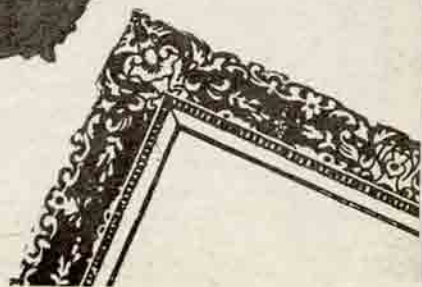

8

9

10

9. ВЕЛАСКЕС. Иннокентий X.
10. РАФАЭЛЬ. Мадонна Альба.

А. Николаев, а вскоре вслед за ним Н. Семенова в «Литературной газете» и А. Мосякин в «Огоньке» сделали достоянием гласности дикое преступление сталинского режима, шесть десятилетий скрывавшееся только от нас. О распродаже за рубежом в годы первой пятилетки значительной части национального культурного достояния. О том, как нас сделали духовно беднее.

Излагая свои версии событий, трое авторов опирались на доступные им факты, почерпнутые либо из зарубежной прессы, либо из книги профессора Гарвардского университета Роберта Уильямса «Русское искусство и американские деньги». Журналисты не знали, даже не догадывались, что при желании легко могли познакомиться в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР (ЦГАНХ) с дюжиной дел из фонда Наркомата внешней и внутренней торговли СССР (ф. 5240). Тех самых дел, которые и содержат ключ к разгадке столь, как оказалось, неумело оберегаемой государственной тайны.

По чистой случайности не уничтоженные при сдаче в архив, чудом избежавшие спецхрана и многие годы доступные любому исследователю сотни бесценных документов — подлинники докладных записок, отчетов, служебной переписки, приказов и соглашений — раскрывают не только подоплеку, но и все детали, подробности преступной акции, стыдливо именовавшейся внешнеторговыми операциями.

Документы эти посчастливилось обнаружить, изучить и сопоставить с уже ранее опубликованными, известными историку Ю. Н. Жукову. Он и положил их в основу своей новой книги «Тайна операции «Эрмитаж», которая в скором времени выходит в издательстве «Историческое наследие».

Предлагаем вашему вниманию отрывки из нее. Уверены, что они заинтересуют всех, кто любит искусство, кому не безразлично прошлое страны, не имеющей теперь даже названия.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

...В понедельник, 23 января 1928 года, после пятидневного перерыва, в Кремль на очередное заседание собрались члены союзного Совнаркома. Алексей Иванович Рыков болел, а потому председательствовал его заместитель, Ян Эрнестович Рудзутак.

Вопросов, как обычно, накопилось изрядно, и лишь под вечер, к концу заседания — по девятому пункту повестки дня — слово для доклада получил Лев Михайлович Хинчук, человек для правительства сравнительно новый, хотя и известный многим.

Шестьдесят лет, за плечами — полтавская гимназия, университет в Берне, революционная деятельность, начиная с 90-х годов прошлого века. Был близок к группе Плеханова, после второго съезда партии примкнул к меньшевикам. С февраля 1917 года — председатель Моссовета. Вместе с товарищами по фракции резко выступил против захвата

власти большевиками, однако осенью 1919 года пересмотрел свои взгляды и вступил в РКП(б). Был введен в коллегию Наркомпрода, назначен руководителем Центросоюза. Лояльность новому режиму оценили. В 1926 году Хинчука избрали в ЦИК СССР и назначили торгпредом в Великобританию. Осенью же следующего года, когда Великобритания разорвала с нами дипломатические отношения, вернулся в Москву и получил новое назначение — заместителя наркома внешней и внутренней торговли СССР.

Лев Михайлович говорил уверенно, со знанием дела. Обрисовал ситуацию на международном рынке, сказал, что его наркомат сделал все возможное, однако расходы по импорту, как это ни прискорбно, продолжают превышать, и весьма значительно, поступления от экспорта. Разумеется, сократить ввоз в страну машин, оборудования невозможно. Следовательно, необходимо всемерно расширять вывоз. Любой ценой. Сотрудники наркомата, торгпредств давно пытаются найти выход из создавшегося чрезвычайно оласного положения. Использовали все имевшиеся резервы, изыскивают новые и новые. Вот один из них — наш антиквариат. Естественно, только то, что не входит в музейные коллекции, а выделяется самими учеными как ненужное, идущее в открытую продажу. По твердым прикидкам экспорт антиквариата может дать только в ближайшее время миллионов пять. В целом же — около 30 миллионов золотых рублей. А это уже немало.

Но проблема в том, продолжал Хинчук, что и тут есть свои трудности. Работники Наркомпроса не хотят осознать всю важность такой экономической меры. Без конца чинят всевозможные препятствия, выступают с мелочными придирками. Мешают делу тем, что продолжают цепляться за давно устаревшие постановления и инструкции. Да и Наркомфин, также причастный к распродажам ненужного музеем имущества, слепо следуя все тем же инструкциям, тормозит выполнение важнейшей задачи — обеспечению страны в ответственный момент подготовки осуществления первой пятилетки валютными поступлениями. Вот поэтому и необходим вынесенный на рассмотрение документ. Он позволит, наконец, навести должный и твердый порядок, ускорит расширение экспорта.

Возражений не последовало, и проект утвердили без поправок, сразу же. Единогласно.

СЕКРЕТНО

О МЕРАХ К УСИЛЕНИЮ ЭКСПОРТА И РЕАЛИЗАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ПРЕДМЕТОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Признать необходимым усилить экспорт предметов старины и искусства, в том числе ценностей музейного значения, за исключением основных музейных коллекций.

2. Для руководства работами по выявлению и отбору предметов старины и искусства, имеющих экспортное значение, в том числе входящих в состав музейных фондов, находящихся в ведении Народного Комиссариата Просвещения, НКТоргом СССР назначаются особые уполномоченные.

Советам Народных Комиссаров союзных республик предлагается обя-

зать НКПросы этих республик назначить для той же цели своих уполномоченных.

Те и другие уполномоченные действуют на основании инструкции, издаваемой Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней торговли Союза ССР, по согласованию с Народными Комиссариатами Просвещения союзных республик.

3. Разногласия, возникающие между уполномоченными Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР и уполномоченными Народных Комиссариатов Просвещения союзных республик окончательно разрешаются комиссиями, образуемыми в районах деятельности уполномоченных, в составе председателя, назначаемого Советом Народных Комиссаров соответствующей союзной республики, и указанных уполномоченных.

4. Какое бы то ни было изъятие и распределение предметов старины и искусства из музейных фондов без согласия упомянутых в ст. 2 уполномоченных воспрещается.

5. Вывоз за границу предметов старины и искусства допускается лишь при наличии согласия Народного Комиссариата Просвещения соответствующей республики, причем лицензионные разрешения выдаются исключительно органами НКТорга СССР в установленном порядке.

6. Народному Комиссариату Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР предоставляется право устанавливать предельный размер суммы и иные условия, при которых вывоз предметов старины и искусства допускается в безлицензионном порядке.

7. Предложить Народному Комиссариату Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР установить порядок реализации предметов старины и искусства, обязательный для всех учреждений, организаций и предприятий, производящих таковую реализацию.

8. Предложить Народному Комиссариату Финансов Союза ССР представлять в Народный Комиссариат Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР все данные о вывозе имеющихся в его (НКФ СССР) распоряжении предметов старины и искусства, а самый вывоз таковых производить по генеральным лицензиям, выдаваемым Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР.

председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
секретарь Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Я. РУДЗУТАК
И. МИРОШНИКОВ

Москва, Кремль
23/1-28 г.¹

Три дня спустя, 26 января, этот нормативный акт, как и предусматривалось, повторило аналогичное постановление СНК Российской Федерации. Так, еще вчера казавшееся немыслимым, просто невозможным стало реальностью, принципиально новой государственной политикой.

Стремясь к сиюминутной выгоде, правительство страны откровенно проигнорировало вечное, непреходящее — культуру. Предало забвению десятилетнюю благородную политику охраны памятников. Отныне не профессионалы решали судьбу музейных собраний. Решали люди, весь-

¹Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 5446, опись 57, дело 8, лл. 30-31.

ма далекие от насущных проблем сохранения, изучения произведений искусства. Первенствующая роль теперь отводилась особоуполномоченному Наркомторга СССР и директору-распорядителю специализированного объединения по экспорту и импорту антикварно-художественных вещей «Антиквариат» А. М. Гинзбургу, уполномоченным по Ленинграду — Простаку, по Москве — Н. С. Ангарскому.

Разумеется, идея такого постановления СНК СССР родилась отнюдь не вдруг, не случайно и не на пустом месте. Подготовили, обусловили ее неизбежное появление многие факторы, и главный из них — отсутствие средств на культуру.

Когда большевистская партия приняла решение о переходе к новой экономической политике, она считала: нищее, окончательноразоренное шестью годами войн государство должно срочно восстановить промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Лишь потом задуматься о духовном. Поэтому Наркомпросу предлагалось немедленно перейти на хозрасчет и самоокупаемость. Принять без возражений и обсуждений принцип остаточного финансирования.

Раньше, в годы военного коммунизма, Наркомпрос когда угодно получал буквально по первому же требованию необходимые ассигнования. Да при том в любых размерах. С октября же 1922 года бюджет республики больше не подвергался никаким коррективам и изменениям по требованиям наркоматов. Разрабатывался загодя и вводился с 1 октября по 30 сентября — на хозяйственный год.

Ничего не поделаешь — оздоровление финансовой системы!

Да, Совнарком медленно, но неуклонно ликвидировал бюджетный дефицит, но за счет того, что, скажем, Наркомпросу давал только треть тех сумм, которые до революции имело министерство народного просвещения. А ведь сфера Наркомпроса теперь была гораздо шире, значительнее. Ему оказались подведомственны не только все без исключения школы (раньше они подчинялись и министерству, и Синоду, и местному самоуправлению), но и театры, музеи, издательства, библиотеки... Даже литература и искусство. И все требовали своей доли. Даже Главполитпросвет — учреждение сугубо партийное, занимавшееся пропагандой, внедрением в умы неграмотного люда коммунистических взглядов.

Результаты остаточного принципа не замедлили сказаться.

Закрывались университеты, институты, а профессура оказывалась на улице. Даже учителя начальных школ перестали получать зарплату. Теперь вели уроки лишь после того, как родители учеников приносили — в счет оплаты — продукты, дрова. Крестьяне же не очень заботились об образовании своих детей. Те прежде всего должны были работать по хозяйству. В результате биржи труда вскоре зарегистрировали более полумиллиона безработных учителей.

Та же участь постигла и Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Нзп обрушился на него как снежная лавина, как землетрясение. Стал катастрофой. Ведь теперь за все приходилось платить. За воду, свет, отопление, охрану. За ремонт крыш, остекление окон. За реставрацию. И еще — своим сотрудникам. А деньги не поступали. Их просто не было.

Сначала пошли на сокращение штатов.

Если к началу 1921 года в Отделе, его 66 местных органах — в автономных республиках, губерниях и уездах, — работало свыше 500 человек, то к маю 1923 года осталось чуть больше 60: самых незамени-

мых, обладающих блестящей профессиональной подготовкой, огромным опытом. Заодно ликвидировали и почти всю сеть местных органов. Остались они лишь в 30 губернских центрах, насчитывая по одному сотруднику.

Но и такой меры оказалось недостаточно. Повседневная деятельность требовала расходов, а ассигнований все не было. И тогда, в июле 1922 года, коллегия Отдела задумала страшный, как показало будущее — самоубийственный шаг: спасти доверенное наследие, памятники возможно в сложившихся условиях, лишь пойдя на коммерческие операции. Сдавая в аренду землю и здания, продавая ненужное имущество.

Неожиданно возникшее предложение обсуждали, обдумывали долго — девять месяцев. И только убедившись, что помощи ждать неоткуда, подготовили текст законопроекта. Провели его через коллегию Наркомпроса, направили в Совнарком. А тот 19 апреля 1923 года утвердил его как совместное со ВЦИК постановление «О спецсредствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей», предоставляя этим актом музеям право сдавать в аренду для извлечения доходов находящиеся в их владении землю и здания.

Так появились политические изоляторы и лагеря в соловецком, суздальском монастырях; казармы и арсеналы в московских Крутицком подворье, Провиантских складах, на территории Херсонесского городища; санатории, дома отдыха, детские дома, школы и техникумы в старинных усадьбах.

Затем пришла очередь и самих музеев.

12 сентября 1923 года под председательством члена президиума ВЦИК П. И. Кутузова приступила к работе Комиссия ВЦИК по концентрации музейного имущества. А проще говоря — по переводу большей части музеев с республиканского бюджета на местный. Сначала оставили в подчинении Отдела 200 музеев, потом довели их число до полутора десятков. Самых крупных. Таких, как Эрмитаж, Русский, Третьяковская галерея, Новой западной живописи, Ясная Поляна, Дом Л. Н. Толстого в Хамовниках. Остальные оказались обреченными на закрытие — денег на культуру в местных бюджетах просто не предусматривали.

Однако и теперь финансовое положение памятников и музеев не улучшилось, и горькую чашу пришлось испить до дна. Пойти на последнюю, самую крайнюю меру.

Опять же по инициативе Отдела Совнарком РСФСР 6 марта 1924 года принял новое постановление: «О выделении и реализации госфондового имущества». Отныне музеи могли через антикварные магазины и аукционные залы Главнауки Наркомпроса в Москве и Ленинграде продавать «имущество, находящееся во дворцах-музеях, усадьбах, церквях, монастырях и др. исторических памятниках, не имеющее исторического значения, не входящее в состав коллекций данного учреждения и не относящееся к музейному оборудованию». При этом устанавливалось, что далеко не вся выручка пойдет самим музеям, а всего 60 процентов. Остальное — в доход государства.

Собственно, с этого момента и началась распродажа музеев. На прилавках вдруг появились подержанные, не очень старые мебель и картины, фарфор и хрусталь, бронза и гравюры. Появились одежда и обувь вышедших из моды фасонов, но все же привлекательные. Одним словом, все то, что до февраля 1917 года являлось предметами повседневного обихода... в императорских дворцах. Служило и семьям

Николая II, великих князей, и многочисленному штату их слуг, лакеев. Продажа из фондов императорских дворцов столь поразила современников, что послужила сюжетом для двух и поныне популярных произведений.

«В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал...»

Так начинал Михаил Зощенко рассказ «Царские сапоги», написанный и опубликованный в 1927 году.

О том же идет речь и в до сих пор остающимся бестселлером романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», увидевшем свет в 1928 году. В нем основной поворот сюжета связан с тем, что стулья Кисы Воробьянинова, временно оказавшиеся в Музее мебели (отнюдь не фантазия авторов, а реальный музей, существовавший в Москве, в Нескучном дворце до 1928 года), попадают на аукцион, где и идут с молотка как «дворцовая мебель».

Однако в открытую продажу — для всех, за рубли — шли действительно не представлявшие никакого значения вещи. Самая заурядная посуда, мебель, одежда. Вещи, которых тогда столь остро не хватало, ибо отечественная промышленность их и в то время не выпускала в достаточном количестве. Лучшее же из запасников, действительно имевшее художественную значимость, интересное для любителей искусства предназначалось иностранцам, которые готовы были платить валюту. Местом таких совершенно открытых, но не очень заметных постороннему взгляду коммерческих операций, стали магазины экспортно-импортного объединения «Антиквариат».

Всего два магазина — ленинградский, на Дворцовой набережной, в доме 18, в нескольких шагах от Эрмитажа, и московский, на Тверской, в доме 26, — покупали за рубли и продавали за доллары, фунты, марки, франки «старинные вещи, картины, рисунки, гравюры, мебель, бронзу, иконы, фарфор, серебро, парчу, всевозможные ткани, рамы для картин (позолоченные, красного дерева) и пр.». Два года они действовали под неусыпным контролем Музейного отдела, осуществляя, но в разумных пределах, советский экспорт произведений искусства. И поставляли средства на охрану культурно-исторического наследия.

Только теперь доходы с расходами начали сходиться. Денег стало хватать и на содержание сотрудников, и на музейную работу, и даже на реставрацию памятников зодчества. Но именно тогда и произошло сцепление случайностей, которые и направляют подчас историю.

В Ленинград после пятилетнего отсутствия приехала Мария Федоровна Андреева. Приехала в отпуск. Отдохнуть, подышать воздухом Отчизны. И невольно обратила внимание на антикварный бум.

ОШИБКА МАРИИ ФЕДОРОВНЫ АНДРЕЕВОЙ

В январе 1922 года для многих стало неожиданным назначение заведующей киноподотделом Торгпредства РСФСР в Германии Марии Федоровны Андреевой. Урожденной Юрковской, по мужу — Желябужской.

Жизнь ее, казалось, не только навсегда связана с театром, но и предопределена служению Мельпомене. Еще бы, отец, из дворян Харьковской губернии, — главный режиссер Александринского театра. На той же сцене, актрисами, и ее мать, и старшая сестра. С мужем,

действительным статским советником, видным чиновником Министерства путей сообщения, связывает только сын. Вся жизнь — только в театре, для театра.

Мария Федоровна создавала, вместе со Станиславским, Немировичем-Данченко, Книппер, Москвиным, Лужским, Мейерхольдом, Лилиной, Артемом, Московский художественный театр. Сыграла там Леля в «Снегурочке», Ирину в «Трех сестрах», Наташу в «На дне», другие роли. Тогда же познакомилась с Максимом Горьким, дружба с которым вскоре перешла в любовь. Короткий перерыв в творчестве на дни революции 1905 года, и снова сцена. Только теперь в театрах Суходольского, Незлобина, не менее популярных тогда, чем МХТ.

В 1917 году Андреева переехала в Петроград. После Октября работала заведующей местным театральным отделом, художественным подотделом. И вот, вдруг — торговля. Правда, поначалу, четыре года, искусством. Кинофильмами. Но душа к новому делу не лежала. Все сильнее и сильнее тянуло домой. Очень хотелось назад, в театр. На сцену. Но приходилось себя пересиливать.

В 1925 году М. Ф. Андрееву повысили в должности. Назначили заведующей художественно-промышленным отделом торгпредства. Поручили уже не покупать немецкие кинофильмы, а продавать изделия кустарей России и Украины, Закавказья и Средней Азии: ковры, холстины, рогожи, вышивки, игрушки, изделия из бересты и кости, бочонки... А заодно и антиквариат. Точнее, контролировать выполнение долгосрочного соглашения, заключенного еще в октябре 1923 года с одной из ведущих берлинских фирм, проводившей аукционы произведений искусства — кунстаукционхауз «Рудольф Лепке».

88
Соглашение было выгодным для обеих сторон. Немцы авансировали половину суммы на закупки, за свой счет отправляли в Ленинград экспертов, которые обходили частные и государственные магазины и лавочки на Невском, в Гостином дворе, на Апраксином рынке. Отбирали, покупали, за свой счет паковали и отправляли в Берлин приглянувшиеся картины, бронзу, фарфор, хрусталь. За свои же труды получали 7,5 процента от оценочной стоимости выставленного к продаже и 25 процентов от прибыли.

Три года продолжалась спокойная, не волновавшая никого, но и не приносящая особых доходов коммерция. Положение изменилось, и весьма резко, лишь поздней весной 1927 года, когда Андреева заинтересовалась распродажами Главнауки. Она вспомнила призыв Ленина учиться торговать. Припомнила и апрель 1921 года, когда она, по заданию Л. Б. Красина, ездила в Германию, Данию и Швецию, читала лекции о голоде в России, а заодно и продавала первые партии произведений искусства, собранные в Петрограде для экспорта.

Далекая от музейной деятельности, от искусствоведения, Мария Федоровна наивно решила, что напала на золотую жилу, неиссякаемый источник ценностей. Задумала воспользоваться открывшимися перспективными, как ей показалось, возможностями и повысить валютные поступления своего отдела в Советский Союз. Договорилась с «Рудольф Лепке» о расширении сотрудничества, проведении особого аукциона. Но тут же натолкнулась на конкуренцию.

До сих пор немецкие антиквары действовали на ленинградском рынке монопольно. Кроме них, никто не платил валютой за оптовые партии, а потому и не сбивал довольно низкие цены. А это-то и давало

берлинской фирме возможность хорошо зарабатывать, создавало у нее заинтересованность. С июля же у них появился конкурент, готовый заплатить более высокую цену — некий Степан Михайлович Муссури, греческий гражданин из Москвы.

В отличие от других деловых людей из Европы, предпочитавших жить в комфортабельных отелях, Муссури обосновался на тогдашней окраине, на Божедомке, в доме № 20 по Первому Лазаревскому переулку. А действовать решил вполне легально, не нарушая законов. После долгих переговоров заключил 12 июля 1927 года договор с региональным учреждением внешнеторгового ведомства — Мосгосторгом.

Соглашение позволяло Муссури «производить в пределах СССР закупку и прием на комиссию предметов старины и роскоши: старинной мебели, предметов домашнего обихода, религиозного культа, предметов из бронзы, фарфора, хрусталя, серебра, парчи, ковров, гобеленов, картин, автографов, русских самоцветов, кустарных изделий и т. п., не представляющих музейной ценности, а также экспортировать указанные предметы по лицензиям, выдаваемым Наркомторгом СССР»¹.

Но только после легализации будущих сделок С. М. Муссури занялся поиском денег. Их ему удалось получить у берлинского банкирского дома «Бернгейм, Блюм и К^о» на весьма кабальных условиях. Представитель банка, доктор Фридрих Пинофф и Муссури образовывали «Товарищество для экспорта предметов старины и роскоши» с уставным капиталом в 25 тысяч рублей и гарантированным банковским кредитом в 200 тысяч рублей. Но так как Степан Михайлович не вносил в дело ни копейки, фактически он становился всего лишь служащим — оценщиком и скупщиком.

Антикварный магазин товарищества, вскоре открытый в Москве на улице Герцена близ Консерватории, сразу же приобрел известность. И не только у москвичей, но и у жителей Ленинграда, куда Муссури навещался регулярно и часто. Как же, ведь он давал настоящую цену, не то что Главнаука или «Антиквариат». Да еще мог — правда, за действительно очень редкие произведения искусства — заплатить не рублями, а долларами.

Отлично чувствовал себя после подписания договора и руководитель Мосгосторга Николай Семенович Клестов, более известный по партийному псевдониму Ангарский. Теперь без каких-либо трудов и затрат он мог пополнять казну государства, получая с Муссури полную стоимость купленных тем вещей в валюте. А значит, и отдался тому, что было ему ближе всего, — литературе. Ведь одновременно он возглавлял и издательство «Недра».

Именно Николай Семенович Ангарский вместе с Марией Федоровной Андреевой сделал первый шаг на том роковом пути, который через несколько месяцев привел к распродаже национального культурного достояния. К разграблению Эрмитажа. А помог им Наркомфин РСФСР, также внесший собственный вклад в развитие трагических событий.

Операции фирмы «Рудольф Лепке», соглашение с С. М. Муссури никто не стремился афишировать, но никто и не скрывал. Да и не было в них чего-либо такого, что требовало соблюдения если не государственной, то хотя бы коммерческой тайны. Ведь мы лишь разрешали иностранцам доступ на внутренний рынок, сохраняя полный контроль

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 19, д. 841, л. 37.

за их действиями. Позволяли им покупать у населения и вывозить из страны только то, что разрешали эксперты Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Все остальное для предпринимателя являлось делом случая да удачи. Может, повезет, а может, и нет. Ну, а чем больше будет зарубежных антикваров, тем лучше. Ведь конкуренция повышала цены и, следовательно, то количество валюты, которое оседало в Госбанке. Повышало количество рублей, которые шли на охрану и реставрацию памятников. Потому и не подозревал никто, чем обернется приезд в СССР в сентябре 1927 года еще трех антикваров. На этот раз из Вены.

Так называемая Комиссия госфондов Наркомфина РСФСР, которая и получала из музеев страны «немузейные» ценности для продажи в пользу государства и Наркомпроса, также возмечтала заработать валюту. Снеслась с советским торгпредством в Австрии и через него пригласила представителей венской аукционной фирмы «Доротеум». Показала прибывшим — Бауму, Зильберману и Ледереру — свои склады в Москве и Ленинграде, в принципе договорилась о продаже в Вене того, что отберут австрийские антиквары по соглашению со своим руководством. И вызвала грандиозный скандал.

В октябре с дипломатической почтой в Наркомторг СССР поступило гневное послание Марии Федоровны Андреевой:

«...Считаю необходимым довести до Вашего сведения, что Берлин сейчас полон слухов о грандиозных концессиях, о чрезвычайно льготных условиях договоров, заключаемых в СССР и Наркомторгом, и Наркомпросом. О договоре Муссури здесь не только известно, но текст договора, переведенный на немецкий язык, имеется в руках немецких фирм, под этот договор ищут денег — Вы представляете себе, как это «выгодно» для нас и как вредно отзовется на нашей работе, на аукционе, назначенном на 9 ноября.

Я писала Вам в своей записке, что на нашем внутреннем рынке благодаря появлению нескольких закупающих групп создается ажиотаж и частные владельцы уже подняли цены на 200—400 процентов, что в дальнейшем сделает покупку вещей на рынке совершенно невозможной <...>

Только что Севзапгосторг (организация, аналогичная Мосгосторгу, действовавшая в Ленинграде и его окрестностях. — Ю. Ж.) начал рационально и с выгодой для себя экспорт трудного и сложного для реализации антикварного товара, причем не пользуясь никакими льготами, уплачивая все пошлины и налоги, как немедленно появилось несколько конкурентов, что уже само по себе вредно, но когда эти конкуренты — частные лица, как Муссури, или иностранцы, как Ледерер, Баум и Зильберман от венского аукционного дома «Доротеум», наконец какой-то банк для американского миллиардера, совершенно теряешься и не знаешь, что думать.

<...> Этот вопрос далеко не пустяковый и было бы чрезвычайно важно, если бы Вы выяснили, в чем дело и урегулировали бы все так, чтобы Севзапгосторг и Госторг (в те годы внешнеторговое ведомство РСФСР. — Ю. Ж.) в целом получили монополию на заготовку и экспорт в этой области, а чтобы наше торгпредство являлось единственным органом, реализующим этот товар за границей»¹.

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 19, д. 840, лл. 134—134 об.

Если бы большевики действительно научились торговать!

Если бы актрисы играли на сцене, а торговлей антиквариатом занимались бы маршаны!

Если бы вообще забыли о самой возможности экспорта антиквариата из нашей страны!

Но нет, все было совершенно иначе. Наоборот.

Реакция на послание М. Ф. Андреевой последовала незамедлительно, хотя и не совсем такая, как она надеялась. А события с этого момента стали развиваться даже слишком уж стремительно. Но удивляться тому не приходилось, ибо был, наконец, получен ответ на вопрос, давно мучивший руководство Наркомторга СССР: как, за счет чего еще можно расширить экспорт, увеличить тем самым поступление столь необходимой валюты.

Общее мнение руководства наркомата было однозначно. Андреева права: расширять наш экспорт следует и за счет антиквариата. Разумеется, никакой особой привилегии, монополии Севзапгосторгу и берлинскому торгпредству давать не следует. Включиться в работу должны все. И обе конторы Внешторга — московская и ленинградская, и все торгпредства — в Германии, Австрии, Италии, Франции, Финляндии, других странах, включая «Аркос» в Лондоне и «Амторг» в Нью-Йорке.

Ну, а источником столь широкой распродажи должно стать то самое имущество Главнауки, которое переходит в госфонды. И прежде всего — из собраний музеев Ленинграда и его окрестностей. Ведь о них работники Наркомфина рассказывают легенды...

Решение было принято, и уже в октябре 1927 года — впервые за весь период Советской власти, как своеобразный подарок к ее юбилею — Наркомторг СССР установил твердый план экспорта по антиквариату. Определил его размер на три последние месяца года в 500 тысяч рублей.

И, как бы подтверждая правильность избранной линии, в Москву поступила свежая информация:

«В Берлине состоялся 9 ноября аукцион первой партии наших антикварных предметов, отправленных сюда в августе с(его) г(ода) <...> Коммерческий результат вполне благоприятный: несмотря на то, что свыше 1/3 ценностей осталось непроданной, вследствие высокой оценки, выручка за проданную часть уже покрыла с некоторым превышением полную себестоимость всей партии. Реализация остатков будет производиться на ближайшем аукционе»¹.

Отныне сомнений в предстоящем получении баснословных доходов ни у кого уже и быть не могло. А потому Илья Осипович Шлейфер, член коллегии и начальник Управления заграничных операций (УЗО) — структурной части Наркомторга СССР, занимавшейся экспортом и импортом, официально заключил: «Дело это серьезное и заслуживает исключительного внимания. Я полагаю, что при правильной постановке этого дела мы могли бы получить 4—5 м(иллиона) р(ублей) валюты от экспорта»².

Теперь оставались чисто практические мелочи: избавиться от конкуренции Комиссии госфондов да добиться от Наркомпроса передачи уже непосредственно Наркомторгу СССР максимального количества произведений искусства, реликвий старины из музеев, и как можно скорее.

¹ ЦГАНХ СССР, д. 5240, оп. 19, д. 840, л. 104 об.

² Там же, л. 8.

С Наркомфином РСФСР поступили просто. Напомнили ему, что в стране существует, никем еще не отменена монополия внешней торговли. Осуществляет же ее Наркомторг СССР. А потому и следует Наркомфину незамедлительно прекратить все отношения с зарубежными антикварами.

Добиться покорности Наркомпроса столь же легко не удалось, хотя его настойчиво уверяли, что речь идет всего лишь о действительно госфондовом, т. е. «немузейном» имуществе. Лев Филиппович Печерский, помощник начальника УЗО, человек, который в течение последующего года возглавлял, координировал, направлял всю торговлю национальным культурным достоянием, разъярялся:

«Наши возможности по экспорту антикварных изделий чрезвычайно велики, хотя следует иметь в виду, что изделия, ценные с точки зрения музейного дела нашего Союза, мы продавать не будем»¹.

Печерский был уверен в перспективных возможностях «нового вида экспорта», но все же решил удостовериться в том лично. В начале декабря он выехал в Ленинград, внимательно и дотошно изучил положение дел и изложил свое мнение в докладной записке на имя Шлейфера:

«Во время моей поездки в Ленинград мне удалось выяснить следующее по вопросу об экспорте антикварных изделий.

1. Основное препятствие, которое нам придется преодолеть, заключается в совершенно непонятной косности так называемых «музейщиков», которые уже сейчас подняли большую кампанию против всяких попыток выделения совершенно ненужных вещей для музеев в качестве объектов экспорта. Нам удалось в присутствии знатоков дела ознакомиться, хотя и поверхностно, с так называемым музейным фондом... После того, как Наркомпрос сам убедился в нецелесообразности такого консервирования огромного имущества, имеются настроения в пользу передачи большей части этого фонда (называют 75 и 85 процентов) в госфонд. Знатоки дела утверждают, что можно, за редким исключением, весь музейный фонд реализовать без всякого ущерба для музейного дела. Если бы понадобилось когда-либо приобрести кое-что похожее на имущество фонда для провинциальных музеев, то это удастся сделать с совершенно незначительной затратой средств без всякого напряжения и лет через 10. Совершенно поверхностная оценка этого имущества дает чрезвычайно высокую цифру, уточнить которую сейчас, конечно, нельзя, но, грубо считая, можно назвать цифру в миллиона 3.

2. Дворец Палей. Непосредственное знакомство с этим имуществом специалистов приводит к выводу, что достаточно небольшого нажима на Наркомпрос, и нам удастся добиться отмены каких-либо изъятий из этого дворца. Уполномоченный Наркомпроса по Сев.-Зап. области тов. Позерн уже дал свое согласие на изъятие максимум 5—6 предметов. Тройницкий, осмотревший еще раз дворец, дает заключение, согласно которому можно без всякого вреда для музейного дела отказаться и от этих 5—6 предметов. Необходимо вызвать тов. Позерна (он сейчас на партийном съезде), и по отзывам ленинградских товарищей не трудно будет добиться от него необходимого согласия на передачу всего дворца Палей в госфонд. Тов. Позерн работал на Сев. Кавказе с тов. Микояном, и ленинградцы думают, что согласование вопроса об экспорте антиквар-

¹ ЦГАНХ СССР, р. 5240, оп. 19, д. 840, л. 112.

ных изделий из Ленинграда с тов. Позерном вполне достаточно для того, чтобы преодолеть сопротивление Наркомпроса.

3. Об Эрмитаже. В складах Эрмитажа имеется огромное имущество, переданное ему на хранение после октябрьской революции. Как выясняется, всем музеям вменено в обязанность не включать в свои инвентарные списки того имущества, которое им было передано на хранение после октября 1917 г. В частности, в Эрмитаже хранится колоссальное множество ценных с экспортной точки зрения предметов, не имеющих музейного значения в узком смысле этого слова. Так, например, в подвале Эрмитажа большое количество частей средневекового вооружения и панцирей. Тройницкий заявляет, что без специального разрешения он в состоянии выделить несколько комплектов такого вооружения, которое может дать около 750 тыс. руб.— мил(лион) руб. <...>

На складах Эрмитажа имеется множество фарфоровых изделий, ликвидация которых может дать несколько дворцов Палей. Имеется также разного рода ценное оружие (из подарков царской семье), не имеющее никакого исторического музейного значения. Ликвидация этого имущества встречает сопротивление соответствующего специалиста, но, как выяснилось, достаточно обещать Эрмитажу выделение части валюты, вырученной за эти предметы, и нам удастся, очевидно, преодолеть это сопротивление.

Госторг уговорился с Эрмитажем и приступил к закупке так называемой восточной керамики через специальную группу кавказских скупщиков. Этот товар находит большой спрос во всех европейских и американских музеях.

В Ленинграде имеется так называемый дом Шереметевых, играющий роль музея быта. Дом этот действительно воспроизводит быт дворян царской России, но в нем имеется некоторое количество высокоценных предметов. По мнению тов. Тройницкого, эти предметы безусловно могут быть заменены соответствующими менее ценными экземплярами без всякого нарушения характера ансамбля этого дома. По мнению тов. Тройницкого, таких предметов можно выделить на 1/2 мил. руб. без всякого сопротивления соответствующих инстанций Наркомпроса, а при известном напряжении можно получить экспортных вещей и на 1 м(иллион) р(ублей).

Госторгу предложено обратить также внимание на экспорт антикварных книг. Уже приглашен специалист-антиквар, которому даны соответствующие задания.

Организована также и закупка антикварных ценностей, находящихся в руках частных держателей. Уже приглашены 3 специалиста — старых антиквара для этой работы, установлен контакт с представителем госфонда в Ленинграде, привлечен в качестве постоянного эксперта Тройницкий, и по общему отзыву можно рассчитывать на полный успех.

Наркомторг Сев.-Зап. обл. на днях пришлет свое предложение законопроекта в отмену существующего сейчас порядка регистрации предметов музейного характера, находящихся в распоряжении частных лиц¹.

Пространная, но весьма любопытная по своему содержанию «Записка» Л. Ф. Печерского поражает своей откровенностью, раскрывает перед нами нрав ее автора. Нет, не только Печерского, но и всех тех, кто формировал

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 19, д. 840, лл. 45—47.

уже существовавшую, активно действовавшую административно-командную систему. Вернитесь немного назад. Перечитайте вновь письмо Марии Федоровны Андреевой — актрисы Художественного театра, с детства говорившей по-немецки и по-французски, овладевшей позднее несколькими диалектами итальянского. Андреевой — жены писателя Горького, дружившей с Федором Шалапиным, многими известнейшими русскими писателями. Перечитайте ее письмо, и вы обнаружите ту же лексику, в которой отразилось более чем странное отношение к произведениям искусства, экспонатам отечественных музеев.

Нет, ни Андреева, ни Печерский, ни эрудированные коллеги их по Наркомторгу СССР наверняка не отрицали культуры, не презирали ее. Наверняка ходили они в оперу, балет, концерты, картинные галереи и восхищались искусством, надо думать, искренне. Но... когда с началом рабочего дня эти люди появлялись в своих ответственных кабинетах, происходило чудо — они будто бы забывали о прекрасном, искусство теряло для них эстетическую категорию и становилось имуществом, вещью, товаром, одним словом.

Согласен, подобная метаморфоза трудно укладывается в голове. Но ведь именно в те годы рождался такой феномен, как «советский человек». Чудовищная идеология, основанная на тезисе «морально все, что полезно делу пролетариата», и создавала людей — и в первую очередь государственных, — живущих двойной жизнью, чувствующих одно, говорящих и делающих другое, чаще противоположное. Примеров тому в советской истории несть числа, а те, о ком речь, лишь малая частица.

Случайно уцелевший, чудом оказавшийся доступным для исследователей приведенный документ этот несет и иную, семантическую информацию. Со всей убедительностью свидетельствует, как, когда родилась идея разграбления ленинградских музеев. Со всей неоспоримостью доказывает, что еще за год до начала осуществления первого пятилетнего плана — подчеркиваю: за год! — работники УЗО наметили четкий и страшный по своему смыслу, последствиям план разграбления музеев. Наметили и произведения искусства, реликвии старины, сулившие им, нет — государству, баснословные прибыли.

Заранее решили пренебречь интересами нации, интересами науки, мнением Наркомпроса, специалистов-искусствоведов ради выполнения не чьих-либо, «спущенных сверху», а собственных, только что возникших планов. Обрекли на гибель два существовавших музея — дворцы Палей и Шереметева, десятки так и не открывшихся, решили распродать Государственный музейный фонд, хранившийся в Михайловском замке, запасники Эрмитажа.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

После принятия Совнаркомом СССР и РСФСР в январе 1928 года постановлений об усилении экспорта антиквариата распродажа художественных ценностей продолжилась. Только теперь — в более значительных размерах, нежели в минувшем году, хотя все еще из запасов музейного фонда. Но даже такие операции нуждались в весьма основательном прикрытии, в «дымовой завесе». Для этого была использована уже вполне послушная советская пресса, даже не догадывавшаяся, каким целям она служит.

Весной 1928 года московская «Рабочая газета» неожиданно заинтересовалась судьбою произведений искусства, реликвий старины и опубликовала на эту тему серию статей. Первая появилась 27 марта под заголовком «ПРОПАДАЮТ ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ. ЗА БЕСЦЕНОК ПРОДАЮТСЯ КАРТИНЫ, КОВРЫ, МЕБЕЛЬ И ХРУСТАЛЬ. ЗА ГРАНИЦУ УПЛЫВАЕТ СОВЕТСКОЕ ЗОЛОТО». Спустя три дня новая статья называлась так: «ДВОРЦОВОЕ ИМУЩЕСТВО В РУКАХ СПЕКУЛЯНТОВ. КАРТИНА, СТОЯЩАЯ 6 ТЫСЯЧ, ПРОДАНА ЗА 100 РУБЛЕЙ». Наконец, третий материал, в номере от 9 мая, имел уже объяснительный характер: «КАК РАЗБАЗАРИВАЕТСЯ ДВОРЦОВОЕ ИМУЩЕСТВО».

Читателю достаточно было лишь пробежать такие заголовки, набранные самым большим из имевшихся в типографии шрифтом. Пробежать, уяснить и запомнить: в музеях засели жулики, вредители. Но, знакомясь с материалами более внимательно, он мог узнать и подробности «страшных преступлений».

Содержание всех трех статей сводилось к одному. Из-за халатности и преступного попустительства Музейного отдела Наркомпроса бесценные сокровища, главным образом дворцов Ленинграда, Петергофа, Детского Села, незаконно попадали на аукционы Главнауки, а там по крайне низким, практически бросовым, ценам оказывались в руках спекулянтов. Тех, кто эти вещи вывозил за рубеж. Назывались и утраты — картины кисти Врубеля, Левитана, Серова, Айвазовского, фарфор юсуповского завода, личные вещи Николая II... И хотя официальный ответ из Ленинграда отвергал все обвинения как голословные, требовал «передать писавшего суду за ложные показания и дискредитацию государственных органов», редакция не сочла нужным (или получила рекомендацию по телефону) опубликовать опровержение.

Газета сообщила иное: «Особоуполномоченный Народного комиссариата торговли и управляющий Мосгосторгом т. Ангарский сообщил нашему сотруднику, что им отдано распоряжение в Ленинград о прекращении отпуска бывшего дворцового имущества комиссионным магазинам и аукционам».

Умному читателю теперь приходилось решать загадку. Почему, на основании каких полномочий руководитель внешней торговли Москвы столь бесцеремонно командует ленинградскими музеями, отдает им распоряжения. Ведь они подчинялись совершенно иному ведомству — Наркомпросу.

Но читатель обычно не задумывался. Воспринимал опубликованное как истину, не требующую проверки. И запоминал. Многие произведения искусства, реликвии старины уже ушли из музеев за рубеж. Ушли за бесценно исключительно по вине Наркомпроса, Главнауки и Музейного отдела. По вине хранителей дворцов-музеев. Словом, интеллигенции.

Так еще до начала крупных распродаж было сформировано общественное мнение. Таким образом, из-под удара выводились и «Антиквариат», и Госторг РСФСР, и Наркомторг СССР. С них заранее снималась вся вина. Снималась ответственность за то, что происходило, что должно было произойти.

В то время, как советская пресса сознательно и целеустремленно дезинформировала своих читателей, не работники музеев, не сотрудники Музейного отдела, а само государство во все больших масштабах разбазаривало национальное достояние, легко и спокойно продолжало продавать доверенные ему художественно-исторические ценности. Уж

очень нужны были ему призрачные миллионы в валюте, обещанные М. Ф. Андреевой и Л. Ф. Печерским. Срочно требовались для того, чтобы покрыть дисбаланс во внешней торговле, оплатить закупки, сделанные за рубежом в кредит.

В самом начале 1928 года в Ленинграде вновь появился Крюгер, официальный эксперт-закупщик кунстаукционхауза «Рудольф Лепке». Заверенный в советском торгпредстве, что остается единственным зарубежным покупателем русских сокровищ, он неспешно изучал картины и мебель, бронзу и фарфор, собранные в Михайловском замке. Не торопился, ибо надеялся побывать и во дворце Палей, о котором ему столько раз говорили. Правда, еще лишь вскользь, полунамеками.

И вдруг, совершенно случайно, Крюгер обнаружил, что здесь у него, оказывается, есть конкурент, и, судя по всему, весьма солидный — некий французский антиквар Менашэ. Тот по приглашению ленинградской экспортной конторы Госторга РСФСР также отбирал в Михайловском замке для себя «товар». Также ожидал возможности посетить в Детском Селе дворец Палей.

Да, Наркомторг СССР никаких исключительных прав «Рудольфу Лепке» не только не предоставил, но и не собирался предоставлять. Более того, все настойчивее стремился найти новых партнеров, новые выходы на международный рынок, чтобы выбрать самого щедрого покупателя. Приглашал всех, кто готов был сотрудничать. Даже намекал на возможность попасть в запасники Эрмитажа. Правда, не сейчас, а позднее. Но крупных сделок заключать не торопился. Выжидал. Пытался выяснить не с чужих слов реальную конъюнктуру.

Зондаж шел взаимный. Крупные, солидные, хорошо известные среди коллекционеров обоих полушарий фирмы также выжидали, стремились твердо удостовериться: действительно ли большевики готовы пойти на распродажу части собраний своих музеев, как упорно говорили в Берлине, или же это всего лишь пустые слухи, чья-то «утка». И потому усердствовали пока только антиквары средней руки. Как рыбы-лоцманы, идущие впереди акул, спешили они в Советский Союз. На разведку. Но и в желании урвать свой куш.

Во второй раз приехали те самые венцы, которые еще несколько недель назад жаловались в торгпредстве на непонимание. На то, что им ничего не показали, не продали. И все же вернулись, уже точно зная — где, что и за сколько они смогут купить.

Внешне самым неудачливым выглядел Поллак, младший компаньон малоизвестной даже в Австрии фирмы «Винтерниц и Поллак». Не располагая собственными значительными средствами, в действительности он представлял интересы финансировавшего его поездку кунстаукционхауза «Рудольф Лепке». Выполняя чужое поручение, Поллак действовал крайне осторожно, наверняка. Отобрал небольшую, но весьма ценную коллекцию антиквариата. Уместилась она всего в 4 ящиках.

Несколько больший успех выпал на долю Ледерера. Не для себя, для венского аукциона произведений искусства «Доротеум» разыскивал он в Москве и Ленинграде то, что сразу же и хорошо пойдет с торгов. Денег зря не тратил, но изловчился, не без помощи Мосгосторга и московской конторы «Антиквариат», сумел упаковать и отправить в Вену 9 ящиков.

Впервые посетившие Советский Союз эксперты венской фирмы «Бернгард Альтман» вели себя иначе. Уверенные в том, что еще раз побывать

им в Москве вряд ли удастся, они с размахом, не скупясь, брали все, на что хватало средств. Тщательно проследили за упаковкой, застраховали и погрузили в багажный вагон международного экспресса собственную долю русских сокровищ — 23 ящика!

Столь же везучим оказался и Е. А. Зильберман, теперь уже действовавший не от «Доротеума», а от себя. Как он и обещал заместителю советского торгпреда в Австрии М. Карлсбергу, сделал покупок на 40 тысяч долларов, четвертую часть которых внес перед отъездом как аванс. Сразу же после возвращения домой мгновенно выставил и не без выгоды для себя продал в «Доротеуме» 60 весьма интересных антиков. Но большую часть своей добычи Зильберман выслал в Нью-Йорк, где цены, как он хорошо знал, были гораздо выше, нежели в Европе.

В апреле 1928 года объявился в нашей стране еще один французский гражданин, Н. Вейсс. При посредничестве Мосгосторга он напрямую направился в Детское Село и вскоре приобрел там «пробную» партию из запасов госфонда, тут же отправленную через Ригу в Париж. Только после этого, уже в мае, Вейсс позволил себе подписать с Н. С. Ангарским долгосрочный, рассчитанный на выполнение до конца текущего года договор. По нему Вейсс обязывался принять «на себя поручение реализовать в Англии и Франции антикварно-художественные вещи, закупленные Мосгосторгом на частном рынке в районе Москвы и Московской губернии, а также в провинциальных городах, обслуживаемых Мосгосторгом»¹. Французский торговец обязывался каждые 10 дней выплачивать Мосгосторгу в фунтах стерлингов стоимость всех отобранных для экспорта вещей и еще сверх того 60 процентов от общей суммы.

Деловая активность Николая Семеновича Ангарского на том не ограничилась. Желая как можно скорее и проще для себя выполнить определенный Наркомторгом СССР для Мосгосторга план экспорта антиквариата на 700—800 тысяч рублей, он еще в феврале 1928 года заключил соглашение с советским внешнеторговым объединением «Совпольторг», предоставив ему монопольное право вывоза и продажи в Польше произведений искусства, реликвий старины на сумму в 100 тысяч рублей, закупленных Мосгосторгом у частных лиц.

Но на всех — и на зарубежных антикваров, и на «Совпольторг» — одной Москвы, с ее уже изрядно оскудевшим рынком и неприкосновенными пока музеями, явно не хватало. Потому-то Н. С. Ангарский упорно пробивался к сокровищам Ленинграда. И не только к тем, что хранились на складах Комиссии госфондов, но и в Михайловский замок, в запасники Эрмитажа. Направлял туда своих иностранных компаньонов.

Но в Ленинграде и без посланцев Ангарского хватало проблем. Между самим «Антиквариатом» и торгпредством в Берлине назрел конфликт, требовавший немедленного разрешения.

Соглашение с «Рудольфом Лепке» советской стороной выполнялось безукоризненно. К 1 января 1928 года на складах торгпредства скопилось художественных ценностей на 70 тысяч долларов. Вскоре к ним добавилась новая партия, подобранная в Ленинграде и там же оцененная в 100 тысяч рублей. А в феврале поступила еще одна. Вот из-за нее и разгорелись споры.

Советские эксперты определили стоимость последней партии антиква-

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 19, д. 841, л. 14.

риата в 400 тысяч рублей. Но затем изъяли из нее подборки гравюр и восточного оружия, вновь изучили оставленное для вывоза и оценили его уже в 633.123 рубля. «Рудольф Лепке», получив предназначенные ему произведения искусства, заявил протест. Счел цены явно завышенными.

Понять немецких партнеров было можно. Ведь фирма, проводящая аукционы, оперирует иными ценами — лимитными (стартовыми) или минимальными. Теми, которые и привлекают участников аукциона, побуждают вступать в конкуренцию между собой. Не следует забывать и иное. «Рудольф Лепке» получал свои 25 процентов именно от разницы между начальной и окончательной, продажной стоимостью вещи. И чем значительнее будет разрыв в ценах, тем большую прибыль получит фирма.

Разрешать конфликт пришлось руководителю «Антиквариата» А. М. Гинзбургу. В середине мая 1928 года он прибыл в Берлин. Там на совещании, в котором участвовали заместитель торгпреда Б. С. Беленький, М. Ф. Андреева и представитель дирекции фирмы «Рудольф Лепке», сумел привести стороны к компромиссному решению.

Последнюю партию оценили в 500 тысяч рублей. Советские художественные ценности решили выставить на юбилейном для фирмы двухтысячном по счету аукционе. А для этого договорились собрать в Ленинграде произведений искусства еще не менее чем на 2,5 миллиона рублей. И обязательно включить в новую партию «целый ряд вещей первоклассных для того, чтобы заинтересовать не только обычную публику, но и крупнейших коллекционеров всего мира»¹.

Уже в июне берлинский эксперт Крюгер в который раз оказался в хорошо ему знакомом Михайловском замке. Следуя букве и духу договоренности, настойчиво требовал для предстоящего аукциона лишь самое лучшее, самое интересное. Но руководитель госторга Северо-западной области Простак и заведующий антикварно-художественным отделом этой организации Кример не уступали. Отстаивая собственные интересы, они помнили, что у них есть твердые договоренности не только с Берлином, но и с «Амторгом». Есть, наконец, и план. И потому настаивали, чтобы Крюгер либо взял все, что еще оставалось на складах, либо получил только часть наиболее ценного.

И вновь А. М. Гинзбург должен был стать арбитром. Правда, ни на минуту не забывая о новом обстоятельстве, весьма связывавшем его: «Рудольф Лепке» согласился пойти навстречу Наркомторгу СССР и предоставить ему просимый аванс в размере 2,5 миллиона марок, но непременно под обеспечение отобранных и оцененных Крюгером произведений искусства.

Уладить дело удалось огромной ценой — позволить Крюгеру проводить отбор не только в Михайловском замке, но и в запасниках Эрмитажа, Гатчинского дворца, где уже полгода хозяйничали Менашэ и Вейсс, где снова были сотрудники «Антиквариата», Комиссии госфондов, подбирая партии «товара» для «Амторга», для венских аукционных фирм «Доротеум», «Галери Сан-Люк».

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 9, д. 243, л. 7.

ПРОРОЧЕСТВО КАССАНДРЫ

Странная суэта в хранилищах музейного фонда, почему-то закрывавшиеся без всяких объяснений дворцы-музеи, необычные посетители, зачавшие туда, — все это не могло пройти незамеченным. О ширившихся изъятиях скоро узнали, заговорили научные сотрудники. Но они могли лишь гадать, что же происходит. Правду знали немногие. В их числе и Сергей Николаевич Тройницкий — ученый с мировым именем, в то время один из крупнейших знатоков западноевропейского прикладного искусства, специалист, великолепно знавший собрания и Эрмитажа, и практически всех ленинградских музеев, ибо почти десять лет занимал пост директора Эрмитажа.

Без него внешторговцы обойтись никак не могли. Вынуждены были у него консультироваться, привлекать как эксперта и оценщика. Наконец, просто обращаться за разрешениями, ибо Тройницкий не ушел из Эрмитажа, а оставался там заведующим отделом прикладного искусства. Только поэтому перед ним пришлось раскрыть карты — познакомить с решением Наркомторга о намеченных размерах экспорта антиквариата, и сообщить, что такие действия одобрены, даже санкционированы специальным постановлением Совнаркома СССР.

Сергей Николаевич крепился долго. Но все же не выдержал. Не сумел стерпеть бессмысленных действий бездарных, но самонадеянных чиновников, облеченных высокими правами, все чаще втягивавших его в свои аморальные авантюры с экспортом.

В один присест написал для «Антиквариата» докладную записку. Понимая, с кем имеет дело, обходил вопросы морали, этики, избегал чисто научных аспектов и вел речь лишь о доступном, понятном адресату — о коммерции, расчетах на прибыль, о престиже страны.

С. Н. Тройницкий писал:

«По вопросу о выделении и реализации на заграничном рынке антикварных ценностей на сумму в 30 миллионов рублей считаю своим долгом высказать нижеследующее.

1. Особенности антикварного рынка и его ограниченная емкость позволяют усомниться в возможности нормальной реализации вещей на такую крупную сумму и в короткий срок (1 год), придется продавать вещи за бесценок, т. е. для получения суммы в 30 миллионов в действительности выделить и продать на сумму в 50, 80, а, может быть, и 100 млн. рублей. Товар, выходящий за пределы потребностей рынка, на определенный срок является товаром мертвым, и он будет приобретен по самой низкой цене перепродавцами, которые учтут, что значительная его часть может пролежать ряд лет без продажи.

2. Предполагаемая первоклассность и высокая валютная ценность подлежащих выделению и реализации предметов несколько не изменит вышесказанного положения, т. к. а) как бы ни были первоклассны выделенные предметы, при такой огромной сумме среди них будет много однородных, следовательно, в известной части трудно ликвидных; б) самый факт массовой продажи исключительно первоклассных памятников создает впечатление катастрофического положения страны и вызовет желание его учесть и использовать.

3. Что это действительно так, показывает предложение гр. Гюльбеняна, который предложил купить на 10 млн. рублей картин и представил список из 18 лучших картин Эрмитажа, стоящих, по самому скромно-

му расчету не менее 25—30 млн. рублей. Открытая же продажа некоторых из них, как «Мадонна Альба» Рафаэля, «Юдифь» Джорджоне и «Блудный сын» Рембрандта, несомненно, вызвала бы в некоторых странах национальную подписку для их приобретения и покрыла бы сумму в 10 млн. рублей.

4. Из суммы в 30 млн. рублей предложено на 25 млн. рублей выделить 100 вещей ценою не ниже 100 тысяч каждая, т. е. в среднем по 250 тысяч за вещь. Таких высокоценных вещей имеется вообще немного. В московских и провинциальных музеях могут найтись только единичные предметы и таким образом вся тяжесть этой операции ляжет на Эрмитаж и, главным образом, на его картинную галерею.

Между тем, возможно, точный подсчет показал, что картин стоимостью свыше 100 тыс. рублей в Эрмитаже имеется только около 115, а других предметов такой ценности от 25 до 30.

Следовательно, реализация 100 предметов такого качества будет иметь следствием уничтожение Эрмитажа и сведение его с места первого в мире музея до положения склада второстепенных и третьестепенных вещей, пригодного лишь для пополнения провинциальных музеев. К этому надо прибавить, что в число этих 115 картин входит около 30 Рембрандтов, которые, конечно, не могут быть реализованы не только в течение года, но даже и 10 лет.

5. Не только разрушение Эрмитажа, но даже изъятие отдельных предметов, в течение полутора столетий украшающих его стены, вызовет крупный международный скандал, т. к. значение Эрмитажа далеко выходит за пределы СССР, он является фактором мирового культурного значения, что было признано даже нашими врагами. Так, при осуществлении Рижского мирного договора Польское правительство оставило в Эрмитаже ряд первоклассных произведений, на получение которых Польша имела право, но изъятие которых из Эрмитажа нарушило бы целостность его собраний. Такое значение Эрмитажа и музейного строительства СССР вообще подтверждает и факт поездки осенью 1926 года члена английского парламента Мартина Конвея в Америку для прочтения ряда лекций на эту тему, для чего ему, согласно предложению покойного полпреда во Франции Л. Б. Красина, был предоставлен необходимый материал. Говорить о той огромной литературе, которая посвящена советским музеям за последние годы, конечно, не нужно.

Поэтому несомненно, что всякий ущерб, нанесенный Эрмитажу и другим музеям, очень отрицательно повлияет на общественное мнение и тяжело отразится в ряде практических дел, т. к. вызовет ложное представление о катастрофическом положении страны и даст возможность врагам СССР, давно утверждающим, что никакая культурная работа в советской стране невозможна, торжествовать исполнение хотя бы части предсказаний.

6. Не менее тяжелые переживания такая операция вызовет и внутри страны. В течении 11-ти лет мы с колоссальным трудом и огромными жертвами спасали и сохраняли художественное достояние государства, в течение 11 лет мы внушали самым широким массам, что музеи являются одним из важнейших элементов в культурном строительстве и самой демократической из школ, понятной и доступной даже для неграмотных, и все это для того, чтобы на 12-й год разрушить наши огромные в этом деле достижения, для проблематичного получения ничтожной с точки зрения государственного бюджета суммы.

Не надо забывать и того угнетающего впечатления, которое вызовет мысль, что лучшие произведения искусства, на которых ежегодно учатся и воспитываются сотни тысяч людей, из стен музеев перейдут в частные собрания буржуазных коллекционеров и надолго, если не навсегда, выйдут из общего пользования.

7. Но значение наших музеев для страны огромно не только в культурном отношении, они бесспорно являются реальным фондом, обеспечивающим нашу кредитоспособность, и будут служить источником огромных доходов. Если маленькая Швеция, не обладающая ни одним сколько-нибудь выдающимся музеем, зарабатывает ежегодно на туризме десятки миллионов крон в валюте, то чего же можем ожидать мы, имея такой, нигде более не существующий и неповторимый художественно-исторический комплекс, каким является Эрмитаж в окружении загородных дворцов. Не разрушать их нужно, а всячески поддерживать, и в ближайшее время, при упорядочении международных отношений, они сторицей вернут принесенные им жертвы.

Подводя итог всему сказанному, можно определенно утверждать, что для получения 30-миллионного фонда, согласно имеющемуся плану, фонду, еле покрывающему 3—4-дневный бюджет государства, неминуемо придется:

1. Выделить вещей на значительно большую сумму и продать их за бесценок.

2. Разрушить Эрмитаж и ряд других музеев, что будет означать отказ от одного из важнейших факторов культурного строительства.

3. Вызвать самое отрицательное отношение в общественном мнении как внутри страны, так и во всех других странах.

4. Создать ложное впечатление о катастрофическом положении страны.»¹

...Отчаянная попытка С. Н. Тройницкого предотвратить самое страшное, записка, воистину написанная кровью сердца, оказалась гласом вопиющего в пустыне. Руководство «Антиквариата», ознакомившись с нею, не нашло ничего лучшего, как переправить в Берлин, М. Ф. Андреевой. А та, естественно, с очередной дипломатической почтой отослала записку в Москву. «Лично наркому А. И. Микояну для ознакомления и директивы».

Но, как и положено в чиновничьем мире, из секретариата Микояна копии записки пошли его заместителям. Л. М. Хинчук, М. Б. Эйсмонт, И. О. Шлейфер равнодушно пометили: «В дело». Только К. Г. Максимов прочитал внимательно. Задумался. И попытался дать ход «делу», изложив свое мнение:

«Тов. Микояну. Считаю, что изложенные соображения заслуживают безусловного внимания. Конечно, директива об экспорте на 30 м. р. должна быть выполнена, но ее выполнение не должно переходить указанные границы. Мне кажется, что если выпустить внутренний заем сохранения мировых культурных ценностей, то можно будет собрать не 30 м. р., а все 100».

На этом обсуждение предложений С. Н. Тройницкого завершилось. Больше никто и никогда уже не возвращался к его записке. О ней просто забыли.

Но Сергей Николаевич продолжал надеяться, ждал ответа. Ждал

¹ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 9, д. 243, лл. 10—12.

с волнением и нетерпением, ибо срок аукциона в Берлине неумолимо приближался. А его и успех, и провал в равной степени означал только одно: продолжение разграбления ленинградских музеев. И потому Тройницкий решил прибегнуть к помощи. Он обратился за поддержкой к неперемennomу секретарю Российской академии наук, академику С. Ф. Ольденбургу. Изложил ему все обстоятельства и добился, естественно, согласия. Теперь уже Сергей Федорович, пользуясь своим высоким официальным положением, стал взывать к совести руководителей страны. Обращался к Рыкову, Калинин, Бухарину, Енукидзе.

Вот последнее из таких обращений:

«Глубокоуважаемый Абель Софронович!

Пишу Вам и одновременно Алексею Ивановичу, Михаилу Ивановичу и Николаю Ивановичу Бухарину. Пишу о деле, о котором мы с Вами говорили и по которому не могу молчать как человек, искренне преданный Советскому строю.

Опять появились антиквары и т. н. люди и, видимо, спешно готовят распродажу редчайших картин и других художественных ценностей. Готовятся сделать непоправимую ошибку, которая ляжет неизгладимым пятном на нашей революции.

Эти продажи основаны на непонимании и необдуманности одних и на желании нажиться других. Около этого дела наживутся многие, а государство получит жалкие по масштабам его потребностей суммы. Между тем, отрицательное впечатление, которое произведут эти продажи во всем мире, будет крайне вредно для нас: скажут, что бесхозяйственность мы разорили страну, а теперь распродаем ее последние ценности.

Не знаю, кто у нас стоит за эти продажи, ясно одно: или это крайне недалёковидные, или недобросовестные люди, потому что ясно, что ни о каких крупных суммах и речи быть не может.

Не может быть сомнения, что дело это кончится в пролетарском суде. Но тогда уже будет поздно — вред нашему строительству будет уже нанесен громадный. Надо остановить эти бессмысленные, вреднейшие продажи теперь же.

Знаю, как дорого Вам дело нашей революции — сделайте все от Вас зависящее, чтобы не было этого позора и вреда советскому строю.

Искренне Вас уважающий
СЕРГЕЙ ОЛЬДЕНБУРГ.¹

11/Х-28

Ленинград

Ни Тройницкий, ни Ольденбург не догадывались, что решение о распродаже принято на самом высшем уровне. Не знали текста постановления Совнаркома СССР. Не предполагали, что картины и фарфор, бронза и мебель — лишь средство для достижения главной цели — сверхбыстрой индустриализации. Возможность завершить политический спор, раздиравший партию. Последний для Сталина шанс удержаться у власти, доказать именно свою правоту. Остальное никого не интересовало.

Тройницкий и Ольденбург повторили пророчество Кассандры. До мелочей, до деталей предсказали все, что произошло в ближайшие четыре года. Ошиблись лишь в одном. Заграница отнеслась к распродажам равнодушно. Просто не обратила на них внимания. Советское же

¹ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 9, д. 243, л. 26.

общество, народ, населяющий СССР, — единственно законный владелец всех художественных богатств — о вывозе узнал лишь спустя более полувека.

О предстоящей распродаже, об ограблении музеев, Музейного фонда знал еще один человек. Знал по долгу службы, в силу занимаемого положения. Нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский. Знал, но уже ничего не мог предпринять, что-либо изменить. Но винить он себя не мог. В конце сентября ему удалось добиться встречи с А. И. Микояном, настоять на немедленном утверждении обоими «Списка предметов старины и искусства, не разрешаемых к вывозу за границу».

Тринадцать параграфов документа — по видам произведений искусства, включая археологические находки, могли бы предотвратить преступление. Они однозначно, предельно четко и ясно определяли: разрешается вывоз картин — лишь работы современных художников, да и то «за исключением отдельных, особо выдающихся произведений»; икон — только тех, что созданы, начиная с XVIII века; фарфора, хрусталя, изделий из серебра, тканей, мебели — со второй половины XIX века; гравюр, ковров, бронзы — только XIX и XX веков.

Все бы было хорошо, если бы не приписка, появившаяся спустя несколько дней после подписания документа на оборотной стороне второго листа «Списка».

На нем был добавлен еще один, 14-й параграф, утвержденный лишь Микояном и согласованный — по телефону! — с только что назначенным членом коллегии Наркомпроса М. Н. Лядовым, функционером партии, никогда не связанным не только с музеями, но и с искусством вообще. Приписка гласила: «Настоящий список запрещенных к вывозу предметов старины и искусства не распространяется на главную контору Госторга РСФСР по скупке и реализации антиквариата, которой предоставлено монопольное право экспорта предметов старины и искусства. Главная контора совершает весь вывоз предметов старины и искусства по лицензии органов Наркомторга и удостоверениям Главнауки Наркомпроса»¹.

Приписка, перечеркнувшая весь документ!

С Луначарским можно было и не считаться — дни его на посту наркома были сочтены.

Распродажу в Берлине не отменили.

На революцию, по выражению С. Ф. Ольденбурга, легло несмываемое пятно.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Минуло два года. Распродажа советских музейных ценностей приняла уже откровенно маниакальный, бессмысленный, не поддающийся нормальному объяснению характер. Каковы бы ни были результаты, пусть даже себе в убыток, но — продавать. Во что бы то ни стало продавать. Кому угодно и что угодно.

Скандалами, судебными исками завершились два аукциона: берлинский 1928 года и лондонский 1929 года. Полным провалом, принесшим нам сплошные убытки и долг фирме «Рудольф Лепке» в 595 тысяч

¹ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 9, д. 308, лл. 4, 5, 5 об.

золотых марок, — берлинский аукцион 1929 года. Но даже все это не могло остановить руководство внешнеторговых служб Советского Союза, единожды принявшее решение об экспорте антиквариата.

Мировой экономический кризис? С аукционов ничто не уходит, а если и кто-то что-то приобретает, то по смехотворно низкой цене? Значит, нужно продавать богатым коллекционерам. Миллионерам, сумевшим сохранить свои капиталы, удержавшимся на плаву вопреки Великой депрессии. Тем, кто в отличие от наших специалистов по экспортным и импортным операциям слишком хорошо понимал; деньги, даже доллары, дешевеют с каждым днем, а художественные ценности, как и недвижимость, единственно надежный и даже выгодный способ сохранения капитала.

Первым таким нашим партнером стал Галуст Гюльбенкян. Армянин с паспортом подданного Великобритании, проживавший в Париже. Глава «Ирак петролеум», сведший знакомство с Георгием Леонидовичем Пятаковым, одним из участников троцкистской оппозиции, волею Сталина оказавшимся в 1928 году на посту торгпреда СССР во Франции.

Галуст Гюльбенкян приобрел из залов Эрмитажа девять великопнейших картин старых европейских мастеров: Рембрандта — «Портрет старика», «Портрет Титуса», «Афина Паллада», Рубенса — «Портрет Елены Фоурмен», Боутса — «Благовещение», Терборха — «Урок музыки», Робера — «Версаль», Ватто — «Мецеттен», Ланкре — «Купальщицы». И еще множество произведений прикладного искусства.

В последний раз напомнил о себе нефтяной магнат незадолго до завершения тайных сделок с «Антиквариатом», когда по миру поползли слухи о том, что Советы открыли залы Эрмитажа американскому миллионеру Эндрю Меллону и готовы уступить ему все, что тот ни пожелает.

17 июля 1930 года Гюльбенкян направил Г. Л. Пятакову, тогда уже председателю правления Госбанка СССР, пространное письмо, озаглавленное им «Меморандум»:

«Я знаю, что Вы не интересуетесь вопросами, касающимися произведений искусства, и что Вы заявляете, что совершенно некомпетентны в этом деле, и лишь для того, чтобы быть мне приятным, проявили чрезвычайную любезность, связав меня с Вашими соответственными и заинтересованными в том управлениями. Точно так же вы знаете, что я всегда придерживался тезиса, что произведения, хранящиеся в Ваших музеях на протяжении многих лет, не должны распродаваться, ибо они представляют собою не только национальное достояние, но и обширный воспитательный фонд и, одновременно, величайшую национальную гордость, а если сведения об их распродаже проникнут в публику, то этим будет нанесен ущерб кредиту Вашего правительства.

В самом деле, тогда пришли бы к заключению, что Вы дошли до крайнего состояния, раз вынуждены выпускать из рук произведения, стоимость которых, по существу, не даст значительных поступлений государству. Вы располагаете данными для суждения о психологии и мышлении распорядителей кредитов за границей, и я могу Вас заверить, что продажи, проведенные за счет Ваших музеев, производят скверное впечатление, и они не могут не повлиять на психологию финансистов, уменьшат Ваш престиж за рубежом.

После всего сказанного Вы вправе спросить, почему же я пишу Вам об этом, когда и сам стремлюсь приобрести эти произведения.

Вы, вероятно, помните, что я всегда рекомендовал Вам и продолжаю советовать Вашим представителям не продавать Ваши музейные ценности, ну, а если Вы все же собираетесь продавать их, то отдать мне предпочтение при равенстве цены, и просил держать меня в курсе того, что Вы намерены продать.

В настоящем меморандуме я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что Ваши представители игнорируют наши сердечные и дружеские отношения и, желая, по-видимому, схитрить, скрывают от меня сведения о тех произведениях искусства, которые намереваются продать. Устраивают распродажи произведений искусства из Ваших музеев втихомолку, не обращая внимания, что те уже находятся в Америке. В публике уже много говорят об этих продажах, которые, по моему мнению, наносят огромный ущерб Вашему престижу (особенно продажи г-ну Меллону, который очень на виду). Возможно, что в некоторых случаях в Америке Вам и удастся добиться более высоких цен, нежели предлагавшиеся мною. Однако невыгодность сделок, совершенных таким образом, настолько значительна с точки зрения престижа, пропаганды и огласки, что мне приходится лишь удивляться, что Вы все же идете на них.

Ваша беда в том, что большинство Ваших представителей не отдает себе отчета в необходимости учитывать совокупность весьма многих обстоятельств. Иными словами, тот, кому поручено продать картину или произведение прикладного искусства, воображает, что достигает наибольшего успеха, просто найдя выгодного покупателя, не считаясь с иными последствиями заключенной сделки. Эти чиновники не понимают, какой вред наносят Вашей кредитоспособности. Их совершенно не волнует то негативное впечатление, которое создается распродажей ценностей из Ваших музеев.

Торгуйте, чем хотите, но только не тем, что находится в музейных экспозициях. Продажа того, что составляет национальное достояние, дает основание для серьезнейшего диагноза. Делать, что заблагорассудится, Вы можете лишь в том случае, если не испытываете нужды в заграничных кредитах. Но ведь Вы прибегаете к этим кредитам и, в то же время, в тех же самых кругах дискредитируете сами себя. Не забывайте, что те, у кого Вы просите кредиты, и являются покупателями Ваших музейных ценностей.

Скажу откровенно, Вы не должны были продавать даже мне, а возможно — мне менее, чем кому бы то ни было. Я говорю это для того, чтобы Вы не подумали, что я забочусь лишь о том, чтобы стать Вашим монопольным покупателем.

Но вернусь ко второй цели меморандума, а именно: если Вы, несмотря на мои советы и настояния не продавать музейные ценности, все же решитесь расстаться с ними, я был бы весьма Вам признателен, если бы Вы дали распоряжение не скрывать ничего от меня и информировать загодя о желании продать наиболее ценные произведения искусства, особенно те, список которых я передал г-ну Биренцвейгу (научный консультант-искусствовед Гюльбенкяна. — Ю. Ж.).

Я хотел бы также знать, принято ли какое-либо решение о продаже музейных ценностей (какой ущерб для Вашего престижа!) и в положительном случае получить каталог и фотографии, чтобы сделать выбор самому. Я сделаю все возможное, дабы предложить наиболее высокие цены. Однако Вы, разумеется, не обязаны поддаваться на мои уговоры,

если только сумеете получить от другого цену большую, чем моя.

Произведения искусства не являются обычным, заурядным товаром, и цены на них зависят и от собирателя. Моя совесть чиста, так как я всегда был с Вами максимально щедрым, в то время как Ваши представители разыгрывали со мною комедию. Я надеюсь, что благодаря Вашему влиянию таким отношениям будет положен конец.

До сих пор все сделки, заключенные со мною, сохранялись в тайне, но теперь я вижу, что обставлял их чрезмерными предосторожностями. И это тогда, когда Ваше управление легко поддавалось влиянию посредников и прибегало к таким методам, которые противоположны интересам Вашего протекторства.

Если, несмотря на все сказанное, Вы все же решитесь на продажу ценностей из Ваших музеев (а я настаиваю на том, что этого делать Вам не следует), то вместо того, чтобы их продавать посредникам, пустите все в открытую продажу на рынке, ибо наивная игра в прятки, практикуемая сейчас, принесет только убытки. Те, кому поручены эти операции, не отдадут в том себе отчета, игнорируют огромный косвенный вред, причиняемый ими же. Я рассмеялся, когда один из них заявил мне, что во время французской революции также распродавали собрания Версаля. Что за наивное простодушие, что за незнание эпохи и обстоятельств!»¹

Наркомторг СССР не внял и этой, более чем незаинтересованной рекомендации и не нашел ничего лучшего, как ринуться в очередную авантюру — «тайно» продолжать продавать для коллекции Меллона сокровища Эрмитажа, хотя эта сделка и стала уже секретом полишинеля, а одновременно выбрасывать на аукционы «Рудольф Лепке» — в счет долга! — все новые музейные ценности из Эрмитажа, многих других собраний и галерей страны. А при посредничестве Арманда Хаммера распродавать в США реликвии старины из императорских резиденций. В том числе и ставшие столь известными сегодня подарочные пасхальные яйца, изготовленные ювелирной фирмой Фаберже.

С тех пор прошло шестьдесят лет, но ничто не изменилось, разве что масштабы.

Вот хроника наших дней. Хроника периода перестройки, возвращения к общечеловеческим ценностям, построения правового государства.

7 июля 1988 года в Москве при активном участии Министерства культуры СССР проходит аукцион фирмы «Сотби». На нем проданы за рубеж произведения наших авангардистов 20-х годов. Комментируя событие, 9 июля газета «Советская культура» заключила: «Что ж, первый опыт состоялся. Чего пожелать следующим? Широты в отборе, объективности в оценках и, конечно, активного участия в будущих торгах представителей советских музеев».

14 февраля 1989 года «Советская культура» сообщила о продаже нами в Афинах 300 икон, произведений культового прикладного искусства. И отметила: «Удалось заработать для государства солидную сумму в валюте».

Июль 1990 года. Все та же «Советская культура» бьет тревогу. Из-за нерасторопности чиновников срывается наше участие в очередном аукционе «Сотби», который, по мнению газеты, является «значительной культурной акцией».

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 5240, оп. 19, д. 846, лл. 24—24 об.

16 января 1991 года газета «Известия» помещает рекламу лондонской галереи «Рой Майлс», готовой приобрести картины из «запасников республиканских, областных и краевых музеев» нашей страны.

20 апреля 1991 года «Советская культура» публикует материал «Бог войны», даешь валюту!». Предлагает продавать за рубеж и, конечно, за валюту, образцы оружия, хранящиеся в запасниках Ленинградского военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

7 ноября 1991 года газета «Московская правда» и 9 ноября «Культура» сообщили, что «Американское фермерское бюро готово на основе бартера обменять зерно и сельхозтехнику на картины из советских музеев, в том числе на произведения Матисса, Пикассо и другие шедевры».

...Все вернулось «на круги своя». Только вместо Наркомторга СССР выступает продавцом Министерство культуры СССР, а в роли посредника — Всесоюзное художественно-производственное объединение имени Е. В. Вучетича при этом министерстве.

Государство, а вернее — лица, власть предержавшие, по-прежнему считают себя единственными собственниками культурно-исторического достояния. Распоряжаются им самовольно и бесконтрольно, ибо административно-командная система жива. Она сохранилась и после августовских событий, но только перекрасилась. Обрядилась в тогу демократии.

Итак, уважаемые читатели, вы узнали о том, как готовилась распродажа музейных ценностей. Страшная по своим последствиям, аморальная по существу, преступная с точки зрения права, бессмысленная как экономическая мера акция.

Изъятие картин, произведений прикладного искусства фиксировалось особыми актами, в коносаментх. Но все эти документы в конце 30-х годов были сознательно и планомерно уничтожены. Мы не знаем, какой же урон был нанесен нашей культуре. Не знаем, но должны, обязаны знать.

Для этого остался только один путь. Необходимо тщательно изучить фондовые (инвентарные) книги республиканских, краевых, областных музеев, установить по ним — единственному источнику, — что же именно было передано в 1921 — начале 30-х годов в госфонды, отдано в распоряжение Наркомфина, Наркомторга, Наркомвнешторга.

Такая работа может быть сделана, если среди читателей найдутся музейные работники, которым не безразлично наше общее прошлое, кто стремится знать правду, какой бы горькой она ни была.

Давайте же, все вместе, создадим мартиролог наших культурных потерь. Предадим гласности список утраченного нами навечно по вине преступного режима. Сделаем все, чтобы больше такое не повторилось никогда!

Биржевые страсти

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Путь к рынку
тернист,
ухабист и... привлекателен.
Кому не хочется стать
враз богатым и
независимым?!
Биржа, брокеры, акции,
эммитенты, опционы — слова,
ласкающие слух своим
заморским благозвучием,
вселяют в сердца
отечественных
предпринимателей
уверенность
и надежду...

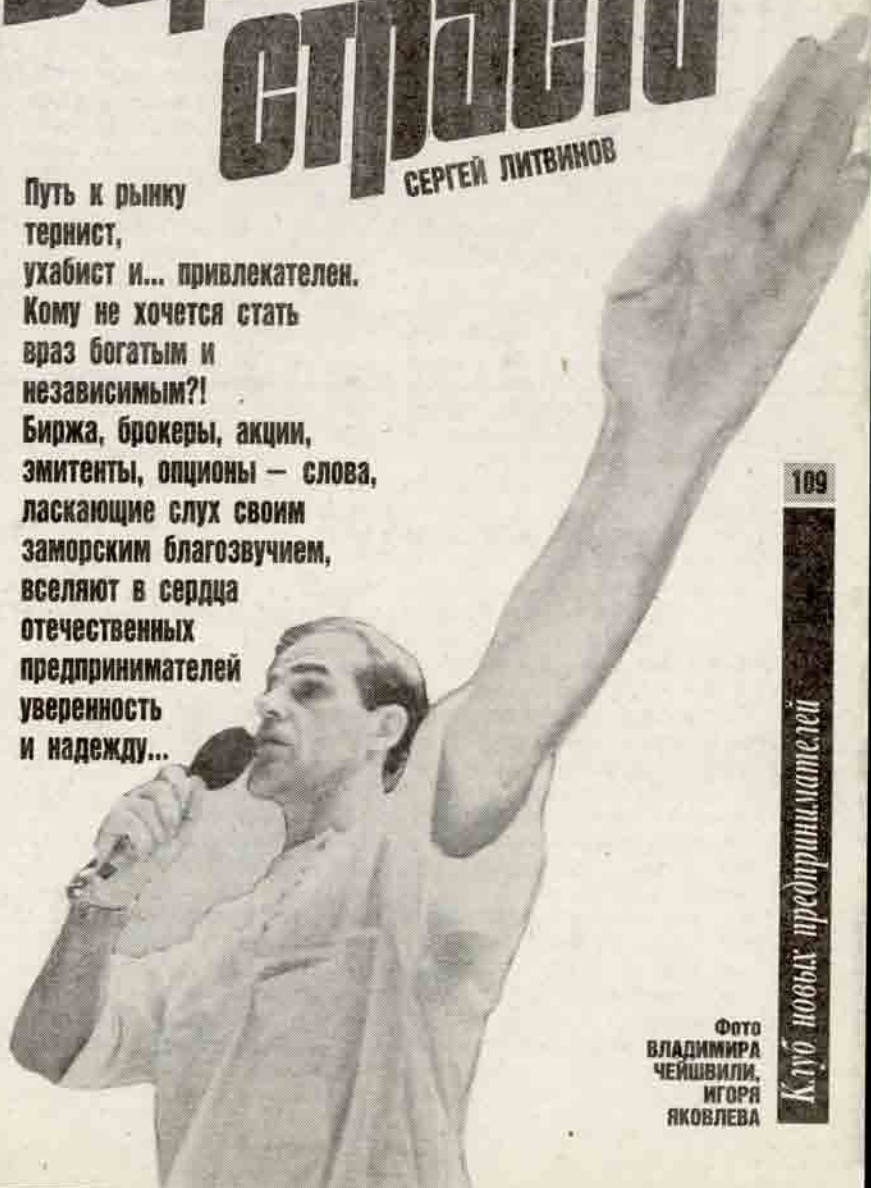

Фото
ВЛАДИМИРА
ЧЕЙШВИЛИ,
ИГОРЯ
ЯКОВЛЕВА

109

Клуб новых предпринимателей

11.30. У входа в бывший операционный зал московского почтамта на Мясницкой — плечистые мальчишки. Люди сквозь них идут густо, и почти каждый получает в обмен на пропуск пластиковый номер. Брокеры спешат на работу. На биржу.

Пропускают и меня...

Зал побольше футбольного поля. В центре — круговая стойка. На жаргоне брокеров (а у них, конечно, тоже есть свой жаргон) пространство внутри загородки зовется «ямой». Места вокруг (где я сейчас стою и где ходят, сидят и стоят сотни брокеров) они называют «паркетом». Присматриваюсь. Под ногами кафельная плитка.

Это Российская товарно-сырьевая биржа (РТСБ). (В Москве есть еще и Московская товарная биржа (МТБ). Они дают рекламу, в которой величают себя одна «биржей бирж», а другая — «лидером рыночной экономики». А вот какая из них «лидер», а какая «биржа бирж», я забыл...)

На электронном табло бежит строчка — результаты вчерашних торгов: куртка пуховая женская, Китай, 4000 штук по 3150.00; ситец набивной 20 000 метров по 11.75; одеяло байковое 1000 штук по 62.00... Чтобы не было обидно МТБ, приведу некоторые результаты вчерашних торгов там (я не подбирал специально, так и стояли в списке вперемежку строчка за строчкой): автомобиль ГАЗ-3307, средство против тараканов, пшеница ценная, доска обрезная, сочинения Агаты Кристи в пяти томах, зонт-автомат женский складной, порошок яичный...

В буфете предлагают фирменные сигареты (23 рубля пачка), бутерброды с колбасой (3 руб. 50 коп.) и яблочный сок (1 руб. стаканчик). Торгуют шампанским (40 руб. бутылка) — можно тут же

обмыть сделку. Кое-кто наскоро подкрепляется тортом «Прага» (1 руб. 50 коп. кусочек) — вот-вот начнутся торги.

12.00. Началось...

Есть устойчивый миф, рожденный, пожалуй, Германом Стерлиговым (руководителем биржи «Алиса» и основателем клуба миллионеров), что брокеры могут сколотить чуть не за месяц целое состояние. Юноши пишут в газеты: «Как стать брокером?» — и звучит это примерно так: «Как заработать миллион?» Успокойтесь. Не работаете. И вторая легенда — на отечественных биржах собрались теневики, которые «отмывают» свои капиталы, — тоже, судя по всему, далека от правды.

...Готовя статью, узнал, что мой старый приятель Саша, журналист, стал брокером на РТСБ. Позвонил, встретились. Одет он был, как и семь лет назад: прилично, но не броско. «Привет миллионерам», — сказал я, пожимая ему руку.

— Ну да, миллионер, миллионер...

Его теща сварила нам кофе, закурили.

— Как ты стал миллионщиком-то?

— Хорошо, расскажу, только ты в статье фамилии моей не называй, я все-таки пока больше журналист, чем брокер... Стало быть, когда открывалась РТСБ, брокерские места на ней стоили по 150 тысяч. Мы собрались с ребятами впятером, решили купить. У меня, сам знаешь, никогда больше двух пар штанов не было, а тут 30 штук! В долги влез по уши... Купили место. Стали работать. Когда две тысячи комиссионных, когда пять в месяц получали, а когда и ни копейки. Но с долгами расплатились все-таки.

А в прошлом июне брокерское место шло с аукциона за 4,5 миллиона. (Между нами говоря, цена завышенная — уже в августе место можно было купить за 3 миллиона.)

— Так продайте его. Озолотитесь!

— Три миллиона на пятерых — получается по шестьсот тысяч. Уплатим налоги — выйдет по триста. Нет, пусть уж лучше оно, брокерское место, останется — и детям, и внукам...

Последние лет шесть «миллионщик» жил с двумя детьми, женой и тещей в комнате в коммуналке, год назад привалило счастье: получил кооперативную квартиру. Мебель в квартире с бору по сосенке: «Сам знаешь, где ее достать-то...»

Вторая встреча — с Тофиком Саттаровым, владельцем фирмы «Саттаров и компания».

— Начинал я прорабом... Последняя должность перед уходом в «вольную экономику» — главный механик монтажно-наладочного треста. За годы работы на государство надело быть зависимым человеком. Как вышел закон о кооперации, открыл кооперативное кафе — на Лесной, в парикмахерской... Потом ушел в компьютерный бизнес: привозные компьютеры оснащали программами и продавали. К маю 1990 года накопилось у меня около 30 тысяч. Я их под подушку не положил, купил брокерское место: тридцать тысяч отдал сразу, остальные семьдесят в рассрочку в течение года... Сейчас я хозяин семи брокерских мест на семи биржах. В моей компании — тридцать брокеров. Чтобы устроиться к нам — конкурс. Однажды мы около трехсот человек просмотрели, чтобы выбрать одного брокера. Главное требование — честность. А еще — знания, сообразительность и фан-

тастическая работоспособность... Нам начинать, при всех издержках, было легче. Те, кто занялся бизнесом еще четыре года назад, имеют огромное преимущество перед сегодняшними новичками: нынче только за регистрацию фирмы надо выложить около двух тысяч, а аренда офиса в центре ежемесячно обходится в тысячу за квадратный метр...

Встреча третья. Сергей Еремин, директор владивостокского малого инновационного предприятия «Форлост». Окончил институт, работал конструктором «на государство», потом, было это лет шесть назад, возглавил центр НТТМ.

— У меня в разных городах много знакомых по бывшему НТТМу. Сейчас они почти все — хозяева своего дела: фирм, компаний, предприятий... Наше МП купило место, когда биржа открывалась, и оно семьдесят пять тысяч стоило (теперь — 250 тысяч). Брокер, сам понимаешь, не основная моя работа. Когда три тысячи в месяц заработаю на торгах, когда две... Все деньги идут на счет предприятия. А оклад у меня — 800 рублей.

Вот такие они, «миллионщики» с бирж...

Если мои наблюдения вас не убедили, приведу цитату из газеты «Бизнес. Банки. Биржа». («БББ») — отчет о «круглом столе» брокеров: «Когда журналисты попросили брокеров описать их рабочий день, почти все сошлись на том, что начинается день в шесть утра и кончается в два часа ночи. Большие физические и психологические нагрузки на брокеров подтверждаются и данными обследований ИНИОР. (ИНИОР — Институт исследования организованных рынков.) Сегодня брокером может стать практически любой, для этого не нужно высшее образование, но нужна голова

на плечах и готовность очень много работать, причем на первых порах отдача будет весьма скромной».

Если и это неубедительно, совершим несложный подсчет. На крупнейшей бирже — РТСБ — сделок ежемесячно заключается в среднем на миллиард рублей. Действуют здесь около тысячи брокерских контор. Средние комиссионные, которые берет контора, — пять процентов. Значит (1 000 000 000 делим на 1000 и умножаем на 5% — 50 000), 50 тысяч рублей вознаграждения в месяц получает средняя брокерская контора. А среднестатистический брокер имеет обычно 10 процентов от вознаграждения конторы — то есть примерно 5 тысяч в месяц. Много? Но не миллионы же!

Учтем еще, что среднестатистическая зарплата брокера — вроде средней температуры по больнице («нормальная» — когда половина больных «остыла» уже, а у половины — жар). Ведь на биржах есть привилегированные конторы — например, принадлежащие крупному авто- или радиозаводу; через них идут и идут на торги машины, телевизоры, принося конторе огромные комиссионные. Есть среди брокеров и старые снабженцы, у которых множество деловых связей. Через них тоже проходят миллионные сделки. Вот на эти две категории и приходится львиная доля комиссионных. А «простые» брокерские конторы не шикуют, с трудом сводя концы с концами. Правда, некоторые из них приобретают опыт и вырываются в лидеры. Другие же переходят к более деловитым владельцам. Конкуренция...

Однако на бирже все-таки можно заработать миллион. Но для этого... надо быть миллионером. Как это?

Вот что рассказал Саша:

— В нашу контору обратился клиент, предложил купить у него десять «Москвичей» по 80 тысяч каждый. «Москвичи» на бирже можно продать и по 105 тысяч. Вроде бы отличная сделка: купить за 80, продать за 105. Но одна загвоздка: деньги, 800 «штук» за «Москвичи», нужны были сразу же. А где их возьмешь? Почти миллион! Отказались мы. И еще в несколько контор, знаю, этот клиент обращался — и там тоже кусали локти, но отказывались. А потом нашелся некий брокер, у которого было 800 тысяч. Купил «Москвичи», перепродал их за 1050 тысяч. Положил в карман 250 «штук»!

Деньги к деньгам идут — верна поговорка.

На торгах брокер проводит три-четыре часа. А что еще он делает на протяжении своего едва ли не 18-часового рабочего дня? Вообще работа его похожа на работу снабженца, только с той лишь разницей, что тот знал точно, что ему надо и где это взять, а брокер ищет продавцов (покупателей) самого широкого круга товаров. (Но обычно брокерские конторы специализируются на какой-то группе изделий.) Ищет он с помощью телефона, а зачастую и лично, проезжая сотни и тысячи верст. И ему надо быть галантным, чтобы преодолеть заслоны секретарш, обаятельным, чтобы приглянуться начальнику; убедительным, знающим, немногословным, но красноречивым, наконец, способным на компромиссы, потому что конкуренция уже высока и сейчас брокеры борются друг с другом за один процент комиссионных, а скоро будут — за десятые, а то и сотые доли процента...

12.15. У каждого брокера — распечатки списка товаров, кото-

рые выставляются сегодня на торги (прайс-листы): там указано, какая контора продает, что, в каком количестве, сколько стоит единица товара, когда он будет поставлен, какая форма оплаты...

Спикер, то есть в данном случае человек, ведущий торги, стоит за загородкой и зачитывает в микрофон: «позиция такая-то» и, ежели никто не поднял свой пластиковый номер, говорит: «снимается» — и идет по прайс-листу дальше. Таких случаев, когда никто не покупает, очень много, едва ли не восемь из десяти. А если брокер поднял номер, он — купил и идет к продающему брокеру, тот поблизости...

А вот интересный момент: разом поднялись две карточки. Оба покупают! Что же это, всем понадобился полипропилен? Как тут быть? Аукцион! Спикер привычно говорит: «шаг пятьсот», то есть не по рублику добавляйте, а по полтысячи. Брокеры торгуются, и через тридцать секунд один из них при цене 18,5 тысячи «тухнет». А спикер продолжает:

— Позиция 37!..»

...Говоря откровенно, меня, как и многих других, все эти брокеры и прочие коммерсанты раздражают. Действительно, расхаживают в кожаных куртках, ничего не производят, только перепродают-перекупают. И баночное пиво дуют! Мы, каждый день на службу идущие, и вкуса-то его не знаем!

Но поговорим спокойно. Да, есть люди, которые на скупке-перепродаже наживаются, которые сделали это своей профессией. Ну, давайте закроем все биржи, все коммерческие магазины, а всех брокеров и прочих перекупщиков отправим в Лефортово. И что будет? Не я — специалисты-экономисты в один голос утверждают: падение производства станет еще стремительней. Сейчас предпри-

ятия пусть очень дорого или по бартеру, но могут приобрести на бирже то необходимое, без чего их производство остановится. А не будет бирж, кто-то это позарез нужное все равно достанет (дав взятку), а кто-то и не сможет... Так что же, будем биржи разгонять?

А коммерческие магазины — закроем? Честно говоря, я против. Почти ничего я там не покупаю, ни холодно мне от них, ни жарко. Но есть у меня слабость: хорошие книги. Раньше где их было взять, не имея блата. Ныне, пожалуйста, только плати. А коллега мой уж на что до коммерсантов лют и в статьях это доказывал — недавно с гонорара купил себе в коммерческом зонтик. (От дождя статьей не укроешься...)

Справедлив ли другой упрек в адрес новоявленных предпринимателей: они все только продают-перекупают и ничего не производят? Справедлив. Но опять же, не будем судить торопливо, поразмышляем. Самый простой способ заработать сейчас деньги, как свидетельствуют опросы коммерсантов и «показания» специалистов, — посредничество. (Далее идут полиграфия, производство стройматериалов, затем — кожевенное и шерстепрядильное производство.) Но рынок имеет свойство насыщаться. Уже сейчас брокеры, рекламные агенты и прочие посредники начинают (в Москве, во всяком случае) толкаться локтями. Пройдет какое-то время (не слишком долгое; думаю, год-два), и бесталанные посредники уйдут, а толковые, нарастив капитал, начнут осваивать **другое** дело, им станет тесно на рынке перепродажи. А **другое** дело — для начала полиграфия, затем — кирпичные заводы, потом — транспорт и гостиницы, затем — кожаные куртки и дубленки... Они станут произ-

Собственно, процесс этот уже начался. Вот один пример.

Встречался я с генеральным директором научно-производственного коммерческого объединения «МАЛС». Сергей Дрогуш, 27 лет, молдаванин, на лицевом счету в банке — 53 миллиона рублей. Как заработал? Взял кредит, конвертировал рубли в валюту, закупил товары за рубежом, продал их здесь. Заработал на этом 1 миллион 200 тысяч. Затем еще кредит — и та же схема. Потом — еще... Виток за витком, денег все больше и больше...

А сейчас Дрогуш купил три самолета — два Ту-154М и один Ил-76, вошел в долю при покупке аэропорта в Николаеве, строит заводы в Ростовской области по производству 25 миллионов кирпичей ежегодно, построил коровники и свинарники — снабжает мясом сотрудников своей фирмы, нацеливается на шерстепрядильные и кожевенные предприятия, купил парфюмерную фабрику в Париже (!), половину ее продукции будет завозить в нашу страну... А еще — перечислил в фонд Виктора Цоя 400 тысяч рублей, открывает благотворительное казино под Москвой, взял «на довольствие» группу журналиста Кашурко, которая разыскивает павших в годы Великой Отечественной...

Дрогуш говорит: «Те, кто хотел заработать деньги и убежать отсюда — убежали. И теперь будут жалеть об этом. Они не получают того, что получим здесь мы. Все промышленные предприятия, думаю, будут у нас в руках. И ничего страшного в этом нет. Я дам людям работу лучше и буду платить им больше, чем платило государство все 70 лет...»

Вполне откровенно: скуплю, мол, все с потрохами...

Но что же нам делать рядом

с этими миллионерами? Нам, тем, которые не умеют «вертеться» и в жизни не видели доллара?

Я никого ни в чем не хочу убедить, просто пытаюсь решить вопрос этот для себя. Думаю. Вслух.

Ну, вот-первых, можно взять камни, палки, разгромить к чертовой матери все коммерческие магазины; все шмотки оттуда — поделить, поколотить всех брокеров, а в зале биржи устроить цех по отливу болванок. Или овощную базу.

Можно так? Можно. Но, по-моему, мы это уже проходили. И после подобного — никак не можем очухаться. Еще раз попробуем «все поделить»?

Можно по-другому. Можно продолжать ничего не делать. Ходить на службу. Ругать начальство. Пить водку. Ждать повышения оклада. Пялиться в телевизор. Просиживать с удочкой у пруда. И злиться, и завидовать, и плевать в тех, кто курит «Мальборо» и покупает свинину на рынке.

А можно и так: водки пить поменьше, работать побольше. На диване не валяться. Не одну статью в месяц писать, а две, а то и три. (Это я про себя говорю. Сосед мой парники собственной конструкции мастерит, приятель — рекламные клипы снимает, кто-то третий — бухгалтер милостью Божьей, они тому же Дрогушу — позарез, большую зарплату положит...) Делать свое дело, зарабатывать деньги, а там, глядишь, и мясо на рынке сможешь покупать, и «Мальборо» в коммерческом... Как в Польше — освободили цены, и люди стали трудиться на трех-четырех работах...

Для себя я выбор сделал, но никого ни в чем не убеждаю, просто размышляю вслух...

Одним из моих консультантов был Михаил Кобищанов, научный

сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, кандидат экономических наук, помогающий советом многим отечественным биржам. Сразу оговорюсь: речь и в нашем с ним разговоре, и в статье пойдет только о товарных биржах, поскольку фондовые — то есть те, на которых торгуют ценными бумагами (акциями и облигациями), — тема особого разговора.

— Когда зародились биржи?

— Японцы утверждают, что некие «про-биржи» или «прото-биржи» появились у них в стране в первом веке нашей эры. Европейцы полагают, что — в Италии и Голландии в пятнадцатом-шестнадцатом веках. В России — в конце восемнадцатого века. Перед октябрьским переворотом в стране было около 150 товарных бирж. Торговали они реальным товаром...

— А каким еще можно, кроме как реальным?

— Об этом речь впереди...

Другим моим помощником стал коллега Алексей Макаров, экономист по образованию (закончил экономический факультет МГУ), работающий в газете «Деловой мир» и занимающийся там биржами.

— Что такое биржа? Собрание торговцев. Классический пример: Лондонская биржа металлов... Когда-то торговцы собирались в кофейне, потом построили помещение; появился телеграф — провели, телефон — провели и так далее, вплоть до компьютеров и факсов.

Снова — разговор с Михаилом Кобищановым (ИМЭМО):

— Сколько в стране бирж?

— Сегодня (разговаривали мы в начале октября 1991 года. — С. Л.) на территории бывшего СССР — около пятисот. В США, на долю которых приходится около

80 процентов мирового биржевого оборота, — одиннадцать.

— Значит, мы в пятьдесят раз обогнали Америку!.. Сколько же из наших бирж настоящих, цивилизованных?

— Ни одной.

Слово — Алексею Макарову:

— Сейчас мода на биржи. Как четыре года назад все стремились открывать кооперативы, а полтора года назад — малые предприятия, так теперь — биржи. Однако анализ уставов отечественных бирж показывает, что подавляющее большинство из них имеют тенденцию стать торговыми домами.

— А чем отличается биржа от торгового дома?

— На биржах брокеры нанимают администрацию, в торговом доме, напротив, «верховодит» администрация, а брокеры — просто наемные служащие.

Кобищанов:

— Дело далеко не только в этом.

— А в чем?

— Чтобы разобраться, вернемся в прошлое. В 1865 году на «Чикаго бординг оф трейд» произошло событие, которое многие специалисты сравнивают по значимости с высадкой астронавтов на Луну: был разработан первый стандартизированный контракт на кукурузу. А сейчас 99 процентов сделок на биржах всего мира заключается на стандартизированные фьючерсные контракты. Биржи, на которых торгуют реальным товаром, существуют только в Индии, Индонезии и... в нашей стране.

— Фьючерсные контракты, фьючерсные сделки... я слышал эти термины, но не очень понимаю, что они означают...

— Фьючерсные — от английского «фьюче» — будущее. Если я покупаю (продаю) фьючерсный контракт, то обязуюсь тем самым

купить (продать) стандартную партию товара определенного качества в установленное время и место в будущем.

— А у нас разве не так?

— Нет. У нас торгуют реальным товаром: от чайников со свистком до самолетов. На цивилизованной бирже — продают и покупают... листочки бумаги: контракты. На небольшой, строго определенный круг товаров, поддающихся стандартизации. Руководитель одной из отечественных бирж однажды послал телекс на Чикагскую биржу: давайте обмениваться товарами. Над предложением «этого русского», сами понимаете, посмеялись. Ни один цивилизованный коммерсант не потащит на биржу свой товар, если он, конечно, в здравом уме. Главная цель отечественной биржи — купить или продать товар. Цивилизованной: во-первых, выявить так называемую справедливую цену на товар, то есть ту цену, на которой балансируют реальный спрос и предложение. Вторая цель западной биржи: хеджирование (от английского «хедж» — ограда) — страхование рисков, связанных с возможным неблагоприятным колебанием цен.

— Честно говоря, не очень понятно...

— Давайте «поторгуем» на бирже. Будем продавать или покупать?

— Продавать.

— Что?

— Колбасу.

— На цивилизованной бирже не торгуют колбасой. И вообще ничем, что надо перед покупкой попробовать, осмотреть, примерить. Всем этим торгуют на реальном рынке. На бирже — стандартизованными контрактами. А стандартизации поддаются: пшеница, кукуруза, сорго, соебобы, некоторые масличные и продукты

их переработки; живой и убойный крупный рогатый скот; отдельные виды разрубки — например, свиные брюшки; ряд цветных металлов — медь, алюминий; некоторые виды деловой древесины; некоторые виды энергоносителей (нефть, пропан, топочный мазут); хлопок, апельсиновый сок, кофе, какао-бобы, чай. Все.

— Раз так, будем торговать кукурузой. В память о Хрущеве.

— Хорошо. Замечу для начала, что, если вы спросите у западного фермера, сколько стоит его кукуруза, он сразу вам не ответит. Зайдет в дом, свяжется через компьютер со «своей» брокерской конторой на «своей» бирже, а после скажет: «Сейчас она стоит столько-то»... Итак, мы с вами фермеры. Кукурузу будем убирать в сентябре. Сейчас январь. Мы связываемся с «нашей» брокерской конторой и говорим: «В сентябре продадим — допустим, десять тысяч бушелей кукурузы по 2.70 доллара за бушель». «Наш» брокер идет на биржу. Она — схематично — представляет собой:

Операционный зал разбит на сектора (по видам товаров), а каждый сектор — на грани (по месяцам). «Наш» брокер проходит в сектор «кукуруза» и становится к грани «сентябрь». И ему надо в определенный момент выкрикнуть: «Продаю два по 2.70!» — то есть два стандартных контракта по 5 тысяч бушелей. И сделать жест:

Если кто-то сделал «обратный» жест, то сделка совершена.

На цивилизованных биржах, которые вдобавок связаны друг

с другом электронной сетью, — беспрецедентная концентрация спроса и предложения. А чем выше концентрация, тем сильнее конкуренция — следовательно, тем справедливее цены.

— Вы говорили о второй функции цивилизованной биржи: хэджировании...

— Суть хэджирования в том, что участник страховой сделки одновременно занимает противоположные позиции на двух рынках: реального товара и бирже.

— ?

— Мы с вами фермеры-компаньоны, торгуем кукурузой. В сентябре хотим получить за нее на рынке реального товара по 2.50 за бушель. Это наша целевая цена. Половину продукции мы пускаем в продажу через биржу — поэтому сейчас, в январе, продаем фьючерсный контракт на сентябрь за 2.70.

— А почему цена на бирже выше, чем на реальном рынке?

— Это бывает, как правило (но не всегда), потому, во-первых, что в биржевую цену входит транспортный дифференциал (то есть стоимость доставки той же кукурузы), и, во-вторых, потому, что на бирже строгие требования к качеству... Итак, мы продали в январе контракт на сентябрьскую кукурузу за 2.70. Наступает сентябрь. И цена на бирже за кукурузу установилась на 2.80. Мы не угадали. Продешевели. С каждого бушеля понесли по 0.10 убытка. Но мы же не всю кукурузу продали через биржу! У нас осталась еще половина. Продаем ее на реальном рынке. А там цена 2.60 — тоже, естественно, увеличилась согласно увеличению биржевой цены и стала на 10 центов выше, чем наша базовая цена — 2.50. С каждого бушеля, проданного на реальном рынке, мы получим по 0.10 прибыли! Итак, на 10 центов

мы «погорели» на той половине кукурузы, что шла через биржу, зато на те же 10 центов выиграли на второй половине, которую продали на рынке реального товара. Прибыли и убытки «взаимоуничтожились», мы «сыграли по нулям». Аналогично мы ничего не выиграем, но ничего не проиграем, если биржевая цена кукурузы упадет. Если же мы угадали и цена на бирже в сентябре будет 2.70, мы тем более прибыли не получим, но и убытка не понесем. Мы ограждены, застрахованы от непогоды, неурожая и связанного с этим колебания цен.

13.45. Торги продолжаются. Честно говоря, стоять среди брокеров откровенно скучно. Да и ноги устают. Позиция идет за позицией, порой что-то кто-то покупает, и два брокера тут же отходят к тому месту за стойкой, где заключаются сделки... Слава Богу, нет мне нужды стоять в этой толпе весь день. Отойду-ка, попробую взять интервью у управляющего РТСБ Константина Натановича Борового.

— Какой процент сделок на вашей бирже совершается на основе бартера?

— Нулевой.

— Вы уверены?

— Я знаю это. Механизм биржи такого не позволяет.

...Новичка на бирже поражают, во-первых, цены: цена на ВА3-21099 (цвета «мокрый асфальт») доходит до 200 тысяч. А во-вторых, удивляет то, что продается от силы одна двадцатая выставленного на продажу: предлагается в день товара и на миллиард, и на два, а продается миллионов на 50. Что-то здесь не так... — думает новичок. А дело оказалось вот в чем.

Закулисные пружины биржи по-

яснил мне тот же Михаил Кобищанов:

— По моим подсчетам, с которыми согласны большинство коллег, до девяноста процентов сделок на отечественных биржах носят открытый или скрытый бартерный характер. Очень часто «просто» рубли не устраивают клиентов. На биржах вам этого не скажут, будут уверять, что бартера нет, тем не менее он — основа большинства сделок.

Слова Кобищанова подтвердил журналист-брокер, причем «без подсказки», назвал ту же цифру — 90 процентов сделок на основе товарообмена. В отделе информации МТБ мне неофициально сообщили, что у них таких контрактов, видимо, 60 процентов. Да уж никак не ноль, как бы того ни хотелось Боровому.

— Как правило, — продолжает Кобищанов, — многие продавцы ставят на свой товар заведомо завышенную, заведомо неприемлемую цену. Их не деньги интересуют! Для них, когда они заявляют к торгам товар, самое важное — подать сигнал возможным контрагентам по сделке: у меня есть то-то! Сигнал принимает потенциальный покупатель. А так как товар не стандартизирован, продавец и покупатель имеют полное право встретиться до начала торгов пощупать товар, примерить, посмотреть фасон и т. д. И, зная, что у кого (помимо денег) есть, они договариваются об обмене. При этом, чтобы уменьшить размер комиссионных, отчисляемых бирже, они соглашаются взаимно снизить цены. Ну, например, один брокер выставляет на торги десять автомобилей по 180 тысяч. У другого есть 1800 импортных платьев по 1000 рублей каждое, и его интересуют машины. Они встречаются до торгов — надо же посмотреть машины и пощупать платья! — и до-

говариваются об обмене. И взаимно снижают цену сделки.

Совершив обмен раз, другой и нащупав постоянные связи, брокер перестает проводить свои сделки через биржу — зачем она ему, если можно и так договориться! Согласно опросу, проведенному ИНИОРОм, для 44 процентов брокеров доля операций, происходящих на биржевой оборот, — меньше одной четверти (данные из газеты «БББ»). А оценки Михаила Кобищанова показывают, что, минуя биржу, брокеры заключают до 85 процентов сделок...

14.30. Интервью с Боровым:

— Каков, по вашим данным, процент внебиржевого оборота?

— Сам механизм биржи не предполагает обязательной регистрации сделки. Это — дело брокера. Если он встретил двух клиентов, которым он может помочь сам, ему не нужен второй брокер. Относить ли эту сделку к внебиржевому обороту? Не знаю. А внебиржевой оборот — это и сделка типа: клиент — клиент. Экономика заинтересована, чтобы по внебиржевым товарам прямых связей было как можно больше. Клиент через биржу заключает договор, начинает работать со своим партнером. Дай им Бог, чтобы они больше на биржу не приходили.

— Но вы, как управляющий биржей, наверно, заинтересованы, чтобы как можно больше сделок проходило через нее?

— Нет. К сожалению, многие этого не понимают, даже некоторые биржевики: биржа — неприбыльная организация. Бесприбыльная!

— Но биржа ведь получает комиссионные: чем больше сделок, тем больше получит администрация биржи...

— Нет! Если комиссионных будет больше, чем нужно для бир-

жевой деятельности, мы будем обманывать брокеров. Поэтому у нас процент комиссионных, отчисленных бирже, все время снижается: было 0,2 процента; сейчас — 0,175; в январе, надеюсь, будет 0,129 процента. Мы не заинтересованы в прибыли. По нашим акциям — нулевые дивиденды. Биржа заинтересована получить деньги только за свою работу. Если она будет брать больше, брокеры с такой биржи уйдут.

А вот здесь с Боровым нельзя не согласиться.

А еще брокеру мешает то, что нет никакой гарантии, состоится ли сделка...

Вот как поясняет ситуацию Герман Стерлигов, владелец биржи «Алиса»: «У нас на бирже существует залоговая система, которая служит гарантией сделки. На биржах западных стран, кстати, залог может составлять 100 процентов от суммы сделки. У нас — 8 процентов: случаи, когда сделки остаются на бумаге, происходят крайне редко... Существует такое понятие, как оборот контрактов между брокерами. На РТСБ эта сумма достигает огромных величин. Что же происходит на самом деле, если нет залоговой системы? Допустим, брокеры заключили контракт на куплю-продажу цемента. Сумма уже пошла в оборот. Первый брокер уже сообщает клиенту: «Я купил цемент по устраивающей вас цене». Но клиент отвечает: «Спасибо, я уже часть приобрел и, исходя из этого, меняю цену». Брокер звонит брокеру продавца и сообщает об изменении ситуации. В свою очередь, и продавец огорчивается: «Черт возьми, а я уже весь цемент загнал по удобной для меня цене». Итак, сделка отменяется. Поэтому на крупных биржах оборот контрактов достигает 700 млн. руб., но реально

продается товаров на 300—400 тыс. руб. Идет не купля-продажа товаров, а купля-продажа информации. И что «замечательно» в этом акте: вы не получаете ни копейки и не платите ни копейки. Вы просто теряете время...»

Можно по-разному относиться к этому юноше, который хочет, кстати, издавать журнал под девизом «Миллионеры всех стран, соединяйтесь!» и биржа которого, уверенно говорят специалисты, вовсе не биржа, а типичный торговый дом, — но в данном случае в правоте ему не откажешь.

14.45. Интервью с Боровым (продолжение):

- Какой процент сделок на РТСБ происходит с залогом?
- Надо подобрать статистику.
- А по вашим оценкам?
- Много.
- Больше половины?
- Думаю, меньше...

Самое же, пожалуй, отвратительное на доморожденных биржах — то, что многие из них, особенно в провинциях, создаются под эгидой местных госснабовских структур и зачастую властительные чиновники-снабженцы — по совместительству! — управляют ими. Они выбрасывают на свободные торги то, что должны отдавать по фондам, и предприятиям приходится покупать эти товары, сырье втридорога... Один Бог знает, сколько миллионов уже положили в карман.

...Когда случился августовский путч, американский бизнесмен, будучи в Москве, рассудил — по аналогии с цивилизованными биржами, — что курс акций самой биржи должен упасть. Он намерился купить несколько акций РТСБ. Позвонил управляющему биржей. Каково же было его удивление, когда в трубке автоответчик голосом

Борового сказал: «Биржа закрыта. Все ушли защищать российское правительство». Американец долго не мог прийти в себя: он привык — что бы ни случилось: мор, глад, землетрясение — биржа работает. И еще: защищать право заниматься бизнесом... Да это право священно, никто не может его отнять! Американцу нас не понять...

«Белый дом» в августе защищали отнюдь не коррумпированные чиновники — «простые» (если можно так выразиться) брокеры строили баррикады. Что ни говори, биржа, как и другие коммерческие структуры, воспитывает людей — вернейших хранителей нашей робкой демократии. В августе они это доказали.

Был я на заседании совета учредителей электронной биржи «Ex-Net». Обсуждали свой бизнес — и великолепно находили общий язык — полуармянин-полуазербайджанец Саттаров и грузин, и русские, и еврей, и эстонец... Деловые газеты то и дело сообщают о событиях, подобных тем, о которых рассказала «БББ»: «Подписано соглашение о сотрудничестве Московской товарной биржи и Тбилисской универсальной биржи в создании режима наибольшего благоприятствования во взаимной торговле между Россией и Грузией... Подписано соглашение о взаимном сотрудничестве и обмене биржевой информацией между МТБ и Ереванской товарно-сырьевой биржей...» Биржевики и другие коммерсанты безо всяких высоких соглашений склеивают бывший Союз в единое экономическое пространство.

И еще: биржа — это честность. Да, несмотря на «паршивых овец» — чиновников, которые, пользуясь властью и информацией, играют на биржах в один карман — в свой. Не случайно именно биржевики выступили с пред-

ложением заключить конвенцию, одним из главных пунктов которой является обязательство не давать взяток. В декларации, предшествовавшей конвенции, говорилось: «Бесконечные архитектурные, пожарные и санитарные надзоры, вымогающие средства у предпринимателей только за право их существования; исполкомы и Советы, творящие произвол и вымогающие взятки за помещения, за регистрацию предприятий; руководители государственных структур, вымогающие взятки за производственные помещения, средства производства, сырье и лицензии; прочие паразиты из старой экономики и старой политической системы — это и есть та теневая экономика, тот ракет, который заставляет предпринимателей скрывать часть дохода от налога, чтобы выжить, чтобы существовать».

Вне бирж существует много «левых» брокеров. Как правило, они торгуют одновременно по безналичному и наличному расчету. Предлагают, например, кран за 150 тысяч безналичными и 15 тысяч «наликом». Наличные в данном случае не что иное, как эфемеризм взятки. Так вот, уверял меня Саша, брокеры с бирж на подобную сделку не пойдут; во-первых, где взять наличные, а главное, блудят свое имя.

... — Биржи, — говорил мне Кобищанов, — сейчас берут на себя, вольно или невольно, функции одновременно Госплана, Госснаба и Госкомцен: они координируют нашу экономику. К тому же они некие оазисы рынка, потому что вовлекают в сферу рыночных отношений все новые товарные ресурсы.

— Без бирж, — добавил Макаров, — инфляция была бы еще чудовищней, а падение производства — еще значительнее...

А что с ними будет завтра?

14.55. Интервью с Боровым (окончание):

— Сейчас 400 бирж. Через полгода их будет, скажем, 70. Еще через год — 15. Через год у нас будет внедрена фьючерсная торговля. Но чтобы биржа стала «совсем нормальной», нужен нормальный рынок.

— Когда он таким станет?

— Лет через 35—40. А если нам не будут мешать, издавая новые указы о «строительстве коммунизма», то через три-четыре года мы почувствуем реальный эффект от рынка...

17.00. Биржевой день закончен. Стихли страсти до завтрашнего утра. Пуст операционный зал. Сорокарублевое шампанское не раскуплено — брокерам не до «сладкой жизни»...

СВОИ СРЕДИ СВОИХ

Клубный пиджак
со «сменовской»
эмблемой...

Рынок хулят и возносят, его боятся и на него надеются... Но, как бы то ни было, время нынешнее диктует однозначно: рынку, новым экономическим отношениям — быть. И в зарождающихся структурах альтернативной экономики, в свободном предпринимательстве — стержневая роль у молодежи. Те, кому сегодня 25—35 лет, круто выходят на новый, во многом не познанный еще виток народного хозяйствования.

Традиция «Смены» — поддерживать все новое, разумное, ломающее стереотипы...

О новых предпринимателях — фермерах, арендаторах, кооператорах — мы писали не раз. За «круглым столом» («Смена» № 10, 1991 г.), посвященным этой теме, шел довольно крутой и откровенный разговор о сегодняшнем и завтрашнем дне частного бизнеса, о становлении делового партнерства между предпринимателями и государством. Именно тогда и зародилась идея организовать при журнале Клуб новых предпринимателей (КНП), где найдется место и острой дискуссии, и неспешной, вдумчивой беседе.

А еще: наш клуб — это поддержка инициатив; юридическое и экономическое обоснование начинаний; рассказ о новых методах хозяйствования; раскрутка деловых обоюдовыгодных предложений; благотворительность; информация и анализ предпринимательской ситуации; пресс-обслуживание и реклама...

КНП открывает двери для всех, кто хочет и может реально влиять на развитие рыночной экономики. Он — для будущих Морозовых, Мамонтовых, Сытиных, для отечественного «третьего сословия», которое уже сегодня работает, тянет воз в гору (и в первую очередь это относится к производственным предпринимательским структурам...), наживая не столько миллионы, сколько синяки.

Мы ждем ваших писем, предложений, заявок, идей по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена», КНП.

Оргкомитет КНП

Загадка

Сальваторе

ВЛАДИМИР ЦЕЛТНЕР

Флора.

ФЛЮМЕН

летом прошлого года в Центральном выставочном зале Сальваторе Фьюме приветствовал гостей, пришедших на открытие его московской выставки. «Збазиба» — единственное русское слово, выученное за несколько дней пребывания в Москве, которое Фьюме произносил часто и душевно. Он и в самом деле был благодарен всем, кто помогал устраивать выставку, поздравил с ее открытием, произнес слова любви и признательности. Наверное, художник хотел понять все, что говорилось в торжественный день, и досадовал, когда поблизости не оказывалось переводчика. Но интонацию понимал и потому ни разу не ошибся, повторяя свое «збазиба»...

Он и сам хочет быть понятым как художник и человек. Все творчество Фьюме — призыв к общению, к диалогу; он верит своему собеседнику-зрителю, относится к нему с уважением и потому никогда не подлаживается, не уступает — в свободном диалоге каждый должен оставаться самим собой.

Сальваторе Фьюме — художник, признанный во всем мире. Родился он в 1915 году в сицилийском городе Комизо. Учился на родине великого Рафаэля, в Урбино, окончил здесь в 1936 году художественный институт. Первая выставка дома, в Италии, прошла в 1949 году и принесла успех, увенчавший полтора десятилетия напряженного труда. Вскоре его работы были представлены на Биеннале в Венеции — одной из самых значительных международных художественных выставок, проводящейся раз в два года. В то же время одну его картину приобрел Музей современного искусства в Нью-Йорке. Так началось меж-

дународное признание художника. С тех пор его выставки проходили в Милане, Венеции, Флоренции, Турине и за границей — в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Бонне, наконец, в Москве.

Художник исполняет не только станковые картины, но и произведения монументальной стенописи — мозаики и фрески. Его работы, в частности, украсили внутренние помещения океанских лайнеров «Джулио Чезаре» и «Андреа Дориа», редакции крупнейших американских журналов «Тайм» и «Лайф», а мозаика — церковь Благовещения в Назарете.

Фьюме многогранен. Неумоимо и с неизменным успехом обращается он ко все новым видам творчества. Более сорока лет назад Сальваторе работал театральным художником и создал декорации к спектаклям знаменитого оперного театра «Ла скала» в Милане и лондонской Ковент-Гарден. Кроме того, Фьюме и график — иллюстратор великой латинской поэмы «Энеида», и скульптор, керамист, архитектор. Разнообразием и размахом он напоминает своих великих предшественников — художников итальянского Возрождения.

В самом начале пути успех Сальваторе Фьюме принесла не живопись и не изобразительное искусство, а литература. Во время второй мировой войны был опубликован его автобиографический роман, отмеченный ярким писательским дарованием. Он и впоследствии не оставляет литературу, время от времени публикуя рассказы в итальянских газетах.

Фьюме — художник итальянский не только по праву рождения, но и по характеру и духу творчества. Быть художником в Италии одновременно и просто, и очень нелегко. Прозрачный воз-

дух Флоренции и легчайшая туманная дымка над венецианскими лагунами, просторы Кампании и пестрая суэта неаполитанских городских кварталов — ни с чем не сравнимая красота этой земли, столетиями вдохновляя художников, помогла им создать школу живописи, не имеющую равных в мире. Загадочные памятники древней Этрурии и руины Древнего Рима, живопись Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана, живопись и скульптура Микеланджело — все озаряет жизнь и придает ей глубину и значительность, учит понимать искусство и испытывать в нем потребность. Говорят, что каждый итальянец — в душе художник, потому что душу ему дала его прекрасная страна.

Недаром в итальянские города ездили подобно тому, как верующие совершают паломничества к святым местам. Без этого жизнь художника не могла достигнуть полноты и завершенности. Так считали в прошлом веке и в России, посылавшей воспитанников своей Академии художеств в Италию на целые годы — доучиваться, становиться на ноги; русская художественная колония в Риме была тогда едва ли не самой обширной.

Но у всего этого есть и некая обратная сторона. Именно потому, что в Италии так много несказанно прекрасной старины, художнику бывает нелегко удержаться от подражаний, своего рода подделок под старину, бессознательных, а то и нарочитых; нелегко работать так, как требуют неотвратимо наступающие новые времена, обрести независимость, стать самим собой, а не безликим подобием старинных мастеров.

Следовать заветам великого прошлого, учиться у его мастеров — и оторваться от них, найти новый художественный язык, най-

ти себя — усилия, как бы противоположно направленные, всегда сопутствуют становлению художника. В Италии же они особо необходимы и неизбежны.

Они создали и сформировали Сальваторе Фьюме. Очень многое связывает его с вековым прошлым, с художественной традицией. В своих полотнах, больших и малых, он неизменно изобразителен: в них всегда есть предмет, они — о чем-то или о ком-то. Более того, они повествовательны, их почти всегда можно «прочитать» и пересказать словами, будто это не живопись, а литература. Так же традиционны техника и материалы, которыми пользуется художник. Он пишет масляными красками на холсте или деревянных досках. Пишет с особым наслаждением, с восторгом, радуясь каждому движению кисти, оставляющему сочный, плотный мазок.

XX век открыл и утвердил искусство, совершенно ничего не изображающее, ни о чем не повествующее. Оно не создает картин, а выражает отвлеченные понятия, идеи, настроения. Художники нового времени отказались от традиционных материалов, используя вещи, которые в изобилии предоставляет им сама жизнь.

Выражая свои мысли о мироздании, о природе вещей, соотечественник Фьюме Лючио Фонтана показывает шарообразные прокованные снаружи свинцовые отливки и металлические листы, испещренные рваными прорезями. Другой итальянец, младший современник Фьюме, Янис Кунеллис, исполняет композиции из стальных листов и двутавровых балок, из мешков, пустых или наполненных кусками угля, из причудливо распиленных старых шкафов. И ни одного карандашного штриха, ни одного прикосновения кисти — никаких следов традиционной ху-

дожественной техники. Это воплощенная тревожная мысль художника о жизни и смерти, об утраченном единстве человека и мира человека, о всепожирающем огне времени. Говорю об этом не ради сравнений с творчеством Сальваторе Фьюме — они исключены, здесь невозможны никакие «лучше — хуже», «больше — меньше», ведь речь идет о явлениях совершенно разной природы.

Направлениям, представленным таким художником, как Кунеллис, Фьюме противостоит решительно и отважно. Причем и решимость, и отвага необходимы, ибо подобные ему художники на Западе отнюдь не в большинстве. Иметь в искусстве собственную позицию недостаточно. Воздвигая и совершенствуя свой художественный мир, надо точно очертить границы, отстаивать и утверждать его всей силой таланта и мастерства.

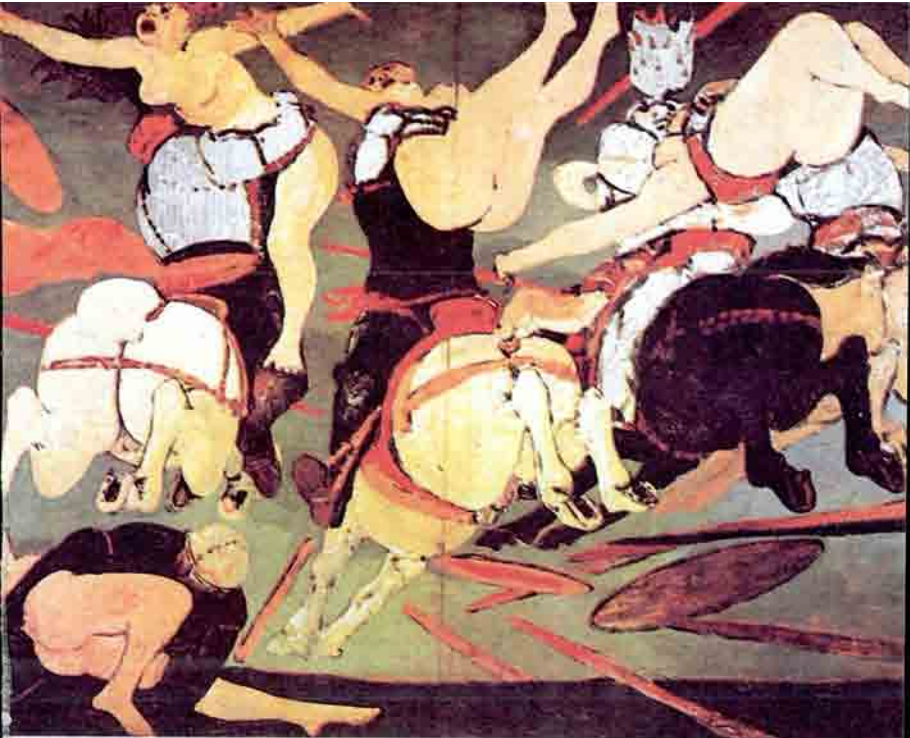
128 Многие в этом мире издавна знакомы и узнаваемо без всякого труда. Фьюме пишет женские фигуры и лица — они у него особенно часты. Женщина полубогаженная, напряженно вытянувшаяся на красной кушетке («Красное и черное»). Или женщина рыжеволосая, в наброшенной на плечи короткой пелерине, поднесла к лицу маску, оскалившуюся развеселой улыбкой. А выше маски — живые глаза, узкие, сумрачные, тревожные. Это «Карнавал». И снова женщина — «Баронесса дель Каррубо», победоносно-вызывающая, гордая своей ослепительной красотой. Таковы едва ли не все героини Фьюме. Он видит и славит в них красоту земную, жаркую, волнующую, славит жажду любви и готовность любить. Относится к женщине как к высшему творению природы, лучшему украшению жизни и главной ее радости. Обожествляя женщину, художник чувствует в ней тайну,

которую разгадать невозможно, и он лишь напоминает взглядом своих героинь, всегда загадочным, невыразимым словами, что тайна есть.

В полотнах Фьюме женщины приходят как на праздник. Им светит беззакатное солнце. В их честь слагаются самые изысканные сочетания цветов: оранжевый, красный, черный; черный, голубой, темно-розовый; снова черный, а с ним голубовато-серый и ярко-желтый. И рисунок в этих полотнах — особенный. Линия пластична, она тщательно, деликатно обтекает и строит формы. Так рождаются женщины Фьюме, главное чудо его художественного мира.

Подобное отношение к женщине весьма для нас непривычно, потому что и сама она, в сущности, неизвестна нашему искусству: возникла в русской живописи начала XX века, да не успела утвердиться. Поэтические образы «прекрасных дам», созданные некогда кистью Валентина Серова, Константина Сомова, Михаила Нестерова, на долгие десятилетия уступили место женщине, которую наш поэт однажды похвалил за то, что она «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», то есть за качества далеко, далеко не женские. Она утвердилась в живописи и скульптуре «соцреализма», наполнила облик, статью кулачного бойца, грузчика, солдата, вполне и окончательно мужеподобная. Но, надеюсь, наступят времена, когда вновь возникнет сиятельная Женщина, венец творения, предмет мужской любви, поклонения, преданности. Искусство сможет многому поучиться у Фьюме.

...Неожиданно в его полотнах встречаешь образы, издавна хорошо знакомые — будто цитаты из прославленных старинных картин. В «Посвящении Гойе» сведены

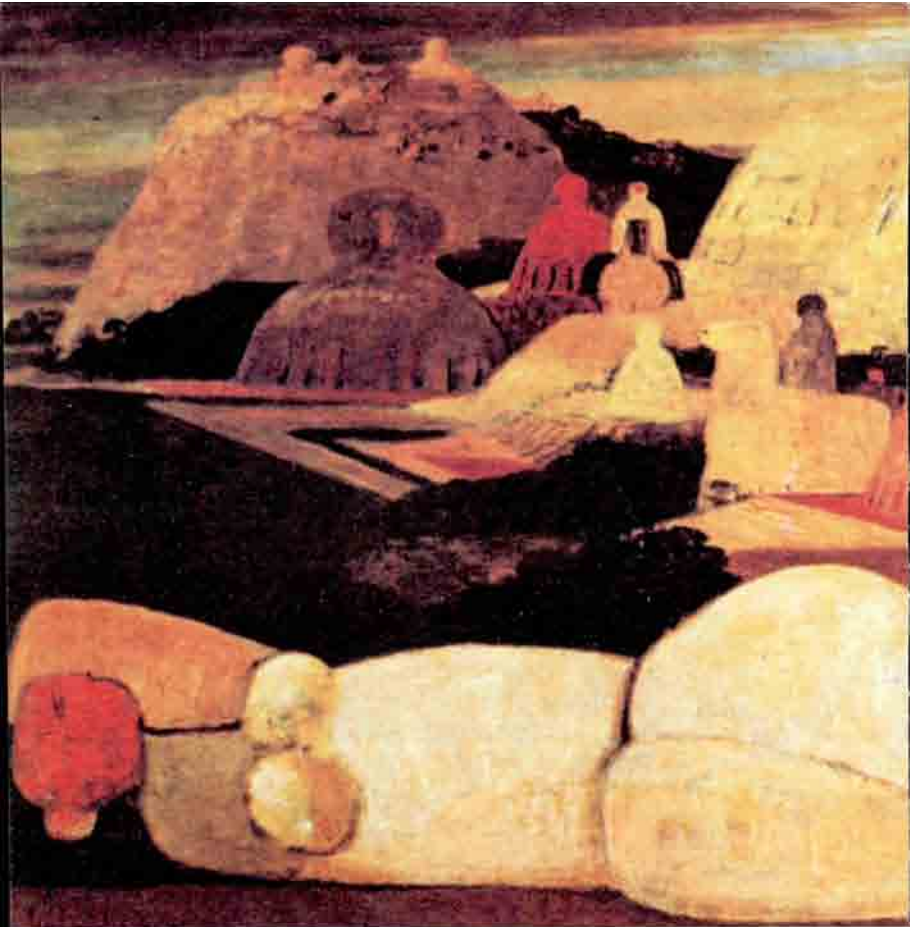

Похищение сабинянок.

Вневременной континент.

Жаркий ветер Рио.

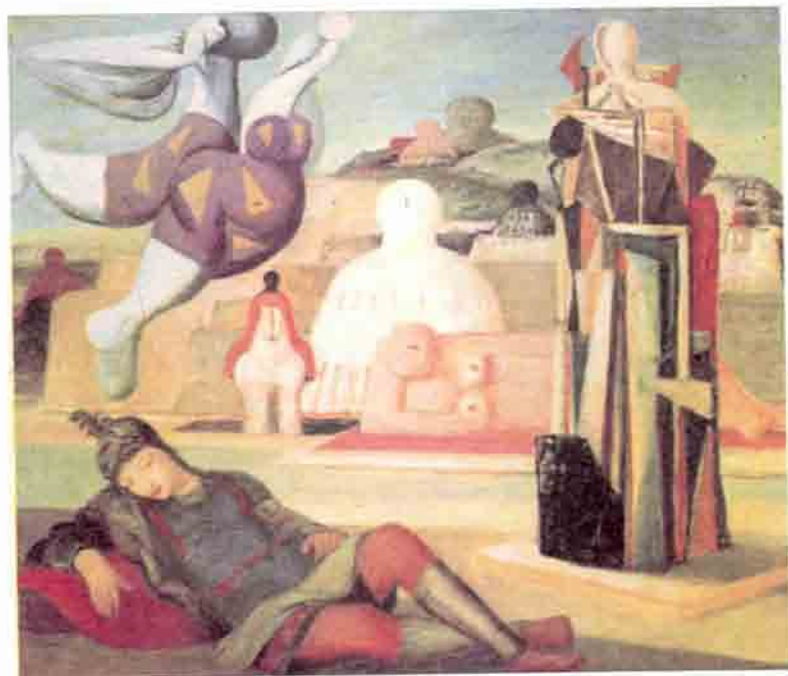
Собрание статуй.

Красное и черное.

Планеты ждут.

Если бы всадник Рафаэля проснулся.

Летающие планеты.

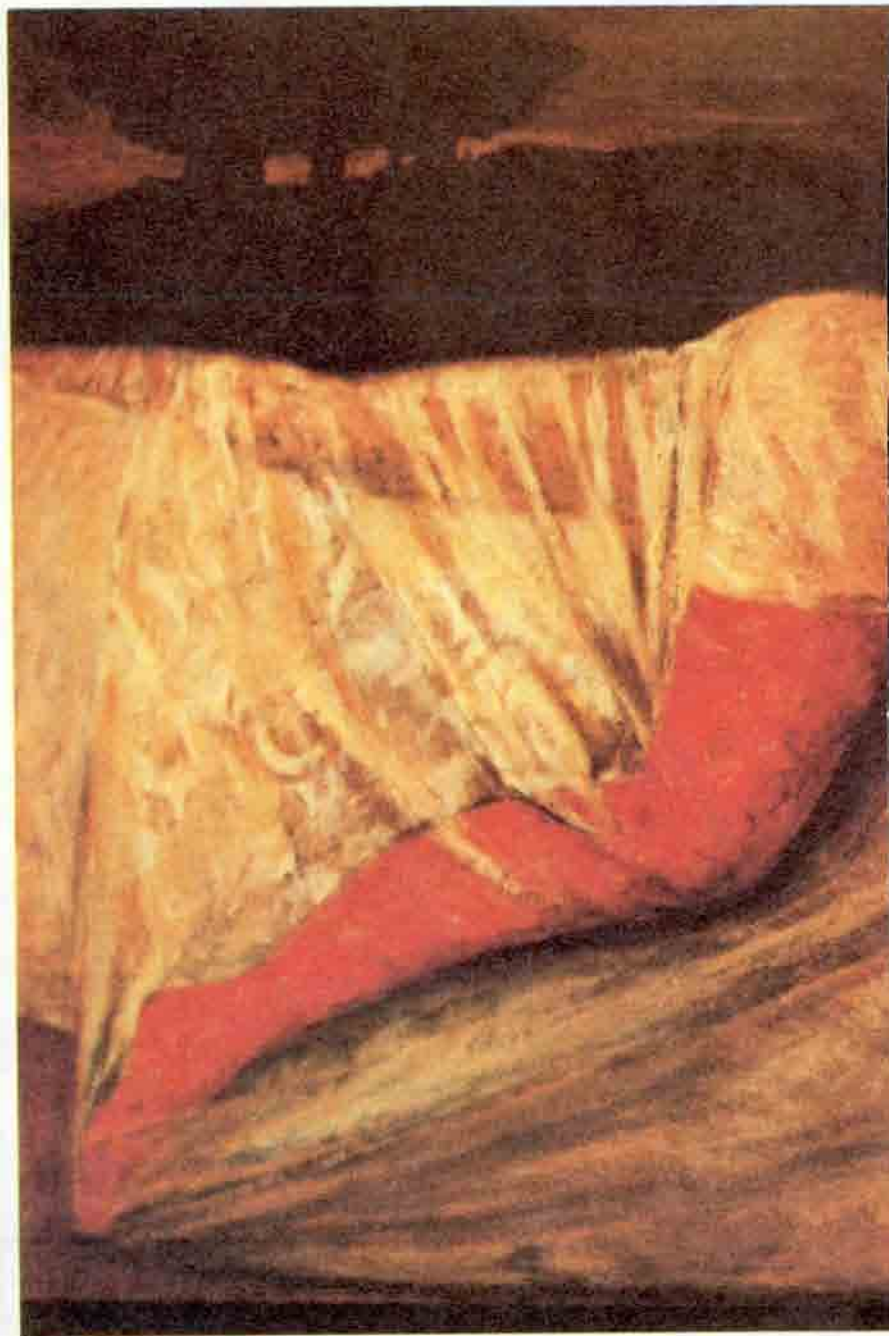

Аллегория.

Испанская площадь.

Пробуждение.

Три грации.

Ева.

Бык и женщина.

воедино три мотива великого испанца — королевская семья, коррида и «маха». Еще цитата: в картину, где Гойя изображен со своей подружкой, прекрасной Альбой, «встроено» его полотно «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года». Есть у Фьюме подобные «выдержки» из Тинторетто и Пикассо, Рафаэля и Веласкеса. Они передают источник то более, то менее точно, порой сохраняя с ним лишь весьма отдаленное сходство, однако он всегда безошибочно узнаваем. Так художник в открытую подтверждает свою связь с классическим прошлым. Это в духе XX века. Наследуя классическое искусство, художники утверждают свое право управлять и распоряжаться этим наследством. Они вступают с предшественниками в диалог. Преклоняясь перед ними, стремясь постигнуть тайну их искусства, они хотят привлечь их на свою сторону, сделать участниками нынешней духовной жизни — таковы цель и смысл этого молчаливого собеседования.

Сальваторе Фьюме говорит: «Когда я просыпаюсь, со мной просыпается весь художественный мир от древности до наших дней». Просыпается, добавим, чтобы войти в его собственный мир своими мотивами, темами, образами, творческими открытиями. Погруженные в мир современной картины, истолкованные сообразно духу нового искусства и в соответствии с его стилистикой, герои классических полотен живут в произведениях Фьюме как бы двойной жизнью — той, что дана им при первом рождении, и жизнью новой, полученной в дар от Фьюме.

Встречаясь с его относительно ранними «Островами статуй», мы вступаем в область таинственного.

Вот женская фигура, уложенная

на черно-красном поле. Написанная широко и твердо, возникшая не в легких касаниях кисти, а в ударах ее по полотну, фигура кажется высеченной из камня. Это и живая человеческая плоть, и монументально-недвижимая статуя. Но что же она на самом деле? Поодаль от нее, за полосой воды — очертания гигантских современных построек. И не понять, нью-йоркский ли это Манхэттен, который Фьюме изобразил в другой своей картине, или истаявший след ушедшей неведомой цивилизации. А над всем этим — плоской тарелкой летающий остров. Он парит невысоко, и хорошо видны на нем тропическая темная зелень, возделанные поля и две статуи, огромные круглые головы на широких, как стена, основаниях («Летающий остров»).

Подобные мотивы у Фьюме повторяются часто. Есть у него «Собрание статуй». Круглоголовые, как в «Летающем острове», статуи неисчислимо множатся на дальних холмах или, громадные, высются, как башни, неподалеку, и съезжаются к центру картины верхом на могучих, словно из камня изваянных конях. Черные, ярко-красные, лиловые, они располагаются амфитеатром, обращенные к чему-то невидимому, оставшемуся за пределами картины. Отныне они пребудут здесь вовеки. Спешенные, врастают в землю, возвышаясь над ней молчаливо, отрешенно. И, как в «Летающем острове», замыкает композицию уложенная на первом плане женская фигура, наполовину статуя, наполовину живая модель.

Есть еще «Антропотавр», «Человеко-бык», снова круглоголовая полуфигура, сросшаяся с туловищем быка. Она тяжело двинулась в путь, оставив позади таких же круглоголовых, то ли изваянных, то ли проросших из недр земли.

Другой Антропотавр, громадный, как гора, возвышается на острове посреди моря, омывающего берега неведомой планеты. А неподалеку — остров, украшенный круглой головой, самой большой из всех голов Фьюме, грубее всех изваянной, и самой живой, приоткрывшей в полуулыбке губы.

Так пространство картин Сальваторе Фьюме, как будто земное, такое ясное, легко обозримое, оборачивается своей противоположностью. Населяющие его существа загадочны, все ситуации необъяснимы. Конечно же, это не земной мир, есть в нем нечто от театра, где акт за актом разыгрывается действие, смысл которого от нас скрыт. Недаром с театром так тесно связана вся жизнь художника. В его больших полотнах незримо воздвигаются подмостки, и все, что на них происходит, озаряет электрический свет рамп, ровный и чуточку холодный. Таким и должно быть пространство Фьюме, соединившее настоящее с прошлым, реальность с самой причудливой фантастикой. Пространство отвлеченное, несообразное человеческому опыту — пространство современного искусства.

Сальваторе Фьюме устраивает свой мир, насквозь пронизанный легендой. Сам ее творит и воплощает, сочиняя свои летающие острова и круглоголовые статуи, антропотавров и слепых всадников на тяжело ступающих каменных конях. При этом мир художника настолько реален, что в него хочется верить и отыскивать на земной карте или в дали времен его блаженные острова, забыв, что их нет, что они только у Фьюме.

Свой мир художник смело противопоставляет миру сущему, и это

в духе времени. Разгадав столько тайн мироздания и человеческого бытия, наш век поспешил открыть или придумать новые зоны загадочного и необъяснимого, неподвластного уму. Фьюме подтверждает: и в самом деле нельзя все на свете измерить и взвесить, нельзя все разложить по полочкам и разнести по перфокартам компьютеров. Мир полон тайн. И тайны пространства и времени всегда остаются главной темой картин художника.

Так он связал себя с сюрреализмом, одним из самых широких и мощных течений искусства XX века, ныне уже классическим. На пути, которым движется живопись нашего времени, Фьюме занимает срединное место. Он из тех, кто придает существованию искусства стабильность, олицетворяя в нем связь с прошлым, преемственность и высокий уровень.

Художник сам выбрал себе это место, не сулящее особых выгод, и долгие годы удерживает его уверенно и достойно...

...Есть у Фьюме небольшая картина «Континент без времени». Из глубины ее на нас движутся могучие таинственные всадники. Все нелепо: и громадные тяжкие кони, и черные тени за спиной всадников, и уподобленная им, круглоголовая то ли статуя, то ли башня у дороги. Кажется, коням вовек не сделать и шагу, но, нет, они движутся, готовые переступить невидимую черту, порог пространства картины, и войти в наш мир. Этот порог кажется художнику преодолимым для его героев, несущих в нашу жизнь дух легенды, сказки, поэтического вымысла — все, чего ей так недоста-ет.

ДУША И КРОВЬ

Нынешний, 1992-й — это, конечно же, Год Испании. И не потому, что Испания принимает у себя Олимпийские игры и Всемирную выставку. И даже не потому, что в 1492 году Испанское королевство обрело свои нынешние границы, от которых не собирается отказываться. А потому прежде всего, что 500 лет назад — 12 октября 1492 года — Христофор Колумб открыл Новый Свет, отнюдь не подозревая об этом...

Эта дата ежегодно отмечается за Пиренеями как День Испанского Мира, то есть День всех многочисленных народов, для которых испанский язык является первым или вторым родным языком и, конечно же, языком государственным, ведь 500 лет назад испанская речь не только, по выражению М. де Унамуно, «затопила полмира», но и «удвоила белый свет». А вскоре Мадрид стал наравне с Парижем столицей не только европейской, но и мировой поэзии.

Испанских и латиноамериканских поэтов у нас знают весьма хорошо — гораздо лучше, чем в Испании — поэтов русских. Лопе де Вега, Кальдерон, Гарсиа Лорка, Рафаэль Альберти, Пабло Неруда, Николас Гильен... Трудно найти читающего русского человека, для которого эти имена не значили бы очень многого. Боюсь, что Пушкин, Лермонтов, Пастернак или Цветаева пока что мало что значат не только для среднего испанца, но даже и для большинства испанских поэтов. Причина этому весьма прозаична и ни-

как не злоумышленна — просто в Испании пока что не было и нет ни традиции, ни устоявшейся школы поэтического перевода.

Только выпускнику восьмилетки кажется, что стоит перевести слова стихотворения на другой язык — и задача уже решена. Нет, при поэтическом переводе переводятся вовсе не слова и не предложения, а душа и кровь поэта (а значит, и его народа), то есть жизнь...

В этой подборке моих переводов — строки всемирно известных, но пока что мало знакомых нашему широкому читателю испанских поэтов. Я специально избежал имен, уже ставших у нас хрестоматийными (хотя, конечно же, переводил и их), то есть все тех же: Лопе де Вега, Кеведо, Кальдерона, Гарсиа Лорку, Рафаэля Альберти, Пабло Неруду, Николая Гильена... Это все, разумеется, звездные вершины поэтического духа, но ведь рядом с ними на самом деле всегда сияли (порой их затмевая) и иные звезды — и если кто-нибудь из читателей «Смены» заинтересуется ими всерьез, я буду считать свою миссию успешной.

СЕРГЕЙ ГОНЧАРЕНКО

ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА (1503—1536)

Основоложник испанского Возрождения и первый прославленный испанский сонетист. Воин и дипломат, любимец императора Карла V, который, впрочем, продержал его несколько месяцев в темнице. Женщины многих дворов Европы были от него без ума, и он ценил их красоту, но предпочитал все же безрассудство рукопашного боя. Был смертельно ранен при штурме французской крепости Фрежюс.

СОНЕТЫ

*Едва надежда поднялась с колен,
Как пала вновь, покорна черной силе:
И чаянья опять не победили,
Отчаянью сдались в постылый плен.*

*Кто б вынес столько скорбных перемен,
Измен судьбы? Но в горестном горниле
Мужайся, сердце! Помни, что в могиле
Вкусишь не штурм, а штиль рай и плен.*

*И потому крушу преград твердьни —
Пусть смерть близка, пусть гаснут взор и слух,
Пусть дверь моей темницы на засове!
Я припаду к стопам своей святыни,*

*Что б ни случилось: как бесплотный дух
Или мужчиной во плоти и крови.*

*Судьба моя, судья моей печали!
Тяжел твой гнет и тяжек приговор.
Под корень впился лезвием топор,
И рухнул ствол, и дол вокруг устлал*

*Плоды и лепестки, а в их обвале
Погребена любовь, что до сих пор
Меня живила... Плачу, но укор
Услышан будет мой уже едва ли...*

*Ни мне, ни вам слезами не помочь.
И все же им отныне и вовеки
Струиться из моих горячих глаз,*

*Пока не хлынет в очи эта ночь
Без пробужденья, не смежит мне веки,
Чтоб я прозрел и вечно видел вас.*

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА (1561—1627)

Согласно Сервантосу «гений редкий и неповторимый». Родоначальник испанского барокко — самого сильного литературного течения Иберии и Латинской Америки... Умер в нищете, так и не увидев издания первой своей книги. Прах его покоится в знаменитом соборе г. Кордовы.

ЛЕТРИЛЬЯ

*Каждый хочет вас обчесть.
Так и есть.*

*Баба дому голова.
Черта с два!*

*«Кто без денег — тот бездельник;
без эскудо — скудоум», —
судит толстый толстосум.
Богу мил богатый мельник,
а не богомол-отшельник.
Деньги купят рай и честь.*

*Так и есть.
Но поверить сдуру краде,
в чье окно стучится рать
ухажеров, и считать,
что помянутая краля
изменяет вам едва ли:
зря-де злобствует молва, —
черта с два!*

*Продается все на свете!
Кто с мошною — тот сеньор.*

Распродал дворянство Двор;
может пеня, в магистры метя,
степень в Университете
за дукаты приобрести,—
так и есть.

Потаскушки из столицы
в Ронде дамами слывут...
Приадумаешься тут,
но поверить, что девицей
стала ты, успев проститься
с повитухою едва,—
черта с два!

Просит милостыню нищий,
а в ответ он слышит: «Прочь!»
И не вздумают помочь
ни грошом ему, ни пищей,
пусть в кармане даже тыща,
а в кубышке и не счесть,—
так и есть!

Но считать, что тверже стали
дух у дона Размазни,
оттого, что искони
он при шпаге и кинжале,
воротник его в крахмале
и в помаде голова,—
черта с два!

Сможет опытный сутяга,
будь он даже казнокрад,
выплыть по реке Дукат
(если только он не скряга)
из болота Передрыга
в море под названием Честь,—
так и есть.

Но чтоб верная супруга
разноглазых дочерей
понесла вдруг, хоть убей,
от законного супруга,
если год уже округа
знает, что она вдова,—
черта с два!

МИГЕЛЬ ДЕ УНАМУНО
(1864—1938)

Он для Испании то же, что Лев Толстой — для России. В своих романах и философских трактатах запечатлел неповторимость испанского духа (столь близкого русскому) с такой

национальной отчетливостью, что сразу же стал писателем интернациональным — им и сегодня зачитывается весь цивилизованный мир. Правда, в отличие от Л. Толстого он был еще и великим поэтом...

*Манна, упавшая с неба,
слово насущное — хлеб
тем, кто без этого хлеба
высох душой и ослеп.
Плод, насыщающий душу
и оживляющий плоть,
выйди из чрева наружу,
слово, священный ломоть.
Став и творцом, и твореньем,
сделай же, слово, хоть раз
вещим своим озареньем
богоподобными нас.*

*Пусть в ней даже трель чужая
завучала, как своя,
все же песни попугая
хуже песни соловья.
Повторив руладу споро,
на певца он всем похож, —
только душу от повтора
не бросает в жар и дрожь.
Не платя собою бездне,
не добиться, чтобы вдруг
стал и впрямь подобен песне
в певчем горле каждый звук.*

ВИСЕНТЕ АЛЕЙСАНДРЕ

(1898—1984)

Один из крупнейших испанских сюрреалистов, лауреат Нобелевской премии 1977 года, он писал свои последние книги, будучи прикованным к постели. Поэтому его называли великим «горизонтальным» поэтом. Он не обижался: вся его жизнь была идеальной вертикалью ума и духа, устремленных в звездную высь.

ЗЕМЛЯ

*И остыло
земли горнило.
А трава на земле проступила,
как зеленого пламени космы.
Ком земли, обживающий космос.
Что в нем было? Он плыл, не таял,
непорочен и необитаем.
Плыл на ощупь в пространстве черном,
озарен лучом золоченым.*

ОГОНЬ

*Одинок огонь, не причастен
к обоюдному жару страсти.
Посмотрите, как плещет пламя,*

завладевшее небесами!
Как в луче вертикальном взмыли
птицы, не опаливши крылья!
А костер человечий? Много
до него еще, слава Богу,
лет, пронизанных этим светом
и огнем невесомым этим —
самым чистым и ясным самым...
Человек, погоди с кресалом!

ВОЗДУХ

Еще неимовернее, чем море,
еще сосредоточеннее — воздух.
Пустыня света в стынущем просторе,
бессонница высот в студеньких звездах.
Бессмертный воздух! Может быть, до края
он грудь тебе собою переполнит —
но он, бессмертный, о тебе не знает.
Но он, бессмертный, о тебе не помнит.

МОРЕ

Разве моря кромка голубая
льнет печально к берегу губами?
Вон как вольно рыщут волны в поле.
В небе благодать, а солнце — в море!
Что за свет, пронзающий навывлет,
на трепещущую вечность вылетит?
Божье сердце бьется в синем свете:
бьется вне
и времени, и смерти.

САЛЬВАДОР ЭСПРИУ

(1913—1985)

Крупнейший каталонский поэт Испании. Он стал сначала живым знаменем борьбы за каталонскую национальную автономию, а затем и живым символом союза цивилизованных испанцев и каталонцев, понимал, что «бычья шкура» (поэтический образ географического контура Испании) не делится без крови и ненависти. Ему поверили и каталонцы, и испанцы...

Из книги «Страстная неделя»

I
Надвечное, святое слово
укоренилось в темь и в сушь.
Когда оно потемки душ
облагородит светом снова?
Угас огонь. И правда стала
бесплотным мифом. Словно миф,
бессильно крылья уронишь,
она расколется о скалы.
О скалы песни? Ветер страха

в ущельях свищет. Ветер тьмы.
И пляшут флюгерами праха
дурак со шлюхой. Это — мы.
Здесь неосвобожденных нет ли?
Освободили лепрой нас.
Во льду победных птичьих глаз
не лес, а только «пли!» да петли.

II
Во мгле тюрьмы, на дне кувшина,—
где Слово среди тьмы словес?
Невыносим его нам вес.
Недосыгаема вершина.
В муку и масло обмакни
его и жарь, дабы смогли бы
и мы вкусить столь скользкой рыбы.
Но — ломтиками. Вот в тени
нам шлюха стол накрыть готова.
Убийцы здесь за мудрецов,
и каждому из мертвецов —
кусочек, отрезанный от слова.

III
Запел петух, крылом взмахнув,—
и расколол короткий клюв
стекло безлунья и божьбы,
и обнажилось дно судьбы,
Ты плачешь. Подтвердил рассвет,
что мира и забвенья нет.
Ах, сколь фундамент был хорош,
а все-таки бросает в дрожь
и в слезы. Даже власть не власть,

когда боишься с властью пасть.
Пастух! Снуют туда-сюда
твои бесстыдные стада —
попробуй шепот улови!
И грязь, и золото в крови.
Окаменелая вина —
ее не выплакать до дна.

ЛЕОН ДЕ ГРЕЙФФ

Самый замечательный из всех пока что мало известных у нас больших поэтов Южной Америки. Им восторгались и Пабло Неруда, и Николас Гильен... Он как бы испаноязычный Хлебников, помноженный на Белого и Черного. Ну что же, Испанская Америка — страна метисов. А у метисов крепкая кровь. Поэтическая — тоже.

ВИЛЬЯ-ДЕ-ЛЯ-КАНДЕЛАРИЯ

Что за
пустопроза

повсеевечерья пошлого
и нынешнего,
и прошлого!
Глупое многоголовье,
курносье и остроносье.
Прогуливаться
не проще ли
не по одной площади?
Бредкостное толстосумье.
Занудоутрени и объедни.
Всеобщинное скудоумье.
Нехитросплетенья сплетни.
Пережеванные пер'живанья
по поводу биржеванья.
Гомо сапиенс!
Ты, по слухам,
начал мыслить
набитым брюхом!

ПОСЫЛКА

(фрагмент «Баллады о статичных сычах»)

Подобно слову золотому,
которое дороже злата,
сычи, для вас, мои собратья,
сия ужасная баллада.

Едва луна открылась взорам,
как филины вскричали хором.
Осоловелая луна
была бела, была полна,
плывя над нашим глупым садом.

И филины, усевшись рядом,
забормотали про одно,
и ведьмы заорали «Н-но!..»,
верхом на помело взобравшись,
и началось...

А сад был глуп, упрям и прям:
прямоугольны были клумбы,
прямые столы, квадратны тумбы,
прямые аллеи. По краям,
как древних римлян легионы,
прямолинейные колонны.

Все было точно, безупречно,
равнотупо, равноконечно,
ригористично, риторично,
кругло, квадратно и конично,
геометрично равнолико,

безлично и равновелико;
одни и те же ароматы,
одни и те же тени.
Стандартны были, как солдаты,
и камни, и растенья...

Все идентично и статично,
ригористично, риторично,
геометрично и безлично —
ну, ни одной извилины,
а в довершение всего —
дурного шабаша сего —
одни и те же филины.

О, где мой сад видений экзотических,
извилины хаотически-панических,
нигилистических и невротических?

О, где мой сад? Не здесь, не тут,
где лишь сычей стандартный гуд
и одноморфные аллеи,

где только ведьмы, сатаня,
ветлу качают и в пылу
фантазии убогой
кричат, усевшись на метлу:
«Н-но! Трогай!..»

Перевод с испанского и каталонского СЕРГЕЯ ГОНЧАРЕНКО.

О ЧЕМ ПОЕТ тропическая ПТИЦА

Рок-события такого масштаба в последнее время случаются, увы, нечасто. А жаль...

Речь идет о санкт-петербургской группе «Колибри» и ее дебютном альбоме «Манера поведения».

Корреспондент Михаил Жигульский отправился в град Петров на поиски тропической птицы и среды ее обитания...

Пять девушек из группы «Колибри» сумели найти и обустроить для себя некую особую духовно-творческую и одновременно социально-психологическую нишу — единственное, наверное, спасение от большого общества, живущего в большой стране. И что бы ни говорили: мои возможные оппоненты, я готов пророчествовать: не пораженный смертоносной радиацией «измов» островок, где уже сегодня обитают «Колибри», — он и еще несколько таких островков лет через ...надцать станут той заповедной территорией, с которой начнется возрождение достойной человека жизни, поруганной «большинством» во главе с шарманщиками.

...На островке «Колибри» слушают бразильскую и японскую народную музыку, отсюда летают в Париж, тут наслаждаются буддистскими текстами и картинами Рене Магрида; его обитатели начинают день с бокала прохладного шампанского, а затем облачаются в костюмы, ими же созданные. А затем работают, много и упорно, но исключительно во благо себе, во имя процветания своего островка, а не потому, что «так завещали» шарманщики.

Солстка группы Наташа Пивоварова была ученицей Вячеслава Полунина и, пройдя в его своеобразной школе полный курс волшебства «клоун-терапии», стала дипломированным магом в этом виде искусства, что само по себе уже многое значит для стартовой позиции. И тем не менее самостоятельный творческий путь она решила начать с азов, точнее — с создания концепции. В ее основе была идея хотя и не самая новейшая, однако вполне актуальная и достаточно перспективная: культ женщины!

Планы Наташа строила под стать концепции — грандиозные,

вплоть до создания женского общества, клуба, журнала. Их осуществлению вполне может способствовать и тот факт, что сама Наташа — личность, довольно известная в Санкт-Петербургских и московских авангардно-творческих кругах, да и в области музыки и стиля она также человек опытный: работала у Валерия Леонтьева, демонстрировала костюмы неподражаемой Кати Филипповой, принимала участие в шоу-хэппенингах Сергея Курехина и его «Поп-механики».

Что касается ее собственной музыки, которая стала возникать из «снов и фантазий», то ее корни нужно, видимо, искать в мелодиях и текстах 50-х годов, в эпохе раннего песенного романтизма. Вместе с подружкой Леной Юдановой гордая феминистка начала создавать в конце 80-х композиции 90-х. Три не менее очаровательные девушки — Инна Волкова, Ира Шараватова и Оля Феценко, — добавленные Наташей к дуэту, образовали то вокальное единство, которое требовалось основательницам «Колибри».

Насколько удачно это название — «Колибри», можно понять, если зримо представить «картинку из жизни» реальной маленькой птички: вот она (цитирую по заметке о группе, опубликованной в газете «Рокси-экспресс»), «выбрав цветок, ...приближается к нему вплотную, зависает перед ним, вводит клюв глубоко в бутон, приподнимает наклювье вверх и, высунув маленький красный язычок, медленно накачивает нектар в полость рта...». Так и душа человека, способного воспринять новизну мелодико-поэтического ревивализма, перетекает, будто нектар, в музыку и тексты «Колибри» и становится добровольной пленницей их чарующих голосов.

...После долгих «заморочек» в студии товарищества «Сестра» при участии звукорежиссеров Александра Титова и Михаила Васильева был записан альбом, с которого и началось мое знакомство с Наташей и К¹. Продюсерами «Манеры поведения» выступили сами «колибрички», и дело тут не столько в том, кто именно был «художественно-техническим руководителем» записи, просто финансировали весь проект именно девушки, а это обошлось им, как вы понимаете, недешево. В итоге — десять прекрасных композиций Наташи и Лены, плюс еще одна — «Орландина», написанная «парижанином» Алексеем Хвостенко¹ (песня стала его подарком «Колибри»).

Короткая, будто неожиданный солнечный проблеск на безнадежно затянутом облаками небе, вещь «Голос», открывающая альбом (он существует в двух отличающихся вариантах: как магнитоальбом 1990 года и как виниловая пластинка, которую выпускает независимая фирма «Эрио»), — своеобразная мини-прелюдия. Она строится на двух созерцательно-отрешенных партиях вокала, и одна при этом звучит как втора: то ли загадочное эхо в только что проснувшемся лесу, то ли отголосок внутреннего «я».

Немного выпадает из контекста альбома вторая композиция — «Ему не нужна американская жена». Однако не потому, что ей недостает обертонов, «ходов», ритмов, а оттого, что гармония эмоционально-просветленного декаданса слегка теряет изначаль-

ную стройность. Хотя именно эта песня может оказаться суперхитом, тем более что интригующая строка названия удачно «закавычена» авторами с помощью мелодического «хука».

Иное дело композиция «Фудзи»: вязь причудливых элементов аранжировки дает потрясающий эффект воздушной прозрачности, основную же мелодическую линию выстраивает фактически солирующая бас-гитара, в то время как флейта, звучание которой стилизовано под японские музыкальные традиции, едва обозначает ритмический рисунок, создает психомиражное настроение, усиливающееся благодаря общему темпу-«размышлению». Воистину задумчиво-созерцательная вещь.

Композиции «Я устал», «Город» и «Трамвай» я бы объединил в один маленький цикл, хотя каждая из них имеет вполне индивидуальные черты.

Особое место в эстетике альбома занимает композиция «Танцуй со мной!». За счет использования редкого в практике отечественных студий метода — «стены звука» «Колибри» удалось, нагнетая звуковую «атмосферу», добиться гипнотического воздействия заклинания «Танцуй, танцуй со мной, танцуй...», переходящего в чистое шаманство. В конце вещи они достигли уровня настоящего психоделик-рока, тем самым нарушив условную камерность «Манеры поведения» и одновременно заявив о себе как о группе, имеющей более глубокие корни в рок-нежели в поп-системе. Но вот на концерте — готов поклясться! — «Колибри» не смогут исполнить «Танцуй...» равноценно фонограмме, ибо невозможно воссоздать шаманство в чистом виде.

¹ Экс-советский бард, автор суперхита группы «Аквариум» — «Над небом голубым».

И еще одно: музыка девушек, хотя и обладает значительным коммерческим потенциалом, далека от канонов «стадионного рока». Она куда более соответствует атмосфере небольших залов, где «колибрички», используя особую сценическую подачу, создают захватывающее «нон-стоп эротик-кабаре», неотъемлемой частью которого становятся туалеты от Кати Филипповой и Натальи Смаковой. Туалеты, надо сказать, довольно смелые, но лишь с точки зрения несчастных «пролов» (вспомните Джорджа Оруэлла), которые и эротик-кабаре воспринимают не иначе как секс-балаган. Увы, серпасто-молоткастое пуританство за 70 лет приучило свои жертвы к единственному взгляду на красоту тела — сквозь замочную скважину. А ведь последние работы западных мастеров авангардной моды, да и нашего Валентина Юдашкина, демонстрируют схожие тенденции, и это никого уже за пределами одной шестой части суши не шокирует.

...Я покидал островок «поющих звезд» с ясным пониманием: здесь воцарился новый стиль новой жизни. Почему именно такой? А потому, что «жизнь не закончилась — она только начинается», как говорят мои новые знакомые, а по сути — новые люди. И дай Бог всем другим приобщиться к такому же образу жизни.

Материал подготовлен музыкально-информационным агентством «Астро Ньюс».

Текст: World © Astro News Agency, 1991

Фото на 4-й обложке АЛЕКСЕЯ МЕЛЬНИЦКОГО.

Если вы одиноки и хотите найти себе друга или спутника, попробуйте это сделать вместе с нами. Надеемся, что вы не разочаруетесь и наше сотрудничество увенчается для вас успехом.

Хотим сразу признаться, что наша фирма была создана не как служба знакомств, а специализируется в области маркетинга и т. д. По роду деятельности нам приходилось контактировать с матримониальными фирмами Польши и Германии, мы учились самым эффективным методам их работы. Правда, долго мы не решались начать эту деятельность, однако, видя недостаток служб знакомств в стране, все-таки решились и постарались учесть нашу специфику и полученный опыт.

Что отличает наш метод? Максимальная простота и удобство для вас:

а) **КАТАЛОГИ** — очень удобная и широко практикуемая за рубежом форма, позволяющая скрыть имя и представить себя широкому кругу абонентов; начать переписку с указанными в каталоге кандидатами и прервать ее в любой момент; публиковать свои данные, а также получать каталоги.

б) **ИНДИВИДУАЛЬНОЕ обслуживание** — позволит избежать просмотра каталогов и положиться на нас в точном подборе кандидатов по данным **АНКЕТЫ и ЗАПРОСА**.

в) Наконец, вы можете пользоваться всеми услугами в комплексе, что вполне разумно и никак не ухудшит результата.

Будем благодарны вам за советы и пожелания.

✉ «Диамант Интернешл»: 121357, Москва, а/я 293.

☎ Справки по телефону 930-36-65 с 9 до 18.

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

Г О любви и «браке»

Г Вместо народа — сборище?

144
Г История моя банальна. С мужем мы прожили два года, у нас есть дочь, которую я люблю всей душой, а муж ее иной раз даже не замечает. И, поверьте, становится обидно до слез, когда кроха тянет к маме свои ручонки, а он с высоты своего роста и своей «занятости» не удостоивает ее даже взглядом. Вся домашняя работа мужа сводится к «поесть и поспать». Нет, конечно же, он помогает мне, если очень попросишь и наметишь ему эту работу на неделю вперед, чтобы, не дай Бог, не оторвать его от друзей, тренировок, дел. Все эти семейные дразги, скажете вы, должна улаживать я сама, только вот подскажите такие слова, которые дошли бы до моего мужа.

Мужчины! Неужели вам нужна от нас только постель? Почему вы не желаете понять, что мы тоже хотим отдохнуть — просто посидеть, почитать? Почему вы считаете, что ребенка должны воспитывать только матери? Почему вы не хотите поделиться своими планами на будущее и делами на работе? Или вам есть что скрывать от жен, или хочется быть настолько самостоятельными, что вы признаете лишь

свое «я»? Тогда зачем вы женились? Чтобы потом видеть детей час утром и два вечером? Почему нам нельзя помечтать, ну хоть о чем-нибудь незначительном, поделиться этой мечтой с вами? Почему только вы реалисты, а мы «ничего не понимаем»? Почему к нашим желаниям вы относитесь скептически, а еще чаще с пренебрежением?

Мой муж не понимает ласки, не принимает ее, ему не нравится, когда я, не видевшая его день, сутки или больше, бегу с улыбкой навстречу, чтобы поцеловать его; он начинает сердиться и вспоминать, что ему еще надо прослушать кассету, поужинать и лечь спать, ведь ему завтра на работу, а я дома не устала и проблем у меня нет. Что ответить на его вопрос, если на мою просьбу прийти вечером пораньше он говорит: «Зачем?»

Почему слова «люблю, милая, хорошая» я слышу, только когда мы занимаемся сексом или когда мой муж бывает пьян? У вас что, мужчины, такое представление о нежности и доброте? Почему вы ни с того ни с сего вдруг не обнимете нас и не шепнете, что мы сегодня обворожительны и прекрасны? Вот скажите мне — вы все так

живете, или есть люди, которые не только любят, но и понимают друг друга? Только не говорите мне, что в доме должны быть чистота и уют (мой муж не понимает, почему я убираюсь каждый день), и про желудок мужа тоже молчите — я не ас по делу готовки, но стараюсь и учусь. Я вяжу мужу и редко-редко (не от меня зависит) играю ему на пианино. И не уверяйте, что Бог терпел и нам велел. Сколько надо терпеть — год, два, десять? И надо ли? Мне двадцать один год. Становится жутко — ведь когда-то я была веселой, рисовала свою семейную жизнь в розовых тонах, думала: все трудности будем преодолевать вместе, всем будем делиться и никогда не будем расставаться. Я улыбалась, люди! Неужели я навсегда останусь нервной, робкой, плачущей и ждущей ласки, нежных взглядов, слов, как голодная собака хлеба?

**НАТАША,
Ижевск**

В ноябре 1983 года мой муж вернулся из армии. В его военном билете — я сама видела — было написано, что он выполнял интернациональный долг в ДРА, а в медицинской справке — рекомендация работать где-нибудь в канцелярии. Но так как ему был двадцать один год, он, естественно, этого не захотел, выбросил все документы, у другого врача прошел комиссию и стал работать кузнецом пятого разряда. По льготам Андрей получил квартиру, у нас родились две дочери. К врачу обращался изредка с повышенным давлением, а в мае 1990 года умер от инсульта. Похоронили его как афганца, и мне бы очень хотелось, чтобы откликнулся кто-

нибудь из тех, кто служил с ним вместе.

Я посылала запросы, но получила ответы, что часть его не была в Афганистане, что при выписке из алма-атинского госпиталя карточку ему отдали на руки, и установить место службы нельзя. Но он мне рассказывал о той войне, он плакал по ночам, а умер в 27 лет. Я не денег добиваюсь, я хочу знать правду. Прошу ребят, которые служили с моим мужем — старшиной Макаровым Андреем Анатольевичем — в 1982—1983 годах в Караганде, написать мне по адресу: 184415, Мурманская обл., г. Заполярный, ул. Ленина, д. 17, кв. 64.

Т. МАКАРОВА

Всегда читаю в «Смене» письма и замечаю, что люди все чаще жалуются: жизнь такая-сякая, ни условий, ни квартиры, ни нормальной еды, муж — злодей и т. д. Многие срывают зло на детях, ругаются в очередях, чуть ли не дерутся с соседями. А что, если бы каждый из нас стал чуть-чуть добрее, если бы журналисты писали не только о плохом? Вот в «Смене» очень много детективов, а юмора маловато. Жизнь и так не очень нас балует радостью, весельем, а еще начитаешься всяких ужасов, так и жить не хочется. Многие, наверное, подумали: хорошо веселиться и быть добренькими, когда у тебя квартира и мама с папой под боком. Я и сама еще недавно так думала — ведь с утра до вечера мысли одни: чем накормить семью? А теперь решила — ладно, с голоду пока не умираем, нечего плакать без конца. Видимо, жизнь меня все же закалила.

Мне было двенадцать лет, когда умерла мама, осталось нас пятеро детей да отец-выпивоха. Самому младшему девять месяцев, старшему брату четырнадцать лет. Жили плохо: черны́й хлеб с сахаром — вот наша вкуснятина. Хорошо, помогала тетка, сестра отца. Спасибо ей за все. Через три года отец умер, и остались мы одни. Не буду описывать, как жили, но, в общем, выжили все. Я была с детства забитой, неулыбчивой девочкой. В семнадцать лет даже хотела покончить с собой, в восемнадцать чувствовала себя старухой. Стала работать в яслях, сначала няней, затем воспитателем, и дети меня возродили. Теперь я люблю жизнь. Вышла замуж, у меня двое мальчиков — Максим и Сергей. И решила — как бы ни было трудно, не буду унывать! Хотя и живем мы в доме-скворечнике: три квадратных метра на четыре вместе с кухней, участок около двух соток. Все валится, сыпется, но мы держимся — ремонтируем: Муж получает 350 рублей, мы с сыновьями — 260. Если не покупать импортные джинсы и кроссовки, разные «варенки», нам пока хватает. Прожить можно и без «варенок». Выйду на работу — будет легче, можно тогда и об импорте подумать, а дети у меня не хуже других и в отечественном ходят. А написала я, чтобы как-то ободрить людей, посоветовать жить смелее, не вешать нос, не скандалить, а на грубость отвечать улыбкой, это сражает наповал. Пусть другие бранятся, а вы улыбайтесь, и все будет хорошо. Но главное — любите детей, от них зависит вся наша жизнь.

СВЕТЛАНА ВОЛКОВА,
Челябинская обл.

Прочитал в № 7 «Смены» за 1991 год письмо Ольги Н. из Санкт-Петербурга, в котором она пишет, что человеческое достоинство — пустой звук. Пишу, потому что точу подлечить ее душу, ибо душа у нее есть, и к тому же высокая. Да, таким людям особенно трудно жить в нашей стране, где большинство людей неосознанно унижает окружающих, а чаще всего и себя своим поведением и поступками. Разве не теряет человек своего достоинства и не унижает других, когда лезет без очереди напролом, толкая рядом стоящих или тоже толкающих друг друга, чтобы урвать очередной «кусочек», но тем самым потерять частицу души? Октябрьский переворот полностью заменил духовный мир материальным, а индивидуальность каждого человека — всеобщей уравниловкой. Мерили все одной общей меркой, не понимая, что души несоизмеримы, так и потеряли человека как личность. Народ с великими культурными и духовными ценностями превратился в невежественное сборище.

Неужели не дрогнет душа у наших лидеров, когда они видят, по телевизору хотя бы, как пожилой человек вынужден собирать «бьчки» на остановках? Какое уж тут достоинство, ему просто неоткуда взяться. К великому сожалению, таких, как ты, Ольга, пока меньшинство, поэтому и возникает у тебя желание временно или даже навсегда уйти из мира бездушных людей (у меня тоже возникало такое желание). Думаю, лет через пятьдесят во втором поколении свободной России появятся культурные, чистые и счастливые люди, свободные от семидесятилетней грязи и беспросвет-

ной жестокости. Но если опустить руки, «сломаться», ничего не изменится. Надо стремиться, чтобы мрачные житейские обстоятельства не перевешивали цель, дело и радости твоей жизни.

Буду рад получить от тебя и других письмо и чем-то помочь. Адрес в редакции.

**ВЛАДИМИР,
Новотроицк**

Пишу в редакцию первый раз и не знаю, с чего начать. Помогите, пожалуйста, своим советом. В нашей семье четыре человека. Мама, я, сестра и подонок-отец. Сразу извините, но называть его отцом — это кощунство по отношению к настоящим отцам. Всю свою жизнь мы с сестрой завидовали хорошему отцу, которые играли со своими детьми, любили их.

А что видели мы? С самых малых лет он нас называл суками, тварями, паскудами. Стоило нашей маме купить нам какую-нибудь игрушку, он швырял нам ее прямо в лицо. Когда мне было три года, мама купила мне пупсика за двадцать копеек. И этот несчастный пупсик с ходу полетел прямо в меня. Все поражаюсь терпению нашей милой мамы. Теперь мы взрослые. Мама дала нам много, но жить стало еще хуже. Сейчас «отец» уже на пенсии, нигде не работает, теперь он ложится в пять часов вечера спать и только на следующий день в два часа дня встает. В восемь вечера нам уже запрещается ходить, а если и ходим, то нам вслед сыплются такие слова, которые даже в тюрьме, наверное, стесняются произносить. Порой он доведет до такой степени, что хочется отравить

его, но ради мамы и из-за позора перед соседями и знакомыми терплю. Людей он ненавидит, ни с кем не разговаривает, с ним даже его родные не общаются. Он настоящая сволочь! Мне несколько не стыдно называть его так. На что он может надеяться после всего этого? Ни я, ни сестра поддерживают его в старости не тощим. Благо есть дома для престарелых. Знаете, сдадим его без всякого зазрения совести. Даже если мне сейчас скажут, что он умер, у меня будут течь слезы самой большой радости. Невозможно будет поверить в это счастье. Это надо же довести детей, своих детей, до такой степени, чтоб они каждый день, каждый час ждали смерти отца! «Господи, приberi его к своим рукам!» С такими словами я ложусь и встаю. Самой даже не хочется жить из-за него. Домой стараюсь придти как можно позже.

Так хочется сказать всем отцам: «Не отталкивайте от себя детей». Им нужна поддержка, забота, любовь.

**Г. В.,
Иошкар-Ола**

На протяжении нескольких лет в «Смене» публиковались материалы о наших молодых соотечественниках, в годы войны угнанных в Германию. По-разному сложились их судьбы, многих жизнь разбросала по свету. Лишь через десятилетия, когда рухнул «железный занавес», некоторые смогли известить родителей. А кто-то до сих пор ищет своих близких.

Ольга Леонова, проживающая в Бельгии, обратилась к нам с просьбой помочь разыскать Василия Васильевича, Семёна Васильевича и Лидию Васильевну Назаркиных. Мы просим их или тех, кому что-либо известно об этих людях, написать в редакцию. Все письма мы перешлем в Бельгию Ольге Леоновой.

Перед последним стартом. Слева направо: бортрадист Н. ГАЛКОВСКИЙ, второй пилот Н. КАСТАНАЕВ, командир корабля С. ЛЕВАНЕВСКИЙ, бортмеханик Г. ПОБЕЖИМОВ, бортмеханик Н. ГОДОВИКОВ, штурман В. ЛЕВЧЕНКО.

ПОЛЕТ В

Экипажа

НИКУДА

Сигизмунда Леваневского

История исследования Арктики хранит множество трагических тайн. Мы мало что знаем о гибели экспедиций Фрайклина, Де Лонга, Седова, Толля, Русанова, Брусилова... Такая же судьба постигла и многие экспедиции покорителей арктического неба. Исчез в полярных просторах экипаж воздушного шара «Орел» шведа Андрэ, навсегда скрыла Арктика последнюю судьбу дирижабля «Италия» и половины его команды, а также бросившегося им на помощь великого норвежца Руаля Амундсена. И, наконец, крупнейшая и одна из самых загадочных арктических трагедий — исчезновение в 1937 году при перелете через Северный полюс в Америку экипажа Леваневского...

В последнее десятилетие «тема Леваневского» периодически освещается на страницах газет и журналов. Не раз в этих обсуждениях принимал участие и я. Юрий Каминский впервые ставит вопрос в совершенно другой плоскости. Действительно, может быть,

ЮРИЙ КАМИНСКИЙ

В последние годы много писали о загадочном исчезновении экипажа Сигизмунда Леваневского. При чем обсуждали в основном, где упал самолет и как его найти. Высказывались разные гипотезы. Одни считают, что машина нашла гибель во льдах океана, другие — в горах Аляски, третьи — что она сбилась с курса и искать ее нужно в Якутии...

Все эти версии достойны изучения. Дело в другом. Ни разу не ставился вопрос: почему самолет «СССР Н-209» не достиг американского континента? Может быть, тяжелые метеоусловия и технические неполадки — это скорее следствия, нежели причины катастрофы?

Перелет, который был обречен

Перелет совершался на машине «СССР Н-209»... Первоначально

самолет назывался ДБ-А (дальний бомбардировщик-Академия). В 1934 году, когда серийно строился туполевский тяжелый самолет ТБ-3, было решено кардинально модернизировать конструкцию и на ее основе создать новую машину, обладающую значительно более высокими показателями. Работы осуществляла группа преподавателей и инженеров Военно-Воздушной академии под руководством В. Ф. Болховитинова. Самолет был построен в конце 1935 года, весной следующего года прошел заводские и государственные испытания. По воспоминаниям старых авиаторов, он был очень красив: первый советский тяжелый четырехмоторный самолет не с гофрированной, а гладкой обшивкой фюзеляжа, крыльев и хвостового оперения. Показав ряд преимуществ перед ТБ-3, он был признан вполне удачным.

А затем, как и полагалось тогда,

суть катастрофы не только в циклонах, обледенениях и технических неполадках, а в качестве подготовки? Помню, в 1938 году в Москве мы встретились с выдающимся американским полярным аэронавигатором и исследователем Гербертом Уилкинсом, участником поисков самолета «СССР Н-209». В беседе он сказал, что Арктика — суровая арена битвы человека с не знающей пощады стихией, и экипаж Леваневского — ее очередная жертва: чтобы вступать в такую борьбу, необходима совершенная моральная и материальная подготовленность.

Мне, участнику практически всех высокоширотных воздушных экспедиций 30 — 60-х годов, хорошо известно, как часто за пропагандистскими целями теряли главное — человека...

В. И. АККУРАТОВ,
заслуженный штурман СССР

пришло время ставить рекорды...

— С самолетом ДБ-А я познакомился, когда он еще строился, — рассказывает Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков. — После нашего с Леваневским неудавшегося перелета через полюс в Америку на АНТ-25 в 1935 году меня направили шеф-пилотом на авиационный завод имени Горбунова, где строился ДБ-А. Испытывал его великолепный летчик Николай Кастанаев. Я, как шеф-пилот, следил за заводскими испытаниями машины и как-то решил опробовать ее сам. В полете я обнаружил, что самолет обладает недостаточной продольной устойчивостью. У Кастанаева было такое же мнение. Обратили на это внимание Болховитинова, так как устранение неполадок требовало инженерных доработок. Но для более полного представления о возможностях машины необхо-

димо было испытать ее на маршруте. 14 мая 1937 года мы с Кастанаевым, штурманом-радиотом Кербером и бортмехаником Годовиковым вылетели по маршруту Москва — Мелитополь — Москва, взяв пять тонн груза.

В полете я заметил, что Коля Кастанаев, вообще-то большой мастер, совершенно не умеет летать «вслепую». В грозовых фронтах и плотной облачности он пилотировал очень неважно... Тем более что продольная неустойчивость осталась. В нормальном режиме самолет вдруг самопроизвольно начинал набирать высоту. Набирает, набирает, теряет скорость... Опускает нос и начинает разгоняться... Кажется, пора уже выводить его, а это сделать не так-то просто.

И еще: как только перегревались двигатели, отказывали свечи. Так что мы шли на трех моторах, попеременно давая отдохнуть четвертому.

В том перелете мы установили два международных рекорда скорости, но все равно осталось чувство неудовлетворенности...

В те дни Георгий Филиппович фиксировал недостатки как специалист. Теперь же смотрит сквозь призму событий, неожиданно развернувшихся вскоре после перелета в Мелитополь. В самом деле, так уж необходимо заводскому летчику-испытателю владение «слепым» полетом? Но ведь через три (!) месяца Кастанаев полетит через Северный полюс в Америку, и на этом пути ясного неба не будет. А моторы, на которые нельзя положиться?.. А неустойчивость самолета?..

...Судьба Сигизмунда Леваневского сложилась так, что ему все время приходилось догонять самого себя. Его имя стало известным после перегонки в 1933 году гидросамолета «Дорнье-Валь» из Севастополя в Хабаровск. По тем временам это был значительный перелет. Затем он вывез (а не «спасал», как романтично писали у нас) из Анадыря на Аляску потерпевшего аварию американского летчика Маттерна, который целым и невредимым обрелся в чукотской яранге. Двусмысленным и неопределенным в летной среде положение Леваневского стало после того, как ему присвоили звание Героя Советского Союза № 2 среди других шести летчиков, спасавших челюскинцев. Это впервые установленное высокое звание давалось именно «за спасение», в котором ему участвовать не довелось: попав в тяжелые погодные условия, он разбил машину в районе Колючинской губы. Были и другие летчики, долетевшие «почти» до льдины челюскинцев, но не достигшие заветной цели по разным причинам. Среди таких «невезу-

чих» был, например, опытнейший пилот В. Галышев, совершивший труднейший перелет из Хабаровска в Уэллен, но из-за поломки и ремонта самолета опоздавший к эвакуации людей. Героем из них стал только один... По словам Байдукова, известие об этом Леваневский переживал болезненно, всеобщее внимание тяготило его. На перроне Белорусского вокзала, куда прибыл поезд с героями, его сразу заметил председатель правительственной комиссии Куйбышев и принародно расцеловал.

«Мы приехали на Красную площадь и встали в шеренгу,— писал позже Леваневский.— И вот идет группа людей... Я прекрасно знаю их имена. Вот они-то меня видят впервые. Впереди шел товарищ Сталин. Улыбаясь, он со всеми здоровается. Я отошел в сторону, чтобы не мешать. Но вдруг слышу — товарищ Сталин зовет: «Леваневский!»

Я поражен — откуда он меня знает!

— Чего вы прячетесь и скромничаете,— сказал Иосиф Виссарионович. Подошел ко мне и подал руку».

Для Леваневского при его повышенном самолюбии начались беспокойные времена. Надо было чем-то очень значительным подтвердить нежданную всенародную известность.

Великий летчик Михаил Громов рассказывал мне, что еще во время испытаний АНТ-25 у него родилась идея беспосадочного перелета через полюс. После установления мирового рекорда продолжительности полета по замкнутому маршруту замысел окреп. Однако разрешение первым осуществить такой перелет получил попавший в удивительное и необъяснимое расположение вождя Сигизмунд Леваневский. 3 августа 1935 года он вылетел из Москвы со вторым

пилотом Байдуковым и штурманом Левченко. Через несколько часов полета над Баренцевым морем летчики заметили утечку масла. Леваневский принял решение вернуться назад.

— Вскоре после возвращения экипаж вызвали в Политбюро, — вспоминает Байдуков. — Присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов и Туполев. Сталин спросил Леваневского о причинах неудачи. И тут произошло неожиданное. Леваневский прямо заявил, что он больше никогда не будет летать на туполевских самолетах, что он ему не доверяет. Такие самолеты, сказал он, может делать только вредитель и враг народа. Ворошилов пытался прервать его, но Сигизмунд, видя, что Молотов что-то пишет, и почему-то решив, что тот записывает ход разговора, еще больше распалился и, тыча в листки, повторил: «Да, Туполев — вредитель, и я требую это застенографировать!»

Когда Леваневский обвинил Андрея Николаевича — тот побледнел, когда повторил свое вздорное обвинение — тому уже стало совсем плоховато. Вызвали Поскребышева, и Туполева отправили домой.

Разговор продолжался. Сталин, напомнив, что Леваневский является не только Героем Советского Союза, но и национальным героем Америки (за вывоз Матерна. — Авт.), предложил экипажу отправиться в США и посмотреть, что можно закупить там для задуманного перелета через полюс.

Наступила тягостная пауза, во время которой Сталин ходил взад и вперед по ковровой дорожке. Тогда я попросил слова. (А Ворошилов незаметно из-под стола показал мне кулак, чтобы я «не вступал».)

— Что у вас? — жестко спросил Сталин.

— Товарищ Сталин, по-моему, такая поездка будет безрезультатной.

— Почему? Откуда такое сомнение? — вспыхнул он.

— Я — летчик-испытатель, к тому же интересуюсь специальной литературой и информацией по иностранному самолетостроению. Поэтому могу с уверенностью сказать, что машины с такими данными, как у АНТ-25, в капиталистических странах нет...

— Что вы предлагаете?

— Ввиду безуспешности такой поездки прошу разрешить мне остаться и выполнять свои прямые служебные обязанности...

Леваневский действительно не смог бы найти за океаном замену АНТ-25. Байдуков же приложил все силы для «реабилитации» незаслуженно отвергнутого самолета. В 1936 году совместно с В. Чкаловым и А. Беляковым в перелете через арктические районы на остров Удд он еще раз — после М. Громова — доказал, что эта выдающаяся машина может бить рекорды. Для Леваневского это, без сомнения, было еще одним чувствительным ударом по самолюбию. Мало того, что его перелет закончился неудачей в самом начале, он еще громкогласно и беспощадно для того времени (и, как оказалось, совершенно беспочвенно) обвинил конструктора и самолет. Так или иначе Леваневскому предстояло снова догонять и снова утверждаться. Но как, на чем?

— 25 мая 1937 года, то есть через десять дней после перелета на ДБ-А в Мелитополь и обратно, Чкалова и меня вызвали в Кремль, — продолжает Байдуков. — Туда же был приглашен и Леваневский. Это была еще одна наша с ним встреча на «высшем уровне» и тоже не без «сюрприза». Нам с Чкаловым был окончатель-

но разрешен перелет через полюс в Америку на АНТ-25.

— А вы с кем хотите лететь? — вдруг обратился Сталин к Леваневскому, видимо, помня о неудаче в 1935 году.

— Вот товарищ Байдуков... — начал было Сигизмунд.

— Вы что — на двух стульях сидите? — Сталин в упор посмотрел на меня.

От неожиданности я опешил. Сказал, что у нас уже сложился экипаж во главе с Чкаловым, и с другими экипажами работать не собираюсь.

— На чем думаете лететь? — снова Сталин Леваневскому.

— Пока не знаю...

Тогда Ворошилов, внимательно следивший за мной во время разговора, вдруг кивнул в мою сторону:

— Ну и память! Вы же с Кастанаевым только что рекорд на Мелитополь ставили. Чего же ты молчишь?!

— На этой машине нельзя лететь, — ответил я, сразу догадавшись, куда клонит нарком. — У нее не хватит дальности для такого перелета. Она вообще создавалась для других целей — это же бомбардировщик...

— Вы нам не объясняйте, что и для чего, — перебил меня Сталин. — Вы — шеф-пилот завода, покажите самолет товарищу Леваневскому, познакомьте с конструктором.

По дороге домой мы с Чкаловым долго находились под впечатлением разговора в Кремле.

— Слушай, Егор, — вдруг сказал Валерий Павлович, — предложи Сигизмунду лететь с нами через полюс в Америку четвертым.

— В качестве?

— Командира. Осуществит свою мечту — ура Леваневскому! Только предупреди его, что мы будем лететь так, как нам нужно.

Чкалов не был тщеславным человеком, и я понял, что он все продумал и говорит искренне. Я попробовал отговорить Леваневского от затеи с ДБ-А и передал ему предложение Чкалова.

— Георгий, ты меня хорошо знаешь. У меня характер твердый — я же сказал, что никогда не буду летать на туполевских самолетах...

Когда на заводе открыли ангар и Сигизмунд увидел самолет, он им залюбовался. Я попросил приехать Болховитинова, сказал, что на машину нашелся «покупатель».

— В чем дело? — спросил он сразу по приезде.

— Дело — пустяк, — попробовал отшутиться я. — Герой Советского Союза Леваневский хочет лететь на вашей машине через полюс. Ну, в Америку сразу, наверное, не получится, а на Аляску — точно. А потом через Канаду можно уже и в Штаты.

— Да вы что!!!

Я тут же позвонил наркому авиапромышленности М. Кагановичу. Обрисовал ситуацию, сказал, что конструктор категорически против. Нарком потребовал к телефону Болховитинова и устроил ему форменный разнос. Стало ясно, что решение «наверху» уже принято, и обратного хода нет...

До начала трансарктического перелета через Северный полюс на самолете, получившем обозначение «СССР Н-209», оставалось два с небольшим месяца. Как же проходила подготовка к нему и могла ли она вообще быть успешно осуществлена за такой фантастически короткий срок?

— В тридцатые годы мне довелось быть испытателем радиоаппаратуры для знаменитых самолетов АНТ-25, — говорит бывший заместитель А. Туполева, лауреат Ленинской премии, доктор технических наук Леонид Львович Кер-

бер.— В этом же качестве работал я и с самолетом Н-209. Я участвовал в перелете в Мелитополь, во многих других полетах на этой машине. Мнение специалистов было единым: машина «сырая», ее еще нужно, как говорится, доводить до ума. И вдруг такое решение — лететь через полюс!

После конфуза с АНТ-25 Леваневский был, конечно, одержим идеей нового немедленного перелета, но это делало сроки подготовки ничтожно малыми. Август — начало арктической зимы, значит, лететь или в первой декаде месяца, или, рассуждая здраво, отложить на будущее. Но это было не в характере Леваневского, тем более что у него на глазах совершались два блестящих перелета — Чкалова и Громова — в Америку.

— Современные историки и специалисты видят основную причину катастрофы в отказе мотора.— продолжает рассказ Кербер.— Но разве только в этом дело? Обратите внимание на состав экипажа. Командир — Леваневский, второй пилот — Кастанаев, штурман — Левченко, бортмеханики — Годовиков и Побежимов, бортрадистом был назначен я. Кто хорошо знал машину? Кастанаев и Годовиков — заводские специалисты — и в определенной мере я, достаточно много на ней полетавший и занимавшийся ее радиооборудованием. Совершенно не знакомы были с самолетом Леваневский, Левченко и Побежимов. Более того, Леваневский появился только под занавес тренировочных полетов. До этого он занимался совершенно другим делом — принимал прибывшие из США летающие лодки.

На что же он надеялся? Видимо, на свое бесспорное мастерство, поэтому и не вникал в премудрости подготовки. Таким обра-

зом, экипаж не имел настоящего компетентного командира, как это было в чкаловском или громовском экипажах. Мы их называли монолитными, построенными на полной слаженности и взаимозаменяемости. Громов, Юмашев и Данилин понимали друг друга даже не с полуслова, а, я бы сказал, с полужеста. Монолит из шести человек сложиться не успел, и «притираться» в возможных экстремальных ситуациях им предстояло в полете.

К тому же спаянности экипажа во многом мешала высокомерность самого командира. Между ним и экипажем всегда существовала определенная дистанция. Например, во время обеда Леваневский со своим верным штурманом Виктором Левченко всегда сидели за одним столиком, остальные — за другим. За руку он здоровался только со вторым пилотом и тем же штурманом. Детали мелкие, но достаточно красноречивые. Но особенно ярко барственная натура Сигизмунда Александровича раскрылась в таком эпизоде. Когда мы в Момино занимались подготовкой, возник на первый взгляд простой вопрос: в какие цвета красить самолет? Леваневского с нами еще не было, и его запросили через комиссию по дальним перелетам. Пришел ответ: «В мои цвета». И все. Без каких-либо разъяснений, как будто всем это было известно. Начались поиски ответа на «архиважный» для дела вопрос, что это за «его цвета». Через родственников удалось выяснить, что у него есть фамильный герб из двух цветов — красного и синего. Я помню, с какой обстоятельностью и скрупулезностью готовились машины для Чкалова и Громова, какая борьба шла за сокращение веса. А здесь пришлось перекрашивать весь самолет. Причем красный и синий цве-

та легли на старую краску военного образца: сдирать ее не было времени. Только эти «малярные» работы дали двести лишних килограммов.

Вся эта стремительная подготовка отложилась в моей памяти как непродуманная, бессистемная, очень похожая на штурмовщину. Происходили удивительные вещи. В своих редких полетах на 209-й машине Леваневский ни разу не взлетал с полным весом. После нашего перелета в Мелитополь командир с Кастанаевым и Левченко тоже совершили перелет... к Азовскому морю. Не в Архангельск, не к Новой Земле, а опять-таки на юг.

Как специалист, смею утверждать, что смена радиста накануне вылета, тем более такого ответственного, — всегда не лучшее решение. Но именно так и произошло: за 4—5 дней до старта меня заменили на Галковского. Я тогда еще не знал, что органы НКВД уготовили мне, как и многим другим, место на лесоповале (очень скоро это произошло) и что замена объясняется именно этим. Помню, я, в частности, должен был передать новому бортрадисту и свой костюм, сшитый персонально, как и другим членам экипажа, в ателье Наркоминдела. Шить заново, конечно, не было времени, но мы с Галковским — совершенно разного роста и комплекции! В общем, все уже шло через пень-колоду. Какая-то незавершенность, тревожная неуверенность чувствовалась во всем.

Отлет из Москвы состоялся 12 августа 1937 года в 18 часов 15 минут вечера. Это объяснялось необходимостью прилета в Фербенкс в дневное время. В утренних газетах следующего дня появились отчеты о старте. Передовая «Правды» вышла под

заголовком «Счастливым путем!». В ней говорилось:

«...Наши славные соколы — Громы, Чкаловы, Водопьяновы, Молоковы, Леваневские, — показывая всему миру красоту духа советских людей, открывают новые земли, побеждают огромные, доселе неизведанные пространства, несут на крыльях своих машин осуществление великих замыслов великого народа».

— На всю жизнь запомнил, как их провожал, — говорит Байдуков. — Это было печальное расставание.

— Прощай, Егор, — протянул мне руку Виктор Левченко, — прощай навсегда. Вот если бы ты с нами был, тогда бы еще...

Коля Кастанаев — то же самое:

— Знаешь, если честно — уверенности никакой нет. Мало тренировались...

— Вы все варианты отработывали с моторами на случай отказа?

— Нет.

— А как же Леваневский?

— Да мы его почти не видели. Он в последний момент появился.

Николай Николаевич Годовиков — наш старейший и опытнейший механик — обнял меня и поцеловал в щеку:

— Прощай, Егор, наверное, больше не увидимся...

— Да ты что?! — пытаюсь его подбодрить. — Столько детей надевал (у него было десять сыновей), а теперь чушь порешь.

Вот такие были проводы...

Сигизмунд Александрович держался молодцом, внешне выглядел совершенно спокойным. Он был человеком решительным, упрямым и самолюбивым. Ему принадлежала идея всего предприятия. Полет через полюс стал для него делом чести, смыслом жизни, и он решил добиться его любыми способами. А подготовка... это уже другое дело.

Самолет пошел на старт. Леваневский по-хозяйски расположился на правом сиденье, а за штурвалом — второй пилот Кастанаев. Он и взлетел. Это меня неприятно поразило: такого у нас еще не было...

Дальнейшее известно. В течение первой половины дня 13 августа штаб перелета постоянно получал сведения о ходе полета. Он проходил нормально. В 13 часов 40 минут «СССР Н-209» прошел над Северным полюсом и взял курс на Аляску. Через пятьдесят две минуты с борта поступило тревожное сообщение: вышел из строя крайний правый мотор, полет проходит в сплошной облачности на высоте 4600 метров. После этого регулярная связь с самолетом нарушилась. В 15 часов 58 минут в Якутске приняли радиogramму: «Все в порядке. Слышимость плохая», а в 17.53 — на мысе Шмидта: «Как меня слышите? Ждите...» И все...

— Никак не могу забыть один эпизод тех дней, — говорит Г. Байдуков. — Все мы следили за перелетом, и он вопреки всем опасениям проходил нормально. Дошли до полюса, перемахнули «макушку»... Вдруг мне на завод звонит Саша Беляков (он находился в штабе перелета). Говорит, что с самолета получена странная радиogramма. Смысл ее таков: «Невозможно работать в передней кабине. Переходим назад. Левченко, Галковский». Прошло столько лет, а я не могу ее забыть. Что это была за радиogramма? Больше я никогда и ничего о ней не слышал...

Уже более полувека молчит эфир на волнах самолета «СССР Н-209», а тайна трагедии так и осталась нераскрытой.

— Если опираться, — говорит Леонид Кербер, — только на официально зарегистрированные радиogramмы, исключая некие «ми-

стические», где-то кем-то услышанные отрывочные сигналы и позывные, можно сделать некоторые выводы. На самолете было две антенны. Одна — натянутая на киль, вторая — выпускная — под фюзеляжем. Обе они начали обледеневать. Это отразилось на качестве связи. Питалась радиоаппаратура во время полета от генераторов, установленных на двигателях. Вынужденная посадка в арктических условиях неизбежно влекла множество разрушений в машине, в том числе и двигателей. Запустить их уже было нельзя. Был еще аккумулятор. Но он моментально разрядился бы в условиях низких температур. Что же остается? «Солдат-мотор» — приспособление для ручного или ножного вращения генератора аварийной радиостанции. Но был ли он? — вопрос далеко не праздный. Пока я входил в состав экипажа, все радиохозяйство самолета находилось на месте, было отлажено и не раз проверялось в полетах. После моей «отставки» я уже к самолету не подходил. Это естественно. Если вдруг что-нибудь случилось со связью, любой мог сказать: «Это он специально навредил» — со всеми вытекающими последствиями. Позже я слышал, что Леваневский для облегчения машины приказал выкинуть аварийную станцию вместе с «солдат-мотором»...

Предположим обратное. Оба летчика до последнего момента сидели за штурвалами и погибли. Осталось четыре человека. Допустим, что в живых остались Левченко и Галковский, и они из разбитой аппаратуры сумели собрать (в чем я очень сомневаюсь) какой-то передатчик. Левченко на «солдат-моторе» начал крутить генератор, а Галковский — работать на ключе. Сразу же возникает вопрос: на какой волне он работал? Ведь

у них не было ничего, чтобы замерить или настроить передатчик на ту волну, которая была выделена экипажу. Они могли работать, а их никто не слышал.

Еще раз хочется сказать о замене радиста. Самолет был оснащен достаточно сложной электросетью. Чтобы уметь правильно распорядиться всем этим хозяйством, довести свои действия до автоматизма в сложной ситуации, нужно было иметь глубокое знание именно этой машины, ее конструктивных особенностей. Галковский, будучи даже очень опытным специалистом, таких знаний за несколько дней приобрести не мог.

Поиски, или история о потерянном времени

Итак, в середине дня 13 августа 1937 года связь с самолетом Леваневского прервалась. Экипажу не удалось «достойно завершить» серию дальних перелетов, начатую Валерием Чкаловым и Михаилом Грозовым. Небывалому достижению отводилось важное место в грандиозном параде «побед социализма». Еще одна победа советской авиации должна была обеспечить благожелательный международный аккомпанемент «победам» сплошной коллективизации, второй пятилетки, сталинской Конституции, 20-летию Октября, и, наконец, разгромом всевозможных «заговоров» самых разных лево-правых уклонистов.

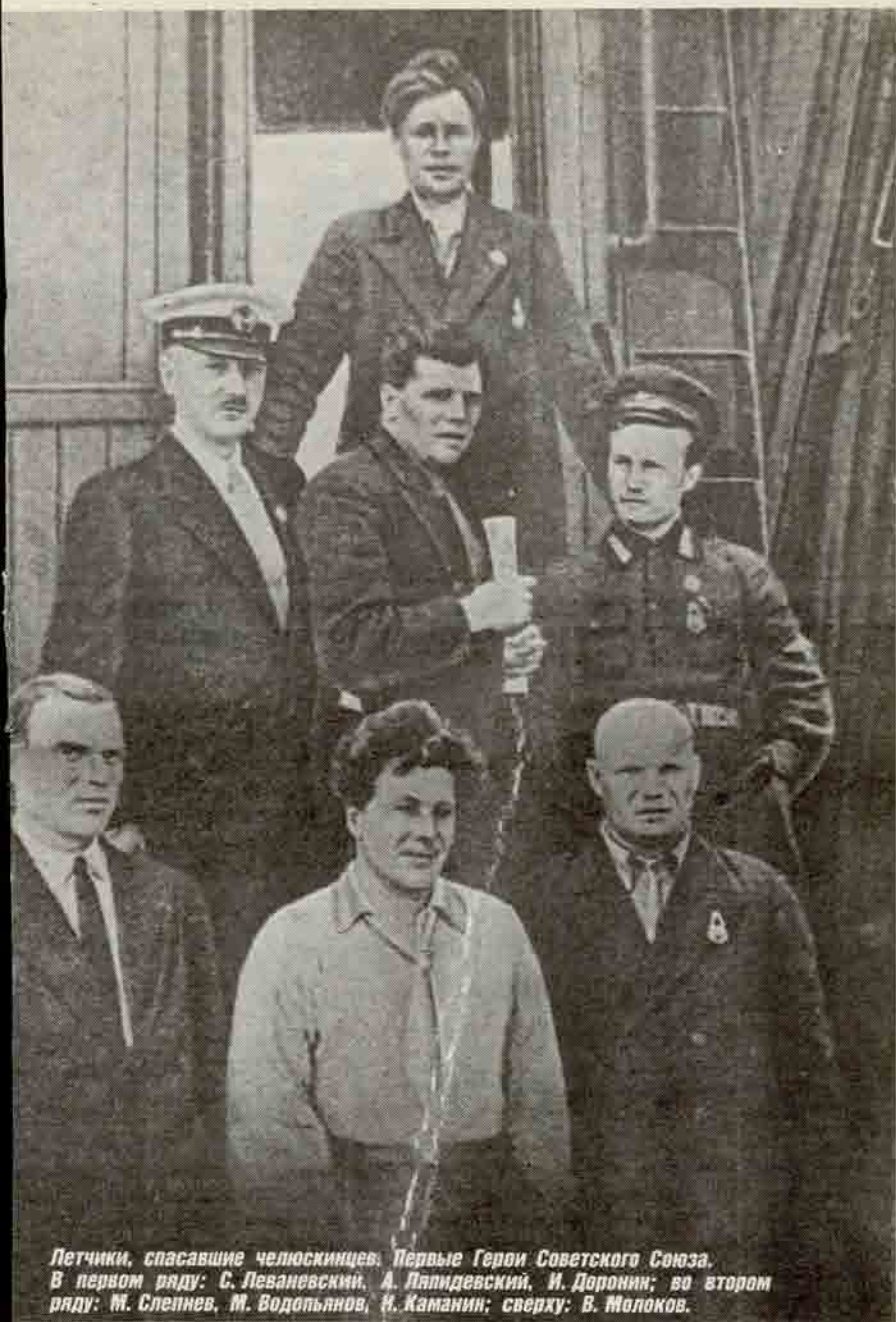
«В истории авиации еще не было случаев, чтобы одна страна в короткий срок подготовила и снарядила три дальних беспосадочных перелета.— писал Леваневский накануне старта самолета «СССР Н-209».— 1937 год войдет в историю мировой авиации яркой, никогда не забываемой

страницей». На этот раз победы не получилось.

Эта трагедия чисто по-человечески потрясла многих в мире, и в первую очередь американцев, на чей континент был проложен курс самолета. Уже 14 августа (на следующий день) из Фербенкса на поиски Н-209 вылетели три самолета. Один из лучших пилотов Аляски Джо Кроссон повел свой «Локхид-Электра» на север. Летчик Робинс со вторым пилотом Клайдом Армстидтом (он вместе с Леваневским в 1934 году пытался с Аляски достигнуть лагеря челюскинцев) на «Фейрчальде» пошел на северо-запад. В северо-восточном направлении вылетел второй «Фейрчальд», пилотируемый Мюрреем Стюартом. Обследовав огромное пространство и ничего не обнаружив, эти самолеты вернулись назад. На четвертом небольшом самолете из устья реки Маккензи вдоль северного побережья Аляски летал Роберт Рэндалл. У острова Бартер он увидел работающих на берегу эскимосов и сел рядом с ними. Вот как описывал эту встречу американский полярный исследователь Вильямур Стефанссон в своей книге «Нераскрытые тайны Арктики»:

«Рэндалл не мог задавать прямых вопросов, потому что у эскимосов есть обычай говорить спрашивающему только приятные вещи. Поэтому разговор шел о мелких житейских пустяках. Расспросы Рэндалла ничего не дали, кроме одного. 13 августа люди обратили внимание на то, что потом приняли они за шум моторной лодки. Они прислушались и решили, что это, должно быть, пролетающий за облаками самолет. У многих из них были свои моторные лодки, и они были в состоянии заметить разницу. Шум самолета стал доноситься со стороны моря и замер в глубине суши. Если

*Летчики, спасавшие челюскинцев. Первые Герои Советского Союза.
В первом ряду: С. Леваневский, А. Лялидевский, И. Доронин; во втором
ряду: М. Слепнев, М. Водопьянов, Н. Каманин; сверху: В. Молоков.*

бы это на самом деле было так, то означало, что Леваневский вышел на Аляску несколько восточнее меридиана Фербенкса. Спустя несколько дней Рэндалл возвратился, пролетев в глубь материка и ведя поиск вдоль подножия гор от территории, прилегающей к острову Бартер. Он ничего не увидел».

Немало потрудился и известный американский полярный аэронавигатор и путешественник Герберт Уилкинс. С летчиком Кэньоном он летал на большой летающей лодке «Консолидейтед» до наступления полярной ночи. С весны летал снова. Опытный исследователь, Уилкинс не верил в вынужденную посадку самолета Леваневского у берегов Аляски. Поэтому сферой его поисков был прежде всего океан. Но его самолету не хватало необходимой дальности полета, да и льды находились в постоянном дрейфе, поэтому районы поиска приходилось все время менять. Авиаторы налетали 10 тысяч миль, но также безрезультатно.

Всеобщее недоумение в те дни вызвало поведение пилота Джеймса Маттерна, того самого Маттерна, которого после аварии на Чукотке в 1933 году нашел Леваневский и вывез на Аляску. Законы авиаторской солидарности требовали теперь от Маттерна активных действий. На запрос он ответил, что готов участвовать в поисках, но ограничен в средствах. Советский Союз предоставил ему приобретенный в США самолет. В интервью пилот заявил, что не забыл поступок Леваневского и готов ему помочь. Маттерн пообещал облететь всю область между полюсом и американским побережьем. На деле он совершил всего один полет до 70° северной широты и вернулся. По воспоминаниям советского торгпреда в США А. Вартаняна, после прилета Мат-

терн воскликнул: «Знаете ли вы, что такое Арктика? Это ужасная страна! Летать в ней — это безумие! А я умирать не собираюсь!» Общественное мнение было задето. Для отвода глаз Маттерн совершил еще один полет, и на этом его участие в поисковых операциях закончилось.

Так или иначе можно считать, что американские летчики сделали все возможное в восточном секторе Арктики. А главное — они включились в поиски сразу же после исчезновения самолета. Поэтому можно смело предполагать, что американского континента самолет «СССР Н-209» не достиг.

Были посланы на Аляску и три советских самолета, которые, к сожалению, никакого существенного вклада в поисковые операции не внесли, да и не могли внести. Летчик В. Задков сделал несколько полетов на старой, построенной в 20-х годах летающей лодке «Дорнье-Валь», которая во время одной из посадок в разводье была раздавлена льдами. А. Грацианский долго летал на комфортабельной пассажирской амфибии С-43, совершенно не приспособленной для подобного использования и обладавшей к тому же малым радиусом действия. И, наконец, совершенно непонятно, зачем ледокол «Красин» притащил на Аляску У-2 — маленький фанерный учебный самолет с продолжительностью полета 3 часа и дальностью около 400 километров.

Так обстояли дела в восточном секторе Арктики. Ну а в западном?

Из сообщения правительственной комиссии по организации дальних перелетов, опубликованного в «Правде» 15 августа:

«...Западному сектору, опираясь на авиабазу острова Рудольфа и станцию «Северный полюс»

т. Папанина, даны следующие указания:

1. Подготовить к вылету три самолета АНТ-6, вернувшиеся с полюса в Москву. Эти самолеты под командованием Героев Советского Союза тт. Водопьянова, Молокова, Алексеева направляются на остров Рудольфа и оттуда в район Северного полюса.

2. Полярная станция т. Папанина будет превращена в авиабазу — исходную точку для поисков путем переброски горючего с острова Рудольфа на самолетах АНТ-6...»

— После высадки папанинской четверки наш самолет АНТ-6 «СССР Н-169» был оставлен на острове Рудольфа Земли Франца-Иосифа для поддержки дрейфа научной станции «СП-1», — говорит бывший флаг-штурман полярной авиации, заслуженный штурман СССР Валентин Иванович Аккуратов. — К тому же мы были спортивными комиссарами по фиксации пролета через наш район экипажей Чкалова, Громова и Леваневского, совершавших перелеты через полюс в Америку. Радисты зимовки Николай Стромиллов и Борис Ануфриев непрерывно несли вахту связи с самолетом Леваневского.

В 13.40 с самолета сообщили, что прошли полюс. Высота 6 тысяч, температура минус 35. Глубокий циклон. Сильнейший встречный ветер — до ста километров в час.

Почему они полетели в такое время и в такую погоду? Этот недоуменный вопрос я и мои товарищи постоянно задавали и самим себе, и друг другу. Каждый мало-мальски знающий полярный авиатор понимал, что такой сезон в Арктике — не для подобных мероприятий.

В 14.32 пришло сообщение:

«Крайний правый мотор выбыл из строя из-за порчи маслопровода. Высота 4600, идем в сплошной облачности. Ждите». Больше радио Леваневского мы не слышали. Эфир молчал. В Фербенкс самолет не прибыл.

Накануне начала перелета наш командир Мазурук улетел в бухту Тихую на маленьком одномоторном самолете. А там ураганный ветер — самолет поломало, связь с Тихой прекратилась, и Мазурук там застрял. Получив известие о пропаже экипажа Леваневского, мы были готовы немедленно вылететь на поиски со вторым пилотом — опытным полярным летчиком Матвеем Козловым. Более того, мы считали ошибочным решение организовать авиабазу на льдине у Папанина. По-моему, лететь нужно было за полюс, и там, километрах в двухстах по меридиану на Фербенкс в районе вероятной вынужденной посадки Н-209, создать опорную базу с запасом горючего для звена Водопьянова. Базировка у Папанина удлиняла путь на 600 километров. Поиски же с Рудольфа в такое время года могли оказаться безрезультатными. Все это мы изложили в телеграмме, которую послали в Москву.

Из беседы с начальником Главсевморпути О. Ю. Шмидтом («Правда», 21 августа, — через неделю после потери связи с Н-209):

«Всего на розыскные работы двинуто 9 больших и 6 одномоторных самолетов — вспомогательных. В это число входят четырехмоторные самолеты АНТ-6 — участники перелета на Северный полюс. Один из них (летчиков Мазурука и Козлова) находится на острове Рудольфа. Однако мы считаем нецелесообразным его изолированно посылать на розыски, так как успех более обеспечен, если полетит большой отряд...»

Как же «обеспечивал успех» отряд Водопьянова?

— Поиски самолета Леваневского в западном секторе — это история о катастрофически потерянном времени, — продолжает Валентин Аккуратов. — На нашу телеграмму мы получили ответ начальника полярной авиации Шевелева: «Вылет вам запрещаем. Ваша задача — обеспечение дрейфа папанинцев. Через четыре дня будем у вас тремя самолетами». Скоро сказка сказывается... Со всей организацией, сборами, а потом из-за непогоды отряд Шевелева — Водопьянова появился на Рудольфе ровно через месяц после исчезновения Леваневского — 13 сентября! Таким образом, время было упущено. Вся наша идея заключалась в том, чтобы идти по горячим следам. По опыту уже было известно, что Арктика очень быстро скрывает следы своих трагедий.

Погода становилась все хуже. Солнце ушло за горизонт — наступала полярная ночь. Только 7 октября (!) один из прибывших самолетов сумел вылететь на поиски. Водопьянов в сложнейших метеоусловиях все-таки сумел пролететь близко к маршруту Леваневского в район вероятной аварии за полюс. Но что он мог увидеть?.. Это был единственный полет группы. Вскоре ее, как не приспособленную к поискам, отозвали в Москву.

Газета «Правда», 7 октября: «Воздушная армада, посланная Советским правительством на поиски экипажа Леваневского, значительно пополнилась. Вчера из Москвы на Северный полюс вылетел новый отряд тяжелых кораблей, возглавляемый известным полярным летчиком т. Чухновским. Проводить товарищей пришли члены Правительственной комиссии по организации перелетов СССР — США: заместитель наркома обороны командарм 2 ранга Алкснис

и Герой Советского Союза т. Шмидт. Отто Юльевич Шмидт еще раз напомнил т. Чухновскому об указании товарища Сталина работать спокойно, продумывая каждую деталь полета вглубь Центрального полярного бассейна».

— К нам полетел второй отряд, специально подготовленный, оснащенный даже прожекторами для ночных поисков. С ним случилось происшествие, которое скорее всего походило на скверный анекдот. Отряд долетел не до Рудольфа, а до бухты Тихой. Рудольф то откроет, то закроет — погода ужасная. Получаем сообщение, что через полчаса все самолеты — Чухновского, Бабушкина, Мошковского и Фариха — сядут на Рудольфе. Вскоре — новое сообщение: из-за тумана сели на острове Джексона, в 40 километрах южнее нашего острова. Когда мы вылетели к ним, то на острове Джексона самолетов... не оказалось. Шли дни за днями, уходило бесценное время. Была связь, а самолетов не было. Да где же они? Это уже смахивало на какую-то чертовщину. Кому-то из зимовщиков пришла в голову мысль включить мощный потолочный прожектор. Он будет виден километрами на сто, и прилетевшим останется только засечь его азимут и сообщить нам. Когда прожектор зажгли (он был направлен горизонтально), мы вдруг в его луче в 4—5 километрах увидели силуэты самолетов. Почти месяц отряд сидел в конце нашего аэродрома! Время было упущено окончательно — 19 ноября — ни о каких «полетах вглубь Центрального полярного бассейна» не могло быть и речи, любые «указания товарища Сталина» теперь уже были невыполнимы. Я вообще до сих пор не могу понять, зачем к нам в ночную, зимнюю Арктику послали группу Чухновского.

Из радиogramмы Б. Чухновского от 31 октября (два с половиной месяца после исчезновения Н-209): «Пятые сутки самолеты находятся на одном из покрытых льдом островов Земли Франца-Иосифа. Погоды нет, лететь пока дальше не можем».

Эта радиogramма стала последним газетным сообщением о поисках экипажа Леваневского. К тому времени полуторамесячный запас продовольствия, имевшийся на Н-209, был исчерпан...

— Только через полгода, — говорит В. Аккуратов, — когда кончилась полярная ночь, Яков Мошковский совершил еще один-единственный полет за полюс, но, конечно, ничего там не обнаружил. Думаю, это уже мало кого интересовало...

И все же было еще одно газетное сообщение о трагическом событии, имевшем отношение к поискам самолета «СССР Н-209», хотя прямо об этом не говорилось. 20 мая 1938 года газеты «Правда» и «Известия» сообщили, что при взлете с аэродрома близ Архангельска потерпел аварию (?) самолет Н-212. Из 16 человек экипажа погибли начальник авиаотряда Герой Советского Союза М. С. Бабушкин, бортинженер И. И. Жутовский, врач Е. М. Россельс и механик К. А. Гурский. Остальные получили ранения.

— Да, — включает свой рассказ В. Аккуратов, — несостоявшаяся авантюра стоила новых жертв. Сначала при посадке на остров Рудольфа Чухновский разбивает машину, затем Бабушкин терпит аварию на острове Гукера и получает перелом обеих ног. Когда же поступает распоряжение поиски прекратить и все возвращаются в Москву, происходит не авария, как писали газеты, а самая настоящая катастрофа. Мошковский при взлете из Архангельска

не выдержал прямую, пошел влево. Тяжелая машина ударилась колесами о препятствие. Прорвало бензобаки, бензин вспыхнул, и горящий самолет свалился в реку. Утопили раненого Бабушкина и еще несколько человек... А сделано было во время этих «грандиозных» поисков, в общем, всего два вылета.

...И еще несколько мыслей о несостоявшемся перелете Н-209. Почему Леваневский после отказа мотора не повернул на остров Рудольфа? Там стоял радиомаяк — они нашли бы в любую погоду. Пусть даже поломали машину, но были бы живы. Расчет простой: до Аляски было две тысячи километров, до нас — тысяча... Леваневский не мог возвращаться.

Когда в 1935 году не получился первый разрекламированный перелет через полюс на АНТ-25, он, видимо, сумел убедить Сталина, что второй будет успешным наверняка. И Сталин опять всячески ему способствовал. А теперь что — опять ни с чем? Но разве можно так злоупотреблять доверием вождя!

И Леваневский продолжал полет. Тяжелый самолет попал в жестокий циклон...

Ближе нас к месту предполагаемой катастрофы не было никого. С Аляски, как я уже говорил, «дотянуться» до этого района было невозможно. Для нас это было вполне достижимым. Всегда считал и считаю глубоко ошибочным решение руководства, запретившего нам вылет.

Хотя и сегодня еще выдвигается много версий гибели экипажа Леваневского и даже делаются попытки поиска самолета, уверен, что этот трагический перелет навсегда останется тайной...

КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

“ДЫТЛОСЛАВ”

3

з Сабоиниса до сих пор душа болит. — Сергей Павлович с досадой пристукивает кулаком по столу. — Останься он тогда в Москве на операцию, может, и не потребовалось бы это долгое, мучительное лечение в американском клубе...

Кому же, как не хирургу Мионову, доктору наук, заведующему клиникой спортивной, балетной и цирковой травмы ЦИТО (к тому же мастеру спорта по гандболу и классической борьбе), лучше знать, каково заново учиться выпрыгивать на ноге с заштопанной связкой или нанести удар сросшейся после перелома кистью. Каждая физическая травма — это еще и стресс, чувство недоверия к собственному телу, прежде такому ловкому и универсально послушному...

Двадцать лет назад, когда мне, тогда еще юниору и кандидату в мастера спорта по борьбе, в стационаре спортивного диспансера ввинтили в локоть стальной шуруп, я не искал обобщений. Хотелось одного — быстрее поправиться, чтобы приступить к тренировкам.

Зато мой приятель, неспортсмен, пришедший навестить меня, оглядевшись по сторонам, заявил: «Если мой будущий сын решит когда-нибудь заняться спортом, для острастки я приведу его сначала в хирургическое отделение спортивного диспансера». Замечу, что у него родилась дочь, а не сын, ей сейчас шестнадцать и она занимается карате. Мне, правда, неизвестно, водил ли он ее на обещанную экскурсию, но в одном мой приятель прав. Травма в спорте, как любовь в султанском гареме: когда-нибудь да придет твоя очередь.

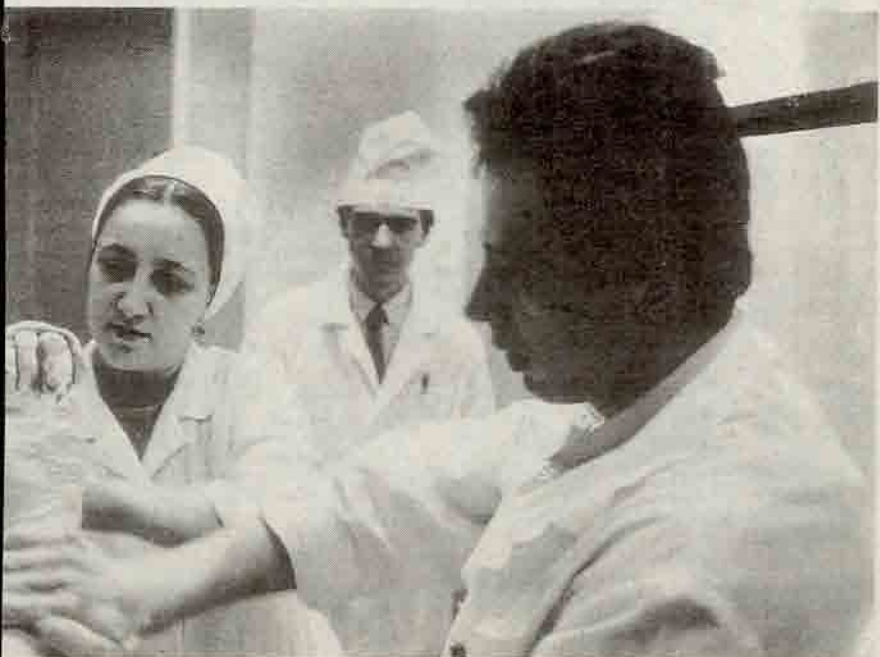
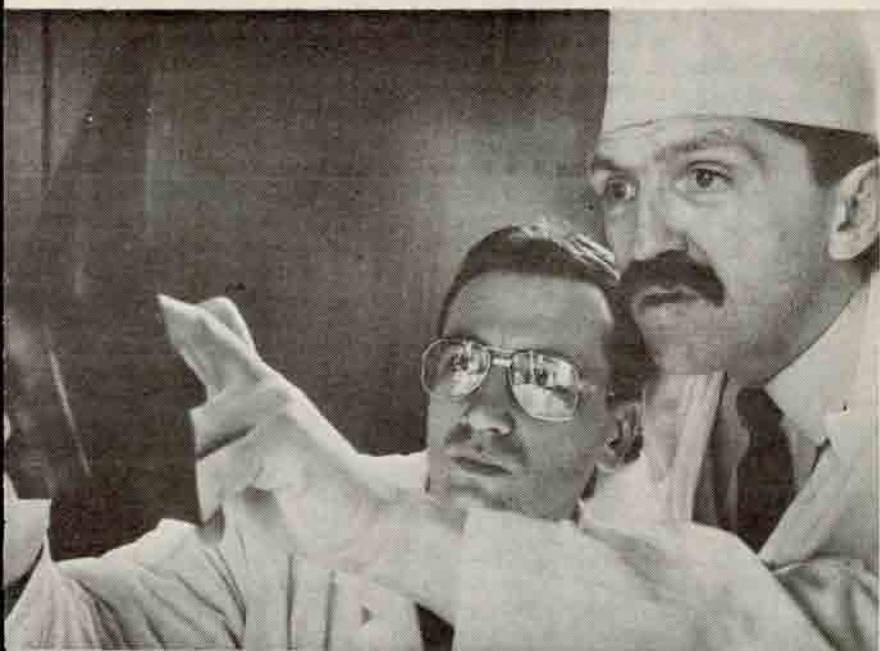
— Сергей Павлович, так что же произошло с Сабоинисом, столько слухов ходило...

Этот вопрос я задаю в знаменитой «мионовской» клинике. «Дело» начала еще мать моего собеседника, Зоя Сергеевна. В отличие от обычных больниц здесь не так уныло: на стенах спортивные фотографии, на пациентах вместо пижам фирменные тренировочные костюмы, а встреча со знаменитостью — просто обыденность. Перед моим носом из кабинета «главного» вышли двое известных армейских футболистов (фамилии почему-то попросили не называть).

— ...События развернулись накануне решающих встреч за звание чемпиона страны между «Жальгирисом» и ЦСКА, — продолжал Мионов. — Надо было срочно поставить на ноги Сабоиниса. Терапевтическим методом мы сняли воспалительный процесс в «ахиллах» у центрального литовцев, и он прекрасно отыграл те матчи. Руководству «Жальгириса» я сказал, что парень нуждается в продолжительном отдыхе, если они, конечно, не хотят спалить его в один сезон. Но наши рекомендации спортруководители в одно ухо впустили, в другое выпустили... Прошло совсем немного времени, и как-то в конце недели Арвидаса Сабоиниса привезли с порванным сухожилием. Я назначил операцию на понедельник. Но за выходные пациент с благословения высокопоставленных меценатов успел перебраться в стационар 4-го управления, закрытого для простых смертных. Там же собрали консилиум. Пригласили меня. Смешно сказать, я был в составе этого консилиума единственным хирургом... Разумеется, продолжал настаивать на операции. Главный врач требовал от меня гарантий успеха. «Вы представляете, что будет, если в 4-м управлении (!) сделают неудачную операцию?»

Предполагалось, что работать

буду я, но в их операционной...

В этом месте я позволю себе ненадолго прервать знаменитого врача, чтобы несколько прояснить ситуацию. Дело в том, что операция на ахилловом сухожилии — «фирменный номер» Миронова. Он их провел сотни и на высочайшем уровне. Известному футболисту Сергею Бабенко ахилл шивали в Австралии. Но вскоре в работе австралийцев выявился «брак», который исправлял московский хирург... Случай не единичный. «Латал» он и ногу чемпиона мира по прыжкам в высоту Геннадия Авдеенко: на этот раз поправлял «шток» финских гипократов. Снова успех.

— ...Еще день спустя мне сообщили, что Сабонис отбыл в Литву. Местный микрохирург делал операцию четыре часа. Не понимаю, почему так долго. У нас такие вещи делаются значительно быстрее. Ну, а дальнейшие события хорошо известны, о них писали повсюду: Сабонис поскользнулся на больничной лестнице, последовал новый разрыв... А потом его приняла Америка...

Я пошел побродить по клинике и поймал себя на том, что впечатления от выдающихся достижений спортивной хирургии (таких, как операции артроскопическим методом, почти без вскрытия ткани, с помощью внедренного в тело телеглаза) не могут увести от мыслей о причинах, порождающих травмы атлетов. И об этом мы с Мироновым немало потолковали. В самом деле, уж сколько раз говорили, писали о недопустимых сверхперегрузках юных гимнастов, когда микроразрывы связок — обычное дело... (аукается это много лет спустя).

Помянули и злополучный футбольный «подкат», рубящий ноги почище, чем в карате: 11 из 17 футболистов олимпийской сборной «сеульского призыва» были пациентами Миронова.

Этот печальный ряд при жела-

нии можно было бы продолжить.

Уверен: если подходить к делу здраво, многих неприятностей можно было бы избежать. К сожалению, в общественные мозги гвоздем вбиты мысли: мол, большой спорт, как большие военные маневры, предполагает заметный процент потерь. Нерадивые специалисты этим пользуются и подчас, выражаясь совсем не фигурально, строят карьеру на костях спортсменов.

Минимум потерь при максимуме подстраховки — вот к чему надо бы стремиться...

А пока ЦИТО — последняя надежда многих спортсменов (именитых и не очень) на жизнь не в инвалидной коляске. Все же не колдуны и экстрасенсы доморощенного розлива, а диагносты, анестезиологи, хирурги этой клиники ставят на ноги (в самом прямом смысле!) тех, кого покалечил большой спорт...

Сколько слов сердечной признательности врачам ЦИТО сказано прилюдно. Но, уверен, еще больше и не высказано. Память, душа хранят благодарность куда дольше и надежней, чем зло и обиду...

Я назвал эти беглые заметки «Ахиллесова пята», имея в виду не только коварные ахилловы сухожилия спортсменов, но и то, что мешает работать специалистам по спортивной травматологии — нехватка медоборудования, лекарств, инструментария; огромные нагрузки и малая зарплата...

Впрочем, зачем повторяться?

Обо всем этом писалось, говорилось, кричалось не раз. Это «ахиллесова пята» отечественной медицины. Можно, вероятно, поднапрячься, помочь отдельно взятой клинике. Но полегчает ли от этого нашему здравоохранению? Нам с вами, ставшими вдруг «пациентами», «человеко-койками». Думаю, нет.

Тут необходимо кардинальное, всестороннее лечение...

НИКИТА ДЖИГУРДА:

«ВЫЙТИ В
СВОБОДУ!»

Киевляне, может быть, помнят, как в конце семидесятых на площади Октябрьской революции у памятника Ленину время от времени появлялся высокий стройный парень с гитарой. На глазах у изумленного представителя правопорядка он исполнял песни протеста собственного сочинения. Это было беспрецедентно. И, наверное, только поэтому он не угодил тогда ни в милицию, ни в «психушку».

— Просто не знали, куда меня вести в первую очередь! Впрочем, побывал и там, и там. В те дни я «болел» Маяковским, прочитал все тринадцать его томов и меня «заклинило». Ведь у него как? «Ваше слово, товарищ маузер!» Ну я и начал писать остро социальные стихотворения, гневно бичуя всех и вся. Кто там? Родители? Не понимают? Мещане вы! Партия? Бюрократы! Но постепенно дошло: это страшно, потому что разрушительно. Я в первый раз отчетливо задал себе вопрос: ради чего живу? И начал искать истину...

Поиски оказались нелегкими. Профессиональный спортсмен, кандидат в мастера спорта по гребле на каноэ, член сборной Украины вдруг бросает все и, следуя примеру старшего брата, поступает в Киевский театральный институт. О нем шутили: «Был первым артистом среди спортсменов, стал первым спортсменом среди артистов». Педагоги ждали от новоиспеченного студента лирико-философской тематики, а его тянуло на социальную. И через год они расстались. Работал грузчиком, кровельщиком, инструктором физкультуры, слесарем, печатником...

— Никита, что вас привело в Москву?

— Любовь к Высоцкому. Летом 1983 года на Ваганьковском кладбище я пел на его могиле. А через полгода, в день рождения Владимира Семеновича, за мной уже следили работники КГБ — и все закончилось разговором в КПЗ. К тому времени я поступил в Театральное училище имени Б. Шуккина, и мне сказали: «Или ты живешь по нашим законам и спокойно учишься, или мы поговорим с тобой по-другому». А хуцрук курса Евгений Рубенович Симонов добавил: «Выбирай: или революционер, или актер. Это совершенно разные вещи». Я выбрал последнее, хотя компромисс был мучителен.

— На одном из концертов вы получили записку: «Сынок, ты мне напомнил Володю Высоцкого и мою молодость. Но ты идешь своим путем». Что значит для вас Высоцкий?

— Помните, у Сергея Михалкова: «А у нас сегодня кошка родила вчера котят, котятка выросли немножко?». А я всегда добавляю: «...и двое в партию хотят. А третий не хочет: у него глазки прорезались!» Я был именно таким котенком, и мои «глазки» прорезались благодаря песням Высоцкого — ими я спасал свою душу. Брал гитару и кричал «На братских могилах», «Охоту на волков», «Сколь веревочка ни вейся»...

После ухода Владимира Высоцкого я поставил себе цель — продолже-ни-е. Друзья смотрели на меня шальными глазами: эка замахнулся! Но я всегда вспоминаю одну притчу. Пришел к Шекспиру молодой человек и спросил: «Что нужно сделать, чтобы стать Шекспиром?» «Я хотел быть Богом, — ответил тот, — а стал Шекспиром.

Вы хотите стать Шекспиром, так кем же станете вы?» Я изначально пытался соединить напор-надрыв Высоцкого с открытостью Галича и лиризмом Окуджавы.

В 1989 году музыкальный редактор Би-би-си Сэм Джонс в одной из передач поставил Никиту Джигурду в один ряд с его учителями. Западные радиостанции часто передают песни Джигурды. Да и американцы, снимая телевизионный фильм о перестройке, не смогли обойти его творчество вниманием.

— Вы крайне редкий гость на телевидении. Нет пророка в своем Отечестве?

— На ЦТ есть записи моих песен, сделанные друзьями. Они смеются: «Ты, конечно, понимаешь, что пройдут только лирические и философские вещи? Зато, когда ты помрешь, у нас такой материал будет!..»

— Недавно вы побывали с концертами в Чехо-Словакии. Как принимала вас публика, которая из-за незнания русского языка не могла оценить социальную заостренность текста?

— По-моему, им понравилось. «У нас такой широты нет, — говорили мне. — Под оркестр — каждый сможет, а вот выйти с гитарой и завести публику на «живом звуке»... А я им: «Этот крик у нас песней зовется!»

В Чехо-Словакии русские обычно ассоциируются с коммунистами, с 1968 годом, поэтому услышать овации тех зрителей мне было особенно приятно. После Чехо-Словакии пригласили в концертное турне по Европе: Голландия, Австрия, Германия. Творческие люди получали признание сначала за границей, а уж потом их признавали на Родине. Вот и я на-

деюсь «оттуда» прорваться домой!

— Наверное, многие на вашем месте предпочли бы остаться «за бугром»...

— Три года назад передо мной встал выбор: остаться или уехать в Америку в качестве политического беженца. У меня были притеснения со стороны КГБ, сломанный гебистами палец, отчисления из институтов. Конечно, это ничто в сравнении с лагерями, и сломанный палец — не страшная участь Виктора Хары, но достаточно, чтобы поехать в Америку с полным пансионом и спокойно заниматься своими делами.

По счастью, мне встретился замечательный человек, мой импресарио Евгений Запанов. Благодаря ему исчезло неверие в реальность воплощения своего таланта здесь, на родной земле.

— Он стал ходить по инстанциям и доказывать вашу гениальность?

— Не гениальность. Предназначение. Но ничего общего со звездной болезнью: мол, вы все козлы, а я один все знаю! Просто я, может быть, понял что-то раньше других и хочу донести это знание людям.

Хотя у меня много лирической поэзии, считаю, сейчас важнее публицистический взгляд на нашу историю и современные события. Информацию, которую от нас скрывали, хотя она касается истоков наших бед, зарождения большевизма и конкретно личности Ульянова-Ленина, сегодня нужно доносить до слушателей. Несмотря на то, что сейчас стали появляться правдивые публикации об истинном лице Ленина, многие не верят; ложь, клевета!

— Христос сказал: «Не сотвори

себе кумира!» Но мы его заповедь забыли. Некоторые, вытравив из души Ленина, тут же сотворили себе нового идола: кто Горбачева, кто Ельцина...

— Когда у человека нет свободного и раскрепощенного духовного стержня, ему легче верить в какое-то конкретное воплощение справедливости на Земле. Есть Ельцин — и он верит в него. На определенном этапе это нормально. «Ты, Зин, не трогай Ельцина. Какой ни есть, а он за нас!» Думаю, вслед за Ельциным возникнет новый кумир. Но уже более совершенный. Однако я убежден, что постепенно человечество придет к осознанию своей связи с Космосом. К осознанию того, что энергия наших душ — каждой души! — влияет на развитие не только страны, но и на экологию Вселенной.

174 Я человек верующий. Верю в Высшую Совесть и высшую энергетику. Верю в то, что добрые поступки, добрые деяния, а не слепое поклонение церковным правилам — главное. Убежден, что человек, отрицающий Бога, открывает свою душу для зла.

Может быть, даже неосознанно. А уж сколько людей, которые открывают душу для зла сознательно! И это как два полюса: плюс и минус, между которыми сегодня располагается огромное число моих слушателей. Я работаю именно для них. Ибо минус невозможно переделать на плюс, как и наоборот: каждый из них непоколебимо уверен в своей правоте. Но большинство — сомневающиеся, в душах и умах которых полный разброд. И они мало повинны в этом, поскольку такова система, их воспитавшая.

— *Наверное, нельзя отрицать*

влияния церкви на духовное оздоровление общества?

— Конечно. Сейчас обращение к церкви просто необходимо для старшего поколения, которое прожило свою жизнь по коммунистическим законам, а значит, вне Бога. Благодаря церкви они приведут свою душу в состояние покоя.

Однако церковь — лишь ступень к высшей вере и Истине. Она понятнее, чем Космос и энергетическое взаимодействие. Еще Н. Рерих говорил об этом, но его мысли были доступны единицам. Сейчас же человечество настолько интеллектуально развилось, что готово принять идею энергетической природы, сущности Вселенной. И я верю, что в двадцать первом веке все мировые религии объединятся в одну — веру в Высшую Совесть:

*...Нам отпущено свыше
заполнять верой души,
И полями страданий,
и дорогой в мечту,
Мы Россию услышим
сквозь кровавые стужи,
Мы поймем, мы подставим
наши спины кресту...*

**Беседовали ЗЛЬФИЯ ГАРИПОВА,
ВЕРА ЗВЕЗДОВА.**

«ЕВРОРОСС»

— ЛЮБИТЕЛЯМ ЛИТЕРАТУРЫ

«ЕВРОРОСС» — издательство для народа предлагает новые серии книг, рассчитанные на массового читателя.

I. В серии **«ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА — ТЕБЕ»** выйдут тома:

«ПРАВДА О СВЯТОМ» (Сергий Радонежском). В эту необычную антологию включены, кроме краткого жития чудотворца всея Руси, фрагменты из книг известных писателей Д. Балашова, Ю. Лощица, рассказ А. Хейдока, а также очерк «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» В. Ключевского.

«ИСТОРИЯ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В МОСКВЕ». Это — всестороннее описание уникального памятника культуры.

«МИНИН И ПОЖАРСКИЙ». Книга выдающегося историка Ивана Забелина о Смутном времени.

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ, ИСТОРИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ. Оригинально составленная книга включает в себя: «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», «Повесть о победах Московского государства» — памятник древнерусской литературы, фрагменты из исследований выдающихся историков Н. Карамзина, Н. Костомарова, С. Платонова, С. Соловьева, а также отрывки из произведений А. Пушкина, А. К. Толстого, А. Н. Островского, Г. Державина, М. Загоскина и «Повесть Смутного времени» А. Н. Толстого.

Это серия удобного карманного формата в твердой обложке с иллюстрациями известных художников.

II. В серию **«СКАЗКИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ»** войдут **«РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ»**, **«ЧЕШСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ»**, **«УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ»**. Это книги большого формата, с цветными иллюстрациями, в твердых обложках.

III. Трехтомник А. М. Афанасьева **«РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ»** — большого формата, в твердых обложках с цветными иллюстрациями.

IV. В серии **«СОВЕТЫ ДЛЯ ЖИЗНИ»** выйдут тома:

«ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ», **«СЛАВЯНСКИЙ ТРАВНИК»**, **«СЕМЬЯ И РЕБЕНОК»**, **«СОВЕТЫ О ЗЕМЛЕ»**.

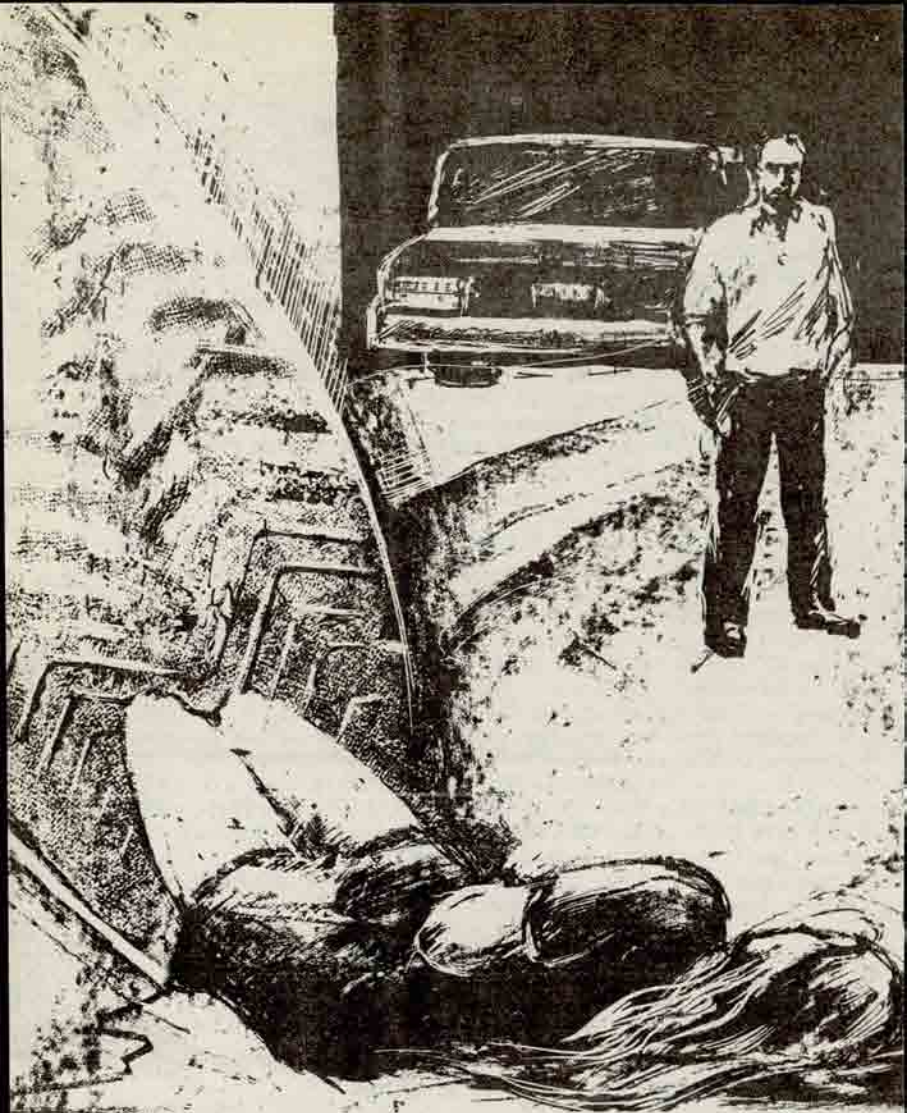
Книги имеют цветную твердую обложку, цветные иллюстрации.

Всем подписавшимся получение остальных книг серии гарантируется. Стоимость каждой книги от 12 до 18 рублей.

Желающих подписаться на любую из серий просим выслать аванс (на первые книги) 30 рублей переводом по адресу: **117947, Москва, Коммерческий Востокстройбанк, р/с 468101, к/с 161531 МГУ Центрального Банка РСФСР МФО 201791** Москвы. В конверт вложите копию квитанции об уплате (написанную от руки). Организации должны прислать копию платежного поручения. Копии плюс конверт со своим адресом и названием серии отправьте по адресу: **121069, Москва, «ЕВРОРОСС» (подписка). Телефон: 371-05-69 (код Москвы 095).**

Высылку указанных книг
гарантируем в течение

1992 года.

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

МОНТ П

Рисунки ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

ОСТАВЬТЕ

Гуров пришел в сознание. Рядом с его кроватью расхаживал кругленький человечек. Размахивая короткими ручонками, он восклицал:

— Молодой человек! Все очень хорошо! Вы отлично себя чувствуете! И хотя вам прострелили грудь... Да-с... Приятного тут, конечно, мало, но...

Увидев, что Гуров смотрит осмысленно, доктор подхватил полы халата, уселся на табуретку рядом с кроватью, взял руку сыщика, проверил пульс.

— Здравствуй, Левушка. Напугал ты меня, старика. Слава Богу, пуля, дура, проскочила... Надо же! Ни один жизненно важный орган не задет. Я глазам своим не поверил...

Голос начал стихать, удаляться, совсем пропал. Гуров поплыл в забытьи, в туман, и лишь на мгновение увидел направленный в него черный ствол пистолета.

Гуров дремал, наслаждался покоем, слушал врачей, которые приходили и уходили, разговаривали между собой, обращались к нему, и тогда он открывал глаза, слабо улыбался и вновь уплывал в свой мир.

Он отгородился от родных, начальников и товарищей по работе. Они появлялись ежедневно, усаживались рядом и рассказывали Бог знает что. О личной жизни, о футболе-хоккее, новых фильмах, но только не о работе и политике. Так велили врачи.

На четвертый день явилась Ольга, младшая сестра жены, и с присущей юности прямоотой все ему выложила.

— Мы все тебя замордовали,— заявила она в конце монолога.— Ты абсолютно прав, что не разговариваешь с нами, валяйся, приходи в себя. Положительные эмоции для слабаков. Если хочешь, я сяду в коридоре у двери и вообще никого не пущу. Ни профессоров, ни генералов, ни нашей очаровательной родственницы. Пошли они все к чертовой матери! Захочешь кого видеть, свистнешь, я позову. Договорились?

— Желтый цвет не люблю, ты эту кофточку больше не надевай. — Гуров закрыл глаза. — А теперь убирайся, устал, приходи завтра.

Отец навестил Гурова уже в санатории. Генерал-полковник последние годы служил за границей. Когда начались сокращения вооружений и вывод советских войск из стран приказавшего долго жить социалистического содружества, генерала «ушли» на пенсию.

Весна набирала силу, парк ярко зеленел, отец с сыном молча прогуливались по песчаным дорожкам. Они так долго не виделись, и столько у обоих накопилось невысказанного, что слова не находились. Они лишь изредка поглядывали друг на друга и шли дальше.

— Мы с матерью из Москвы уезжаем,— нарушил молчание отец. — Квартиру генеральскую я сдаю, тебе дадут другую. Женщины мебель для вас отобрали, кое-что я возьму на юг

в свой «особняк». Мне писали, что там ни крыши, ни пола, но командующий округом обещает помочь.

— Ты поосторожнее, — предостерег Гуров. — Никто потом и не вспомнит, что ты в Москве квартиру сдал, и станешь героем фельетона.

— Газеты читаю, — сухо ответил генерал. — Сегодня мое звание сродни матерной ругани. Жена — доктор наук, сын — мент поганый, так что полный букет в наборе. Меня уже ничем не удивишь, многое повидал, выживу. Отсюда выпишешься, возьми отпуск и приезжай с семьей ко мне, будем отстраняться. Считай, что это приказ.

Выписавшись из санатория, Гуров приехал в Управление и выяснил, что ему присвоено внеочередное звание полковника и что с завтрашнего дня он находится в отпуске. Гуров прошелся по кабинетам отдела. Ни непосредственного начальника полковника Орлова, ни генерала Турилина в Управлении не оказалось — все были на очередном съезде.

Полученную вместо отцовской новую двухкомнатную малогабаритную квартиру с крохотной кухней Гуров оглядел равнодушно.

Рита с Ольгой перебрались в квартиру своих родителей, которые давно расстались и разъехались.

Увидев Гурова, жена сказала:

— Ты здоров, милый, я не бросаю тебя, мне просто тоже надо отдохнуть.

Гуров согласно кивнул, понимая, что это начало конца его семейной жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полковник Гуров прогуливался по аллеям парка и думал, что если его соображения правильны, то в этом тихом местечке вскоре зазвучат выстрелы и прольется кровь. Но вполне вероятно, что его разумные логические построения окажутся ошибочными и ничего не произойдет, а это значит, что он зря ждет от моря погоды.

Истекал сентябрь, деревья пожелтели, под ногами шуршали первые опавшие листья. В молодости Гуров был равнодушен к природе, а в сорок лет стал как-то внимательнее к ней приглядываться и принюхиваться, отличать деревья друг от друга, и не только березу от ели.

Он гулял по территории дома отдыха и прикидывал: легко ли перемахнуть через солидный забор.

Последнее время у Гурова серьезных розыскных дел не было. Товарищи, как говорится, пахали по-черному, а он, еще вчера знаменитый сыщик, «восстанавливался после ранения», болтался по генеральским кабинетам, решал вопросы семьи, которая распалась, и быта, который, как у каждого неноменклатурного человека, не желал налаживаться.

Рита с сестрой жили в квартире своих родителей. Сначала Ольга разлуку с «несравненным» Гуровым переживала, забегала к нему ежедневно, затем визиты стали реже. Девушка заневе-

стилась, у нее появилась личная жизнь, и разговоры по душам иссякли.

С женой у Гурова было несколько встреч. Они даже прожили вместе неделю в захолустном подмосковном доме отдыха и убедились, что восстанавливать нечего.

Рита всю неделю вела себя, как человек вполне цивилизованный, но, расставаясь, вдруг вспомнила, что она женщина, и спросила:

— Гуров, ты хотя бы понимаешь, кто во всем виноват?

— Конечно, — спокойно ответил он. — А какое это имеет значение?

И выслушал речь. Слушал спокойно, чем довел жену до слез. Затем помог упаковать чемодан и облегченно вздохнул, когда Рита уехала.

Вечером он заплатил бешеные деньги за две бутылки водки. Последним воспоминанием от знаменательного дня остался какой-то ушастый слюнявый мужичонка, упрямо убеждавший Гурова, что в семье не без уroda.

Родители отстроили заново дом в станице Красное под Херсоном. Гуров писал им регулярно, не лгал, в ближайшее время приехать не обещал. Как-то отец прилетел в Москву, в министерство, доформлять документы. Встреча прошла в дружественной, но достаточно прохладной обстановке.

И хотя Гуров чувствовал себя вполне прилично, врачи время от времени приглашали его на обследование и настойчиво рекомендовали бег трусцой и легкую гимнастику.

180 Сначала Гуров бегал неохотно, затем втянулся. В тренажерном зале он бывал и до ранения, но теперь, когда времени стало больше, увлекся и начал «качаться» всерьез... Рядом тренировались молодые, здоровые парни. Он почувствовал азарт соревнования, увеличил нагрузку и за несколько месяцев оброс солидной мускулатурой — плечи раздались, налилась спина. Гуров посмеивался над собой, но занятия отвлекали от невеселого бытия, да и чувствовать себя сильным и ловким доставляло удовольствие.

На работе у Гурова все развалилось. Сменилось высшее руководство. Полковнику Орлову дали генерала и перевели в министерство начальником Управления. Генерал Турилин вышел на пенсию.

После ухода Орлова никто из оперсостава не сомневался, что назначение Гурова на должность начальника отдела — дело решенное... Но жизнь показала, что розыскники — обыкновенные люди, которым свойственно ошибаться.

Полковника Гурова пригласили в соответствующий кабинет Управления кадров.

Сверкая улыбкой и подполковничьими погонами, которые ему выдали за неуклонную преданность проводимой линии, бывший комсомольский вожак вышел из-за стола и долго жал руку Гурова теплыми мягкими ладошками. Вожак предупреджали, чтобы он с Гуровым обращался поосторожнее, но этим лишь раззадорили его. До милиции «комсомолец» руководил спортом, считал, что закалился в боях с чемпионами мира и Олимпий-

ских игр, а уж милиционера обыграть — задачка детская.

Гуров скользнул взглядом по хозяину кабинета и почувствовал противный привкус, словно откусил несъедобное. Он сел в кресло для гостей, посмотрел кадровику в глаза и молча кивнул.

— Рад познакомиться со знаменитым сыщиком. Как здоровье, Лев Иванович? Меня зовут Виктор Михайлович Силаев. — Подполковник старательно улыбнулся, словно сообщил радостное известие.

— Очень приятно, — сухо произнес Гуров.

— Кадровые перестановки... Сумятица... — Подполковник развел руками и попытался пошутить: — Все смешалось в доме Облонских.

— Действительно смешалось, — криво улыбнулся Гуров. — А вы к нам какими судьбами?

— Речь не обо мне. О вас, товарищ полковник. — Любезная улыбка соскочила с лица Силаева. — С одной стороны, вас надо назначить начальником отдела, с другой...

— Данный вопрос не в вашей компетенции. — Гуров встал. — Что-нибудь еще?

— Нам вместе работать, Лев Иванович.

— Вряд ли. — Гуров направился к двери.

— Минуточку, товарищ полковник. — Силаев вышел из-за стола. — Надеюсь, вы понимаете, что я пригласил вас не по личной инициативе, а выполняю приказ. Вы должны трезво оценить ситуацию. Перестройка не временная кампания, с групповщиной покончено раз и навсегда. И заскоки гения никому больше прощаться не будут...

Гуров внимательно посмотрел на подполковника и, пробормотав «Боже мой, Боже мой!», вышел из кабинета.

На следующий день Гурову позвонил Орлов:

— И в твоём возрасте дураки были и будут, Лев Иванович. Сердиться на них неразумно. Держать тебя на прежней должности — все равно, что быть без штанов, но в шляпе. Я знаю, сколько ты стоишь, и хочу использовать на максимум. Ты чего молчишь?

— Пытаюсь определить свою стоимость в валюте.

— Лева, кончай, — перебил Орлов. — Так, сегодня четверг... Позвони мне домой в воскресенье утром. Надо встретиться и спокойно поговорить...

Так Гуров перешел с Петровки в министерство старшим оперуполномоченным по особо важным делам Управления по борьбе с организованной преступностью.

В застойные времена Гуров всегда избегал говорить, где работает, представлялся как юрист, жаловался на засилье бумаг и рутинность служебного бытия. Но вскоре все равно узнавалось, что он сыщик уgro, и люди в большинстве своем смотрели на него либо с уважением, либо настороженно. Сегодня его профессия в основном вызывала насмешку, брезгливую улыбку, рассказы о творящихся беззакониях, полной некомпетентности и беспомощности правоохранительных органов.

Гуров никогда не был рубахой-парнем, заводилой и душой

общества, а сегодня, без семьи и друзей, стал еще суше и официальнее с начальством, держал на дистанции подчиненных, с новыми людьми старался не знакомиться, а если судьба с кем и сводила, то не сближался и лишь изредка встречался с Денисом Сергачевым и его коллегами по спорту.

Жизнь полковника Гурова можно было назвать монашеской, с той лишь разницей, что монастырские молились и общались с Богом, а сыщик в свободное время ходил в спортзал, таскал железо, бегал, прыгал, нападал и заприцался. Когда Гурова еще звали по имени и он делал первые шажки на милицейском поприще, среди уголовников существовал железный закон: человека без крайней нужды не убивать, на опера вообще руки не поднимать, у каждого своя работа: я ворую, он ловит, мы уважаем друг друга. Исключение составляли шедшие по расстрельным статьям да бытовики, вконец опалевшие от водки, а она тогда еще продавалась в магазинах. И то последние практически опасности не представляли: махнет вяло железкой либо бутылкой и свалится в изнеможении. Сегодня жизнь изменилась кардинально. Вместе с коммунистическими идеалами и верой в социализм сами собой отпали и другие, менее значительные заповеди. Если хочешь — убей, необязательно из корысти или с пользой для себя, можно от скуки, а ежели мент опалел и за руку тебя взял, такого необходимо порешить на месте, чтобы другим неповадно было. Гуров с лейтенантов слыл человеком осторожным и предусмотрительным, а уж прослужив в розыске без малого двадцать лет и став полковником, всегда стремился свести риск до минимума.

Полковник Гуров гулял по парку дома отдыха и, вместо того чтобы готовиться к предстоящей операции, просчитывать возможные варианты, почему-то прикидывал, сколько здесь соток. Начал отсчитывать шаги, но вскоре запутался и решил, что территория заповедного комплекса примерно равна гектару.

Метрах в пятидесяти от главного корпуса было расположено одноэтажное здание из светлого кирпича. Гуров зашел в полуоткрытые раздвижные ворота и оказался в прекрасно оборудованном гараже. На ремонтной яме стоял сверкающий «Мерседес-290».

— День добрый! — громко сказал Гуров.

— Добрый, — ответил из-под машины, и из ямы вылез мужчина в аккуратном чистеньком комбинезоне.

Механик был немолод, лет пятидесяти, строен и худощав, с седыми волосами и бледным интеллигентным лицом.

— Здравствуйте. — Он вытирал руки ветошью, смотрел доброжелательно. — Какие проблемы?

— Пустяки, — ответил Гуров, взглянул на сверкающие туфли, затем на белоснежную рубашку механика. — Хочу поменять роскошные восьмилетние «Жигули» на вашу развалюху.

— Можно обсудить. А доплату потребуете в валюте или согласитесь на рубли?

Механик осмотрел свою узкую белую ладонь, убедился, что она чистая, протянул руку и представился:

— Романов, Александр Сергеевич. Местный механик и при-
слуга за все.

— Гуров. Лев Иванович. Отдыхающий.

Они пожалы руки и не понравились друг другу.

Фамилия — императора, имя и отчество — великого поэта,
руки — карточного шулера, а взгляд — завязавшего алкоголика,
подумал Гуров.

Сын, племянник, скорее всего, зять. Плащ и костюм из Герма-
нии, туфли финские или шведские. Тренажеры, сауна, массажи-
сты, минимум спиртного. В общем, номенклатура последнего
разлива, определил Романов и сказал:

— Очень приятно.

Гуров достал из кармана фляжку с коньяком, два бумажных
стаканчика. Не спрашивая согласия, сунул стаканчик в руку
механика, разлил коньяк.

— Со знакомством, Александр Сергеевич.

Тот взглянул на часы, время для коньяка было неподходящее,
но выпил. Я ошибся, думал Романов, парень не родственник и не
функционар, слишком свободен и развязен. Журналист.

— Давно прописались в этой дыре? — спросил Гуров.

— Послезавтра — третий день.

— Вернулись из-за бугра спасать перестройку?

— Сейчас каждый солдат должен вернуться в строй.

Гуров разлил остатки коньяка, спрятал серебряную фляжку,
кивнул на «Мерседес»:

— Ваш?

Механик взглянул на свои сверкающие туфли, приподнялся
на носках, усмехнулся.

— Я не похож на механика? Типичное совдеповское мышле-
ние. — Он пригубил коньяк, затем быстро выпил. — В дальней-
шем прошу не угощать.

Гуров не умел обижаться, но «совдеповское мышление» его
царапнуло. Алкаш. Работал за рубежом, выгнали за пьянку.
А может, он, как и я, лишь представляется. Да уж больно
тонко, — импортный комбинезончик, начищенные туфли, руба-
шечка белее снега, — реабилитируется за прошлое.

— Мы не виновные, лишь потерпевшие. — Гуров развел рука-
ми. — А что с иностранцем?

Механик погладил лакированное крыло «Мерседеса».

— Добрый человек подкормил, подсыпал сахарку, теперь чи-
стить, продувать... Морока.

— Да, мир не без добрых людей! — согласился Гуров и кив-
нул. — Был рад, еще встретимся.

Направившись к выходу, Гуров успел заметить, как Алек-
сандр Сергеевич Романов тяжело оперся на капот, вытер испа-
рину.

«Совсем плохой», — решил Гуров.

Когда гравий под его ногами перестал скрипеть, «механик»
выпрямился, усмехнулся и закурил. Не верь человеку, который
протягивает тебе пустые ладони. Он слишком прост, этот супер-
мен. А может, я на воду дую? Но впредь общение с этим типом
следует ограничить.

К главному корпусу подкатила серебристая «Вольво», следом остановилась черная «Волга». Идалека Гуров наблюдал за приехавшими. Они были удивительно похожи друг на друга. Мужчины — плотные, среднего роста, женщины — высокие, в наброшенных на плечи мехах. Хозяев жизни узнаешь сразу, для этого не надо быть сыщиком. Они не запирают машин и не таскают чемоданов — о бытовых мелочах найдется кому побеспокоиться. И действительно, не успели гости скрыться за дверьми, как появились холоуи — водители машин. Лет тридцати, в кожаных куртках, легкие и точные в движениях, они открыли багажники, выхватили чемоданы, перекинули сумки через плечо, захлопнули ногой дверцы машин и потащили вещи в здание.

Гуров знал, кого следует ожидать, но на таком расстоянии не разглядел, кто именно явился. Должны были приехать четверо — женщины, разумеется, не в счет — значит, в ближайшее время придут еще двое.

По оперативным данным, здесь должны встретиться «авторитеты» уголовного мира, «курирующие» московский регион и часть Центральной России. Каждый из «авторитетов» занимал в официальном мире скромную должность, но в действительности обладал колоссальной властью. Миллионы рублей, валюта, десятки отлично вооруженных боевиков, самая современная техника, транспорт находились в их распоряжении. У них имелись разведка и контрразведка, бухгалтерия и отдел кадров, но лишних людей здесь не держали деньги были свои, кровные, считали их умели. Понадобилось решить некоторые вопросы, вот и собрались в узком кругу, по-семейному. Присутствие полковника Гурова «авторитетами» не планировалось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В главном корпусе дома отдыха было восемь номеров «люкс» и столько же однокомнатных для обслуживающего персонала. К корпусу примыкали гараж, современно оборудованная кухня, две сауны, бассейн, крытая оранжерея. Обслуга состояла из садовника, сестры-хозяйки, горничных, конечно же, директора, главного администратора, всех и не перечислишь.

Самое интересное, что дом отдыха вроде бы никому и не принадлежал. Когда Гуров получил информацию, что встреча «авторитетов» состоится здесь, и начал по официальным каналам уточнять, кому именно принадлежит хозяйство, то ничего не выяснил. Депутаты от демократической платформы разоблачили это теплое гнездышко крупных функционеров, потребовали его закрыть и передать... В результате гнездышко с одного баланса сняли, на другой не поставили, закрыли, но не передали. В общем, МВД концов не нашло, даже не смогло выяснить, кто же продолжает субсидировать заведение. Судя по чистоте, порядку и сытости, обслуга понятия не имела, что лишилась места работы.

Уходя на прогулку, Гуров в своем номере расставил простейшие ловушки и, вернувшись, установил, что здесь побывали. Что искали или надеялись найти, являлось для сыщика загадкой, над

которой он не стал мучиться, лишь пожал равнодушно плечами. Арсенал его состоял из двух пистолетов — «вальтера», изящного оружия ближнего боя, и «кольта» одиннадцатого калибра, из которого со ста метров, словно иголкой легкую ткань, можно прошить любой автомобиль. «Кольт» хранился в машине, и обнаружить его мог только профессионал.

Гуров запер дверь, разулся и принялся с удовольствием осматривать свои апартаменты. Гостиная — метров двадцать, не меньше, на полу роскошный серебристый палас, стены затянуты тканью, два огромных окна — автомобиль может въехать, шторы дорогие, тяжелые, с золотыми кистями. Сыщик не удержался, потянул за витой шнур — шторы мягко сошлись. Тогда он начал зажигать торшеры, которых оказалось четыре, присел за письменный стол; кресло было жесткое, деловое. В противоположном углу — два низких плюшевых кресла, между ними столик, изящный и хрупкий. У правой стены — бар, уставленный бутылками: «Столичная», коньяк «Енисели», виски «Джон Уокер», плитка шоколада, какие-то конфеты.

В дальнем углу телевизор и видео с дистанционным управлением.

Холодильник салатного цвета, дверца открывается мягко, внутри светло и прохладно. Сосиски, пиво, маслины и икра в банках, кефир и молоко.

Раздвинув двери, Гуров прошел в спальню. Низкое ложе размером два на два метра было затянуто чем-то розовым, шелковым и блестящим. Телефон, торшеры, бра, небольшой телевизор, встроенный шкаф во всю стену, в котором сиротливо болтался вечерний костюм Гурова, и дверь в ванную комнату, о размерах и комфортабельности которой даже говорить противно. В такой ванной вполне могла бы разместиться однокомнатная квартир-ка, обещанная верными поклонниками социализма каждому москвичу к двухтысячному году.

Полковник Гуров, захвативший столь скромные апартаменты абсолютно незаконным образом, разделся и решил принять душ.

Борис Андреевич Юдин в свои неполные шестьдесят любил молоденьких блондинок, носил только «штатскую форму»: джинсовые куртки, вместо галстука повязывал платки, предпочитал ковбойские сапоги либо кроссовки. На запястье у него тускло поблескивал золотой «Роллекс», зажигалка тоже была неброская, платиновая. Движения Юдина легки, но неторопливы, с лица не сходила улыбка, порой насмешливая, иногда усталая, реже — искренняя. Глаза — карие и умные. Простачка из себя не изображал, голос использовал негромкий, что вынуждало окружающих вести себя тихо, жаргонных слов и вульгаризмов не употреблял.

Он никогда не брал в руки оружия, врагов не имел. Так получалось, что стоило человеку встать у Юдина на пути, как с ним происходили неприятности. Один в автокатастрофу попал, у другого миллионная дача сгорала. А третий со шляшкой запутывался и за изнасилование попадал в колонию строгого режима на несколько лет.

У Юдина был свой бизнес; на данную встречу он приехал крайне неохотно, так как с руководством «Корпорации» в настоящее время деловых связей не имел, но необходимость такой встречи отлично понимал.

Номер Юдина был точной копией апартаментов сыщика, лишь оформлен в другой цветовой гамме. Борис Андреевич полулежал в низком кресле, разглядывая на свет высокий бокал с янтарной жидкостью. Очередная блондинка распаковывала вещи. Нина уже отметила двадцатилетие. Два года назад она приобрела покровителей, квартиру, «Жигули», дензнаки и всю остальную атрибутику, необходимую для молодой красивой женщины. Нинель Алексеевна Журба, а именно так было записано в паспорте, за два года прошла и огонь, и воду, и медные трубы, рассталась с иллюзиями, научилась не задавать вопросов, быть ласковой, но хозяйина не утомляла, никогда не просила, ничего не упускала, всегда находилась в хорошем настроении и не становилась рабой.

Вот и сейчас она давно уже разложила белье, повесила в шкаф одежду, но в гостиную не входила, видела, что Борис чем-то озабочен и хочет побыть один.

А он разглядывал бокал с виски, недовольно сопел и косился на листок бумаги, который лежал на журнальном столике. Юдин подтолкнул к себе листок, взглянул на записку и вновь нахмурился.

Записка была лаконичной: «Гуров Лев Иванович, сотрудник МВД СССР, поселился вчера вечером».

— Борис, я на полчаса займу ванну? — спросила Нина из спальни.

— Разумеется.

Борис Андреевич снял трубку, набрал номер и, когда администратор ответил, недовольно спросил:

— Как он поселился? Кто разрешил?

— Борис Андреевич, я Георгию Акимовичу уже объяснял...

В понедельник была телефонограмма, чтобы приготовили четыре номера. Во вторник приезжает человек и говорит, мол, номер заказан, ждут...

— Болван, — перебил Юдин и положил трубку. Тут же снял вновь, позвонил в соседний номер Мельнику, но того на месте не оказалось.

Георгий Акимович Мельник в свои сорок с небольшим обзавелся солидным брюшком и лысиной, которую тщательно закрывал зачесанными набок длинными прядями иссиня-черных волос. Покрытые лаком, они делали голову похожей на шар. Розовые свисающие щечки, нос клювиком, под которым шлепали мясистые алые губы, и широко расставленные глазки, цветом и суевливостью напоминающие шарики ртути. За этой несерьезной внешностью опереточного фигляра скрывался умный, хитрый и жестокий Георгий Акимович Мельник. Гога Мельник контролировал деятельность почти всех крупных ракетиров Москвы и области. Деньги стекались к нему по сотням тоненьких каналов, которые, словно ручейки, соединившись, образовывали мо-

гучую реку. Затем деньги отмывались и направлялись в официальный бизнес, вкладывались в совместные предприятия, превращались в валюту. Если финансисту «Корпорации» требовалось кого-то припугнуть, сжечь дачу, разгромить кафе или офис, он обращался к Гоге Мельнику и мог быть уверен, что все его пожелания будут выполнены точно и в срок. Десятки, может, и сотни безжалостных вооруженных парней беспрекословно выполняли волю Гоги. Для него не существовало в человеческой душе тайников, и чем темнее оказывалась душа, тем легче она становилась добычей Гоги. Он знал каждого из своих боевиков, безошибочно определял усталость, разочарованность, возможность предательства или срыва. Отработавших убирал. Почувыв стговор, излишнюю, с его точки зрения, сплоченность, тасовал свою дьявольскую колоду, отрезал, подравнивал, сдавал и всегда был при козырях.

Когда администратор сообщил Гоге, что в гостинице проживает полковник милиции, Мельник сгоряча распорядился, чтобы об этом уведомили Бориса Андреевича Юдина. Загородную резиденцию «курировал» именно Юдин, и Гога хотел его подколоть, но затем, верно рассудив, что за охрану спросят именно с него, Мельника, начал действовать. Не мудрствуя лукаво, он приказал обыскать номер незваного гостя, а сам поспешил навести о нем справки. Полковник МВД — информация слишком расплывчатая. Человек может служить в хозяйственном или политическом управлении. Это — одно дело. А если он оперативник?..

В «Корпорации» имелся компьютер с банком данных на своих и на чужих. Следует лишь позвонить и заказать справку. Но сложность заключалась в том, что звонить в операторскую можно только с автомата, с другого аппарата даже у Мельника заказ не примут.

Он спустился в холл, пошарил в кармане, выгреб мелочь, оглянулся в поисках автомата, но, конечно, его не нашел: мог ли быть такой примитив в шикарном уголке? Телефон администратора не годился, еще один аппарат, для общих нужд, стоял в углу на столике, но требовался именно автомат. Гога выругался и неожиданно вспомнил, что имеется телефон в машине.

Оператор, работавший на компьютере, услышав зуммер, снял трубку, взглянул на номер абонента.

- Слушаю.
- Мельник говорит. Я за городом, рядом нет автомата, говорю из машины.
- Вижу.
- Срочно. Гуров Лев Иванович.
- Известен, данные имеются. Георгий Акимович, не клади трубку.

Компьютер писал: «Гуров Лев Иванович, полковник, в утро работает почти двадцать лет, пятнадцать лет в МУРе, на момент заполнения данных находится в распоряжении Управления кадров МВД СССР. Живет один в двухкомнатной квартире...» Оператор занес в блокнот адрес, телефон и номер машины Гурова.

«Сорок лет, рост сто восемьдесят два, вес около восьмидесяти, волосы русые, виски седые, глаза голубые, одевается старомодно, предпочитает белые рубашки, галстук, на правой руке обручальное кольцо...»

И далее пошло крупным шрифтом: «Гуров — фигура противоречивая, для нас крайне опасен и крайне притягателен. Пользуется авторитетом и большой популярностью среди сотрудников угро. В обращении с окружающими сдержан, прямолинеен до глупости, часто конфликтует с начальством, которое Гурова только терпит.

Мы не располагаем данными, чтобы Гуров хотя бы раз взял у нас деньги, но существует мнение, что последнее возможно, если сумма и упаковка будут соответствующими объекту. При обсуждении этого вопроса обнаружились две позиции. Одна — Гуров умрет, но не возьмет. Вторая — Гуров разочарован, устал, раздражен политикой правительства, некомпетентностью собственного руководства, считает свою борьбу с нами донкихотством, ведет ее уже механически, по привычке. Вывод — вербовка Гурова реальна. При контактах с Гуровым надо учитывать, что он умен, опытен, честолюбив. Как показал опыт, силовое давление вызывает у него бурную реакцию сопротивления, доведенный до крайности, способен на убийство.

Пользуется успехом у женщин, но крайне осторожен и рационален в связях, спиртное почти не употребляет, однако при необходимости может выпить, и много. Физически хорошо подготовлен, крайне опасен в рукопашной. Застрелил Эффенди, которому была заказана ликвидация Гурова. Сам при этом получил пулю в грудь, но выкарабкался. От повторной попытки убрать Гурова решено пока отказаться».

Александр Сергеевич Романов закончил работу, повесил комбинезон на плечики и убрал в шкаф. Подсобка была небольшая, чистая и уютная, на столике телефон и маленький телевизор, на подоконнике — электрическая плитка и чайник, у противоположной стены — верстак, над ним металлические шкафчики с инструментом. Романов вынул из кармана ключ, открыл один из шкафчиков и достал наплечную кобуру с «вальтером». Сунул «вальтер» в карман, а кобуру вернул на место. Он оглядел себя в зеркало, одернул пиджак, причесал седые волосы, придвинулся к зеркалу вплотную, придирчиво осмотрел язык, глазные яблоки и остался недоволен: человек в зеркале был ему несимпатичен.

— Неудачник, — произнес он вслух и состроил гримасу.

В это время раздался телефонный звонок. Александр Сергеевич взглянул на аппарат и лишь после третьего звонка осторожно снял трубку.

— Слушаю.

— Подойдите к служебной лестнице...

— Какие проблемы? — Романов тяжело вздохнул. — Что-нибудь срочное? Я собрался обедать...

Высокопоставленный функционер дал Юдину телефон гаража, назвал имя и отчество механика, пароль и предупредил, что

в крайнем случае Борис Андреевич может обратиться к нему за помощью. Появление в гостинице полковника Гурова произвело на Юдина сильное впечатление. Несмотря на авторитет Гоги Мельника в подобных вопросах, Борис Андреевич решил полностью ему не доверяться. Одно дело — рэкетирь и экс, бандиты и случайные пожары, совсем иное — борьба с сыщиком экстра-класса. Механика рекомендовали на высшем уровне, он был козырной картой Юдина, о которой Гога Мельник ничего не знал. И хотя, пожалуй, рановато до начала игры вытаскивать из рукава главный козырь, Юдин решил, не открывая Романова, тайно встретиться с ним и посоветоваться.

— Александр Сергеевич, мне ваш телефон дал солидный человек, наш общий знакомый...

— Извините, — перебил Романов. — Я не понимаю, о чем вы... Если нужна помощь с машиной, то через час прощу...

— Подождите, — взмолился Юдин. — Я вам перезвоню... — закончить он не успел, в дверь резко постучали, из коридора донесся громкий голос Мельника:

— Открывай, подлый трус!

Нина бесшумно выскользнула из спальни, вопросительно взглянула на Юдина. Он положил трубку, кивнул. Девушка открыла дверь. Мельник ворвался, словно пьяный биндюжник в пивную, застегивая на ходу молнию брюк, и заорал:

— Это не девка, а тайфун! Иди, крошка, успокой подружку. — Взмахнул рукой, пытаясь шлепнуть Нину, но та увернулась, вышла из номера, закрыла за собой дверь.

Мельник прошелся по номеру, уже спокойно, без блатного пришепетывания, сказал:

— Ладно, ладно, не буду! — Он выставил перед собой ладони. — Знаю, вы этого не любите. Но, Борис, ты должен понять, у каждого свой темперамент. Договорились, до завтра о делах ни слова. Этот мент нам, конечно, ни к чему. Но ничего, разберемся...

Юдин не прислушивался к болтовне Мельника, отлично знал, что Гога никогда не скажет, что в действительности решил предпринять. Надо тихо встретиться с механиком, прокачать ситуацию, думал Юдин. Старею, пароль Романову забыл назвать...

— Кто настоял, чтобы службу не менять, дескать, пусть себе останется, как при партайгеноссе? — Гога вытер мокрые губы. — Здесь же холуй, не люди. Увидят номенклатурного деятеля — и лапки вверху.

С улицы донесся автомобильный сигнал. Гога подскочил к окну, отдернул шторы.

— О, прибыли их святейшества, Кац Анатолий Самойлович и Губский Эдуард Федорович, нафталин отряхнули, подагрические суставчики смазали и прискрипели, теперь поучать будут.

— Встретить бы не мешало, — обронил Юдин.

— Мне?! — Блеклые глазки Мельника заledenели, кожа на лице словно натянулась, резко обозначились скулы, даже вялый животик подобрался. Комик-болтун исчез, на Юдина смотрел убийца.

— Твоя работа. — Юдин легко поднялся, поправил шелковый платок, небрежно повязанный на шее, и обаятельно улыбнулся. — А ежели нет настроения, так я, мальчик шустрый и негордый, сбегаю.

Гога шлепнул губами, рассмеялся, выскочил в коридор и чуть не налетел на Гурова. Мельник не сразу сообразил, с кем столкнулся, и схватил его за рукав.

— Кто такой? Чего здесь шляешься?

— Ва! Георгий Акимович! Здравствуйте, какими судьбами? — Гуров мягко отстранил руку Мельника. — Гостей встречаете? Там Эдуард Федорович и Анатолий Самойлович при были...

— А, это ты... — Гога понял, кто перед ним, и, хотя Гурова видел впервые, кивнул, как старому знакомому. — Привет. Я в шестом. Заходи, потолкуем.

— Спасибо.

Мельник скатился по ковровой лестнице на первый этаж.

Гуров зашел в чистенькое, оформленное под русскую избушку кафе: стены были декорированы под дерево, а столы и скамейки сколочены из натуральной сосны. Светильники изображали слегка закопченные керосиновые лампы, окна зашторены льном с алыми петухами, пол посыпан свежими опилками. Пахло свежестью и чистотой. Сыщик оценил и интерьер, и краснощековую девицу в сарафане, которая встретила его поясным поклоном.

— Меня Настя зовут. — Девица хихикнула. — Чего, барин, изволите?

— А чего не жалко, барышня?

— С икрой нынче перебои, но балычок имеем, яишенку фирменную с зеленью рекомендуем, кофе заморский.

— Яишенку и кофе. — Гуров сел в углу, лицом к двери.

Информация оказалась правильной, «авторитеты» прибыли вовремя. Интересно бы определить, какова сегодня их действительная власть, без преувеличения. У преступников нет единства — грызутся.

Гуров жевал фирменную яишенку,пил заморский кофий, мысли путались, и приводить их в порядок не находилось ни сил, ни желания. Раньше было проще: он видел жертву, безумную мать или жену, осиротевших ребенка или старика, и понимал свою необходимость, обязанность защитить закон, по которому за каждое преступление должно последовать наказание. И пусть не всегда это удавалось, однако он боролся с конкретным преступником, который пробуждал злость, порой ненависть. А что сделали эти люди? Пустые прилавки, вагоны с продовольствием, неделями простаивающие на запасных путях, злобные очереди. Кто виноват? Чистая, пропитанная сытостью и покоем избушка, льняные занавесочки с алыми петухами, розовощекая девица? Так ведь построили райский уголок не «авторитеты», они лишь захватили его и используют. Нет у сыщика злости на таких преступников, а нет злости, нет и сил.

Будешь философствовать, не успеешь собраться, пришлепнут, урезонил себя сыщик. И, будто подслушав его мысли, в избушку

вошли двое охранников, крепкие ребята с округленными литыми фигурами, сытыми, равнодушными лицами.

— Мир дому! — сказал один из них, мазнув по Гурову взглядом, и занял столик у окна.

— Настя, рабочий класс прибыл! — громко объявил второй, усаживаясь рядом с напарником. — Тащи горшки и чего-нибудь покрепче чая!

Они были похожи, оба русоцветные, ладные и опасные. Один чуть повыше — Гуров без труда определил, что он за старшего, и про себя окрестил его Большим, а второго — Маленьким. Сыщик попытался определить, где у них оружие, но свободные джинсовые куртки были предусмотрительно расстегнуты.

Парни вели себя свободно, но не нагло, выпили по полстакана водки и с аппетитом хлебали из глиняных горшочков горячее. На Гурова они внимания не обращали, разговаривали негромко, ели аккуратно. Сыщик не сомневался, что перед ним профессиональные убийцы, но глядел на них равнодушно, как смотрят на убийц в кино.

Появился Романов, эlegantный, типичный аристократ, сошедший с гравюры девятнадцатого века. Александр Сергеевич поздоровался и занял столик у двери. Столиков в кафе было восемь, и посетители расселись треугольником: в дальнем углу Гуров, у окна «водители», у двери «механик». Сыщик сложившуюся ситуацию отметил, но подумал, мол, мерещится, для расправы место неподходящее — в проходах между столиками суетится розовощекая Настя, с кухни доносятся голоса. Только сыщик успокоился, как прозвучал звонок. Настя засуетилась и покатила к выходу заставленный блюдами столик на колесах.

Если ее опередить, я успею выйти, прикинул Гуров и не двинулся с места. Настя со столиком уехала, тут же из кухни выплыла дородная женщина в жестко крахмаленном, стерильно белом колпаке. Глядя прямо перед собой, словно боясь упустить из виду что-то чрезвычайно важное, она проследовала к дверям и скрылась.

Все равно, упрямо думал Гуров, стрелять не будут. И на всякий случай пододвинул ногой основную табуретку поближе. Если дело дойдет до рукопашной, придется разнести теремок вдребезги. Но здесь собрались люди серьезные, они не позволят необдуманных поступков. Впрочем, нет. Серьезные на втором этаже, возразил себе сыщик, а тут исполнители. Им приказали припугнуть и выставить постороннего, который нагло забрался куда не следует, и этот посторонний — мент, не церемониться же с каждым...

Водители-охранники поднялись. Маленький двинулся к выходу, а Большой — к столу Гурова. Боковым зрением сыщик видел, что Маленький задержался около Романова, который кивнул и встал. Сыщик, не поднимая головы, следил за ногами подходящего шофера. Прежде чем напасть, обычно сбиваются с шага. Большой не сбился, спокойно сел рядом. Гуров поднял голову, взглянул с любопытством.

— Давай, приятель, собирай вещички, двигай домой, в твоем возрасте надо больше думать о здоровье.

— Да я еще молодой.— Гуров улыбнулся, мягко подобрал ноги.

— Зачем спорить-то, молодой?

Шофер ударил быстро, но Гуров ожидал нападения, легко наклонился, кулак рассек пустоту, и на секунду бандит раскрылся. Гуров вытянул руку, коротко ударил противника в горло, под адамово яблоко. Большой хрюкнул, ткнулся лицом в стол, сыщик достал наручники и, пристегнув его кисть к ножке стола, вынул у него из внутреннего кармана куртки пистолет.

Маленький происшедшего не видел, выпроводив механика, стоял у двери с наружной стороны. Большой уже приходил в себя, натужно сглатывая, пытался сориентироваться в обстановке.

— Ты знаешь, кто я? — Гуров допил остывший кофе.

— Мент поганый,— шипло прошептал Большой и выпрямился.

— Допустим. Тогда ты фраер сопливый. Гога тебя выгонит, он же не велел бить меня. Как зовут?

— Степан.

— Меня — Лев Иванович. А того, что за дверями стоит?

Новый знакомый потянул наручник, стол качнулся.

— Чего молчишь, Степа? — Гуров поднялся, взял с буфетной стойки стакан с соком.— Освежись, полегчает. Так как зовут твоего приятеля?

Степан сделал глоток, отставил стакан, вытер слезящиеся глаза.

— Толиком.

— Анатолий и Степан, хорошие имена.— Гуров закурил.— Позови его.

Степан откашлялся, но Толик сам заглянул в теремок:

— Чего валандаетесь? Пошли!

— Погодь! — сказал Гуров.— Шагай сюда, Толик, разговор имеется.

Толик был прост и незатейлив, подошел, сверкая улыбкой:

— Сговорились? Я же тебе толковал, Степа, что товарищ умный.— Он смотрел на содельника, не замечая, что Гуров, подвигая ему табуретку, поднялся и взял столовый нож.— Ты чего, Степа, забурел?

Гуров ударил ручкой ножа чуть пониже третьей пуговицы, точно в солнечное сплетение. Толик чуть не выплюнул язык, глаза застекленели, он схватился за живот и упал на стол. Гуров отобрал у него пистолет, пригрозил Степану:

— Будь хорошим.— Отстегнул браслет наручника от стола, защелкнул его на запястье Толика.— Теперь спокойно поговорим, ребята.

Скованные наручниками Степан и Анатолий сидели смиренно, держали руки на коленях и со стороны производили приятное впечатление.

Обслужив в номерах высокопоставленных клиентов, вернулась розовощекая Настенька, пронесла свою накрахмаленную корону повараха, на столик с новоявленными друзьями не взглянула, давно научившись отличать хозяев от их слуг. Ей предстояло приготовить обед, а продовольственный кризис хотя еще

резиденции не захватил, но кладовки уже выдувал, приходилось изворачиваться.

Гуров заказал коньяк и кофе, сидел расслабившись, скрывая дрожь и тошноту, естественную реакцию организма на перенапряжение. Сколько ни тренируешься, а супермена из него не получается. Сыщик вздохнул, заметил, как кривится от боли Толик, дышит осторожно, а Степан глотает коньяк и вздрагивает.

— Надо бы лед из морозилки выковырнуть и к брюху приложить, — посоветовал Гуров.

— Сегодня, Лев Иванович, прикуп твой, — тихо произнес Степан. — Замочить ты нас все равно не можешь, а завтра тоже наступит. Раз ты Гогоу знаешь, должен понять, он не простит.

— Ясное дело, не простит, — согласился Гуров и пристально посмотрел в глаза Степану.

— Пушки отдай, сука. — Мысли Толика были короче, слог лаконичней.

— Обязательно. — Гуров кивнул.

— Ну и как полагаешь дальше? — спросил Степан.

— Не знаю, давай решать.

— Пушки отдай, и мы тебя отпустим, — вмешался Толик.

— Совсем плохой. — Гуров смотрел укоризненно. — Степан, скажи...

— Ты на сдаче, банкуй, — ответил Степан и отвернулся.

— Слушай, мент, а Эффенди случаем не ты пришел? Так слышал я о тебе...

Закончить Толик не успел, Степан ударил его по лбу. У нормального человека произошло бы сотрясение мозга, Толик лишь зубами лягнул, взглянул на старшего с обидой, буркнул:

— А я ничего. — И подлил в стакан коньяку.

— Он как? — Гуров кивнул на Толика, шлепнул пальцем по губам.

— Могила, — ответил Степан.

— Смотри, ты сам сказал, Гого не простит. — Гуров увидел, как метнулся взгляд Степана, понял, что смысл сказанного дошел по назначению, и продолжал:

— Я, Степа, человек мирный, интеллигентный, приехал отдохнуть, если Георгий Акимович Мельник пожелают, можно обсудить некоторые вопросы. А ты сразу драться, нехорошо. Теперь мы оба в глупом положении.

— Ты с Гогой знаком?

— Заочно.

— Значит, бумажки о нем читал, — понял Степан. — Так, ты его не знаешь.

— Степан, давай столом мента придушим, — снова возник Толик, — ключ и пушки отнимем.

Степан провел ладонью по лицу приятеля, подвинул ему стакан:

— Закройся.

— Слушай, Степан, внимательно, постарайся понять. — Гуров выдержал небольшую паузу. — Я вас сейчас отпущу, если вы начнете безобразничать, пристрелю. Пистолеты с вашими паль-

чиками — вот тут. — Гуров похлопал себя по карману. — Так что у меня самозащита, у вас — крематорий. Понятно? Георгию Акимовичу Мельнику я ничего не скажу, вы будете ему служить, словно ничего не произошло. Ему — служить, а мне немного прислуживать. Обыкновенный шантаж, в нашей с вами жизни дело обычное. Есть контрпредложения? Нет. Тогда с Богом.

Гуров бросил на стол ключ от наручников.

— Браслеты с ключиком оставьте на столе, прикройте салфеткой и топайте.

Сыщик отошел к буфетной стойке. Степан не раздумывал, сейчас главное освободиться, а дальше жизнь покажет, мент еще горько пожалеет. В машине имелись пушки не хуже, главное, не дать менту выйти с территории.

Степан бросил наручники на стол, прикрыл салфеткой. Гуров пил сок из запотевшего стакана, с улыбкой наблюдал за боевиками, которые, потирая ушибленные места и натертые кисти рук, решали, что теперь делать.

— Двинули, что ли? — буркнул Толик.

Степан был умнее, решил сделать вид, что смирился.

— Лев Иванович, как мне с Гогой говорить? Он велел вас сюда выселить.

— Передай, я с ним встретиться хочу. — Гуров тихо рассмеялся. — Вы на улицу сейчас не выходите, поднимайтесь на второй этаж, а я блокирую ваш транспорт. Ты, надеюсь, соображаешь, Степа, я же здесь не один, и через пять минут ваши пушки уплывут в Москву. Если со мной, не дай Бог, что случится, о вашей судьбе побеспокоятся.

Никакого связника не было, и отослать пистолеты Гуров не мог. Он блефовал, но за неимением гербовой пишут на простой.

Толик переминался с ноги на ногу, сопел, ждал, когда закончат трепаться и надо будет действовать. Действия представлялись ему весьма простыми. Следует выйти, встать за дверь, двинуть мента по башке, отнять свои пушки и ни о чем не думать, для того иные люди имеются.

— Что еще желаете? — спросила Настя, выглядывая из кухни.

— Благодарствуем, — ответил Гуров, кивнул боевикам: — До встречи.

Когда они вышли, сыщик взял наручники, отдернул льняную занавесочку с альми петухами и выпрыгнул в окно.

Толик, шагнув за дверь, встал за косяком. Степан не знал, что еще придумает мент, чуял, так просто тот не дастся, и топтался в нерешительности. В это время из холла в коридор упала тень, раздался укоризненный голос:

— Степан, нехорошо, мы же договорились, поднимайтесь на второй этаж.

— Мать твою! — выругался Толик.

Когда боевики скрылись за лестничным пролетом, Гуров выскочил на улицу, подбежал к «Волге», дернул за ручку. Как и следовало ожидать, двери заперты не были. Сыщик приподнял заднее сиденье, положил под него пистолеты, захлопнул дверцу, оглянулся, вроде никто не видел.

Гуров ошибался, Александр Сергеевич Романов стоял неподалеку за сосной, якобы справляя малую нужду, и, внимательно, проницательно улыбаясь, наблюдал за происходящим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Авторитеты» расположились в номере Эдуарда Федоровича Губского, раритета уголовного мира. Хозяину недавно исполнилось восемьдесят, он был высок, худ и жилист, орлиным профилем походил на де Голля, но на этом сходство старшины воров в законе с благородным французом и заканчивалось.

Эдуард Федорович снял пиджак, облачился в изумрудного цвета халат с атласными лацканами, перехватил его витым поясом с кистями. Из широкого выреза высовывался воротничок белоснежной рубашки, из которой торчала длинная жилистая шея, поддерживающая бритую голову с тяжелой выступающей челюстью, лохматыми, закрывающими глаза бровями.

Друзьями Эдуард Федорович за свою грешную жизнь не обзавелся, и никто из знакомых и содельников не помнит, чтобы он бескорыстно совершил даже малое добро. Губский являлся главным авторитетом среди воров в законе старого, еще довоенного разлива, уходящего своими корнями во времена нэпа, который Эдуард Федорович помнил отлично, так как именно в это золотое время отправился на свой первый этап. Так как ЭВМ в те благословенные годы не было, то судимости Губского подсчитать не представлялось возможным, на сегодняшний день картотека указывала смешную цифру — пять, которая у людей бывалых не вызывала даже улыбки. Губский провел в местах заключения более полувека. Лагеря нашей необъятной Родины, которые он не посетил хотя бы проездом, чувствовали себя обездоленными и мучились комплексом неполноценности. Старых воров в законе оставались уже единицы, но и молодые, хотя древних воровских заповедей типа «не имей семьи, не работай» и прочее не блюли, однако патриарха Губского чтили. И теперешние крутые парни приглашали его на свои разборки третьей степени судьей. Злые языки поговаривали, что авторитет Губского давно съела моль, и воры верят в него не более чем в святые мощи, однако сегодня великого старца пригласил лично Георгий Мельник.

А уж более авторитетного, современного, умного и расчетливого человека трудно было представить.

Кац Анатолий Самойлович был отпрыском некогда известного семейства ювелиров и антикваров. Отца Анатолия Самойловича за любовь к камешкам и золоту отправили в ГУЛАГ, где он и сгинул. Деда, походя, без особой злобы, расстреляли не то красные, не то белые — свидетельства женщин, которые в семье жили дольше, противоречивы. Прадед, известный в Европе ювелир, дожил аж до шестидесяти с хвостиком, дальше не получил, его зарезали.

Анатолию Самойловичу дали русское имя, крестили в православной церкви, но с отчеством, фамилией, главное, с внешностью сердобольные женщины ничего поделывать не могли. Одного

взгляда на него было достаточно, чтобы человек, абсолютно чуждый антисемитизма, не подумал о Голгофе и проклятых евреях, распявших «нашего» Христа.

На сегодняшний день Анатолию Самойловичу исполнилось пятьдесят пять, был он среднего роста, нетолст, за собой следил, одевался модно, добротнo и, хотя занимался камнями и золотом, украшений не носил. Глядя на него, можно было подумать, что перед вами благополучный еврей, который, естественно, где-то подворовывает, но живет тихой, размеренной жизнью, философски готовится к старости. Так вот, ничего подобного не было. За усредненной, спокойной внешностью в Анатолии Самойловиче жил человек бешеного темперамента, огромной работоспособности, незаурядного ума; великий ювелир, золотых дел мастер, финансист и банкир.

Его связей, как внутри державы, так и за ее пределами, никто не знал, сделки не фиксировались ни в каких отчетах и бухгалтерских книгах, но Кац мог купить или продать камней и золота на миллионы. Из присутствующих Кац являлся единственным реально богатым человеком. Его услугами не мог пренебречь ни современный бизнесмен Юдин, ни обиравший рэкет, проститутки и мелких валютчиков Гога Мельник, ни патриарх воровского мира Губский.

Обед на высшем уровне проходил в тихой неофициальной обстановке. Каждый из присутствующих считал себя фигурой главной, относился к коллегам с пренебрежением, словно к обслуживающему персоналу, мол, жизнь такая, приходится терпеть. От спиртного воздерживались, разговор не клеился, начинать обсуждать дела ни один не хотел, каждый полагал, что его слово последнее. Гога Мельник рассказал несколько анекдотов. Финансист Юдин эти анекдоты знал, банкир Кац пошлости не любил, а патриарх Губский их просто не понял, глядел неодобрительно, нахмурившись. Он любил вкусно поесть и в напитках толк знал, но его положение обязывало относиться к разносолам и коньякам пренебрежительно, воровской закон призывал к простоте и строгости.

— Казну людскую профукиваете. — Губский слянул с подагрических пальцев прозрачные черные икринки. — Кусок мяса, картофель да капусты квашеной, стакан самогона. — Он хрустнул крылышком цыпленка и замолчал.

Чуть собаачь, хотел сказать Юдин, отлично знавший, что из воровского общака давно уже не брали ни копейки, но воздержался. Борис Андреевич промолчал не из осторожности, а от понимания бессмысленности возможных пререканий. «Крышу» над этой резиденцией поддерживал он, используя свои деловые связи среди номенклатурных товарищей, получавших в качестве консультантов и советников мзду в некоторых предприятиях.

Гоге Мельнику было что сказать, но он воздержался, так как два его человека недавно получили по «червонцу», сейчас толклись по этапам и должны были днями прописаться в лагерях. Людей следовало обустроить, «подогреть», лучше Губского никто помочь не мог.

Кац промолчал, так как никогда патриарха не слушал.

Губский расценил молчание как признание вины и продолжал:

— Народ мельчает, а я старею, силы уже не те. — Кривясь, он пригубил марочного коньяка. — Вот однажды, дай Бог памяти...

— С памятью у тебя нормально, — не выдержал Гога Мельник. — Проси у Бога совести.

— Сопляк! — Губский скомкал накрахмаленную салфетку. — Когда я говорю, ты должен...

— Все равно, уважаемый Эдуард Федорович, — вмешался Юдин, — я с вами абсолютно согласен. — Он подмигнул Гоге, постучал пальцем по виску. — У нас маленькая накладочка, Гога нервничает, так у него должность нервная. Мы хотим у вас совета попросить, к вашей мудрости прибегнуть.

Кац хотя и не знал сути вопроса, но дипломатию Юдина оценил, поднял на него агатовый взгляд, кивнул.

Гога выпил рюмку водки, дернул плечиком.

— Зачем человеку мозги пудрить, я сам решу вопрос. — Он взглянул на часы. — Да уже и нет вопроса, ребята сняли его с повестки дня.

Гоге собственная шутка понравилась, и он довольно хохотнул. Юдин укоризненно покачал головой, постучал ногтем по зубам, указал взглядом на Губского. Гога понял, что Борис оценивает ситуацию более серьезно, и задумался.

Неожиданное появление сыщика Мельник воспринял как факт неприятный, но не более того. Собравшиеся здесь люди в законе, при паспортах, должностях, давно компетентным органам известны, но на сегодняшний день чисты, зацепиться властям не за что. Гогу даже позабавила мысль о том, как милицкий полкаш возвращается к начальству и говорит, мол, выгнали меня «авторитеты», швырнули за порог, словно щенка. Что ни говори, а свобода и гласность имеют свои преимущества. Гога решил о милиционере Губскому и Кацу ничего не говорить, позже разобраться и, где протекло, залатать.

Но тут Мельнику пришла новая мысль, и он удивился собственной глупости. Коли о происшедшем несколько человек знают, то обязательно, как круги по воде, расплывается слухок. Он будет обрастать лишними домыслами, прикатится к Губскому, проплывет в зонах. А патриарх на месте присутствовал и ничего о менте не знал, и тогда упадет страшное слово «продали». Мельник встретился взглядом с Юдиным, согласно кивнул, мол, договорились, излагай. Однако Борис Андреевич был умен, он перегнулся через стол, заменил у Губского тарелку, подложил севрюжки, наполнил рюмку.

— Ваше здоровье, Эдуард Федорович, долгие вам лета!

Губский благосклонно кивнул. Когда все выпили, Юдин продолжил:

— Георгий совета просит...

— Ну? — Губский шевельнул лохматой бровью.

Мельник своей озабоченности не показал, заговорил весело:

— Менты кругом, засилье просто, продыху нет. Мы сегодня приехали, а тут один проживает, я попросил съехать. Одобряете?

Кац звякнул ножом о тарелку, взглянул на Юдина укоризненно. Анатолий Самойлович отлично понимал, что никто здесь просто так поселиться не может. Губскому это невдомек, ему польстило внимание, да и коньяк прибыл к месту назначения, разлился теплом, согрел ноги, голову захмелил.

— Не одобряю, — ответил патриарх беззлобно и хихикнул. — Чего цепного пса без нужды злить, пусть живет. Помню, в пятидесятых посетил я Сочи, так в соседнем номере большой чин проживал. У него белявенькая девчонка была, из наших, марафет втыкала... Так к чему это я? — Он оглядел закуски, пошевелил над ними длинными узловатыми пальцами. — Эх, капуста бы квашеной... Да, так с тем вертухаем я вечерами в картишки перебрасывался. Он мне красиво пел, какая у него жизнь сложная, рискованная. Так что не следует товарищей без нужды злить, силу свою выказывать.

Мельник, Юдин и Кац переглянулись, как это делают взрослые, слушая поучения ребенка.

— Верно, дурак, он и есть дурак, его только могила исправит, — зло сказал Гога.

— Молодой. — Губский растянул бледные губы в улыбке. — Ничтяк, толкач муку покажет.

Дверь приоткрылась, и в номер проскользнула пассия Гоги Мельника, высокая, прекрасно сложенная блондинка Людмила Заслонова, проходящая в картотеке МУРа под кличкой Авария.

— Здравствуйте, приятного аппетита. — Она скользнула гибким телом, склонилась к Гоге, шепнула: — Очень нужно, выйди.

— Очень? — Гога обнял ее за бедра, улыбнулся, хотя недоброе предчувствие шевельнулось где-то внутри, тяжелым комком оттянуло в желудок. — Извините, уважаемые.

Он вышел за девушкой в коридор, увидел стоявших поодаль Степана и Толика и поманил пальцем.

— Ну?

Степан приготовил речь, но при виде грозного шефа слова забыл, кашлянул и выдал:

— Мент с вами говорить хочет...

Гога обошел боевика, развернул его лицом к свету, уперся взглядом.

— С кем он хочет говорить?

— Ну, с вами, — прошептал Степан. — Лично.

— С кем это «с вами», мать твою?! Он что, имя знает?

— Сказал уважительно, мол, передай Георгию Акимовичу Мельнику, хочу встретиться...

Гога кивнул, оглядел боевиков, никаких травм не заметил. Купить не могли, денег у ментов нет. Каким образом этих голубков убедили идти сюда и молоть чепуху? Запугали? Это я позже разберусь, решил Мельник, сейчас важно не удивляться, лица не терять. Видно, у полкаша крупные козыри на руках, придется переговорить, выяснить.

— Выехать товарищ отказался, стало быть, — спокойно произнес Гога. — А вы, люди интеллигентные, с ним, конечно, согласились. Молодцы, уважаю.

— Так, если что, шум будет, — вякнул Толик.

— А два здоровых вооруженных бугая тихо выкинуть его не смогли, — согласился Гога. — Ладно, разберемся. Передай ему, мол, Георгий Акимович будет рад познакомиться и позже позвонит. Так дословно и передай.

— Понял. — Степан кивнул и попытался, он не ожидал, что разговор закончится мирно. — Понял.

— Жизнь покажет... — задумчиво сказал Гога и вернулся в номер.

Там ничего не изменилось, патриарх воровского мира Губский рассказывал о былом. Юдин и Кац делали вид, что внимательно слушают.

— Суета, — обронил Гога, опускаясь в кресло, выпил и жестом дал понять Юдину, мол, все в порядке.

Кац перевел взгляд с одного на другого, безразлично отвернулся, продолжая размышлять о том, что, конечно, приехать сюда было необходимо, но встреча чисто формальная, ничего конкретного решить не удастся.

Проблем у собравшихся накопилось, требовалось скорейшее урегулирование их, но никто из присутствующих не хотел начинать разговор первым, боялись показать свою слабость и зависимость.

Борис Андреевич Юдин имел легальный бизнес в крупных совместных предприятиях и небольших кооперативах. За фасадом респектабельных, приносящих официально фиксируемый, облагаемый налогом доход организаций существовала и иная деятельность. Борис Андреевич руководил самой сложной ее частью, той, где коммерция соприкасается с политикой, где необходимы личные контакты с властями, где уже недостаточно честного слова, а необходимы решения, приказы, бланки, печати и иная бюрократическая канитель. К примеру, можно арендовать у магазина десятилетиями затопленный огромный подвал и превратить его в богатое доходное предприятие. Но если гниющий, кишачий крысами подвал никого не интересует, то как только начнутся строительные работы, немедленно появятся и заинтересованные лица. И лишь закончат возиться с цементом и кирпичами, начнут стелить полы, навешивать оконные и дверные рамы, на «объект» заглянут ответственные товарищи. А к тому времени, как кончат отделку, развернется битва с «частным капиталом и хищниками теневой экономики». Чтобы выиграть эту битву, а еще лучше — предотвратить ее, существовал Борис Андреевич Юдин, который знал, в какие двери следует постучать и на чей стол и что именно положить.

Бытует ошибочное мнение, что все решает толщина конверта. Сегодня конверты берут лишь на первых ступеньках власти, да и взяв, положительного решения не гарантируют, а лишь обещают вопрос «проработать». Поэтому необходима личная долговременная заинтересованность, которая может выражаться и в паявом участии, и в обучении любимого чада в престижном заведении, и в перспективах служебного роста, и в решении иных многочисленных проблем, которыми богата жизнь человека, живущего в нашем обществе.

Борис Андреевич держал в руках множество людей, соединявших напрямую министерства, комитеты и ведомства, знал сотни людей, их силу и слабости. Используя обмен услугами, деньги, в редких случаях шантаж, он почти всегда добивался необходимых решений. Но получить официальное добро и организовать доходное предприятие — это даже не половина дела. Нужно застраховать его от пожара, чрезмерного налогообложения и прочих неприятностей. И здесь появлялся Гога Мельник. А когда предприятие начинало приносить существенный доход, возникала необходимость превратить деревянные рубли, — которые сами по себе мало стоили, да и государство норовило их отобрать способами, известными еще Остапу Бендеру, — в золото, камни, валюту, на этом этапе уже требовалась помощь Анатолия Самойловича Каца. С ним Юдин работать любил, проблем не возникало, хотя Анатолий грабил просто по-черному. Но его понять можно, инфляция раскручивалась, рубль уже не падал, а летел вниз согласно закону притяжения. Только никто не видел конечной точки, в которой рубль разобьется вдреизг, разлетится на атомы и перестанет существовать.

Самым сложным партнером Юдина являлся Губский. Ну, казалось бы, на кой черт сейчас нужен этот маразматик? Какое отношение имеет сегодняшний бизнес к ворами в законе, мифическому общаку, к прочим аксессуарам археологии? Ответ был прост. Воры в законе, старые либо новые, реально существовали, и в местах заключения, от которых никто не застрахован, они правили бал. Губского можно легко убрать, но воры почему-то считались с ним, и через патриарха удавалось хоть частично воздействовать на темные неуправляемые силы.

Георгий Акимович Мельник и его люди, за исключением проститутки, не делали денег, лишь отбирали часть у делателей, и неизвестно, кто от кого больше зависел. В каждом звене бесконечной цепи преступного бизнеса побеждал более умный и сильный. В одном случае предприниматель платил и заказывал музыку, в другом музыканты грабили и отбирали сколько могли.

В этом вопросе надо было навести порядок, установить точный тариф за услуги. Из-за беспредела рэкетиров несколько прибыльных предприятий перестали существовать, источники доходов иссякли. Люди Гоги Мельника остались при ножах, цепях и пистолетах, но без хлеба с маслом. Именно с этими козырями прибыл на «совет в верхах» Борис Андреевич Юдин. Он собирался прижать Мельника, чистоделы-предприниматели и торгаша тоже нарушали закон джунглей. Охрана не имеет права уничтожать рабочую силу, но и работяги не должны перекупать охрану, заманивать в свои сети. Заманивание же осуществлялось повсеместно, и, с точки зрения Юдина, процесс был необратим, кончина империи Гоги Мельника не за горами.

Как все гениальное, схема заманивания была проста. В кафе, цеху, другом доходном месте появлялись здоровые вооруженные парни и требовали у хозяев за безопасность живота «отстегнуть» долю. Умный хозяин соглашался, но очень скоро крутые парни становились швейцарами, водителями, грузчиками, получали

высокую зарплату, которой, естественно, не желали делиться с эмиссарами Мельника. Изменщики, уже кровно заинтересованные в благополучии хозяина, защищали его не за страх, а за совесть, начинались стычки, драки, перерастающие в вооруженные схватки. Гога Мельник терял людей, их убивали, сажали, перекупали, империя если и не таяла, то уж мощности не набирала. А сегодня кто не движется вперед, тот отстает, вожжи в руках Мельника ослабли, и он этого допустить не мог. С другого бока его, колом в ребро, подпирали воры, шлявшиеся по законным владениям Гоги Мельника. Воры не желали признавать никаких правил, кроме своих. Опять схватки, стрельба, аресты, главное — убытки.

Анатолий Самойлович Кац в жизни не держал в руках оружия опаснее столового ножа, ни разу не ударил человека. Естественно, он стремился поддерживать контакты с Юдиным и избегал встречаться с парнями Мельника и тем более с представителями патриарха Губского. Нуждаясь в защите, платил и тем, и другим, однако в безопасности себя не чувствовал. Эти люди не имели чести, не держали слова, могли ради одноразовой рублевой выгоды сорвать серьезную сделку, за порцию марафета ткнуть ножом. Большинство деловых партнеров Каца давно укатили за рубеж, и он бы уже уехал, но обещал коллегам продержаться еще несколько лет, закончить кое-какие дела, главное, подготовить себе замену. «Зарезут меня, — предупреждал он коллег, — ни делу, ни вам лично никакого профита, а мне неприятно». «Оставь свой черный юмор, — отвечали друзья, — ты самый умный и осторожный, еще немножко потерпи». И Кац терпел, так как был человеком слова.

И наконец прозвучала команда, можно уезжать за границу, ждут. Кац реализовал свое имущество, все накопленное годами превратил в бриллианты. Община знала об отъезде, отдала Кацу свои сбережения, которые следовало передать доверенным лицам. Несколько лет назад Кацу подарили замшевый пиджак, изготовленный для своих нужд итальянскими контрабандистами. Бриллианты стоимостью свыше миллиона долларов Кац зашил в этот пиджак и ждал выездной визы. Все вывозят тюки и ящики, рассуждал Кац, а я, такой хитрый, предстану в таможене с семьей и двумя чемоданами. Меня разберут на винтики, рентгеном просветят, все отберут, шептал он бессонными ночами. Мне бриллианты не вывезти, нужны другие пути. И Анатолий Самойлович, после долгих колебаний, остановил свой выбор на Юдине, который по делам совместных предприятий постоянно выезжал за рубеж.

Кац надел невидный пиджачишко, созвонился с патриархом Губским, которого никто тронуть не посмеет, и прибыл в загородную резиденцию, где собирался договориться с Юдиным. Все проходило по плану, Анатолий Самойлович рядом с Мельником и Губским впервые за последние дни чувствовал себя спокойно. Но Кац не знал, что его ближайший помощник уже захвачен ворами и умирает под пытками и сил у него больше нет, а он только человек. И Кац, вместо того чтобы бежать, немедленно

скрыться, всполошился из-за известия, что рядом, буквально за стеной, проживает товарищ из компетентных органов.

Эдуард Федорович Губский чувствовал себя превосходно. Он пил и закусывал, из-под лохматых бровей поглядывал на молодых снисходительно и безо всякого труда изображал неумного, дряхлого, уже никуда не годного патриарха. Он тоже не верил, что они способны о чем-то договориться, и приехал лишь развлечься и получить от молодых «подогрев». А хочется ребятишкам над стариком посмеяться, так Бог им судья, от старика не убудет. Два дня назад Губскому шепнули, мол, в столице собрана партия камней, адресат пока не известен, но мальчишки расстараятся. Раз камни, возможно, они ведут к еврейчику, рассудил старый «авторитет». Так побудем рядом, приглядимся, может, чего и высветится. Да и покалякать с Мельником не мешает, унять его мальчишек.

Дело в том, что воры сильны, когда с ножом на плечах безоружного повисли, напали внезапно. При разборках и столкновениях боевики оказывались и физически крепче, и лучше вооружены. Воры такие бои, как правило, проигрывали, теряли людей, главное, воровской авторитет. Среди сегодняшних воров были свои «авторитеты», которым Губский не мог приказывать. Да старику было и наплевать на дерзких мальчишек, пусть их стреляют, как зайцев. Но неподалеку от Москвы еще остались несколько человек, принадлежавших к его поколению, и Губский обязан им помочь не только как старым товарищам, но и как людям, поддерживающим идею патриарха.

Губского не обманула небрежность, с какой Гога сообщил о наличии рядом милицейского чина. Патриарх знал, у сыскарей просто так ничего не бывает, раз прибыл, значит, по чью-то душу, чего-то разведали товарищи, и один тут, а сколько их за деревьями, в машинах, у телефонов? Сегодня Эдуард Федорович встречи с властью не боялся, за ним ничего нет, но жить под одной крышей с сыскарем — без радости. Губский твердо решил, что жизнь закончит на воле. Человек в преклонном возрасте, словно юноша, верит в осуществление своих планов, хотя жизнь неоднократно доказывала, что благими намерениями устлана дорога в ад.

Итак, Гога Мельник занял свое место за столом и как можно безразличнее произнес:

— Суета.

Юдин решил, что пора переходить к делу, согласно кивнул и тихо сказал:

— Ясное дело, девица сообщила тебе, что беременна. Мы, Гога, родились не сегодня. Что произошло?

— Пустяки, Виктор, не бери в голову.— Гога взял бутылку, наполнил рюмки.— Мент поганый съехать отказался, хочет со мной потолковать.

— Обед был прекрасный.— Кац поднялся, аккуратно сложил салфетку.— Я буду у себя в номере,— кивнул Юдину и неторопливо вышел.

— Гога, ты вели это...— Губский пошевелил пальцами над накрытым столом.— А я по-стариковски вздремну часок.

— Может, тебе девочку прислать? — хохотнул Гога. — Расслабься.

Патриарх неодобрительно шевельнул бровью, Юдин тоже поднялся, дернул Мельника за рукав.

— Пошли, юморист. Выясняй свои дела с властями, а мне надо в машину заглянуть, зажигание барахлит.

Когда они вышли, в номере зазвонил телефон. Губский не любил говорить по телефону, вечно казалось, что кто-то подслушивает. Аппарат прозвонил трижды, умолк, затем зазвонил вновь, патриарх недовольно вздохнул и снял трубку.

Проходящая по аллеям парка, Мельник рядом с Гуровым чувствовал себя неуютно, даже пришибленно. И шатающиеся неподалеку фигуры охранников не успокаивали. Гоге почему-то казалось, что мент сейчас ударит, а парни не успеют, а может, побоятся вмешаться.

— Да не зыркайте по сторонам, я вас не трону, не мальчишка, — сказал Гуров раздражительно, подтолкнул Мельника к массивной, вырубленной из цельного соснового ствола скамье. — Присядем.

Гуров сел и достал сигареты. Мельник остался стоять, засунул руки в карманы и, оказавшись выше противника, обрел некоторую уверенность.

— Как вы это хозяйство захватили? Я ни в одном «хозу» концов не нашел. — Гуров прикуривал. — Ладно. Оставим светские беседы на потом, давайте о деле.

— У нас общих дел нет, Лев Иванович.

— Не ваяйте дурака, Мельник. Вы человек деловой, а я сюда тоже приехал не чай пить. Могу помочь вам утрясти отношения с Юдиным и подскажу двух, возможно, трех человек Губского, через которых вы сможете притупить резню в Рязани.

Мельник присвистнул и длинно сіпхнул, изображая блатного простака, произнес нараспев:

— Ты что же меня за фраера держишь, начальник? На такой туфте вербануть желаешь?

Гуров стяхнул пепел, пожал плечами и молча отвернулся. Гога понял, что взял неверный тон, быстро преобразился, подтянул животик, уселся рядом.

— Извини. Ты в розыске пушку получил, когда я еще в школу ходил. Вон как моих парней ловко скрутил, уважаю.

Мельник стрельнул хитрым взглядом. Гуров молчал, давая понять, что мол, пора кончать театр и переходить к делу.

— Ну хорошо. — Гога вздохнул. — Верно о вас говорят: Лев Иванович Гуров — человек гордый, умный, держится на дистанции...

«На дистанции, тут же отметил Гуров. Не его слова. Откуда? Неужели он уже на меня справку с компьютера снял? Видно, есть у них такой компьютер, точно есть. Значит, приехал не зря».

— Вы, полковник, нечестно сдаете. — Мельник решил уязвить Гурова. — Уже пять человек знают, что мы сейчас тут ляляем,

мне теперь всю жизнь не отмываться. Какой же вы опер, спрашивается?

— Я хочу встретиться со всеми, это во-первых. На ваш авторитет мне наплевать, это во-вторых. — Гуров аккуратно загасил сигарету, бросил в гипсовую урну. — Как здоровье Ирочки?

Мельник официально женат не был, но семью имел, двухлетняя Ирочка действительно температураила.

— Это еще к чему? Осведомленность показываете? — Мельник слотнул. — Угрожаете?

— Дурак, — равнодушно обронил Гуров. — Мне показывать тебе нечего, я и так много знаю. А здоровьем ребенка пугать? — Он неожиданно схватил Мельника за плечо, придавил. — А ну скажи своему дебилу, чтобы не топтался у меня за спиной! Живо!

Мельник неловко оглянулся, увидел Толика, который действительно стоял за деревом, метрах в пятнадцати, махнул рукой и крикнул:

— Ты что? Выйди на аллею и гуляй на виду!

Гуров оттолкнул Гогу, поднялся.

— Мы заинтересованы, чтобы ваши драки поутихли. Людям и без вас жить несладко. Скажи своим содельникам, что полковник Гуров хочет встретиться, имеет конкретное предложение. О дочке твоей сказал, потому что тебя обкладывают. Ну это отдельный разговор, и тебе за него отдельно заплатить придется.

Вставая со скамейки, Гуров оперся на плечо Мельника, удерживая того на месте, и направился было к главному корпусу, но Гога сорвался, догнал и преградил дорогу.

— Как это обкладывают? Кто?

Гуров поправил Мельнику галстук.

— Я хочу встретиться с твоей компанией. Ты меня представишь, побеседуем, а позже мы с тобой встретимся тет-а-тет.

— Берете за горло?

— Конечно.

Мельник держал полковника за рукав, не давал уйти, смотрел на телохранителей, которые топтались в стороне, и лихорадочно соображал. Верно, в последние дни за ним кто-то поглядывает, и телефон в квартире ему не нравится. Сыскарь прав, да и просит немного, пусть придет в номер Губского, поговорит. Что он здесь, все знают, и Мельник за него не в ответе.

Гуров терпеливо ждал, наблюдая, как мечется взгляд Мельника, подрагивает отвисшая губа.

— Нет. — Мельник взглянул твердо, губы подобрал в линию. — Коготок увяз, всей птичке пропасть. — Он отпустил рукав Гурова. — Может, ты и прав, что меня решили заменить. Так не впервой решили, и на сделку с вами я не пойду.

— Какая сделка? — удивился Гуров. — Я и не прошу ничего. — Он понял, что промахнулся, теперь пытался отступить с наименьшими потерями. — Я хотел пообедать в вашей компании, и только.

— Мы уже отобедали. А на такие приемчики я сам ловлю, так что со мной не проходит...

— Вольному — воля. — Гуров зашагал по аллее, ощущая на себе недобрый взгляд.

«Да-а, полковник, оказывается, руки у тебя сильнее головы, с охраной совладал, а с хозяином умылся. Казалось бы, и крючок упрятал надежно, и наживку насадил нужную, а не клюнул Мельник. Учтем ошибки, зайдем с другой стороны. Но Гуров прекрасно отдавал себе отчет, что занимается самообманом. Мельник — единственный из «авторитетов», с кем был возможен контакт. Теоретически можно было бы законтачить с Юдиным, но теперь, после неудачи с Гогой, встречаться с Юдиным бессмысленно.

Мельник проводил взглядом высокую фигуру полковника и жестом подозвал охранников. Степан и Толик тут же подлетели.

— Мент мне все рассказал. — Мельник оглядел охранников с ног до головы и сплюнул. — Теперь излагай ты. — Он ткнул Степана в грудь. — Хочу сравнить. Мать вапу, а еще считаете себя крутыми парнями.

Мельник еще после сообщения Степана о том, что гость выехать отказался, понял, что сыщик скрутил парней, на чем-то их поймал. Прием, который сейчас использовал Гога, каждому знаком со школьной скамьи, когда учительница, развивая в нас синдром доносительства, заявляла: «Стервец, я знаю, кто разбил окно, просто хочу выяснить, насколько ты искренен и предан школе?»

Увидев, что Степан с Толиком переглядываются, Мельник превратился в классного руководителя.

— Ну будет, парни, ну вмазались, давайте, как на духу, а потом вместе решим, как из этого дерьма выбираться.

Повачалу робко, но с каждой фразой все охотнее и даже с облегчением они выложили все. Признавшись, с гордостью продемонстрировали запасные пистолеты и поклялись, что выполнят любое задание мудрого и горячо любимого руководителя.

Покойнички, решил Мельник и пожалел себя глубоко и искренне. Теперь новых надо подбирать. А может, все и к лучшему? С полковником следует разобраться жестко, до самого конца, таких исполнителей найти непросто, а покойнички теперь пойдут на все.

— Вас бы надо было... Да! — рывкнул Мельник, выдержал паузу. — Раз уж по-честному, то прощай. — И по-отечески продолжил. — С каждым случается, не ошибается тот, кто ничего не делает. Ваши пушки следует отобрать, иначе сами понимаете...

— Георгий Акимович, пистолы уплыли, как же их вернуть? — пробормотал Степан.

— Закрой рот, муха залетит. — Мельник оглянулся. — Здесь они, туточки.

— Такая мысль была... — сказал Степан.

— Не найти, а он не скажет, — встрял Толик. — Может, его поймать и бить крепко? Но я таких знаю, не скажет.

— Если бить, не скажет, — согласился Мельник. — Но если ему, менту поганому, умереть побыстрее захочется, то скажет. Все говорят.

— Пытать? — Толик враз покрылся потом.

Мельник не ответил, поддернул спадающие с круглого животи-

ка брюки и направился в номер, выпить захотелось. «Что Бог ни делает, все к лучшему, — рассуждал он. — Сыщик прав, кто-то за мной начал охоту. А я жиром покрылся, рот раззявил. Эти жмурики сыщика в исповедальню доставят, и я узнаю, кто идет по моему следу».

В нескольких километрах от Москвы у Гоги имелся мыловаренный цех, в котельной которого работал глухой сифилитик-идиот. Мельник использовал его дважды и вспоминать об этом не любил. Когда последний раз, оглохший от звериных воплей, он, тяжелоопьянный, выбрался по осклизлым ступенькам котельной в нормальную жизнь, то поклялся больше туда не спускаться. Но сегодня, ощутив на себе твердый взгляд голубых глаз сыщика, Гога понял: мента следует уничтожить, а перед смертью узнать у него все, выскрести до донышка. А до него можно добраться только там, в стонущем и рычащем подвале, среди белого от огня железа и безумных от боли глаз.

Людмила Заслонова долго лежала в ванной, оглаживая любимое тело и строя планы, как отомстить вонючему хорьку Мельнику. Девушка была опытная и понимала, что никогда не отомстит, но человеку нравится мечтать, даже если он и не верит в возможность осуществления своих грез.

Выбравшись из ванной, девушка закуталась в огромное полотенце, взяла бутылку и стакан и уселась в гостиной. После нескольких глотков решила подговорить знакомых парней и хорька кастрировать. Она думала, чем лучше воспользоваться, — ножом или бритвой, когда зазвонил телефон. Авария отпила из стакана, сняла трубку и, придав лицу мечтательное выражение, сказала:

— Хэлло-о...

— Детка, попроси Георгия Акимовича. Скажи, срочно.

— Ты со своей девкой так разговаривай, — ответила Авария, но, поняв, что зарывается, мягко добавила: — Нету их... Что передать?

— Передать?.. Подожди...

Она слышала невнятные голоса, отчетливо прозвучало лишь несколько матерных слов.

— Алло! Здравствуйте, — произнес уже другой голос. — Я звоню по очень серьезному делу. Когда вернется Георгий Акимович?

— Может, сейчас, а может, ночью.

— Понятно. Тогда постарайтесь его найти и передать так, чтобы никто не слышал.

— Понимаю. — Авария сообразила, что разговор действительно серьезный, и почему-то закуталась в полотенце плотнее. — Говорите.

— У еврея в кармане больше золотого «лимона». Повторите.

— У еврея в кармане больше золотого «лимона», — повторила девушка, положила трубку и быстро начала одеваться.

Она уже собиралась выйти из номера, когда вспомнила, что надо поправить косметику, и вернулась в ванную.

Александр Сергеевич Романов, расхаживая по своей комнате в гараже, старался успокоиться и решал, как жить дальше.

Гуров не понравился ему сразу, еще утром, когда появился здесь с коньяком. Романов вспомнил, что первое впечатление о незваном госте было как о плейбое, родственнике высокопоставленного лица. Конечно, это была ошибка... «К черту! — прервал себя Романов. — Какое имеют значение тогдашние мышления? Сейчас ясно, что рядом оперативник, причем оперативник высокого класса. Он может мной заинтересоваться, даже наверняка заинтересуется, потому что я совершенно не вписываюсь в эту среду. И одно дело воровские «авторитеты», коммерсанты и воры, и совсем другое — профессионал-розыскник. С Гуровым надо решать срочно, иначе время будет упущено». Романов выпел из подсобки, открыл у своего «мерседеса» багажник и услышал, как скринула дверь.

— Здравствуйте, уважаемый Александр Сергеевич. Очень рад с вами познакомиться, — произнес слова пароля Юдин, переступая порог гаража. — Это я звонил и стгоряча слова забыл.

Романов оглядел ладную фигуру, непроизвольно отметил, что все вещи на госте фирменные, не подделка. Главное же, пароль был назван правильно, да и внешность гостя совпадала с имеющимися у Романова приметам.

— Здравствуйте, Борис Андреевич. — Романов подошел, пожал протянутую руку. — Все эти пароли — чушь собачья, но что делать, если мы живем в сумасшедшем мире.

— Родителей и время, в котором жить, не выбирают, — ответил Юдин, присаживаясь на станину подъемника так, чтобы видеть открытые двери. — Среди нас оказался лишний человек...

— Да, я в курсе. Ваши парни опростоволосились...

— Не мой, — перебил Юдин. — Гога вечно торопится, не люблю работать с людьми, имеющими комплекс неполноценности.

— У всех комплекс, у кого-то просто он сильнее.

— Так кто он и зачем приехал? — спросил Юдин. — Как вы думаете?

— Я лишь технарь.

— Не скромничайте, Александр Сергеевич. Я знаю о вас немного, но достаточно, чтобы понять — вы человек многоопытный. А мне нужен дельный совет.

— Гуров Лев Иванович, сыщик, среди своих пользуется большим авторитетом. А подробности вы можете узнать.

— Мельник куда не звонил, не наводил справки?

— Из номера и от администратора не звонил. В холле есть еще один аппарат, я его не слышу, не хватает техники. Но думаю, не звонил.

— Вечно у нас чего-то не хватает. — Юдин недовольно поморщился. — Как вы считаете, зачем прибыл сыщик? Судя по всему, он фигура настолько крупная, что и не пытается скрывать свою личность. Так нагло вломился и в анкету, которую никто не проверяет, написал, что из Конторы. Зачем?

— Возможно, никакой опасности и нет, — неуверенно произнес Романов. — Кризис. На окраинах империи непрерывно стреляют, власти хотят мира, даже с вами.

— А с вами? — вспыхнул Юдин.

— Не ловите на слове, Борис Андреевич. У вас тоже комплексы? Гуров наверняка хочет встретиться с вами, я имею в виду всех четверых. Пригласите его к себе и выслушайте. Правду в полном объеме он не скажет, но часть правды узнаете. И не вздумайте его трогать, не сходите с ума.

— Эти вопросы решаю не я. — Юдин соскочил с рамы подъемника, отряхнул брюки, неторопливо направился к дверям.

Романов догнал его, преградил дорогу.

— Если вы тронете сыщика, я сворачиваю технику и уезжаю. Ваш Мельник — дебил...

— Глупости, — перебил Юдин. — Гога руководит нашей контрразведкой, хитрости и осторожности ему не занимать.

— Я тоже считаю Гурова крайне опасным, но ликвидировать его здесь просто безумие. Полковник выполняет специальное задание. Если он исчезнет, мы все окажемся под колпаком.

— А если он сначала уедет и лишь потом исчезнет? — Юдин улыбнулся, подмигнул Романову и пошел к выходу. — Я не вмешиваюсь в работу Мельника, — добавил, обернувшись. — Ежели хотите, поговорите с ним сами.

— Он не станет со мной разговаривать.

— Конечно, не станет, — согласился Юдин и вышел.

«Что хотел, я узнал, — рассуждал Юдин, шагая по аллее. — Хотя ничего нового спец мне не сообщил. Полковник хочет установить с нами контакт, и из этой зоны он должен уехать здоровым. Спец из гаража чистодел, как его и рекомендовали. Хорош он только в своей специальности».

Романов проводил гостя, задержался на пороге гаража. Почему Юдин интересовался только разговорами Мельника? Много звонили девицы, обыкновенный женский треп. С кем-то пытался соединиться Кац, но абонент не ответил. Один раз звонили Губскому, разговор велся по-русски, но мало понятно. Старик явно всполошился, надо прокрутить запись еще раз.

Романов вернулся в комнату, раздвинул встроенный шкаф, включил лежавший на полке магнитофон, почувствовал, что за его спиной кто-то стоит, сделал шаг в сторону. Мощная рука обвила горло, ударила под челюсть, только зубы лягнули, вторая рука скользнула под пиджак, выхватила пистолет. Романов понял — сопротивляться бесполезно, хотел поднять руки, но его швырнули в сторону, он упал на диван, перевернулся и увидел полковника Гурова. Сыщик сунул пистолет в карман, провел пальцами по клавишам магнитофона и спросил:

— Музыку любите? Бардов, наверное? Или классику? Давайте послушаем вместе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Людмила Заслонова по кличке Авария лежала в центре гостиной, лицом прижимаясь к коврику, широко раскинув руки. Ее длинные светлые волосы намокли в крови и казались черными. Чуть ниже правого уха тонкой струйкой текла кровь.

— Темпераментная девка была. Тайфун, — сказал Мельник,

обходя труп и косясь на Юдина и Каца, которые застыли в дверях номера.

Вечерело, в номере становилось темно. Кац прислонился к притолоке, Юдин втянул его в номер, захлопнул дверь. Мельник опустился в кресло, не сводя взгляда с мертвой девушки, пошарил рукой по столу, нашел сигареты и зажигалку, закурил.

— Я пойду, — пробормотал Кац, хотел открыть дверь, ткнулся в твердую руку Юдина.

— Присядем, — сказал Юдин, вновь подтолкнул Каца, сам сел у бара.

— Кац, дверь запри. — Мельник облизнул и без того мокрые губы. — Еще не хватает...

Перед тем как обнаружить труп, они втроем около часа беседовали и ссорились, сидя в номере Юдина. Кое-как договорившись, отправились к Губскому. Когда шли по коридору, Мельник заметил, что дверь его номера приоткрыта, заглянул... Теперь, глядя на труп, решали, что делать, как выпутываться.

— Интересно, кто и зачем?... — Мельник загасил сигарету о полированную крышку стола. — Девка-то здесь при чем? — Он опустился на колени, приблизился ползком к телу, тронул руку. — Теплая.

— Ладно, подбери сопли, — сказал Юдин. — Что, покойников не видел? И что значит «теплая»? Надо точно знать, когда убили.

— А у нас тут сыщик имеется. — Мельник криво улыбнулся. — Может, позвать? — Он вскочил, начал расхаживать по номеру. — Мы были вместе. Старик вроде бы спал. На этаже еще мент и твоя девка. — Мельник взглянул на Юдина. — Как ее?.. Кстати, где она?

— Гуляет.

— Одна? Чего это она одна гуляет?

— Брось. Не говори ерунды. — Юдин вздохнул. — Ну причем тут Нинель? Ты же видишь, девчонке распорол горло. Ясно, убил мужчина, который носит при себе нож.

— Извините, но мне кажется, что мы не тем занимаемся. — произнес тихо Кац. — Нам сейчас не преступника искать надо, а думать, как это дело замять, обойтись без прокуратуры и милиции. Если наш сосед узнает, он немедленно позвонит, понаедут товарищи. Возникнут нежелательные вопросы, на которые нам придется искать ответы.

— Ну что ты занудил? — вскинулся Мельник. — Мы и без твоей еврейской мудрости видим, что в дерьме. Что ты предлагаешь?

Кац печально вздохнул и отвернулся.

— Анатолий Самойлович прав, главное, чтобы об этом не пронюхал полковник, — сказал Юдин. — А тело надо отсюда потихому убрать. Гога, зови своих парней, пусть завернут и в машину.

Зазвонил телефон, и сразу же раздался стук в дверь.

— Гога, сними трубку. — Юдин пошел к дверям, хотел было предупредить Мельника, чтобы не болтал по телефону лишнего,

но промолчал, повернул ключ, чуть приоткрыл дверь и выскользнул в коридор.

— Извини, Борис. — Нина невольно отступила под напором агрессивно вышедшего из номера Юдина. — Ты Людмилу не видел?

— Нет. — Юдин откашлялся. — Понимаешь, Нинель, уик-энд, видимо, не получится, тебе лучше вернуться в Москву.

— Как скажешь. — Нина дернула плечиком, улыбнулась. — Я тебя, Борис, уважаю. Но я не девчонка, и давай по-хорошему. Ты мне больше не звони, угрожать мне не надо. Договорились?

— Добрый вечер, дамы и господа. Добрый вечер! — Гуров подходил, широко раскинув руки, словно собирался заключить их в объятия. — Давайте без церемоний, иначе мы здесь подохнем со скуки. — Он щелкнул каблуками, поклонился, взглянул на девушку. — Гуров Лев Иванович.

— Нина. — Девушка протянула руку и оглядела Гурова. — А вы интересный мужик, Лев Иванович. Моего джинсового кавалера зовут Борис Андреевич. Он сию минуту дал мне развод.

— Очень приятно, — сказал Гуров, пожимая руку Юдину.

— Что приятного? Развод? — улыбнулся Юдин. — Лев Иванович, будьте рыцарем, займите даму, я через час освобожусь, выпьем, поговорим о жизни. Договорились?

— Не знаю, не знаю, обещать не могу, — разыгрывая ловеласа, ответил Гуров, непроизвольно отметив, что Юдин застыл у двери и явно нервничает. — А Георгий Акимович у себя? — Он постучал в номер.

Юдин чуть было не толкнул полковника, выручила Нина, которая уверенно взяла Гурова под руку и сказала:

— Вы в каком номере? Выпьем по рюмке и пойдем гулять.

— Давайте, — кивнул Гуров, переводя взгляд на Юдина, на дверь и вновь на Юдина. — С большим удовольствием.

«Юдин не пустит меня в номер Мельника, костыми ляжет, не даст войти. Интересно, почему? Какой криминал скрывается за белой лакированной дверью?» — рассуждал Гуров, заглядывая в глаза Юдину в поисках ответа.

— Нинель, считай, я ничего не говорил. — Юдин с трудом отвел глаза от Гурова, посмотрел на девушку. — Вскружи голову этому супермену и возвращайся. О'кей?

— Ну, голова у меня не из слабых, — пошутил Гуров, положил руку на плечо Юдину, почувствовал, как тот напряжен.

Вышел из своего номера Губский. Он был великолепен! В строгой темной тройке, по жилетке золотая цепь, белая рубашка, на жилистой шее маленькая голова с орлиным носом, гвардейская статья, в костлявой руке массивная трость с костяным набалдашником. Патриарх шагал по коридору, не замечая стоявших на его пути людей, уверенный, что дорогу уступят. И действительно, Юдин прижался к одной стене, Нина шагнула к противоположной, лишь Гуров остался на месте и радостно воскликнул:

— Эдуард Федорович, какими судьбами?

Ноги Губского остановились, а тело по инерции двигалось вперед; казалось, он сейчас упадет, но палка впиалась в ковер

и спасла положение. Патриарх поднял лохматую бровь, впился взглядом в лицо сыщика. Мгновенно понял, что парень из «конторы», но кто именно и при каких обстоятельствах встречался на его длинном жизненном пути, вспомнить не мог.

— Как здоровье? — осведомился Гуров и бестактно поинтересовался: — Давно от хозяина?

Пергаментные щеки Губского подернулись гневным румянцем, лохматая бровь поднялась выше, пальцы сильнее сжали костяной набалдашник, трость поднялась в воздух.

— Эдуард Федорович, остановитесь! — рассмеялся Гуров и отступил, увлекая за собой Нину. — В вашем возрасте сесть за хулиганку — пошло.

Сыщик обнял Нину за плечи.

— Виски, коньяк? — Он открыл дверь своего номера, пропустил девушку вперед. — Нина, вам не кажется, что воры однообразны и утомительны?

Гуров зажег свет, указал девушке на кресло, подвинул журнальный столик с сигаретами, зажигалкой и пепельницей, направился к бару. Нина следила за сыщиком с нескрываемым любопытством. Она заметила седину, жесткость в глазах, поняла, что новый знакомый не так уж и молод. Интересно, кто он такой? Уверенный, легкий и точный в движениях. Может, бывший спортсмен?

— Так как вы не решили, что будете пить, я налил вам коньяку. — Гуров поставил перед Ниной бокал. — За нечаянное знакомство!

Нина взяла тонкими пальцами бокал, молчала, решая, в каком тоне вести разговор и стоит ли его начинать. Гуров чувствовал, что девушка на перепутье, может встать и уйти, необходимо было как-то ее заинтересовать. Девушка, обслуживающая по вызову, тем более приглашенная Юдиным, человеком осторожным, не может знать ничего для сыщика интересного. Однако он придерживался правила приобретать союзников где только возможно, особенно среди людей, входящих в лагерь противника.

— Если не знаешь, что сказать, молчи, — сказал Гуров, садясь в кресло напротив. — Я впервые здесь. Вам нравится?

Нина дернула плечиком, пригубила коньяк, помедлила и выпила до дна.

— Гадость. Ты сказал, воры однообразны. А сам не воруешь? Живешь на заработанные?

Гуров на мгновение отключился — думал, что скрывалось в номере Мельника, — и вопроса девушки не услышал.

— А вы всегда такая красивая или лишь по вторникам? Извините. — Он резко поднялся, прошел в спальню.

Нина проводила его взглядом. Станный мужик, чужой, словно иностранец, хотя и русский. Тренькнул стоявший на телевизоре телефон. Нина поняла, что Гуров куда-то звонит, хотела подняться и взять трубку, но не шелохнулась. Она кое-что повидала на своем веку и убедилась: чем меньше знаешь, тем спокойней живешь. Гуров вернулся в гостиную, наполнил рюмку девушки. Нина, как всякая женщина, чувствовала, нравится она или нет, но сейчас понять ничего не могла.

— Нет, ребята, все не так, все не так, как надо! — сказал неожиданно Гуров, взял свою рюмку, кивнул, поднес к губам, но не выпил. — И когда это кончится?

Нина понимала, что вопрос не к ней и ответа не требуется. Ее начало раздражать, что мужчина не обращает на нее внимания, думает о своем.

— Ты не пьешь, не любишь женщин. Ты, часом, не голубой? — спросила Нина, встретила взглядом с Гуровым, увидела в его глазах злость и одновременно беспомощность.

— Знаете, Нина, последние годы, длинные годы, десятилетия, я живу ради завтрашнего дня. Вот сегодня, сейчас я решу какой-то вопрос, поступлю правильно, сделаю, что надо, а завтра начну жить для себя, как хочу, ни в чем себе не отказывая. Такое впечатление, что я гоняюсь за собственной тенью, которая скользит у меня под ногами. Остался последний шаг, я переступлю через тень и выйду на свет. И тогда... — Он рассмеялся, понюхал бокал и отставил. — Вот выпить хочется.

— Так выпейте, — улыбнулась Нина и выпила. — Нету никакого завтра, есть только сегодня.

— Я давно это понял, играю сам с собой, обманываю. Как сказал кто-то из классиков, я обыкновенная кляча, которая тянет свой возок и бредит просторами аравийских пустынь.

— Ты здоровый, красивый мужик. — Нина увидела, что ее бокал пуст, взяла бокал Гурова и выпила. — Хочешь, чтобы я тебя пожалела? Кто, кроме русского интеллигента, начнет исповедоваться перед проституткой?

Гуров схватил Нину за руку, выдернул из кресла, подхватил на руки, сказал так, что у нее перехватило дыхание, закружил, резко поставил на ноги.

— Я вам отомщу, Нина. Я вам подарю роскошные цветы. Вы вспомните свои слова, и вам будет очень стыдно. А я не прощу вас!

Гуров вздернул подбородок и застыл в театральной позе.

— Позер!

— Но у меня есть и другие недостатки. — Гуров взглянул на часы. — Вы предложили программу: выпить и отправиться гулять. Мы выпили, пошли в парк?

Быстро темнело, небо хмурилось, тяжелело, деревья стали черными, казались недружелюбными.

Гуров взял Нину под руку, обошел здание, поглядывая на окна второго этажа.

— У нас ведь два окна в гостиной и одно в спальне? — спросил Гуров. — Посчитаем... Свет только в окнах Гоги Мельника. Там сейчас полное собрание сочинений. Интересно, где ваша подруга?

Он болтал, прикидывал, как легче забраться на второй этаж и заглянуть в окно.

— Людка? — Нина пожала плечами. — Мы с ней днем полаялись. — Она замолчала, бросила на Гурова быстрый взгляд и продолжила: — Поругались, значит. Авария сильно выпила.

— Понятно, понятно. — Гуров явно не слушал, снял пиджак, накинул Нине на плечи. — Извините за вульгаризм, но побудьте на шухере. Я быстро.

И он действительно очень быстро перемахнул через газон и начал ловко подниматься по стене. Его широкую, мускулистую спину обхватывал кожаный ремень, под мышкой торчала рукоятка пистолета. Над окнами первого этажа был узкий бордюр. Гуров легко забрался на него, двинулся вдоль, прижимаясь грудью к стене и широко раскинув руки. Через несколько секунд он уже был около освещенного окна, заглянул в него и тут же, круто развернувшись, прыгнул вниз. Приземлившись на ноги, он ткнулся руками в газон и, приседая, побежал в сторону.

Не отдавая себе отчета, Нина быстро сдернула с плеч мужской пиджак, перекинула, словно плащ, через руку и, не глядя на окна, опустив голову, спокойно пошла вдоль здания. Боковым зрением Нина успела увидеть, что в окне появилась высокая мужская фигура. Гуров, отряхивая ладони, ждал около клумбы. Он взял пиджак и заговорил, словно ничего не произошло.

— Выпить хочется, просто сил нет.— Он поцеловал Нину в щеку.— А вы просто прелесть.

За недолгую, но бурную жизнь Нина слышала разное, бывало и приятное, но «прелестью» ее называла только мама.

Губский поднял голову и увидел в окне парня, который только что нагличал в коридоре. Патриарх прикрыл глаза, словно отгоняя наваждение, а когда открыл, то в окне никого не было. Он шагнул к подоконнику, глянул вниз — никого, лишь девка какая-то прогуливается по аллее. Мерещится, подумал Губский и повернулся к окну спиной.

— Кто и за что девку порезал, вам виднее.— Он оперся на трость, оглядел присутствующих.— Сопляки и есть сопляки, гонору на целковый, а ума — на грош. На сходку бабу притащить — в черепке не умещается. Так убирайте, что мы, жмуриков не видали?

Кац сидел на стуле, положив ладони на колени и прикрыв глаза, размышлял о своей несчастной судьбе и прикидывал, могут ли неразумные люди обвинить еврея в этом кровавом деле.

Юдин пытался осмыслить ситуацию. Почему убили и кому это было выгодно? Естественно, он не помышлял о возмездии, а думал о безопасности. Девчонку привез Гога, вот пусть у него и болит голова, кто и почему ее зарезал.

Мельник мучился над тем же вопросом. Авария была девка темпераментная и конфликтная, иначе бы не получила свою кличку. Но все же она мелочевка, и никто из ее окружения не знал об этом доме отдыха, а уж тем более не мог незаметно сюда проникнуть. Ясно, девчонку убили не за прошлые грехи, а за какие-то дела именно здесь, на месте. Что-то она увидела, что видеть ей было не положено.

Он посмотрел на Каца. Не он. Ударили ножом, а еврей, кроме столового, другого в жизни в руках не держал. Борис Юдин — мужик жилистый, такой удар мог бы нанести запросто. Но не тот человек, на «мокрое» никогда не пойдет, да и ножа не носит. Старикан? Мельник взглянул на Губского, который, сидя в глубо-

ком кресле, вытянул длинные худые ноги и, отрекшись от мирской суеты, пил коньяк. Положение у него сегодня другое, не к лицу размахивать ножом. На этаже еще одна девка есть, Юдина, но отпадает сразу. А мент — он и есть мент, какой бы поганый ни был, а ножа у него нет, это уж точно. Обслуга в доме старая, проверенная...

Размышления Мельника прервал тихий голос Анатолия Самойловича Каца:

— Я понимаю, что меня сейчас обвинят в трусости, тем не менее я выскажусь. Событие произошло прискорбное, наши взаимоотношения, которые и так нельзя назвать хорошими, теперь усугубятся взаимными подозрениями. Свое пребывание здесь я считаю бессмысленным, надеюсь, меня в убийстве никто не подозревает, потому хотел бы уехать, не мешкая.

— Никуда ты не поедешь, — ответил Мельник. — Мы не в суде, чтобы подозревать, обвинять, защищать. Я прикинул, думаю, девку зарезал человек посторонний, который к нам лез, а она его случайно застучала.

— Кто посмел? — Губский выпрямился, посмотрел грозно. — Я не верю!

— И не надо. — Юдин махнул рукой. — Не будем изображать сановных лиц, к которым, словно к членам политбюро, никто и приблизиться не смеет. Георгий Акимович, видимо, прав, кому-то мы интересны. Человек пробрался, может, хотел разведать...

— Аппаратуру поставить! — перебил Мельник и вскочил. — Точно! Хотели поставить аппаратуру прослушивания. А Людка вошла в это время... — Он схватил телефон, начал его трясти и дуть в трубку.

— Собирались поставить или уже поставили, — рассудительно произнес Кац. — Ясно, что наша встреча сорвана, продолжать ее бессмысленно, и я настаиваю...

— Да заткнись ты! — крикнул Мельник. — Я сказал, ты будешь сидеть здесь, и конечно! Я, Самойлович, тебя коммерции не учу, и ты в мои дела не встревай, если не хочешь рядом устроиться. — И он указал на труп. — Давайте так. Вы расходитесь по номерам. На улицу не выходить, а я остаюсь, прикажу, чтобы все убрали.

Мельник взглянул на часы:

— Двадцать тридцать. В двадцать два собираемся здесь снова. — Он взглянул на труп и поежился. — Нет, я перееду отсюда, встретимся у Юдина.

Кац и Юдин вышли молча, а Губский привстал на пороге, поклонился покойнице, осенил ее широким крестом и сказал:

— Вели мне ужин подать.

Охранники унесли тело. Администратор, не задавая вопросов, переселил Мельника в другой номер, ковер сняли, отнесли в кладовку, завтра отправят в чистку. Все заняло не более получаса, после чего Гога остался один.

Так все-таки кто и за что убил девку? — снова спросил себя Гога, подошел к двери, хотел запереть, но не успел: дверь без стука распахнулась. Мельник отступил, увидел полковника Гурова и облегченно вздохнул.

— Георгий Акимович, признавайтесь, приятно неожиданно увидеть милиционера.— Гуров вошел, оглядел номер, зашел в спальню.— Или, как вы выражаетесь, мента?

Сыщик на хозяина внимания не обращал, занимался делом: проверял запоры на окнах. Наблюдая за незванным гостем, Гога неожиданно понял то, о чем должен был догадаться сразу же, как только увидел труп любовницы. Убийца пришел по его душу, душу Георгия Акимовича Мельника, а натолкнулся на девушку.

— Не может быть,— тонким голосом произнес Мельник.

— Очень даже... может,— бесстрастно ответил Гуров, прижавшая на место один из пингалетов.— Я вас уже днем предупредил. А вы вместо благодарности хамили и, кажется, подумывали, как от меня избавиться.

Гога уже взял себя в руки — трусом он никогда не был,— запер дверь, подошел к бару.

— Что будем пить?

— Без алкоголя, что и вам советую.

Мельник открыл банку сока, разлил по бокалам.

О том, что в номере Мельника совершено убийство, Гуров подумал сразу, как только увидел стоявшего у двери Юдина. Почему может нервничать серьезный человек, да так, что готов оттолкнуть сотрудника милиции, но не дать ему переступить порог? Что еще могло быть за дверью, кроме трупа? Забавляются с девочками? Чушь. Разложили на столе валюту и золото? Как разложили, так и убрали, а не мандражировали бы у дверей. Значит, в номере находится нечто, чего не должен видеть представитель власти и что быстро убрать нельзя. Применив силу, Гуров мог бы войти и выяснить все. Но, во-первых, можно ошибиться и напрасно испортить отношения с Юдиным, на которого у сыщика были иные планы. Во-вторых, если сотрудник милиции обнаружит труп, то обязан следовать закону и принимать меры; тогда специальное задание полковника Гурова летит к чертовой матери. И он не удержался, заглянул в номер через окно. Однако еще по дороге к нему, на стене, увидел, что он не первый двигается столь необычным путем. Судя по оставленным следам, предшественник был в обуви на рифленной, узорчатой подошве и помогал себе острым крючком.

Ясно, не удалась одна попытка, предпримут другую. Только живой Мельник способен помочь в выполнении задуманного, и вот сыщик здесь и готов охранять руководителя банды от бандитов.

— Конечно, можно вас упрятать в одиночную камеру и оградить таким образом,— задумчиво произнес Гуров, отпивая сок.— Но прокуратура нынче строга, больше семидесяти двух часов вас никто держать не будет. А ведь трое суток очень мало... Вы, думаю, хотите жить дольше.

Мельник не ответил, смотрел на улыбающегося сыщика с неприязнью. Гуров устроился в кресле удобнее, вытянул ноги, взял бокал с соком, вспомнил, что не видел, как Мельник открывал банку, и пить не стал: береженого бог бережет.

— Я решил, пугаешь, на пушку берешь,— сказал наконец Мельник.— Ты что же, меня охранять собрался? Может, сделаем

проще, ты мне скажешь, кто за мной охотится, и я сам уберегусь?

— Не убережешься.— Гуров закурил.— Твои парни увезли покойницу, ты остался один.

— Я могу уехать,— быстро сказал Мельник.— Мы можем все вместе сесть в одну машину и уехать.

— Вряд ли,— вздохнул Гуров.

— Почему?

— А я не пушу, здесь человека убили. К утру, полагаю, придет прокуратура. И все должны оставаться на местах до ее прибытия.

Мельник налил себе виски, гостю не предложил, понимая, что тот пить не станет.

«Кто же за мной охотится?» — думал Гога и вспоминал последние схватки, «разборки», операции. Опасен и непредсказуем люберецкий беспредел. Но они могут кого угодно замочить в драке, не признают никаких законов и авторитетов, только не станут выслеживать и преследовать. Да и Гога Мельник им поперек горла не стоит. Значит, здесь они ни при чем. В последней разборке с Ростовом был припит их «пахан». Но Гога считает, что его в суматохе пришли свои же...

Гуров прочитал о Мельнике десятки донесений и справок, видел множество фотографий и кинокадров, но живым имел счастье наблюдать впервые. Днем сыщик к Гоге особенно не приглядывался, не было времени, сейчас же его оказалось предостаточно. Вот такой у меня противник, рассуждал Гуров, изучая пуговицу на жилетке Мельника, не поднимая глаз, чтобы не встречаться взглядом и не выдать своей неприязни. Необходимо найти в этом типе нечто человеческое, обыкновенное и понятное, тогда станет легче. Теоретически в каждом субъекте есть что-то хорошее, уговаривал себя Гуров, пытаюсь вспомнить, что из прочитанного о Георгии Акимовиче Мельнике может ему помочь, но вспоминалось лишь мерзостное. Мы сами виноваты, думал Гуров, расспрашивая о человеке, ищем в нем только дерьмо, нам его и выдают в полной мере. Ведь у него же есть или были папа, мама, чем-то он увлекался. Стоп. Я же знаю, что у него есть дочка, которую он любит. А мать девочки? Может, он вообще любит детей?

— Вы, кажется, хотели встретиться с моими товарищами,— сказал Мельник, поперхнувшись на последнем слове.

Гуров невольно поднял взгляд. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Товарищами,— повторил Гуров.— А действительно, Георгий Акимович, кем являются для вас эти люди? Партнерами, содельниками?

— Друзьями-неприятелями,— ответил Гога.

— Ну какой же Кац неприятель? — удивился Гуров.— Помоему, Анатолий Самойлович очень полезный для вас человек. Спокойный, умный, богатый...

— И жадный,— добавил Гога.

— Конечно. Если бы не был жадный, не был бы и богатый.

— Вы что? Приехали для социологического исследования?

— Я приехал, чтобы встретиться с Георгием Акимовичем

Мельником. Честно сказать, ваши товарищи меня не интересуют.

Гога посмотрел удивленно, и не потому, что оперативник интересовался его личностью, а потому, что признался в этом.

— Я так днем и понял. — Мельник вытер мокрые губы. — Ничего нового менты не придумали. Подбросили где-то на меня компру, натравили ребятшек, а теперь вроде бы берут под защиту. — Он рассмеялся. — Хотите сделать из меня сексота? Не получится. И не потому, что я честный и шибко принципиальный. А потому, что умный, и сделка для меня невыгодная.

Мельник забегал по номеру, говорил, все больше распаясь.

— Я тебе могу предложить миллион. А что ты мне можешь предложить? Азефу платили золотом и давали открытый паспорт. И он жил в Париже. Мне от вас не надо золота, у меня его больше, чем у всех вас, вместе взятых. Выпустите меня в Париж, а я отдам вам всю капеллу.

А ведь действительно, подумал Гуров, он из-за условного срока невыездной. На кой черт он нам нужен? Сообщить Интерполу, переправить в Европу, забрать у него списки боевиков... Размечтался, урезонил себя сыщик, стоит о таком варианте заикнуться, как об этом узнают десятки людей. Меня разотрут по ковру, а его зарежут.

— Не можешь! — Мельник плеснул в бокал виски. — Ты, полковник, хороший сыщик, но на самом деле ничего не можешь! Ну что молчишь?

— Возразить нечего. Вы все правильно сказали.

— Конечно, правильно. — Мельник понимал, что пить не следует, однако выпил.

Гуров потянулся в кресле, довольно зевнул. И откуда ты знаешь, что я полковник и хороший сыщик? Ты и узнал о моем существовании лишь несколько часов назад. Значит, у кого-то спросил, мол, кто такой Гуров Лев Иванович. И тебе ответили, причем сразу же. Из номера ты не звонил, так откуда? Может, в машине есть телефон? Что же это я не взглянул, есть ли там аппарат, когда прятал пистолеты. Накладка, но важно другое, если он действительно навел обо мне справки, значит, у него имеется компьютер с банком данных. А это, значит, не слухи, не агентурный бред, значит, такая картотека у Мельника имеется, и я прибыл сюда не напрасно. Поздравляю вас, полковник и хороший сыщик, вам остался суций пустяк: выяснить, где находится компьютер, и суметь его обезвредить.

Гуров резко поднялся.

— Есть конкретное предложение.

— Какое?

— Выпить кофе, Георгий Акимович. Не мечтать о золоте Азефа, наплевать на Париж с Эйфелевой башни и решить, как нам жить дальше.

Труп Людмилы Заслоновой завернули в плащ и уложили в багажник. Сначала хотели усадить в салоне, но тело заваливалось и могло привлечь внимание гаишников, а сесть рядом,

обнять «даму» и изображать любовь ни один из охранников не захотел.

Степан вел «Волгу» осторожно, словно вез не коченеющий труп, а хрусталь перевозил. Мельник, провожая, приказал избавиться от тела и быстро вернуться. Известно, отдавать команды легче, чем их выполнять. Когда у тебя на руках покойник, то окружающий мир видится несколько иначе. Взять хотя бы загородное шоссе в будний день около девяти вечера. Прошелестит одинокий «жигуленок», фыркнет кособокий автобус — и никого, и тишина. Все так, но если ты вдруг остановился на обочине и присел по нужде, в тот же миг откуда-то фары засверкают, освещая обочину и тебя на ней. Коли ты действительно по малой нужде, то отвернулся и стерпел. А если тебе труп из багажника надо вытащить, через кювет его переправить и хотя бы метров на тридцать отволочь?

Степан и Толик отъехали от резиденции километров на пятнадцать, не встретив ни одной проселочной дороги. Еще немного, и пост ГАИ. На шоссе тихо, подслеповато, охранники машину остановили, вышли, оглянулись — никого. Только багажник открыли, будто черт команду дал — все изменилось. За поворотом загрохотал грузовик, которого здесь вообще не должно оказаться — въезд запрещен; какая-то иномарка ударила фарами и покатила ослепляя; фонари, которые только что еле тлели, открыли свои поганые глазищи, и уже не тихая шоссейка, а прямо-таки взлетно-посадочная полоса в Шереметьево-2.

Охранники матюгнулись и юркнули в «Волгу».

Инспектор ГАИ лейтенант Петр Шмаров, сидя в патрульных «Жигулях», подозрительно разглядывал бутерброд с колбасой. Решал проблему: съесть сейчас, попозже или вообще не рисковать. Когда лейтенант делал этот бутерброд днем, то колбаса походила на колбасу и даже нормально пахла. Сейчас же, извлеченная из кармана плаща, она промочила хлеб, распозлзлась по газете, и пахла как-то иначе, на съедобный продукт походила мало.

Дремавший на заднем сиденье сержант открыл глаза, глянул из-за плеча лейтенанта и оценил ситуацию.

— Положь, старшой, пусть проветрится. Я в багажнике пару пива припрятал, охладим за милую душу.

Инспектор хотел спросить, где напарник добыл пиво, но не успел, заработала рация.

— Второй, второй, я первый! Как слышите?

Лейтенант отложил бутерброд, щелкнул тумблером.

— Василий Степанович, слышу хорошо.

— Второй! Мать твою! Как отвечаешь? — динамик хрюкнул возмущенно и неожиданно заговорил человеческим голосом: — Петр, это Каюмов. Давай, соберись, парень. С пятьдесят шестого километра сейчас в Москву пойдет ГАЗ 24-10, черная, госзнак ММЛ 16-84. В «Волге» двое мужчин, оба вооружены. Как понял?

— Понял, — лейтенант откашлялся и повторил: — Первый, я вас понял!

— Чего ты понял? — динамик вздохнул. — Значит, «Волгу» пропусти на Москву, держи дистанцию, убери фары, и, пока на двадцать восьмом ее светофор не остановит, не приближайся.

— А если они на тридцать седьмом на проселочную свернут?

— Мы сейчас туда подошлем! Как увидишь объект, сообщи.

Лейтенант включил зажигание, движок, как обычно, троил. Лейтенант нажал на газ, мотор заработал нормально.

— Чего делать-то, чего делать? — забормотал сержант.

— Чего делать! — передразнил инспектор. — Готовься стать героем.

— Или покойником. — Дрожащими пальцами сержант пытался расстегнуть кобуру и достать оружие. — Я и стрелял-то два раза в жизни.

— Стрелять не положено. — Лейтенант вглядывался в убегающую темень шоссе. — Нам разрешают только отстреливаться.

— Петр... Петр... — заговорил динамик. — Ты их видишь?

— Ни черта не вижу, — ответил лейтенант, и в этот момент вдалеке мазнул слабый свет фар, через несколько секунд стало ясно, что приближается «Волга».

— Разуй глаза, номер смотри. — Лейтенант чуть продвинул «Жигуленок», выехал с обочины на шоссе.

— Чего делать? — вновь повторил сержант.

— Заткнись, на номер гляди!

«Волга» ехала медленно, не больше шестидесяти, и лейтенант понял, что это та самая, которую они и ждут.

— Они дрейфят, смотри, как ползут, — сказал лейтенант.

— Так ты скажи, скажи. — Сержант схватил инспектора за плечо и указал на рацию, которая, будто услышала, ожила:

— Петр, что у тебя?

Черная «Волга» проехала мимо патрульной машины, лейтенант рассмотрел номер и сообщил:

— Она! Ползет на Москву.

— Не лезь, помни, что я тебе приказал, держись подальше.

Преступники проехали мимо милинцевских «Жигулей».

— Пронесло, — сказал Толик.

— Дурак. Чего они тут делают? Пьяных ловят? Тогда чего они нас не проверили? — Степан, не отрываясь, смотрел в зеркало заднего вида. — Они двинули за нами. Впереди пост. И чего мы на Москву поперли?

Степан крутанул направо, резко развернулся и, не торопясь, двинулся навстречу патрульной машине, метров за тридцать свернул на встречную полосу. «Жигуленок», избегая столкновения, вильнул и съехал правым колесом в кювет.

— На нас напали! — крикнул лейтенант и выскочил из машины.

Инспектор ГАИ все сделал правильно, кроме одного — забыл переключить тумблер, и его никто не услышал.

Степан нажал на газ и начал уходить от Москвы, через несколько минут остановился. Теперь было не до оглядки. Главное — выкинуть труп. И тут преступникам повезло, в нескольких метрах зияла неизвестно зачем выкопанная, заполненная водой яма. Туда и сбросили Аварию.

Сержант, оскальзываясь, выталкивал «жигуленок» на асфальт, наконец справился, залез в салон. Лейтенант дал газу, рванулся в погоню, и, только когда динамик ожил, инспектор понял, что рация все время была включена на прием.

— Петр, что молчишь? Где твоя «Волга»? Мы ее не видим!

— Объект развернулся в обратную сторону. Они столкнули нас в кювет. Мы выбрались и начали преследование, сообщите по трассе.

Неизвестно, что именно сообщили по трассе, так как эфир забил такой мат, что даже искушенные сотрудники ГАИ на время оглохли и ничего не могли понять.

Узкую бетонку, которая вела от шоссе к бесхозному дому отдыха, трудно было разглядеть и ясным днем. Дорога так и строилась, на ней нечего делать непосвященным. Степан повернул вовремя, «Волга» нырнула в густую листву, а минутой позже по шоссе прошелестели патрульные «Жигули», перед которыми простиралась Московская область, за ней громоздилась Россия и далее необъятный и нерушимый Союз суверенных республик.

Степан и Толик, выпив по стакану отличного коньяка, мыли «Волгу», механик Романов менял на ней номера, благо запасные имелись на всякий случай, техпаспорт, естественно, тоже.

Полковник Гуров, устав от беседы с Георгием Акимовичем Мельником, ушел в свой номер и ожидал, когда «авторитеты» узнают, что их машина с охранниками и трупом пропала, и начнется переполох. Полковник мог сомневаться в чем угодно, только не в том, что на правительственной трассе в пятидесяти километрах от Москвы машину не смогут задержать.

Такой накладки никогда бы не произошло, если бы операцию проводил грамотный офицер, отвечавший за все от начала до конца. Но сигнал полковника приняла дежурная часть министерства, а задержание должна была осуществить область, которая с Центром жила в достаточно сложных отношениях. Посты ГАИ и патрульные машины выполняли приказы только непосредственных начальников. Пока команда спускалась по инстанциям, она теряла важность, из информации вывалились подробности. И такой пустяк, как наличие в разыскиваемой «Волге» трупа, до исполнителей вообще не дошел.

Посты ГАИ переговаривались между собой все реже и ленивее, о том, что в разыскиваемой машине вооруженные бандиты, уже никто не вспоминал. Кто-то ищет какую-то «Волгу», обычное дело, постоянно ищут, жизнь такая. «Жигули», ведомые лейтенантом Шмаровым, пролетели до сотого километра. Скучавший в стеклянной будке капитан заявил, что за последние тридцать минут никакая черная «Волга» не проезжала. Лейтенант сообщил об этом по инстанции и вскоре получил приказ об отбое. Начальство решило неприятный инцидент замять, сообщило наверх, что тревога оказалась ложной: «Объект в заданном квадрате не появился».

Труп красавицы Аварии плавал среди прочих отбросов в неизвестно кем вырытой яме.

Лейтенант Шмаров с напарником так перенервничали, что, не глядя, проглотили так называемую колбасу, запили ее дефицитным пивом и рассудили, что в «Волге» наверняка катались пьяненькие начальники, жаль, упустили, удалось бы задержать, так после смены пили бы не пиво, а коньяк.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров стоял в своем номере у окна, смотрел на сверкающую у подъезда «Волгу» и пребывал в недоумении.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гуров отошел от окна, подвинул телефонный аппарат, вспомнил, что разговоры записываются, и звонить передумал. Опасения могли оказаться напрасными, но многолетний опыт научил — лучше десять раз перестраховаться, чем один оплошать. Он спустился в вестибюль и позвонил из холла. Сыщик набрал номер, который дал ему генерал, заверив, что в любое время суток ответит профессионал.

— Вас слушают, говорите, — произнес мягкий уверенный баритон, и Гуров отметил, что три часа назад разговаривал с другим человеком.

— В девятнадцать десять я передал информацию о необходимости задержать ГАЗ 24-10...

— Кто говорит? — перебил баритон.

Гуров представил себе чисто выбритого щекастого брюнета, обложившегося журналами и газетами, которому мешает мирно жить «этот чертов телефон».

Гуров представился и попросил к аппарату человека, который принимал телефонограмму, переданную в девятнадцать десять.

— Товарищ полковник, вы можете передать свою информацию, вас записывают. — Баритон был безукоризненно вежлив, так говорит терпеливый врач с капризным больным.

— Я уже передал информацию. Я хочу знать, что сделано по моей телефонограмме.

— Товарищ полковник, мы отчитываемся только перед руководством. Но если вы настаиваете... Вы назвали свою фамилию, повторите, пожалуйста, и если она соответствует фамилии человека, передавшего телефонограмму в девятнадцать десять...

— Гуров. — Сыщик представил, что говорит не из уютного холла, а из автомата, под ногами вонючая лужа, за неплотно прикрытой дверцей дождь и нетерпеливый человек.

— Гуров, — повторил довольный баритон. — Фамилия известна, сейчас посмотрим. Пожалуйста, товарищ полковник. По вашему сигналу было задействовано...

— Мне нужен результат, — перебил Гуров.

— Пожалуйста. Названный вами объект в заданном районе не появлялся. Сожалею...

Сыщик положил трубку, так и не узнав, о чем сожалеет чиновник, взглянул на часы, хотел было позвонить Орлову на квартиру, но понял всю бессмысленность предстоящего разговора и вышел на улицу. Значит, объект не появился. Интересно, когда и где теперь обнаружат труп?

Сыщик скользнул взглядом по стоявшей неподалеку машине. Вот он, свежeweымытый непоявившийся объект, между прочим, уже с другими номерами. Экспертиза, наверное, кровь обнаружит, но что это даст? Надо идти в гараж. Не хочется и опасно, могут увидеть.

Гуров вспомнил, как захватил «механика» и что из этого получилось. Тогда он забрал у Романова пистолет, толкнул на диван, провел пальцем по клавишам стоявшего на полке магнитофона и спросил:

— Музыку любите? Бардов, наверное?.. Или классику? Давайте послушаем вместе.

Романов привстал, одернул брюки, сел и закинул ногу за ногу.

— Можно и вместе послушать, но проще, если вы, полковник, скажете, что конкретно вас интересует.

— Ну хотя бы откуда вы знаете мое звание? — спросил Гуров.

— Опустим подробности, Лев Иванович. Мы с вами коллеги. Я подполковник Комитета. Вечная история, правая рука не знает, что творит левая...

Гуров внимательно изучил удостоверение подполковника КГБ.

— Мне этого мало, Александр Сергеевич. Давайте поиграем в вопросы и ответы.

— Конечно, у кого в руках оружие, тот и спрашивает, — улыбнулся Романов.

Гуров намек понял, пистолет вернул, хотел даже извиниться, но передумал. Оперативник, который разрешает подойти к себе сзади и отобрать оружие, извинений не заслуживает.

— Так откуда вам известно мое звание?

— Мельник сказал. — Романов кивнул на аппаратуру.

— Вы слышите разговоры в номерах или только телефоны?

— Телефоны.

— Вы из какого главка?

— Из второго, но пятнадцать лет проработал в первом.

Гуров не знал руководителей контрразведки, но рассудил, что собеседнику это неизвестно, и спросил:

— Гавриил Петрович в отпуске или вышел на работу?

— Не имею чести знать такого.

— Кому же вы непосредственно подчиняетесь?

— Полагаю, ваше руководство сумеет это выяснить.

— Как вы представляете наше сотрудничество?

— Каждый выполняет свое задание. При необходимости — обмен информацией.

— Тогда я должен быть в курсе вашего задания.

Романов поднялся с дивана, спрятал пистолет, взял со стола свое служебное удостоверение, проверил, есть ли в чайнике вода, и включил в сеть.

Гуров понимал, что контрразведка тинет время, обдумывая ответ.

— Вам лучше сказать правду. — Гуров взглянул на часы, время поджимало. — И удостоверение не следует держать в кармане, если что — зарежут...

Романов совет проигнорировал.

— Мы располагаем данными, что эта группа имеет компьютер с банком информации, — он помедлил, поднял взгляд на Гурова, — ценной информации... Простите, а ваше задание?

— С компьютером задумано интересно, но я не верю. Уголовники не ЦРУ и не Интерпол. Моя задача скромнее: поиск личных контактов, попытка расколоть собравшийся здесь президентум...

Сыщик не хотел признаваться в беспомощности уголовного розыска, у него не было ни технических средств, ни возможностей, которыми располагало КГБ. И еще Гуров почувствовал, что Романову очень хочется, чтобы задания у них оказались идентичными, тогда он получал неоспоримое преимущество.

— Конечно, я был бы рад вашему успеху, — добавил Гуров.

— Я тоже, вы о нем обязательно узнаете от своего начальства.

Ответ означал, что никакого сотрудничества не предвидится, каждый за себя, и если генералы не договорились, то исполнителям следует лишь выполнять приказы.

Гуров отнесся к ситуации философски, где-то был даже доволен, так как не любил работать в паре с незнакомым человеком, да еще из чужого ведомства. Они поговорили еще несколько минут, Гуров узнал, что Романов прибыл сюда по заявке Юдина, который, контактируя с Внешторгом, понятия не имел, с кем работает в действительности.

Сыщик стоял на крыльце дома отдыха, в котором недавно убили человека, и успокаивал себя. Если картотека Мельника действительно заложена в компьютер, то комитетчики при их оснащении обнаружат его быстрее. А, ладно. Мы не гоняемся наперегонки, важны результаты, а не кто прибежит первым.

Сыщик взбежал на второй этаж, бесшумно прошел по устланному ковром коридору, двери всех восьми номеров были плотно закрыты, ни голосов, ни музыки, тишина. Гуров дал бы руку на отсечение, что ни один из «авторитетов» не спит. Подошел к своему номеру. Повернул ключ, мягко толкнул дверь, одновременно достал пистолет, но не вошел, прислушался.

Из номера доносились тихая музыка, невнятный разговор. Понял, что включен телевизор. Это мы проходили, подумал Гуров и порога не переступил.

— Добрый вечер, — негромко произнес он. — Вы зашли без разрешения, теперь я вам разрешаю выйти, но не торопясь.

В ответ послышался женский смех.

— Лев Иванович, я без оружия, — сказала Нина.

Гуров помедлил, глухо стоять у открытой двери, но и входить не хотелось.

— Зато я вооружен и где-то потерял чувство юмора, подойдите к дверям.

Нина, босая, в длинном облегающем халате, подошла к порогу, подбоченилась, увидела пистолет, усмехнулась:

— Кто-то обещал мне цветы и праздник. Увы, не вы. Тот был красивый и смелый парень.

Гуров взял девушку чуть повыше локтя, прижал к себе, вошел в номер, огляделся, заглянул в спальню и ванную, пистолетом

отдернул занавески. Нина попыталась вырваться. Гуров сильнее схватил ей руку, резко усадил в кресло, вернулся к двери, запер на ключ.

— Я люблю подарки, но не такие дорогие. — Он взглянул на открытый чемодан Нины, который лежал на стуле. — Вышли за меня замуж?

— Хотела, но теперь передумала. Джеймс Бонд чертов! Трус несчастный! А еще прелестью называл! Сейчас переоденусь и уйду!

Нина раскраснелась, глаза блестели, волосы растрепались, она была злой и очень хорошенькой. Гуров понял, если сейчас ошибется, не только провалит задание, но и заплатит жизнью.

Нина отнесла чемодан в спальню, начала переодеваться.

— Нина, вы давно видели Людмилу? — спросил Гуров, закури-вая.

— Пошел ты...

— Я спрашиваю не из праздного любопытства. Пытаюсь определить время, когда Аварию убили.

— Кого убили? — Нина выскочила из спальни, халат распахнулся, девушка стояла почти обнаженная.

Гуров молча смотрел на Нину. Общеизвестно, женщины от рождения талантливые лгуны, но такой театр Нине не изобразить, известие действительно ошеломило ее.

— Людку убили? — Нина запахнула халат, опустилась в кресло. — Ой, Лев Иванович, можно я у вас переночую? Ну куда я, на ночь глядя? Борис выверился, теперь понятно отчего. Людка! Ах ты, Господи! — Она взглянула на Гурова, прикусила губу. — Лев Иванович, пожалуйста, дайте выпить. Покрепче чего-нибудь.

Гуров принес из бара бутылку коньяка, для себя сок, поставил на столик.

— Как думаешь, из-за чего могли убить?

— Авария была девка скандалистая, но добрая и закон знала, лишнего не скажет. — Нина разлила по бокалам коньяк и сок.

— Нина, мы с вами расстались около трех часов назад, расскажите, как вы провели это время, кого видели, о чем разговаривали.

— Начинается. — Нина вздохнула и выпила. — Смотришься ты мужиком, а по сути — мент обыкновенный.

Гуров согласно кивнул.

— Продолжайте, меня интересует, кого вы видели, о чем разговаривали.

Ничего интересного, тем более полезного, он услышать не рассчитывал. И ошибся. По словам девушки, она видела в коридоре высокого худого змея, которого давно забыли похоронить. Так девушка неуважительно охарактеризовала патриарха воровского мира Губского. Борис Юдина в номере не было, она прилегла на часок и задремала. Вскоре Борис вернулся, разбудил ее и предложил срочно уехать в Москву. Нина потребовала машину, Юдин дал две «кати» и сказал, мол, не маленькая, доедешь. Девушка не сказала прямо, но дала понять, что Юдин ее ударил, после чего она собрала вещички и перебралась в но-

мер Гурова. Что Нина врет, сыщик понял сразу, но молчал, даже согласно кивнул:

— Все мужики свиньи.

— Точно! — радостно согласилась Нина. — Так я переночую?

— А меня не вызовут на дуэль?

— Отстреляешься.

Гуров согласно кивнул, начал закуривать, девушка остановилась:

— Что куришь, сыщик? — Она принесла из спальни пачку «Мальборо», бросила на стол.

Гуров взял сигареты и не поверил своим глазам.

Эта на первый взгляд обычная пачка сигарет одновременно и проясняла ситуацию, и запутывала ее окончательно.

Зачем же тебя сюда подослали? Чтобы я здесь задержался, не выходил из номера?

— Вы очень красивая, а я очень слабый. — Гуров поднялся, одернул пиджак. — Я вас оставляю ненадолго, отдыхайте. — И пошел к двери.

Если она позволит мне уйти, значит, говорит правду, решил Гуров. Нина выскользнула из кресла бесшумно, но Гуров увидел движение в полированной двери бара, повернулся и поймал девушку в объятия. Она прижалась к нему, запрокинув голову, смотрела, улыбаясь:

— Какой ты быстрый и сильный.

Гуров рассмеялся, поднял Нину, отнес в кресло.

— Я хочу тебя, — сказала Нина.

— Мысль интересная. Я согласен, только чуть позже.

— Ты что, генсек?

Гуров пошел в ванную.

Почистил зубы, причесался, но ни пиджак, ни пистолет не снял. Решив, что отсутствовал достаточно долго, вернулся и весело сказал:

— Прими душ, а я пока переоденусь.

— Отлично. Можешь не надевать на себя лишнего. — Девушка скрылась в ванной.

Гуров посмотрел на бокалы, ничего настораживающего не заметил, но от греха подальше местами их поменял. А что если она сыпанула мне не снотворное, а яд? И я убью человека? Девчонку могли обмануть, усыпить, а дали яд. Вряд ли, зачем им нужен здесь труп милиционера?

— Фу, противный! — Нина вышла из ванной. — Ты что, занимаешься любовью в штанах?

— Все-то вам, женщинам, расскажи заранее, — улыбнулся Гуров и поднял бокал.

— Верно, снимем напряжение. — Нина упала в кресло, затем вскочила, подошла к Гурову, заглянула в глаза. — На брудершафт?

Они выпили и поцеловались.

— Я хочу немедленно уехать! — решительно сказал Кац и посмотрел на Юдина и Мельника с вызовом. — Убивать меня или,

как вы выражаетесь, «убрать» — глупо, а ссориться вам тоже невыгодно.

«Авторитеты» находились в номере у Юдина и порядком устали от препирательств.

— Переночуй, утро вечера мудренее, — рассудительно ответил Юдин. — Давайте разбежимся, хочу принять душ и отдохнуть, — ночь уже.

— А где твоя девка? — спросил Мельник, вспомнил свою пассию и дернул жирным плечом.

— Одолжил полковнику, — усмехнулся Юдин и подмигнул Кацу. — Мы с тобой договорились.

— О чем это? — быстро спросил Мельник.

— Ты же слышал, — невозмутимо ответил Юдин. — Не будем брэнчать нервами и дождемся утра.

Мельник недоверчиво поглядел на содельников. Кац понял, что Юдину следует подыграть, вздохнул и сказал:

— Я человек мирный и не привык... Ну хорошо, отложим до утра...

Эдуард Федорович Губский не признавался даже себе, что годы упорно подминают, что он стар и лишь по инерции играет порядком надоевшую роль авторитета уголовного мира. Губский всю жизнь стремился к власти, борьба напоминала партию в шахматы, где люди-фигуры передвигались с места на место, одними жертвовали, чтобы другие могли выйти в ферзи.

228 Эдуард Федорович, оказавшись за городом в тихом, красивом и удобно обставленном жилище, неожиданно понял, что на самом деле ему большего и не надо. Жить бы так спокойно, вкусно есть и пить, гулять по тихим аллеям, часами дремать перед телевизором. Однако понимал, — это пристанище для него временное, личного дома у него нет и при сегодняшних ценах уже и не будет. Он никогда не копил, тем более «зелень», золотишко или камни; деньги, конечно, были, но сегодня они практически ничего не стоили.

Губский сидел перед телевизором в низком мягком кресле и забавлялся дистанционным управлением, нажимал на кнопки, менял программы, выключал и усиливал звук. За спиной стукнула оконная рама. Губский подтянул ноги, взял тяжелую трость с массивным костяным набалдашником и сказал:

— Входи.

Гость ловко впрыгнул в гостиную. Хозяину хотелось повернуться, но положение обязывало. Остался неподвижным, спокойным, лишь шея налилась, да пальцы судорожно сжали набалдашник трости, — что ни говори, возраст.

— Штыблеты сними, наследись. — Губский приглушил телевизор, поднял руку, шевельнул пальцами. — Явись, слово скажи.

Гостю было лет тридцать, невысокий, плотный, коротко стриженный — не успел обрасти, кожа на лице дубленая, темная, тоже еще не успела покрыться городской бледностью. Гость взглянул на старого вора со спины, ухмыльнулся, снял кроссовки, обошел хозяина и то ли поклонился, то ли кивнул.

— Желаю здравствовать. Веселый кланяться велел и просил передать...

— Имя! — Губский ударил тростью в пол. — Назови имя, огурец!

— Эдуард Федорович, уважаемый... Ты наш президент. — В голосе гостя проскальзывала насмешка. — У меня счастья нет, а имен, как у сучки блох, зови Мальчиком. Я Веселому слово дал, что не пригублю, пока тебя не увижу, а сейчас сил нет, извини.

Он подошел к бару, отодвинул яркие бутылки, налил стакан водки, выпил, похлопал ладонью по губам.

— Извини, Эдуард Федорович. — Мальчик прошелся по ворсистому паласу, оглядел гостиную. — У жиденка, что с тобой тут рядом пристроился, при себе серьезный куш. Где камни лежат, мы знаем. Дело несложное, ты имеешь десять процентов.

Услышав, что у Каца при себе бриллианты, Губский понял: вот он, момент, не упустить — и все вопросы решены.

— А Мельник? — спросил Губский и начал осторожно поворачивать набалдашник трости. — Он знает? В доле? Да ты выпей, не стесняйся.

— Нет, мне еще работать. — Мальчик глянул быстро, но внимательно. Сговорчивость Губского настораживала.

Девку из соседнего номера тихо вывезли и этого шустрика утащат, невелика забота, думал Губский, вынимая из трости стилет.

Юдин мылся долго и тщательно. Во-первых, был чистоплюем, во-вторых, под теплыми струями душа хорошо думалось. Предложение Каца с бриллиантами было неожиданным, заманчивым и опасным. Получи он такое предложение в Москве, то принял бы его без промедления. Но сейчас, здесь, когда рядом Мельник, внезапно объявившийся сыщик, неизвестно кем и за что убитая девчонка? Борис Юдин не выносил ситуаций, которыми не владел. Многое было непонятно, значит, опасно, в таких случаях он от серьезных действий воздерживался. А принять товар на миллион долларов более чем серьезно.

Ничего не предпринимать, ни с кем не ссориться, всем все обещать и тихо уехать, решил Юдин и повеселел. Он вытерся огромным махровым полотенцем и вышел из ванной.

Дверь в гостиную была прикрыта неплотно, и полоса света разрезала широкий диван, словно луч прожектора, и в этом луче плавал табачный дым. Юдин застыл с полотенцем в руках, прислушался. Он хорошо помнил, что дверь запер и ключ оставил в замке. Юдин отбросил полотенце, быстро прошел в спальню, оделся, взял с ночного столика тяжелую пепельницу, мягко шагнул к двери и услышал словойный, насмешливый голос:

— Борис Андреевич, не играйте в индейцев, входите с поднятыми руками, поговорим.

Юдин вздохнул, бросил пепельницу на кровать, распахнул дверь и шагнул в комнату.

— А руки? — спросил Гуров, улыбаясь.

Увидев полковника милиции, Юдин облегченно вздохнул и ответил:

— Шутки у вас дурацкие...

— Если желаете, можете выпить и присаживайтесь. — Гуров кивнул на кресло напротив.

— Не у вас в кабинете, — проворчал Юдин и подошел к бару.

— Естественно, иначе бы пили теплую воду.

— Вам налить?

— Можно.

Юдин наполнил два бокала сухим белым вином, подошел к двери, убедился, что она заперта и ключ на месте, один бокал поставил перед гостем, второй пригубил и опустился в кресло.

— А где Нина?

— Спит.

— Хорошо. Что вам нужно?

— Вы, конечно, не знаете, кто убил Людмилу Заслонову?

— Да я и фамилии ее не знал.

— Как ее убили? Зарезали или разбили голову? Или задушили?

— А откуда вы?.. — Юдин загнулся, махнул рукой. — Зарезали.

— Рана резаная или колотая?

— Не приглядывался. Кажется, в горло, сбоку. — Юдин дотронулся до своей шеи.

— Как вы думаете, за что? Просто так убивают крайне редко.

— Я к убийству отношения не имею.

— Не хочу вас пугать, но вы невольно становитесь если не соучастником преступления, то уж соучастником сокрытия, а это тоже наказуемо. Теперь я спрашиваю: какое событие произошло или должно произойти, о котором узнала Заслонова, и поэтому ее убили?

— Понятия не имею.

— Не так быстро. Подумайте.

Юдин был мужик не робкий, но от взгляда Гурова пожелтел. Бриллианты Каца! Юдин удивился, что не подумал об этом сразу. Но при чем тут Авария?

— Не будем терять времени, — сказал Гуров. — Девушка что-то знала, и ее убили. Я единственный человек, способный вас защитить.

— Сожалею, но с милицией не сотрудничаю, помочь вам не могу, — ответил Юдин.

— Я в помощи не нуждаюсь. — Гуров поднялся, начал расхаживать по гостиной, как бывало шагал в кабинете генерала, движение помогало думать. — Вы, видимо, только что вспомнили факт, событие, ситуацию, которая объясняет причину преступления... Борис Андреевич, вы серьезный, умный человек...

— Не умный, — Юдин разозлился, — а нормальный делец-бизнесмен, не путайте, пожалуйста, с уголовниками! Я не хотел сюда ехать, черт меня побери! Идиот! Кретин! Я ничего не знаю, а то, что знаю, не скажу! Я не могу завалить партнера!

— Стоп! — Гуров остановился и заговорил тихо. — Партнера?

Значит, Кац. Анатолий Самойлович Кац. Ни Мельник, ни тем более Губский. Так что Кац?

— А при чем тут девка?

— Девушку привел Мельник, а от него до убийства только протянуть руку. Кто обнаружил труп?

— Мельник и Кац были здесь, в этом номере, мы беседовали около часа, пошли к Губскому, — вспомнил Юдин. — Мельник проходил мимо своего номера, толкнул дверь. Она была незаперта. Девушка лежала в гостиной, лицом вниз. Мне кажется, ударили в шею, сзади, но я не приглядывался.

— Почему меня не позвали? Извините, — он махнул рукой, — заговариваюсь. Все, время беседы истекло, пошли к Губскому.

— Ночь. Старик спит.

— Проснется. — Гуров повернул ключ и первым вышел в коридор.

Сначала он стучал тихо, затем громче, но Губский не отзывался. Гуров присел, заглянул в замочную скважину, убедился, что она свободна, достал из кармана ключ-универсал, который час назад взял у администратора, и открыл дверь.

Патриарх уголовного мира полулежал в кресле, вытянув худые ноги, мертво смотрел в потолок.

Гуров жестом пригласил Юдина войти и закрыть дверь.

Сыщик поднял руку Губского, определил температуру тела. Рука оказалась теплая. Сыщик подошел к окну, пальцем шевельнул открытую раму, посмотрел в густую тишину ночи и вернулся к телу. Ни крови, ни внешних повреждений видно не было, сыщик откинул полу пиджака и увидел на левой стороне груди черное пятно.

Юдин кашлянул и хрипло произнес:

— Застрелили, прямо в сердце.

— Вряд ли, — возразил Гуров, вынул из кармана носовой платок, поднял валяющуюся у ног трупа трость, прикинул на руке вес, и вытащил из полой трубки стилет. Кровь с клинка даже не вытерли, она была свежей.

— Мы разминутись минутами. — Гуров убрал клинок, положил трость на место. — Все ваше упрямство, Борис Андреевич. Любопытно, Анатолий Самойлович Кац еще жив?

Юдин рванулся к телефону, но Гуров остановил его:

— Ногами быстрее, если Кац не откроет на первый же стук, дождитесь меня. А я вызываю прокуратуру.

Сыщик снял трубку, но она глухо молчала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мальчик не собирался убивать старика, это получилось случайно. Решив, что десять процентов его не устраивают и что бриллиантовый миллион Каца обеспечит тихую, спокойную старость, Губский попросил гостя налить стакан вина. Когда Мальчик отошел к бару, Губский подкрался сзади и ударил стилетом. Но возраст, возраст! Задняя стенка бара была зеркальной, а движение Губского медленным. Мальчик отпрыгнул в сторону и ударил патриарха по руке. Костяная ручка повернулась

в старческих пальцах, Губский потерял равновесие и налетел грудью на стальной клинок. Падая он уже мертвым. Мальчик усадил труп в кресло, стилет убрал в ножны-палку, обыскал покойника, забрал всю наличность и ушел, как и появился, через окно.

Вор по кличке Мальчик выскочил на волю чуть больше месяца назад, был ловок, дерзок, смел и характеристику от бугров зоны привез отличную. В столице Мальчика приняли ласково, «прописали» без проволочек, одели. Мальчик отдохнул неделю и начал «работать». Он был мастер своего дела, удачлив, по-воровски честен, тшил власть, вверх по лестнице не карабкался. И все-таки ему никогда бы не доверили экспроприацию бриллиантов, если бы не случай. Взяли квартиру подпольного ювелира, а кубышка оказалась пуста. Хозяина вывезли из города, развели костер и начали беседу. Вскоре всплыло имя Анатолия Самойловича Каца, прояснились детали, что камни защиты в полу пиджака и вскоре уплывут. Больше человек ничего не знал, и его закопали. В операции участвовал агент Мельника, потому информация о камнях прошла по двум каналам. Лидеры московского объединения знали о совещании в верхах, догадывались, что раз Кац взял бриллианты с собой, то они в Москву не вернуться, и понимали, что у них лишь одна ночь, а, кроме Мальчика, людей под рукой не оказалось. Парню сказали, если провернешь дело, то получишь за нашим столом кресло, миску и ложку. Найди старика, обещай десять процентов, он тебе поможет.

Мальчик спустился со второго этажа, пересек влажный газон и укрылся за стволами деревьев. Вор отлично понимал, что преступил черту, но был уверен — если принесет добычу, то старика простят. Остался пустяк, забрать у еврея камни и свалить. Из-за густой листвы Мальчик разглядывал окна второго этажа. Прямо под ними вдоль всего дома тянулся широченный карниз, словно строители работали по заказу скокарей. Именно по нему Мальчик пробрался к Губскому. Какое окно ведет к Кацу? Снова рисковать? А если налетишь на Мельника? Мальчик вытер лицо ладонью и длинно сплюнул. Надо заготовить легенду, решил он, ударил костяшками пальцев по стриженной голове, довольно хмыкнул и вновь направился к зданию.

Юдин и Гуров стояли у номера, который занимал Кац.

— Борис Андреевич, я уже лег спать, отложим разговор на утро, — произнес из-за двери Кац.

— Я не на чашку чая пришел, Анатолий Самойлович. — Юдин сердился, даже ударил ногой в дверь. — Рядом со мной полковник милиции. Нам необходимо поговорить, поверьте, ради вашей же безопасности.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, Гуров вошел первым. Банкир стоял в глубине номера, опустив правую руку в просторный карман махрового халата. Юдин вошел следом, прикрыл за собой дверь, увидев напряженную фигуру Каца, его руку в кармане халата, зло сказал:

— Ты, конечно, молодец, но театр кончай. Губского закололи. Лев Иванович, вы беспокоились о здоровье уважаемого Анатолия Самойловича. — Юдин театрально взмахнул рукой. — Вот! Они здравствуют!

Кацу надоело изображать запуганного неврастеника. Он вынул руку из кармана, в котором, конечно, ничего не было.

— Закололи? — удивился он. — За что?

Сыщик осматривал окна, проверял запоры.

— Мне кажется, — продолжал Кац, — нам следует собраться и быстренько покинуть это жилище. Два покойника в одном доме — слишком. Нас режут два тысячелетия, а мы еще не привыкли. Извините.

— Правда, в этот раз зарезали русских, — усмехнулся Юдин.

— По ошибке, — возразил Кац. — Они пришли по мою душу.

— Ну, твоя душа, положим, никому не нужна. Но я согласен, по ошибке быть зарезанным не желаю.

Гуров возился с заевшими шпингалетами и на препирательства в номере не реагировал.

— Лев Иванович, я считаю предложение Анатолия Самойловича разумным, нам следует уехать. Вы профессионал, вооружены, получаете зарплату, и не маленькую...

Несмотря на напряженную ситуацию, Кац фыркнул:

— Извините, зарплата тут ни при чем, давайте решать.

— Согласен. — Гуров прыгнул с подоконника. — Анатолий Самойлович, позвоните администратору.

Кац снял трубку, дунул, постучал по рычажку, вновь дунул.

— У меня аппарат сломался.

— А он вообще-то работал? — Гуров покрутил пальцем у виска. — Как выражаются ваши друзья, а мои клиенты, «голуби вы сизокрылые, фраера голубые, кто же вас сейчас отсюда отпустит?»

— Что-то я не понимаю... — Юдин нахмурился. — Что за шутки, началась война?

— Выпейте-ка, сядьте и расслабьтесь! Ну, кому говорят?

Признанные авторитеты уголовного мира устроились у журнального столика, послушно налили бокалы.

— Уютно, комфортабельно? Вам хорошо? — Гуров подошел к окну, глянул в ночь, задернул портьеры. — Вы же собрались отдохнуть? Так отдыхайте! Согласен, вам не дают работать нормально. С одной стороны, я вам сочувствую, с другой — пошли вы к чертовой матери! Я вот сейчас уеду! Меня тронуть никто не посмеет, да и сам я себя в обиду не дам.

Кац смотрел на Гурова грустными мудрыми глазами и решал: открыться этому человеку или попытаться выскочить из ловушки самостоятельно.

— Не дури, Анатолий Самойлович, — сказал Юдин. — Началась война между Губским и Мельником, нас тут проглотят, не переживая. И что старика прихлопнули, значения не имеет. Сдавайся.

— Когда вы, Борис Андреевич, рекомендуете мне сдать, я не очень понимаю, что вы имеете в виду.

— Слушай, не валяй дурака, объясни полковнику, из-за чего

сыр-бор разгорелся, и Лев Иванович поможет нам выбраться из полымя, — сказал раздраженно Юдин. — Ну я кретин, ну надо мне все это?

Гуров наблюдал за происходящим и решал, что может выжать из этой ситуации.

— Анатолий Самойлович, извини, ты умница. — Юдин говорил ласково. — Я не трус, но обидно, черт побери! Столько сделано! И пропасть не за понюх табаку. Какие-то дебилы разобьют наши умные головы! Я ведь и сам могу изложить суть дела, но ты это сделаешь лучше. Я тебя прошу...

Кац покачал головой и вздохнул:

— Хорошо, попробую. Уважаемый Лев Иванович, я предлагаю вам сделку.

Юдин схватился за голову, застонал.

— Спокойно. У каждого человека есть цена, существует она и у полковника. — Кац замолчал, причмокнул, скосил глаза на кончик носа. — Я вас понимаю, Лев Иванович, и потому денег не предлагаю. Но ведь у вас есть свой профит в этом деле? Конечно, есть. Мы можем помочь в решении ваших проблем?

Гуров кивнул, предлагая продолжать.

— Вы поможете нам, — подвел итог Кац, — мы — вам, как говорится, нет проблем. Итак, вы поможете нам доехать до Москвы?

И, словно откликнувшись на сделанное предложение, под окнами взревели автомобильные моторы, через несколько секунд заурчали миролюбиво и, удаляясь, умолкли.

«Двое уехали, сколько осталось? — подумал Гуров. — Мою машину они, конечно, вырубил. Остался «мерседес» в гараже. Мельник решил устроить перестрелку? Он хитрый и осторожный, сам оружие в руки не возьмет, значит, к нему прибыло подкрепление. Если Мельник решится на открытое столкновение, я теряю свой дипломатический иммунитет. Один-то я отсюда уйду, но здесь останутся трупы. Мельник исчезнет, и все плохо. Вся работа насмарку. Романов?.. У него должна существовать автономная связь. Романов? Чуть, надо решать иначе».

Гуров нервно зевнул:

— Полагаю, приступом брать они нас не будут, потому время у нас пока есть. Анатолий Самойлович, изложите популярно, каковы причины происходящего.

— Я точно не знаю, догадываюсь.

— Борис Андреевич, вы пересядьте и поглядывайте за окнами. — Гуров указал Юдину на кресло, подошел к бару, поставил бутылку, налил себе боржоми. — Почему я хочу выпить в самый неподходящий момент? — Он кивнул Кацу. — Ну, чего молчите? Догадывайтесь! Естественно, вслух.

Кац поднял на Гурова грустные черные глаза, обрамленные длинными, казалась, крашеными ресницами, смущенно улыбнулся и сказал:

— Люди любят деньги.

Гуров умел слушать, но тут не выдержал:

— Свежая, интересная мысль.

Анатолий Самойлович покраснел.

— Видите ли, любая истина, произнесенная вслух, звучит пошло. — Кац снова вздохнул. — Странно, но факт, я впервые разговариваю с сотрудником милиции и чувствую себя прескверно.

Юдин глянул на окна, легко поднялся из кресла, взял бутылку и стакан, вернулся на место и раздраженно сказал:

— Выкладывай! Куда ты денешься с подводной лодки?

— А у меня здесь больше миллиона золотом. Как об этом узнали преступники, мне неизвестно. — Кац говорил быстро, чуть заикаясь, торопился, как человек, переходящий вброд очень холодную быструю речку. — Этот миллион не добыт преступным путем, не принадлежит мне, я — лишь посредник. Миллион — серьезная сумма, умру, но не отдам чужой собственности. Все.

— Камни. И вы их спрятали, — после некоторой паузы сказал Гуров. — Как же вы храните свои секреты, если две бандитские группировки узнали о них? Значит, идет охота за вами. А так как здесь присутствует и Борис Андреевич, то Мельник, естественно, захватит и его, ибо нет гарантии, что вы не передали камни ему.

— Вы не бросите нас?! — Кац хотел встать, но ноги подкосились.

— Вы устраиваете совещания, убиваете людей. Да-да! — Гуров жестом остановил пытавшегося вмешаться Юдина. — Убиваете! Я не знаю вашей действительной роли здесь. Два трупа — реальность, а ваши объяснения — только слова. Если бы я имел возможность, то задержал бы вас всех и передал следствию. Там бы и выяснили, кто убивал и почему, какие у вас миллионы и каково их происхождение.

— Я вам не верю, вы блефуете! — Кац комкал носовой платок потными ладонями. — Вы ведь офицер. Вы не можете...

— Могу, могу, — перебил Гуров. — Я сегодня на такое способен, что вчера и в мыслях не держал.

— Не верю, — упрямо повторил Кац, глядя сыщику в глаза. — Я разбираюсь в людях, вы не отдадите человека на смерть.

Гуров театрально зевнул, подошел к письменному столу, раскрыл лежавшую на нем папку, убедился, что бумага есть.

— Мельник что-то задумал, но брать нас приступом не репится, знает, что я вооружен. Мне надо часа два поспать, а вы оба садитесь и пишете объяснения. Зачем сюда приехали, как обнаружили труп Людмилы Заслоновой, какие с собой бриллианты и каково их происхождение. Вы, Борис Андреевич, — он повернулся к Юдину, — напишите, как мы с вами обнаружили труп Губского.

— Правду и только правду? — улыбнулся Юдин.

— Не важно. Мне нужна бумага, чтобы начальство поняло, что я здесь не бездельничал и не ворон считал, когда рядом людей убивали.

Сыщик задержался на пороге спальни, глянул через плечо.

— Вы меня охраняйте и будьте бдительны, я ваша последняя надежда.

— Не сомневайтесь, — ответил Юдин.

Гуров лег навзничь, прикрыл глаза. Нужна ему эта бриллиан-

тован вакханалия? Взянет в ней, к цели практически не продвинулся. Чего Мельник хочет, на что может рассчитывать? Почему ушли две машины? Одна увезла труп Губского, понятно. А вторая? Неясно, оставим на потом. В семь часов дом проснется, появятся администратор, горничные, повара. Значит, у Мельника времени примерно до четырех, а сейчас два. Лезть в окна, ломать двери? Не рискнет.

Он их перестреляет, словно в тире, Мельник это прекрасно понимает. Значит, просто интеллигентно постучит в дверь и начнет переговоры. Его задача? Изолировать Гурова и захватить Каца. Юдина он убьет сразу.

Нет, первым он попытается убить меня, решил сыщик. Юдин может и подождать.

Из двери гостиной напозла тень, Гуров открыл глаза, поднял пистолет.

— Это я, Юдин, — выдохнул финансист, понимая, что может получить пулю, прежде чем сделает второй шаг. — У меня есть предложение. Разрешите?

— Знаю я ваше предложение...

— И тем не менее выслушайте. — Юдин аккуратно присел на пуфик, стоявший рядом с кроватью. — Сказать «нет» вы всегда успеете.

— Нет, — устало ответил Гуров.

— Вы человек бедный, — упрямо начал Юдин, — а вскоре станете нищим. Я вам предлагаю вперед, из рук в руки, один на один, сумму, которой хватит на многие годы. Что вас удерживает: партия? Россия? Бог?

Гуров потянулся, вздохнул:

— Ну что вы, право, словно банный лист. Я очень себя люблю. Я эгоист, так что извините и выйдите вон.

Как только Мальчик закончил говорить, его удавили.

В третьем окне Мальчик наткнулся на пистолет Толика, который находился в номере своего шефа Георгия Акимовича Мельника. Степан с Толиком, отчаянно привирая, излагали Мельнику кошмарную историю захоронения трупа. Аварии, получали новые инструкции, и Толик подошел к окну, чтобы выбросить окурок. И на тебе, за подоконником — гость. Толик тянул гости пистолетом в лоб и предложил зайти. Мальчик был ребенком сообразительным, спорить не стал, впрыгнул в комнату и предстал перед светлые очи начальника контрразведки Мельника. Мальчик никогда не видел его, но слышал предостаточно, узнал сразу.

Мельник вора тоже никогда не видел, только глянул, понял, кто перед ним, и тут же просчитал, кто этого человека послал.

— Эдуарда Федоровича ищите? — Мельник улыбнулся. — Обмишурились. Ну, раз зашел, присаживайся. Степа, поднеси гостю. Человеку говорить следует, а у него в горле першит.

Степан налил стакан, от широты души подвинул бутылку пепси. Мальчик благодарно кивнул, выпил, утерся ладонью и, не ожидая вопросов, рассказал свою повесть от «а» до «я».

Толик и Степан, довольные, что лишились внимания шефа, слушали с интересом и криво усмехались, не веря ни одному слову. Мельник же, зная Каца и его возможности, понял, что в окно залетела золотая птица, которую он разыскивал всю жизнь.

— Значит, Эдуард Федорович Губский погиб на боевом посту? Почтим память товарища. — Мельник встал.

Воры вскочили, Мельник перекрестился, сел и сказал укоризненно:

— Значит, ты, сученок, Патриарха Всея Руси порешил?

— Да не хотел я, старик сам наткнулся, непонятно как...

— Умолкни, — перебил Мельник и бросил на Степана, сидевшего за спиной Мальчика, долгий взгляд.

Степан взгляд хозяина понял и вынул из кармана шелковый шнур. Мельник согласно прикрыл глаза и, упреждающе подняв палец, спросил:

— А девку мою за что? Она тебе чем помешала?

— Какую девку? Не знаю ничего, мне чужого не надо, у меня своего! — Мальчик шлепнул по макушке.

— Верю, верю. — Мельник поднял руку, утвердительно кивнул, удерживая Степана, который уже поднялся, торопился услужить, так как знал, что жизнь ночного гостя ничего не стоит и ответа за нее никто не потребует.

— Сопляки, вы и есть сопляки. У вас что больше тыщи, то сразу миллион. — Мельник взглянул на Степана, затем на Толика, подмигнул и рассмеялся, призывая сотоварищей повеселиться.

Охранники довольно заржали. Мельник вытянул руку, пальцем выстрелил в Мальчика.

— Значит, коричневая замшевая куртка?

— Точно! — Мальчик икнул. — Ношенная, подкладка сеченая, чтобы не заподозрили.

Мельник кивнул Степану и убрал со стола бутылку, зная, как ни быстро удавить человека, он все равно успеет взбрыкнуть и может стол опрокинуть.

Двух покойников уложили в одну машину, Мельник велел ждать, вышел в холл, решил позвонить, вызвать еще людей, но телефон не работал. Он бросил трубку и решил, что Бог ни делает, все к лучшему. С Толиком и Степаном совладать несложно, а придут новые люди, прознают о бриллиантах, сговорятся за спиной... Он вернулся к машинам.

— Конечно, никаких миллионов у еврея нет, но могут быть деньги серьезные, — сказал Мельник, оглядывая охранников. — Будете слушаться, все нарисуем в лучшем виде, я вам грехи отпущу и долей не обижу.

— Не сомневайся, — ответил Толик, Степан молча кивнул.

— Ты, говорун, — Мельник ткнул Толика в лоб, — вывезешь жмуриков, свернешь направо, там овраг, сбросишь, прятать уже ни к чему. Ты Степан, выгони вторую машину за ворота, оставь на стоянке у леса и быстро возвращайся. Все, двигайте.

Когда машины уехали, Мельник обошел здание — горели лишь окна в номере Каца. Мельник спрятался за деревьями,

рассматривал освещенные окна. Собрались в кучу, договариваются.

«Мента придется замочить, иначе не завладеть. Так он же клейменный, крученный, в десяти водах стиранный, соображает и до утра из номера не выйдет. А поутру ложкомой, холуи, как клопы, поползут, народу, как на распродаже тряпок по галонам. Нет, утра ждать нельзя, мента решить затемно и вывезти».

Мельник достал из кармана газовый баллончик, закамуфлированный под зажигалку, повернул на пальце массивный перстень.

«Сколько у меня времени? Людишки появляются после шести, сейчас два, следует поторопиться».

Когда Юдин, закончив неудачные переговоры с Гуровым, вернулся в гостиную, Кац лишь взглянул на него, ничего не спросил, покачал головой и тихо произнес:

— Ты сошел с ума.

— Все в этой стране шиворот-навыворот! — Юдин допил свой бокал, плюхнулся в кресло.

— Нам повезло, — произнес Кац, однако радости в его голосе не слышалось. — Лев Иванович человек жестокий, но порядочный, и не отдаст нас...

— Заткнись ты ради Бога! — перебил Юдин. — Лучше скажи, мудрец, почему у нас все не как у людей?

Кац ответить не успел, в коридоре послышались шаги, дверь дернула, затем уверенно постучали, и раздался голос Мельника: — Бессонница замучила? Лев Иванович, вы что, арестовали моих приятелей?

Юдин и Кац переглянулись и одновременно повернулись в сторону спальни, как прилежные ученики поворачиваются к двери, увидев классного руководителя.

Гуров вышел неторопливо, поправил галстук, одернул пиджак, зевнул. Когда он нервничал, всегда зевал.

— Иду, Георгий Акимович. — Он подошел к двери, но на случай шального выстрела встал сбоку, у стены. — Я не прокурор и арестовать никого не могу. Я лишь временно задержал ваших друзей. Желаете присоединиться?

— Лев Иванович, разговор имеется.

Гуров переложил пистолет из наплечной кобуры в боковой карман.

— А нельзя подождать до утра?

Наступила пауза, затем, чуть понизив голос, Мельник сказал:

— Я знаю, где находится нужная вам дискета. Сейчас помню, а к утру могу и забыть.

Гуров жестом позвал Юдина:

— Если мне не понравится выражение вашего лица, стреляю. Сейчас дверь откроется, вы сделаете шаг и остановитесь.

Кац ушел в спальню, Юдин повернул ключ, открыл дверь, Мельник вошел, улыбаясь, держа руки перед собой, демонстрируя, что они пусты. Юдин дверь тут же захлопнул и вновь запер.

Мельник и Гуров смотрели друг на друга.

- Снимайте пиджак, бросьте на кресло.
- Хороший пиджак, дорогой. — Мельник выполнил приказ.
- Брюки!
- Что? — не понял Мельник.
- Штаны сними!
- Что ты такой пугливый? — Мельник снял ботинки, начал стаскивать брюки, неловко запрыгал на одной ноге.
- Для смелых оперативников скоро специализированный крематорий откроют.

Мельник наконец выбрался из штанов, бросил их на пиджак, повернулся лицом к Гурову, подхватил ладонями обвислый животик.

— Ну, герой-оперативник, доволен?

Гуров толкнул Мельника в кресло, начал обыскивать одежду, вытащил зажигалку, спросил:

— А это к чему, вы же не курите?

— Необходимая самооборона, бандиты кругом шастают, — быстро ответил Мельник. — Осторожнее, отравишься. — Он повернулся к стоящему в стороне Юдину. — Принеси мне халат, изчезни и закрой за собой дверь.

Получив халат, Мельник плотно подпоясался, налил изрядную порцию коньяку, хитро глянул на продолжавшего стоять Гурова и сказал:

— Присаживайтесь, Лев Иванович, торговаться будем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

239

Программа Мельника была проста и сводилась к следующему: он забирает бриллианты, после чего они с Гуровым едут в Москву и расстаются у квартиры, за дверью которой находится необходимая сыщику дискета с картотекой преступной организации и ее агентуры.

— Какая гарантия, что я получу картотеку?

— Лев Иванович, если я обману, вы шепнете, сами знаете кому, и Георгия Акимовича похоронят без оркестра. Это я должен требовать гарантии, что, получив желаемое, вы опять же не обмолвитесь ненароком, но я в подлости вас не подозреваю. Я ставлю жизнь, а вы? Свои паршивые погоны?

Гуров лишь изображал заинтересованность, торг велся несерьезный, программа противника была слишком уязвимой. Мельник не мог отдать картотеку и оставить за спиной подручных, плюс Каца и Юдина. Бандит был человек широкий, но даже для его размаха кладбище становилось великовато. Да и чисто технически исполнить такое захоронение — никаких рук не хватит. Значит, Мельник блефует, тянет время, которого у него становится все меньше. Сидя под дулом пистолета, чего он ждет?

Казалось, Гуров полностью контролирует ситуацию, но в душе, не умолкая, тревожно гудела струна. Гуров устал, украдкой вытирал потные ладони, пил мелкими глотками воду и излагал встречный вариант:

— Хорошо, на свой страх и риск я вам разрешаю забрать

камни. Насилия я не потерплю, вам их не отдадут. Затем мы вдвоем едем за дискеткой. Я ее прогоняю на компьютере, если она мне нравится, забираю. После этого вы прячете чертовы камни где хотите, и мы отправляемся в прокуратуру. Я человек служивый, здесь убили двух человек, явиться к начальству с двумя трупами на шее и с пустыми руками я не могу.

— Ты что, ненормальный? Куда я дену бриллианты? К мокрым делам отношения не имею, какой мне резон соваться в прокуратуру?

— Мы, Георгий Акимович, в неравных условиях. Бриллианты, которые вы хотите получить, в соседней комнате, а дискета с картотекой — неизвестно где, и у меня нет уверенности, что вы знаете ее местонахождение.

Глазки Мельника мигнули, он неуверенно кашлянул, понял, что выдал себя.

— Я знаю номер телефона. По номеру даже милиция в состоянии определить адрес. Или нет?

— А какая гарантия, что вы этот номер знаете?

Мельник помолчал, затем взглянул торжествующе и спросил:

— Я вас, Лев Иванович, вижу впервые? Так? А могу сказать, что вы служите в розыске около двадцати лет, полковник, среди своих в авторитете, работали в МУРе, сейчас в распоряжении отдела кадров министерства, живете в двухкомнатной малогабаритной квартире на Бронной. Хватит?

— Здесь убили двух человек, я не могу вернуться к начальству с пустыми руками.

— А дискета? За мою сеть тебе все простят, еще висюльку на мундир приклеют. Ты рассуди по совести. — Неожиданно для себя это слово ему понравилось, и Мельник повторил: — По совести! Я никого не убивал. Я чистенький, будто вчера из купели.

Гуров не сдержал улыбку, оглядел вынутого из купели, отметил, что новорожденный нервно косит и жирные щечки мелко подрагивают.

— Я крещеный, чего улыбаетесь, полковник? — Мельник распахнул халат, показал крест.

Гуров взглянул на крест, наверняка золотой, в центр которого был вправлен круглый тусклый камень, и вспомнил похожий крест, хранившийся в шкатулке у отца. Маленькому Лева Гурову не разрешалось лазить в эту шкатулку, а он лазил, осторожно трогал портретик незнакомой женщины с маленьким ребенком на руках, два кольца, цепочку с крестиком.

Гуров наклонился вперед.

— Можно взглянуть?

Мельник беззвучно шлепнул губами, тоже нагнулся, вытянул крестик, сколько позволяла цепочка. Сыщик внимательно посмотрел на крест, струна под горлом тренькнула и лопнула. Гуров выпрямился, застыл на мгновение и упал в кресло. Гуров не заметил, как Мельник, держа крест в левой руке, протянул к его лицу правую и большим пальцем нажал на перстень, который был у него на указательном пальце. Из перстня брызнула невидимая струйка, коснулась лица сыщика.

Мельник тихо взвизгнул, запахнул халат, опрокинулся в кресло, не веря в удачу, смотрел на бесчувственное тело, даже ткнул под столом ногу сыщика, затем быстро глотнул из бутылки, глянул на закрытую дверь спальни и бросился к входной двери, дрожащей рукой повернул ключ.

За час с лишним, которые они провели за переговорами, Мельник несколько раз был на грани нервного срыва. Перстень этот он получил в подарок от иностранца, который прилично говорил по-русски, очень интересовался деятельностью Корпорации и планировал установить с ней контакт. Мельник иностранцу не понравился, он решил с ним дел не иметь, вышел на других людей, но, прощаясь, подарил перстень, объяснил, как им пользоваться. На перстень и сделал ставку Мельник, явившись сюда.

Мельник стоял в коридоре, пытался подтянуть отпавшую челюсть. Степан и Толик уже подбегали, и челюсть сама встала на место. Мельник запахнул халат, словно император, отдавая войскам приказ, протянул руку и произнес:

— Мента я обезвредил. Этих двоих вынуть из спальни, не калечить, только связать.

Охранники рванулись в номер, чуть не сорвали дверь в спальню, донесся возглас Каца, глухой удар. Мельник прошел в номер и начал одеваться. Он прекрасно помнил, что иностранец, надевая ему на палец перстень, сказал, что человек, которого вы угостите, не будет вам докучать минут тридцать.

Гуров валялся в кресле, Кац и Юдин со связанными за спиной руками стояли в центре гостиной, охранники, как и положено, расположились у двери. Мельник поправил галстук, пригладил зачесанные через лысину волосы и, не глядя на бывших соратников, прошел в спальню, распахнул стеной шкаф.

На вешалке болтался замшевый коричневый потертый пиджак. Мельник отвернул полу, подкладка у пиджака была старая, сеченая. Мельник не стал пиджак ощупывать, понимая, что люди, сделавшие тайник, не дураки, а бриллианты не бульжники. Он снял свой пиджак, надел замшевый, вернулся в гостиную. Кац не упал, а медленно опустился на колени. Мельник довольно ухмыльнулся и сказал:

— Ты, жидовская морда, должен благодарить судьбу. Ты был обречен, остался жив и здоров.

Юдин смотрел на Мельника с нескрываемым презрением.

— Слушай, новоявленный фюрер, убить нас ты не посмеешь. Люди знают, что мы поехали на встречу с тобой. Ты взял что хотел, кончай балаган, вели нас развязать и убирайся.

— Борис Андреевич, ты умный и знаешь — на войне, как на войне. Конечно, я вас не трону и развяжу, только чуть позже.

Толик подогнул ноги лежавшего на заднем сиденье Гурова, захлопнул дверцу «Волги» и пробормотал:

— Труповозы.

— Чего-чего? — не понял Степан.

— Четвертый жмурик, — пояснил Толик.

— Он пока живой и может начать шевелиться. — Стоявший поодаль Мельник протянул Степану наручники, которые забрал

у Гурова. — Прицепи на всякий случай. Уложите мента рядом с патриархом, но перед этим, — он чиркнул пальцем по горлу. — Понял?

Степа вздрогнул и шарахнулся:

— Это вышка.

— А если я узнаю, что он живой, ты получишь прогрессивку? Мы в одном деле до могилы, а со мной не пропадешь. — Мельник взглянул на начавшие блекнуть звезды, затем на часы. — Успейте. Меня здесь не будет, освободите чистоделов, ни к чему, если прислуга найдет их повязанными. Понял?

— Ну? — Степан вертел наручники, глаз не поднимал.

— Затем возвращайтесь в Москву, лежите на дне, отсыпайтесь. Водку не пить, я приеду днем, привезу вашу долю и раскинем карты, кому куда. Понял?

Приказ не пить согрел Степану душу. Значит, хозяин не бросит, а он головастый. Бандит сильно трусил, нервы разыгрались. Он не обратил внимания, что Мельник не в своем пиджаке, а в замшевом, о котором перед смертью говорил Мальчик.

— Еврей камни не отдаст. — Степан взглянул на второй этаж.

— Отдаст, не дергайся, камни — моя проблема. — Мельник похлопал охранника по плечу. — Двигайте.

Мельник стоял неподвижно, пока звук мотора не заглох, достал из кармана ключи от «вольво», игриво подбросил их на ладони. Хотелось петь, плясать, но он сдержал себя, лишь вздохнул глубоко и сказал:

— Свободен.

Выстрела он не услышал, пистолет был с глушителем, хлопнуло негромко, пуля вошла в затылок. Ноги Мельника сломались в коленях, свободный человек упал навзничь.

Гуров задышался, чувствовал, что силы покидают его, кровь закипала и больно была в виски. Сыщик пришел в сознание, через несколько секунд все вспомнил, понял, что находится в машине. Не двигаясь, начал напрягать и расслаблять мышцы. Пальцами ног пошевелить не удалось, но чувствовал он ступни плохо, как после анестезирующего укола. Чуть двинул бедрами, вздохнул тихонечко, приподнял голову, тут же ударило в виски. Он сжал и разжал пальцы рук и понял, что правая — в наручнике и прицелкнута к дверце машины.

— Степан, давай скинем его и умотаем, — предложил Толик, съезжая с проселочной дороги в лес и останавливаясь. — И на кой мы таскали девку по шоссе, надо было сразу сюда.

— Дурак, кто же оставляет покойников в двух метрах от главной хаты? — Степан обернулся, посмотрел на неподвижно лежащего сыщика.

— А щас? — хмыкнул Толик.

— Щас, — передразнил Степан, — теперь дом сторел, одни головешки, все едино.

Они толкли разговор, оттягивая момент, когда надо будет вынуть человека на траву и убить. Каждый из них был убийцей, но резать неподвижное тело еще не приходилось. И главное, пугал тот факт, что тело принадлежало не человечеству, а госу-

дарству. А оно за уничтожение своего имущества наказывало неумолимо. Степан с Толиком давно усвоили: мента можно убить, только защищая свою жизнь. А тело, валявшееся на заднем сиденье, ничем не угрожало.

— Давай покурим и с Богом.— Степан угостил содельника сигаретой, поднес спичку.— Вытащить помогу, а кончать будешь сам.

— Это с каких дел?

— Я мальчонку удавил, так что на каждого по жмурику и по краям.

— За парнишку ты от общества почетную грамоту получишь, а за товарища меня в случае чего до кабинета не доведут, кончат при попытке.

Гуров слушал занимательную беседу и пытался расшевелить мышцы, разогнать кровь. Руки вроде бы в порядке, ноги хуже, с головой неясно. Как бы не отключиться, когда потащат. Гуров ощущал не столько страх, сколько стыд. Как же он, сыщик божьей милостью, допустил, чтобы один мозгляк его отравил, а два других дебила решали, кто перережет ему горло. Гуров чуть было не сорвался и не зарычал. Обожгла неожиданная мысль: в суете они могли не забрать у него пистолет. Сыщик шевельнул левым плечом, приподнял руку, прижал локоть, пистолета не было.

— Кажись, шевельнулся,— сказал Толик.

— Ах ты, мать твою! — Степан выскочил из машины, рванул заднюю дверцу.

Но именно к этой дверце была прикована рука Гурова. Степан выругался, потянул сильнее, мент наполовину вывалился, и Степан для страховки что было силы шарахнул кулаком по безвольно болтающейся голове. Сыщик ожидал удара и мог бы уклониться, но тогда руку не освободят, прикончат прикованного, и он лишь чуть качнул головой. Удар пришелся по касательной, на мгновение сознание вырубилось. Гуров очнулся, лежа на траве, увидел две пары ног и услышал:

— Ну, держи, держи, чего отпихиваешь? Перо не видал?

— Ну, сука!

— Это я?

— Да нет! Жизнь сучья!

— Толик, кончай, время!

Гуров следил за ногами. Чтобы ударить ножом человека, лежащего на спине, надо встать рядом на колени. Толика он вырубил сразу, но, если ноги подведут, до Степана не достанет, тот отпрыгнет и выхватит оружие. У сыщика начала подрагивать челюсть, стучать зубы, и казалось, этот стук слышно окрест. На Гурова пахло спиртным.

Толик опустил на колени, отер правую ладонь, плотно прихватил нож, примерился, встретился с Гуровым взглядом, вздрогнул. Сыщик ткнул пальцем в смотрящий на него глаз и рванулся, ноги сработали. Гуров бросился головой вперед и врезался Степану в живот. Тот рухнул.

Толик, зажав лицо ладонями, катался по траве. Гуров выругался, отхаркнул мокроту.

— Ты что же сделал? — стонал Толик. — Больно! Глаз!

Гуров достал носовой платок, поднял нож на случай, если придется доказывать необходимую самооборону, отобрал у Толика пистолет, обыскал Степана, у которого их оказалось два. Один Гуров узнал и сунул под мышку в кобуру.

— Сволочь! Палач! — крикнул Толик.

— Ну, извини, мне жизнь дорога как память, — ответил Гуров, открыл багажник, бросил оружие. — Теперь у меня арсенал.

Он схватил Толика за шиворот, подтащил к Степану, сковал наручниками.

— Ждите, роденькие, «Скорую» пришлю. Вздумаете уходить, ты останешься без глаза. Гуманист, все понял?

Сыщик сел за руль и включил мотор.

Звезды пропали, опустился предрассветный туман. Гуров чуть не споткнулся о труп Мельника. Тот лежал навзничь, пуля застряла в голове, сыщик не видел ранения и не мог понять причину смерти. Мельник был одет, но вот пиджака на нем не было, и Гурову это не понравилось.

— Пора объявить антракт, но, видно, сломался звонок и началось третье отделение. — Нервный шок еще не прошел, и Гуров говорил вслух. Не притрагиваясь к телу, он быстро прошел в здание. За стойкой администратора никого не было, сыщик поднялся на второй этаж, толкнул дверь номера ногой, встал у стены.

— Борис Андреевич, Анатолий Самойлович!

— Лев Иванович! — отозвался Юдин.

— Посторонних нет, шалостей не предвидится? — Гуров переложил пистолет в карман.

— Нет-нет, заходите, пожалуйста, — быстро ответил Кац.

Освободиться они не сумели и сидели связанные.

— Устал я от вас изрядно. Никакого инстинкта самосохранения. Веревочки хилые, перегрызть можно.

Он перерезал веревки, оглядел героев, прикидывая, какую можно извлечь пользу. На таком деле их можно завербовать. Но лично ему, сыщику, такие агенты ни к чему. С ворами у них связь теперь потеряна, а валютно-финансовые дела в ведении КГБ и ВХСС, пусть парни сами пашут.

— Как же вы смогли? — Юдин растирал затекшие руки. — Вы просто Феникс.

Гуров снял телефонную трубку и услышал гудок, аппарат работал.

Гуров вызвал «Скорую», опергруппу, дежурного следователя прокуратуры.

— Анатолий Самойлович, сооруди мне перекусить, я вроде бы твой спаситель.

— Момент, момент. — Кац засуетился.

— Борис Андреевич, как полагаешь, я рюмку могу хлопнуть?

— Безусловно, просто обязаны. — Юдин с любопытством наблюдал за сыщиком, пытаясь понять, что за человек полковник милиции. Сожрал добычу, играет, походя может оторвать голову и не заметить.

— Уговорили.— Гуров плеснул в бокал виски.— Прокуратура прибудет, а от меня пахнет. Я скажу, мол, меня вынудили под дулом пистолета. Подтвердишь?

— Ну? — Юдин развел руками.

Гуров заглянул в бокал, остался недоволен, долил:

— Продадите вы меня, родные, ни за понюшку табаку. Да Бог с вами!

Он проглотил янтарную жидкость, взял протянутый Кацем бутерброд.

— Так что нам прислали в оркестр?

— А где Мельник-то? — тихо спросил Кац. — Вы давно с ним расстались? Хотя вы неважно себя чувствовали, не помните.

— Расстались, расстались,— Гуров принялся за второй бутерброд,— душевный человек был.

— Давно видели?

— Минуты две назад, шел к вам и встретил, чуть не наступил.

— То есть как это? — не понял Кац.

— Как-как... Убили их, и они лежат внизу, на тропиночке, ручки раскинули.— Сыщик показал, как раскинул руки Мельник.— И в небо смотрят, звезд, правда, уже нет. Я через него перешагнул, сочувствие выразил...

Каца словно ветром сдуло.

— Как он близко к сердцу принял,— удивился сыщик, помедлил и снова налил.— Мельник что — ему друг, близкий родственник?

— Одет-то покойный как? — поинтересовался Юдин.

— Да небрежно как-то, рубашечка, штанишки, естественно, пиджачка, правда, нет.— Гуров понял, что вопрос был задан неспроста.— Я сначала-то подумал, прохладно, роса...

— Все! — Кац пошел и упал в кресло.— Борис Андреевич, все пропало.

— Анатолий Самойлович, у тебя позднее зажигание.— Юдин потер ладонями лицо.— Давно пропало, а ты за сердце хватаешься. Чудак.

— Антракт окончен.— Гуров вытер салфеткой руки.— До приезда моих коллег следует номер привести в порядок, могут неправильно понять. Я вас оставляю на минуточку.

Он вошел в свою спальню, зажег свет. На его постели спала Нина.

— Нина! — Гуров присел на кровать.— Нина! — Он тряхнул девушку за плечи, похлопал по щеке.

Затем взял в гостиной графин с водой и плеснул Нине на голову.

Первыми к особняку подкатили из райуправления и «Скорая». Гуров приказал оставить постового у тела Мельника, а сам с оперативниками и врачами поехал на полянку искать бывших телохранителей.

Степан и Толик сидели рядышком на том месте, где их сыщик оставил, и на приезд милиции и врачей не реагировали. Гуров снял с них наручники; Степан идти не мог или не хотел, его

положили на носилки. Толик забрался в «рафик» самостоятельно, закрывая лицо грязным платком и постанывая. Гуров отозвал одного из оперативников в сторону и сказал:

— Возьмите в помощь сержанта. Они убийцы, так что если это театр и после врачебной помощи они очухаются... Понятно?

Оперативнику было под пятьдесят, он лишь молча кивнул, спросил равнодушно:

— Кто же их так, товарищ полковник?

— Понятия не имею, — ответил Гуров.

«Скорая» уехала. Гуров приказал осмотреть окрестности. Искать долго не пришлось. Метрах в десяти, за поваленной сосной, начинался овражек, в котором лежали два тела. На Губского сыщик взглянул без интереса, а Мальчика разглядывал долго, но по розыскным ориентировкам ничего не вспомнил.

— Работайте, а я поеду в резиденцию, машину сразу верну.

На территории дома отдыха творилось несусветное, словно собиравшись снимать кино. Был, кстати, и человек с видеокамерой. Машина с опергруппой, машина из прокуратуры, еще одна с двумя незнакомыми Гурову генералами, четвертая стояла рядом с замызганным «жигуленком» сыщика, и около нее прохаживался мужчина в штатском, поглядывая на происходящее безразлично, не зная, чем себя занять.

Либо комитет, либо партийный фюрер, подумал Гуров, сидя в милицейском «газике» и решая, что ему делать, к кому обратиться. Он вышел из машины, неторопливо одернул пиджак, оглянулся и услышал:

— Полковник Гуров?

К нему подходил невысокий полноватый мужчина в прокурорском мундире.

— Здравствуйте, старший следователь по особо важным делам. — Свою фамилию следователь произнес невнятно. — Что здесь произошло, полковник?

Следователь прокуратуры был ниже Гурова на голову, уже в плечах, зато шире в бедрах. Среди невысоких мужчин масса умных и талантливых, они жизнерадостны, остроумны, пользуются успехом у женщин. Гурову не повезло. Приехавший следователь перечисленными качествами не обладал.

— Что произошло? Черт его знает. Думаю, нехорошие люди что-то не поделили. По моим сведениям, убили четверых. Одного вы видели, двое валяются в овраге неподалеку. Еще зарезали женщину, где тело, я не знаю. Двух преступников сопровождали в медчасть, уверен, они знают, где убитая. Два человека, которые приехали вместе с убитым, — сыщик кивнул в сторону Мельника, — находятся в девятом номере. Кстати, вы не знаете, кому принадлежит эта халупа с колоннами? Полагаю, ситуацию прояснит товарищ, который топчется у белой «Волги».

Каким бы ни был прибывший следователь, но слушать он умел.

— Так-так, интересно, продолжайте.

Гуров понял: назревает скандал. Сыщик чертов, паршивого чиновника обольстить не можешь. Говор выказываешь. понизив голос, Гуров сказал:

— У меня к вам просьба.

— Слушаю. — Бровь «по особо важным делам» приподнялась.

— Присядем, пожалуйста. — Гуров взял следователя под локоток, шагнул к скамье. — Чего-то я не того, ослаб малость.

Они сели, Гуров взглянул на ноги следователя, на туфли его тридцать восьмого размера, но непомерно широкие и оттого похожие на лапти, и сутулится, сравнивая себя с ним ростом.

— Да, важняк в прокуратуре, это серьезно, — бархатно запел Гуров. — Я, кстати, о вас слышал, повезло, что прибыли именно вы, дело крайне сложное, требуются опыт и талант.

Сыщик быстро взглянул, проверяя, не перебирает ли, но по задумчивости, появившейся на лице важняка, понял, что ноту взял правильную. Теперь знать бы его имя-отчество, так цены бы Гурову не было.

— Работы вам предстоит! — Гуров схватился за голову. — Здесь труп, два в овражке, все осмотри, все запиши, оформи, как того закон требует... Вы же юристы, это не мы — опера! — хватай мешки, вокзал отходит.

— Приятно, что вы это осознаете, — снисходительно произнес следователь, — но напрасно полагаете, что я падок на откровенную лесть. Я здесь представляю закон, и с вас взыщется по всей строгости. Перейдем к делу.

«Был бы не падок, не слушал бы, — подумал Гуров, согласно кивая. — Ты крючок сожрал, будешь наживку долго обсасывать...»

— Юдин и Кац. Финансисты. Дельцы.

— Они к убийствам отношение имеют?

— Оба в момент убийств находились рядом со мной.

— Полковник милиции, а рядом убивают! — Следователь всплеснул ручонками. — И пахнет от вас. Вы уж на генералов хоть не дышите.

— Спасибо. — От бесконечного угодливого кивания у сыщика заболела шея. — Не обессудьте, не по своей воле, заставляли. Еще одна просьба.

— Да уж ладно, валяйте.

— У вас работы часов на пять, полагаю.

— Да, как минимум.

— Я пойду, сосну чуток, если нужен, пошлете за мной. — Гуров достал из кармана пачку «Уинстона», которую стащил из номера. — Вы курите? Сделайте одолжение, избавьте от соблазна. — Он уронил пачку на колени следователя. — Мне врачи, ну, категорически. — И постучал ладонью по груди.

— Хорошо, взятчик, отдыхайте. — Следователь забрал сигареты, хлопнул сыщика по плечу и пошел к своей действительно сложной и нудной работе.

Гуров встал, расправил плечи, потянулся, увидел одного из приехавших генералов, пошел навстречу.

— Здравия желаем, товарищ генерал!

— Здравствуйте, Лев Иванович. — Генерал протянул руку. — Вы в министерстве человек новый, там генералов много, вы меня не знаете, зато я о вас наслышан. У вас по главному вопросу подвижки есть?

— Сожалею, товарищ генерал...

— Ну, совсем? Ну, ничего?..

— Практически нет.

— А теоретически? — Генерал улыбнулся. — Знаю я вас, сыщиков, два пишем, пять в уме.

— И теоретически. — Гуров вздохнул.

— Жаль, сильно интересуются. — Генерал посмотрел в заголубевшее небо. — Что-нибудь для рапорта...

— Буду работать, товарищ генерал. К вечеру вернусь в контору, надеюсь в клюве принести малость.

При слове «контора» генерал поморщился, сухо сказал:

— Желаю успеха. — Руки не протянул, зашагал к машине.

«Для рапорта», — усмехнулся Гуров, выждал, пока машина с генералами отъедет, пошел к главному входу и увидел Романова. В импортном рабочем костюме, который сегодня можно запросто купить за каких-нибудь три тысячи рублей, кроссовках, об их цене и говорить неприлично, он стоял на обочине аллеи и наблюдал за происходящим. Гуров подошел, пожал ему руку и сказал:

— Человек предполагает, а Бог располагает. Так бесславно закончил свою непотребную жизнь всемогущий Георгий Акимович Мельник.

— Он решил вас захватить? — Худое, бледное лицо Романова было бесстрастно, но сыщик почувствовал, что «механик» нервничает. — У нас будут неприятности.

— У меня алиби, в момент, когда прикончили сего деятеля, вашего покорного слугу убивали в другом месте.

— И вы не могли позвать меня?

— Да постеснялся будить, пять утра — самый сон... Шутка. — Гуров быстро обнял Романова за плечи, оглянулся и тут же убрал руку. — Расскажу как-нибудь попозже. Знаете, коллега, у меня просьба.

— Ради Бога, пожалуйста, чем могу.

— Прокуратура дала мне увольнительную на несколько часов, и я хочу выспаться. Вы понимаете, вечером мне кувырнуться на генеральских коврах, необходимо обрести форму. — Гуров провел ладонью по небритой щеке. — Добрые люди наверняка вывели из строя мой лимузин. Вам заниматься им опасно, впереди жизнь, и ни к чему, чтобы прокуратура связывала нас друг с другом.

— Разумно, — ответил Романов и отошел в глубь кустарника. — Не будем светиться.

— Как я понимаю, вы сейчас начнете сворачиваться?

— Нет, я выжду до завтра.

— Когда вся катавасия закончится, подбросьте меня на «мерседесе» в Москву.

— Да ради Бога.

— Прекрасно. Ничего интересного услышать не удалось?

— К сожалению, ночью станция вырубилась нашу линию на несколько часов.

— Знаю, думаете, что вырубилась именно станция?

— Точно. Я даже заподозрил неладное, позвонил и проверил.

— Мне еще понадобится ваша техника, думаю, мы с вами

сварим отличную кашу. — Гуров кивнул и направился в главный корпус. По дороге он остановил одного из прибывших оперативников, спросил:

— Вы меня знаете?

— Конечно, Лев Иванович.

— Тогда у меня к вам просьба.

И Гуров быстро, но подробно объяснил, что следует сделать. Не забыв упомянуть, что в багажнике и под задним сиденьем «Волги» четыре пистолета и нож, которые следует оформить и сдать следователю.

Юдин и Кац стояли у окна. Когда Гуров вошел в номер, они резко повернулись к двери.

— Вольно, бизнесмены. — Гуров рухнул в кресло. — Прокуратура рвет и мечет, скоро доберется до вас, готовьте свои легенды. Кстати, с вас причитаются. Прокуратура интересовалась, за что вы убили Георгия Акимовича Мельника.

— Я? Убил? — возмутился Кац.

Гуров поднялся с кресла.

— Я так и сказал, мол, Анатолий Самойлович Кац не убийца. Так что с вас причитаются, бизнесмены, а долги следует платить.

Сыщик кивнул Юдину на дверь и вышел в коридор. Юдин все время внимательно следил за Гуровым, его не обманывали шутливый тон и легкость разговора. Когда Юдин вышел из номера и встретился взглядом с голубыми жесткими глазами сыщика, то окончательно понял, что цена будет высокой.

— Борис Андреевич, мне ваша девушка очень нравится, но вы ее из моего номера заберите. Коллеги могут неправильно меня понять. — Гуров взял Юдина под руку и продолжал доверительно: — И последнее, у меня к вам просьба.

«Вот сейчас он мне и перережет горло» — подумал Юдин и не угадал.

— Сейчас ваша «вольво» стоит за воротами. Я хотел бы, чтобы начиная с семнадцати часов вы находились за рулем этой машины по адресу... — Сыщик назвал адрес. — Договорились?

— Не понимаю, но буду ждать обязательно.

— Мне кажется, мы с вами сработаемся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гуров выснался, побрился, надел свежую рубашку, изящно завязал галстук. Посмотрел на себя в зеркало, остался доволен, даже подмигнул, мол, ничего старина, еще не вечер.

Труп Мельника увезли, в парке наступила привычная тишина, Гуров прошелся по посыпанной гравием дорожке, прикидывая, где сейчас может находиться следователь. Он либо еще не вернулся из леса, либо где-то в доме, допрашивает прислугу. Подошел оперативник, которому сыщик давал задание.

— Нашли, Лев Иванович, — сказал оперативник, открыл целофановый пакет, который держал в руке, вытряхнул содержимое на траву. — Как вы и подсказали, в пруду, за сосен-

На газоне лежал мокрый бесформенный темно-коричневый

комок, который некогда был пиджаком Каца, а снят с трупа Мельника.

— Подкладка отпорота, в карманах кирпичи, — пояснил оперативник.

Сыщик прекрасно знал, что стоит за словом «нашли». Пруд невелик, если в нем купаться, а начнешь по дну шарить, так морем покажется. Гурову хотелось похвалить коллегу, но теплые слова не попадались.

— Молодец, — после долгой паузы пробормотал Гуров. — Ты большой молодец, коллега. И большое тебе спасибо. — Он компенсировал бедность слов крепким рукопожатием.

К особняку подъехала заляпанная грязью «Волга». Из нее выбрался изрядно помятый следователь и, увидев Гурова, закричал:

— Полковник!

Следователь прокуратуры оккупировал кабинет директора, на столе уже скопились бумаги, чиновник бросил сверху еще одну папку. Гуров сел без приглашения.

— Так-с, Лев Иванович. — Следователь потер пухлые ладошки. — Частично ваш рассказ подтвердился. Однако! — Он хлопнул по столу и опустился в кресло. — У гражданина Прохорова тяжелейшее сотрясение мозга, гражданин Курков, возможно, на всю жизнь останется без глаза. Как вас понять, товарищ полковник?

Следователь так проскрипел «товарищ», что оно прозвучало ругательством.

— Товарищ, — Гуров не выдержал и улыбнулся, — следователь по особо важным делам, хочу обратить ваше внимание, что указанные граждане имели намерения меня убить и были вооружены. Если я несколько не рассчитал, извините.

— «Вооружены», «намеревались» — слова, которые к делу не подошьешь. А два изувеченных человека — реальная действительность. В ваших действиях, полковник, усматривается явное превышение пределов необходимой самообороны.

— А пределы кто устанавливал?

— Закон! — Следователь поднял палец.

— А как закон оценивает пистолеты и нож, изъятые у преступников?

— Закон не убежден, что данные предметы принадлежали конкретным людям. Протокола изъятия нет...

— Понятые отсутствуют, — вставил Гуров.

Следователь был не простой, а по особо важным делам, на грубость не реагировал и спокойно продолжал:

— Следствие опирается на факты, а не на эмоции. Возможно, вам и удастся доказать свою невиновность. На пальцевые отпечатки, которые могут обнаружить на представленных вами предметах, особо не рассчитывайте. Они свидетельствуют лишь о том, что человек держал предмет в руках, и только, а где, когда, при каких обстоятельствах — неизвестно. Закон гласит: все, что не доказано, толкуется в пользу обвиняемого.

— Вы абсолютно правы, — согласился Гуров. — Вполне можно предположить, что граждане хранили пистолеты и нож в своих

квартирах для домашних нужд. А полковник Гуров незаконно проник в квартиры, похитил невинную утварь, затем вывез добропорядочных граждан за город, где и изувечил. Запомнили? Я вам это дарю как рабочую версию.

Гуров встал, взял со стола пачку «Винстона», которую подарил утром, и, прежде чем следователь успел открыть рот, покинул кабинет.

«Мерседес» катился мягко, лишь слегка вздрагивая на ухабах и выбоинах социалистических дорог, мотор чуть слышно урчал.

— Что ни говорите, Александр Сергеевич, а кое-какие достижения есть и в капиталистическом мире, — сказал Гуров. — Автомобильчик не так уж и плох.

Сидевший за рулем Романов кивнул:

— Машина приличная, но для наших дорог хлипковата, проходимости никакой, чуть канава — жди беды.

— Ясное дело, на бэтээре кататься сподручнее.

— Вам хохмочки, Лев Иванович, а держать такую машину — сплошное разорение. За все плати валютой. А где ее взять? Мои заграники кончились, на черном рынке цены космические...

— Умный человек о завтрашнем дне думает...

Романов сделал вид, что не слышал слов сыщика, спокойно спросил:

— Скоро Москва. Нам по окружной или в центр?

— Сверните на просеку, — ответил Гуров.

Когда «мерседес» остановился на полянке, Гуров выскочил на траву, обошел машину, махнул рукой.

— Александр Сергеевич, на минуточку!

Романов выбрался из-за руля, удивленно посмотрел. Сыщик ловко вынул у него из кобуры пистолет, кивнул на поваленное дерево.

— Присядем и решим.

— Что решим? — не понял Романов.

— Я не знаю, где у вас компьютер и дискета с картотекой. Вот и хочу, чтобы вы ответили, как мы поедем: по окружной или через центр?

Александр Сергеевич Романов был махровым мерзавцем. Советская школа парня изувечить не сумела, он получил аттестат, как и все сверстники, ничем среди них не выделяясь. Ни добрый, ни злой, среднего роста, приятной внешности, он пользовался умеренным успехом у женского пола. В какой же именно момент жизни невидимый стрелочник дернул за рычаг, рельсы передвинулись и Саша Романов покатился по пути мерзопакостному?

Мама Романова преподавала английский язык, и в семье все говорили по-английски. Мальчик особыми способностями не блистал, но мама упорно гнула свою линию, и Саша владел английским превосходно. Парень увлекался машинами и поступил не в иняз, как все ожидали, а в автодорожный. В пятьдесят седьмом в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов, переводчиков не хватало, и Романов стал переводчиком. На московских улицах улыбались белые, желтые, коричневые

и черные лица, но встречались и лица без лишних улыбок. Лето случилось жаркое, молодежь одевалась небрежно, пестро, разнообразно, но попадались и люди, обмундированные в штатское. С делегацией, которую обслуживал Саша Романов, работал непонятно кем человек в штатском, со спокойным лицом. Он помогал Романову решать мелкие бытовые проблемы, и, хотя был значительно старше Саши, они подружились.

Однажды в гостинице Романов нашел бумажник с пятьюдесятью долларами, документов в нем не было, хозяина обнаружить не удалось. Саша хотел отдать находку администратору, но рядом оказался его новый приятель. «Не глупи, парень, — сказал он, профессионально улыбаясь. — Дежурная валюту прикарманил, лучше мы с тобой ее пропьем».

Такая банальная история. Человек в штатском после этого случая стал улыбаться Романову все чаще и на правах содельника стал обращаться к переводчику с различными просьбами. Они были невинны — что-то узнать или спросить, присутствовать при чем-то разговоре и пересказать, — ничего серьезного.

Фестиваль оттремел, разноцветные юноши и девушки разлетелись по белу свету, а Романов остался в Москве. Вскоре его пригласили в райком комсомола, где в тихом кабинете безмятный человек предложил найденный Романовым бумажник сдать вместе с пятьюстами долларов, так как объявился его владелец и стране победившего социализма стыдно за своего гражданина, прикарманившего чужое добро. Тем более комсомольца. «Не пятьсот, а пятьдесят», — выкнул было Романов, но его слушать не стали, лишь укоризненно покачали головой. Неожиданно разговор приобрел миролюбивый характер, штатский гражданин обмолвился, мол, все не без греха, и, помнится, даже он однажды в молодости... Прозвучали комплименты в адрес английского, которым свободно владеет Романов. Беседа закончилась просьбой. В Москву приезжает группа иностранцев, переводчиков не хватает, возможно, молодой человек, комсомолец, не откажется помочь и немного заработать, заодно и разобраться в мировоззрении одного из гостей, так как последний вызывает беспокойство у компетентных органов. Романов согласился.

252

Так умелые руки начали деять из Романова «разведчика», в простонародье обзываемого «стукачом» или «сексотом». Он окончил институт, работал переводчиком, гидом, обучался задавать нужные вопросы, внимательно слушать, в нужный момент улыбаться, вновь спрашивать и запоминать ответы, а затем писать многостраничные отчеты.

После защиты диплома все сокурсники получили назначение, а Романова почему-то оставили на кафедре. Он и удивиться не успел, как его пригласили в безымянное учреждение, и уже другой человек, но такой же внимательный и обходительный, с такой же благородной сединой, спросил, не пожелает ли комсомолец Романов поехать в загнивающую капиталистическую страну, где в нашем посольстве настоятельно требуется механик. Романов пожелал, началось оформление, бесконечные встречи с разнообразными лицами в штатском, разговоры за жизнь,

о трудностях бытия в капиталистическом окружении и ценности любой информации.

Романова давно не обманывали серые пиджаки новых педагогов, он даже пытался угадывать, сколько звездочек на погонах его штатских руководителей. А однажды за рюмкой спросил:

— Товарищ майор, вы из меня готовите разведчика?

Педагог улыбнулся, чуть помедлил и задал встречный вопрос:

— А почему «майор»?

Романов объяснил, мол, учитывая возраст, манеру обращения с коллегами и т. д., пришел к такому выводу, и спросил:

— Я ошибся?

В компетентных органах отвечать на вопросы не принято, разговор соскочил на специфику страны, где расположен гараж, в котором вскоре будет трудиться Романов.

Наконец Романова пригласили для последнего напутственного слова. Пригласили не в солидное массивное здание, которое сохранившие способность шутить москвичи называют самым высоким в столице: из его подвалов видно Кольму, а в домик без вывески и в кабинет без таблички с именем хозяина на двери. По тому, как присутствующие не столько сидели, сколько над стульями висели, Романов понял, что удостоен великой чести. Вступлений не было, последний инструктор страдал косноязычием, которое в стране становилось модным. Если отбросить вводные слова, равнодушные пожелания и предупреждения о бдительности, оставалось три фразы: «Не верим мы двуликим дипломатам. Мы должны знать о них все, даже когда ходят в сортир и что смотрят во сне. Без крайней необходимости с территории посольства не выходить».

Романов опешил и неуверенно спросил:

— А английский? Зачем же мне знание языка, если из гаража не вылезать?

Инструктор лишь невнятно хмыкнул и удалился. Штатские репетиторы, готовившие Романова к экзамену, бросились его поздравлять, а один, которого отъезжающий за рубеж сексот однажды обозвал майором, укоризненно произнес:

— Ты, Александр, парень умный, а насчет английского сморзил. Ты что же, полагаешь, первая командировка — и сразу звание полковника и псевдоним Зорге? Ты доверие оправдай, а уж Родина не забудет.

Романов поселился в далеком заграничном гараже, начал писать отчеты, кто когда уехал и приехал. Скучная информация вызвала у педагогов недовольство. Он начал писать подробнее, кто что привез, сообщил, кто какие курит сигареты, от кого и чем по утрам пахнет. Сидя в гараже, многого не узнаешь, и Романов начал шататься по территории, но в посольстве это не принято, здесь каждый человек закреплен на своем участке, какому-то советнику поведение Романова не понравилось, он сделал любопытному механику замечание. Романов обиделся, написал, что советник пьянствует и сожительствует с машинисткой. Вскоре советник упаковал чемоданы, забрал жену и двинул на Родину, а любознательный механик получил благодарность и щепотку валюты. Кроме того, его снабдили подслушивающими устрой-

ствами и научили ими пользоваться. Александр Сергеевич Романов начал восхождение по паскудной лестнице. Вдруг, словно проснувшись, он почувствовал власть. Казалось, только вчера его руки были пусты и беспомощны, и вот как в сказке: звякнуло, брякнуло, и в руках у него карающий меч. Романов выпятил грудь колесом, но мечом размахивать не стал, начал улыбаться слаще, кланяться ниже, приглядываться, прислушиваться, принохиваться. Чекисты, не сводившие глаз со своего ученика, оценили скромность и усердие, прибавили хлебные.

Двадцать с лишним лет человек сочинял доносы, властвовал над людьми, упивался их наивностью и беспомощностью. Случалось, он выбирал жертву, сближался с ней, насколько возможно, выведывал ее планы на будущее, отмывал с пальцев мазут, садился за стол, писал и хихикал: «Новая машина, говоришь?», «Дочка замуж выходит, приданое требуется?» Или: «Сына сюда вызовешь, говоришь? Ну-ну, разберемся, кто сюда, а кто и в другую сторону».

Случалось, он горел. Советские люди вообще чуткие, а за рубежом — так совсем без кожи обходятся. И тоже грамотные, и бумага у них тоже есть, а терпения уже нет, и люди пишут, защищаются. Романова трижды вышвыривали из посольств. И что же? За одного битого двух небитых дают, а в столице своих стукачей хватает, и Романов получал новое назначение. Он уже давно не мечтал о серьезных заданиях, посмеивался над наивными зорге, писал и на них. Но все кончается. Однажды Романов промахнулся, стрельнул не в ту мишень. Не разобрался, кто чей родственник. А тут еще перестройка нагринула! Разразился скандал, и Романов оказался в Москве. Как раз в это время в газетах начали высказывать мысль, что стукачество за семьдесят с лишним лет не оправдало себя и даже сам Павлик Морозов, заложив родного батю, был слегка не прав.

Романов лишился хозяина, затосковал. Материально он был в полном порядке, как сегодня говорится, упакован до гробовой доски. В машинах он разбирался, а тут люди начали тащить из-за бугра иномарки. Но не хлебом единым жив человек. Алкоголику нужен стакан, наркоману — шприц, Романову необходимо было чувство власти, собственной значимости. Он стал плохо спать, решил отвлечься, взял партнершу, уехал на курорт, а когда вернулся, то выяснил, что ему нанесли визит неизвестные доброжелатели, из квартиры вынесли все, даже пытались содрать обои, правда, безуспешно. Кубышка с валютой у Романова осталась, однако ущерб был нанесен значительный, милицкий протокол с перечнем похищенного занял несколько страниц. Романова спас случай. В валютном магазине, где он покупал видеотехнику, встретил одного из бывших педагогов. Человек уже находился на заслуженном отдыхе, но клубнику не выращивал и не торговал гладиолусами, а работал в только что образовавшемся совместном предприятии. Романова представили одному из руководителей Корпорации, которому он понравился. Образованный, технически грамотный, абсолютно беспринципный, главное же — выученный при любых условиях молчать. Такой человек всегда нужен. Романову помогли восста-

новить квартиру, даже вернули кое-что из похищенного, и он начал трудиться на новом поприще курьером. «Мерседес», хозяин весь в заграничном, свободно говорил по-английски, может объясниться с любым иностранцем. Хозяева были Романовым довольны, только они не знали, что фирменный курьер с первого дня начал на каждого из них собирать компромат, привычка — вторая натура. Теперь он не писал доносы, а вечерами, попивая виски с содовой, вспоминал прожитый день, людей, с которыми встречался, выделяя «интересненькое», и закладывал в память своего компьютера, уверенный, что наступит момент и его труд принесет золотые плоды. Вскоре Романов понял, что подпольный бизнес можно легализовать и не ждать, пока плоды созреют, а получать доходы немедленно. Он сделал предложение в верхах: создать картотеку своих и чужих. Руководитель определенного ранга в любое время суток может получить справку о человеке, сведения о котором заложены в компьютер. Так начала осуществляться великая идея. Сначала справка стоила сто рублей, на сегодняшний день уже пятьсот. Навивные руководители не знали, что наряду с общей картотеккой Романов создает и собственную, для личного пользования, которая содержит компромат на самих руководителей.

Более чем двадцатилетнее сотрудничество с компетентными органами не пропало даром, дерево было посажено и продолжало расти, цвести и давать плоды.

Гуров, покусывая травинку, умиротворенно смотрел на зеленое поле и видневшийся за ним темный лес.

После долгой паузы Романов произнес:

— Я вас не понимаю.

Еще минуты две назад Гуров нервничал. Он не сомневался, что Романов принадлежит к преступному синдикату. Но что Романов — владелец компьютера, главное, дискеты с картотеккой, было лишь предположением. Увидев, как метнулся взгляд противника, Гуров понял, что попал в точку.

— Вы что, оглохли? Что за чушь несете? Я не понимаю вас!

Романов хотел вскочить, но сыщиц: удержал его на месте.

— Поздно, Маша, пить боржом, когда почка отвалилась. Актерству обучаются сызмальства, Александр Сергеевич. Какое имя испоганил, паршивец!

— Не понимаю! — упорствовал Романов. — Я офицер контрразведки!

— Ах, это. — Гуров взял «офицера» за отвороты модной куртки, вынул у него из кармана удостоверение, не глядя, положил в свой карман. — Спасибо, что напомнили.

— Объяснитесь!

— Тебя ударить?

— Не надо. — Романов съезжился.

— Тогда сиди смирно и слушай. Твой провал начался с пачки «Мальборо», которую ты по глупости подарил девушке.

Романов скривился, словно от зубной боли.

— Ну ладно, не дарил, она сигареты взяла без спроса, — уточнил Гуров. — Эту пачку я заметил на твоём столе, на ней

пятно было от кофе. Когда Нина угостила меня сигаретами, я пачку узнал, задумался. И все непонятные детальки начали становиться на свои места. Например, кто и с какой целью убил Людмилу Заслонову по кличке Авария? Я понял, что некто позвонил по телефону и передал для Мельника сообщение о бриллиантах. Ты разговор услышал, и девчонка умерла.

— Чуть собачья! — сорвался Романов. — Я никого не убивал! А сигареты? Я трахнул девку, она у меня сперла пачку сигарет!

— Конечно, — согласился Гуров. — Заодно она у тебя сперла снотворное, которое всыпала в мой бокал, но выпила его почему-то сама. Отключенные телефоны — тоже твоя работа, ты решил лишить меня связи!

— Ну конечно! И убил Раджива Ганди.

— На подошвах имеется след рифленой подошвы, думаю, вот от этих кроссовочек. — Гуров взглянул на ноги Романова.

— Кроссовки — не отпечатки пальцев, — возразил Романов.

— И след смоем первый дождь, — согласился Гуров. — У меня еще были кое-какие сомнения, но когда в пруду, что за елками, нашли пиджак Каца, который ты снял с застреленного тобой Мельника, на каждый шурупчик навинтилась персональная гачка. Согласитесь, гражданин контрразведчик, если бы Мельника убил человек со стороны, то, сняв с трупа бриллиантовый пиджак, быстренько убрался бы восвояси. Не стал бы его потрошить, напихивать в карманы кирпичи и закидывать в пруд. Нравится?

— Прокурору не понравится.

— Всю жизнь у сыщика с прокуратурой взаимоотношения натянутые. Настоящих доказательств у меня нет, потому мы и сидим на поляночке, а не в кабинете. — Гуров улыбнулся. — Есть только показания Нинель Александровны по факту снотворного, пленочки с записью телефонных разговоров, фальшивое удостоверение сотрудника КГБ, наличие оружия, в общем, если поскрести по сусекам, то наберется.

— Никаких пленок не существует, пистолет я нашел вчера вечером, один из бандитов, наверно, обронил, я сдать хотел, да не успел. Девка-проститутка какую-то чушь несет, знать ничего не знаю. — Романов тоже улыбнулся. — Ну, а удостоверение? Виноват. С детства мечтал работать в ЧК. Летом в Сочи какой-то незнакомец предложил изготовить, а я, старый дурак, согласился. На женщин завораживающе действует. За глупость готов понести наказание. Поехали?

Гуров удержал его.

— По окружной или через центр?

— Слушайте, полковник! — закричал Романов. — Неужели непонятно, вы никогда, ничего не докажете! Их нет в природе, этих доказательств! — Он протянул свои бледные пустые ладони и хихикнул.

— Не валяйте дурака, отдайте дискету с картотекой. Вы меня поняли?

— Бред! Картотеки не существует.

— Неужели? Почему же вы так много обо мне знаете? Все, хватит! Надоело! У меня действительно нет доказательств, что

вы убили девушку и Мельника. Я пока не собираюсь обращаться в прокуратуру. Но Корпорации доказательства не нужны. На девочку им наплевать, но вы украли бриллианты. Когда об этом узнают, вас найдут, после чего вы умрете плохой смертью. Мучительной... Проклятая день, когда родились. Ясно?

Лицо бывшего сексота посерело, губы истончились.

— Шантаж? Вы этого не сделаете...

— Поехали. В дороге обдумаете ситуацию. Вперед!

«Мерседес», мирно урча, быстро катился по окружной.

Сегодня я изувечил двух людей, думал Гуров, а третьего под угрозой смерти принуждаю выполнить свою волю. Можно, конечно, оправдать себя, что они убийцы и подонки, что я защищаю покой и жизнь людей порядочных и невинных. Но все это только слова. Я в дерьме и крови. У меня нет семьи, почти не осталось друзей. Будь проклят, если, прихлопнув это гадючье гнездо, не уволюсь, не зашвырну пистолет к чертовой матери. Я свое прошагал, пусть на дорогу выходят другие.

«Как же я мог так промахнуться? — думал Романов. — И так жидко? От меня воняет, и не дерьмом, а трупом».

Когда девка в номере Мельника сняла трубку и Романов услышал о золотом миллионе, то потерял ориентацию в пространстве и времени. Миллион — вот та сумма, которую он, Александр Сергеевич Романов, заслуживает. С Кацем справиться несложно, главное, чтобы информация не попала к Мельнику. Забраться через окно в номер и зарезать девочку было делом нескольких минут.

Когда Мельник, получив пулю в затылок, опрокинулся навзничь, подставив дебильную морду к звездам, и Романов снял с него заветный пиджак, то первым делом разобрал пистолет и разбросал его части по пруду. Он чувствовал себя в абсолютной безопасности. Теперь ему не страшна не только милиция, его не сможет изобличить и могущественный Интерпол.

— Вернитесь на грешную землю, наверно, уже проехали нужный поворот.

— Допустим, я отдам дискету, какая гарантия...

— Две дискеты, — перебил Гуров. — Я знаю, что существуют две дискеты.

Чутье и логика подсказывали сыщику, что такой человек, как Романов, не сложит все яйца в одну корзину.

Гуров не ошибся, у Романова было две картотеки. Одна содержала данные на каждого члена преступной организации, который попадал в его поле зрения. Развернутая характеристика человека, кличка или просто фамилия, имя и род занятий. Что Романов узнавал, то и записывал. В этой же картотеке находились и сотрудники милиции, прокуратуры, суда, сталкивавшиеся с преступниками по роду службы. Были здесь и мелкие взяточники, люди, принимавшие за услуги подарки, те, кто оказывал помощь, что называется, втемную, не зная истинного лица своего протеже. По предложению руководства Романов недавно внес в эту картотеку имена известного депутата и популярного журналиста, пишущего на криминальные темы. Якобы они приняли крупные взятки и с ними установлен постоянный контакт.

Вторая картотека была записана на отдельную дискету и хранилась в тайнике сейфа. Знал о ней только Романов. Здесь содержался компромат на руководство Корпорации.

Обе дискеты были надежно зашифрованы. Первая находилась в компьютере и предназначалась для ежедневного пользования, но никто, кроме Романова, не мог ее из компьютера вынуть, она мгновенно размагничивалась. Вторая тоже имела секрет.

Романов, облизнув пересохшие губы, сказал:

— Я хочу иметь гарантии, что, получив мою картотеку, вы не донесете на меня.

— Кончайте торговаться, лучше подумайте, как отдать дискеты и не соречь. Ведь на компьютере сидит дежурный телефонист. Или вы решили его убить и имитировать ограбление?

— Мы говорили о гарантиях, — упрямо повторил Романов.

— Сейчас мы подъедем к вашей конспиративной квартире, вы отправляетесь к компьютеру, я остаюсь в машине: меня не должен видеть дежурный, иначе вы обречены. Видите, я иду вам навстречу. Хотя и рискую. Даю ровно пять минут, опоздаете — пеняйте на себя. Передадите мне дискеты, через несколько дней встретимся и обсудим, как жить дальше.

Романов свернул на Киевское шоссе и помчался в центр. На Ленинском проспекте остановил машину у подземного перехода.

— Я принял ваши условия.

— Этаж, квартира? — быстро спросил Гуров.

Романов также быстро ответил, выключил зажигание, хотел забрать ключи с собой, но Гуров остановил:

— Оставь. Иди. У тебя пять минут.

В три часа дня на Ленинском проспекте в стороне от больших магазинов народу немного. Разве что пройдет женщина с детской коляской. Зато машины идут сплошным потоком, изредка разрезаемым светофорами.

Когда Гуров вел машину, то поглядывал в зеркало, невольно следя, не увязался ли кто следом. В «мерседесе» зеркало было обращено к водителю, и черную, заляпанную грязью «Волгу» Гуров проглядел.

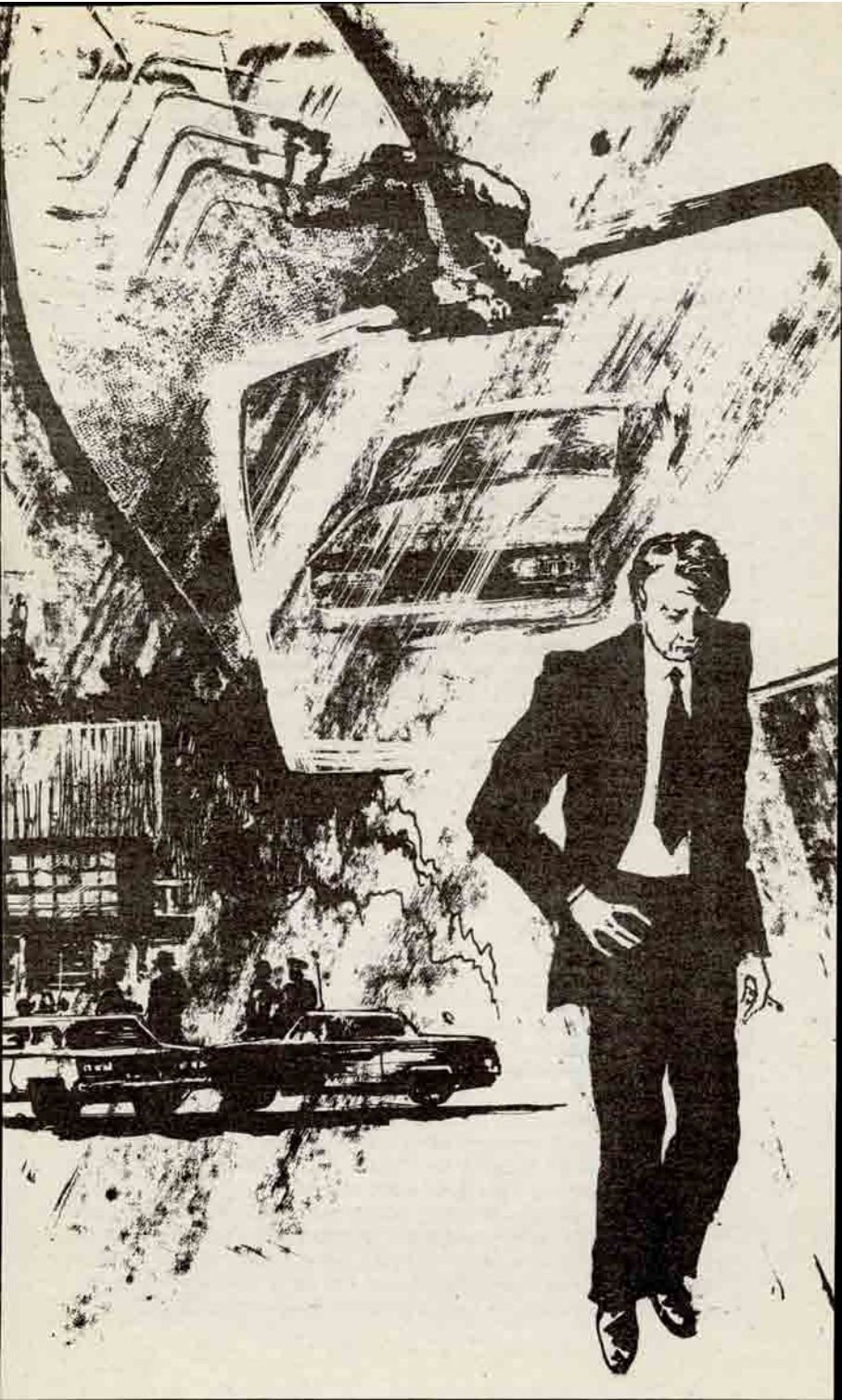
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Работавший в эти сутки телефонист был наркоманом, которого Романов подкармливал зельем. Давно решив от большого избавиться, он несколько дней назад приготовил смертельную дозу. Но с выполнением приговора тинул, искал замену. Александр Сергеевич знал, что сегодня у компьютера дежурит именно Костик, и радовался, что хоть в чем-то легло в масть.

Когда Романов вошел, Костик бросился навстречу. Потирая высохшие ладошки и заглядывая в глаза, затараторил: кто звонил, чем интересовался. Костику можно было дать и тридцать, и шестьдесят. Все зависело от того, как давно он кольнул-ся. Сейчас у Костики начиналась ломка, и ему было совсем худо.

Романов небрежно кивнул, подошел к столу, просмотрел регистрационный журнал и покровительственно произнес:

— Вижу, вижу, сейчас получишь. — Он прошел в спальню,

отпер вмонтированный в стену сейф, вынул заготовленный шприц, протянул Костику. — Ширнись и приляг, я тебя подменю.

Костик сделал укол прямо через брюки, сел на кровать и тихо свалился на бок. Романов вытащил из потайного отделения сейфа дискету с компроматом на свое руководство.

Еще в машине Романов решил, что эту дискету не отдаст. Господ заберут, кто-то сломается, и Александр Сергеевич Романов окажется на нарах. Но и не отдать нельзя. Гуров — мужик серьезный. Романов нашел Соломоново решение, вынул из компьютера дискету с общей картотекой, сунул на ее место новую и стер так, чтобы восстановить текст было нельзя. Взяв картотеку с ключками, приметами и характеристиками воров, убийц, агенты из милицейской среды, чиновничьего люда, партаппарата, сыщик так обрадуется, что на испорченную вторую дискету внимания не обратит.

Имей мозги, выход всегда найдется, самодовольно подумал Романов и взглянул на часы. Отпущенные пять минут истекли, он выскочил из квартиры, захлопнул дверь, кинулся к лифту.

— Не спеши! — сказал Гуров, стоя на лестничной клетке пролетом выше. — Не поворачивайся, положи дискеты на пол, вернись в квартиру, захлопни за собой дверь.

Романов присел, положил плотный конверт, поднял брошенные Гуровым ключи от машины и вернулся в квартиру.

Выйдя на улицу, сыщик глянул вдоль широкого проспекта, скользнул взглядом по прохожим, ничего подозрительного не заметил и сел в троллейбус. Дискеты в кармане. Время покажет, успех это или поражение. В данный момент необходимо проверить, нет ли хвоста. Гуров вышел из троллейбуса, остановил такси. Сыщик проехал мимо кинотеатра «Ударник» по Каменному мосту, свернул на улицу Фрунзе, проскочил туннель под Калининским проспектом, у Никитских ворот попросил свернуть налево и вышел на Малой Бронной, ближе к Садовому кольцу. Машин здесь было мало и черную грязную «Волгу», которая выскочила из-за угла и быстренько нырнула в переулок, не видел бы только слепой. Гуров не верил, что за ним могут наблюдать, проверялся для перестраховки и, обнаружив слежку, удивился. Но факт остается фактом, его «вели». Теперь следовало выяснить, сколько ведущих и каковы их намерения. Сыщик вышел на Садовое, двинулся к площади Маяковского, неторопливо пересек ее, прошел несколько кварталов по Брестской, зашел в небольшое кооперативное кафе, расположенное напротив Дома кинематографистов. «Волга» с наблюдателями припарковалась неподалеку, сыщик успел заметить, что в машине, кроме водителя, двое мужчин.

В кафе было чистенько и уютно, Гуров заглянул в меню, увидел цены и, прежде чем заказать, пересчитал наличность. Поскольку за свой короткий «отдых» в загородной резиденции он не заплатил ни копейки, то денег хватало. Он съел крохотную тарелку борща, кусочек мяса с затейливым гарниром, пригубил скверный кофе.

Романов не мог успеть, рассуждал он, и это не его люди. Но, судя по всему, «вели» «мерседес» от дома отдыха. Значит, либо

комитет, либо родная милиция. Контрразведка отпадает. Слишком топорно работают.

Парни, которые сидят в черной «Волге», даже не удосужились закамуфлировать машину под частника или такси. Стало быть, они из родной конюшни Гурова. Придя к такому печальному выводу, сыщик расстроился и заказал вторую чашку кофе.

Что означают эти игры на лужайке? Вспомнился генерал, который просил «что-нибудь» для рапорта. Обычная ведомственная возня? Кто эти генералы, из какого Управления? Старая площадь пристраивала своих людей на теплые местечки. Раньше МВД было для них любимым отстойником, но сегодня милиция место не теплое, а горячее, сторишь без дыма и огня. Позвонить Орлову, пусть придет за ним машину?

Гуров взглянул на буфетную стойку, на которой стоял телефонный аппарат. Но он не знал, какова ценность дискет, лежащих у него в кармане. Поднимет шум и выложит на стол пустышку, а может, и кусок дерьма. Главное, почему генералы чужого Управления знают о его задании? В конторе не принято сообщать о секретных заданиях.

Все не так просто, думал сыщик, оглядывая кафе и прикидывая, есть ли тут черный ход. От утренних генералов и грязной, наглой «Волги» сильно воняет. Вы, коллеги, ничего от меня не получите, пока я не рассмотрю, что добыл и за чем вы охотитесь.

Пока сыщик беседовал сам с собой, «охотники» вели переговоры с руководством.

— Товарищ генерал, он болтается по городу, никому не звонит.

— Может, он вас засек? — Генерал помедлил. — Суньте ему в зубы какую-нибудь легенду и доставьте сюда. Сошлитесь на распоряжение министра.

— Товарищ генерал, товарищ генерал, — торопливо заговорили из машины. — Бледнолицего взяли?

— Оказал сопротивление, получил пулю, — раздраженно ответил генерал. — Какое тебе-то дело? Выполний!

Гуров расплатился, зашел в туалет, запасной двери не попалось. Много чести для щенков, чтобы я от них убежал, решил сыщик.

Он вышел на улицу, улыбаясь, так как представил себе ситуацию, в которой окажутся его преследователи. Он решил пойти по площади Белорусского вокзала и свернуть налево, к метро, а у «Волги» будет поворот только направо. Прозвительно сигналя, задом, нарушая правила, так как движение по Брестской было односторонним, к тротуару подлетела знакомая «Волга» и из нее выскочил широкоплечий парень лет тридцати.

Он улыбался так, что казалось, за ушами треснет.

— Товарищ полковник, мы ваши ангелы-телохранители, только что получили приказ доставить вас в министерство. Вас ждет министр.

— Ну, если сам министр, лично... — Гуров, оглядывая парня, отметил, что тот стоит плохо, непрофессионально, его легко вырубить. И рывкнул: — Ты кто такой?

— Товарищ полковник, я старший...

— Не брызгай слюной, старший, — перебил Гуров, — предъяви документы.

Парень явно обиделся, вынул удостоверение, сыщик выхватил вишневую книжечку.

— Так ты дворнику будешь представляться. — Гуров, заметив, что из машины собирается вылезти напарник, ногой захлопнул дверцу, рывкнул: — Сидеть! — и нагло переложил пистолет в наружный карман пиджака.

Из кафе никто не выходил, люди толкались на другой стороне улицы у Дома кино. Спектакль проходил без зрителей, разве кто мельком глянул из проезжавшей машины.

— Карякин, значит? — Гуров смотрел на парня, сравнивая его морду с фотографией в удостоверении, даже помял корочки, пытаясь удостовериться в их подлинности. Разыгрывая представление, нехотя вернул удостоверение. Постучав в стекло «Волги», распахнул дверцу, так же тщательно проверил документы напарника, оказавшегося Дроловым, затем упал на заднее сиденье и облегченно вздохнул.

— Ну, здравствуйте, парни. Извините, коли обидел. Бережного Бог бережет.

Оперативников предупредили, что полковник — мужик с норовом, может заартачиться, и они обрадовались, что вопрос разрешился столь быстро.

— Мы понимаем, товарищ полковник, — сказал Дролов, сидевший на переднем сиденье.

— Сейчас такие фармазоны встречаются, — поддержал товарища сидевший рядом с Гуровым Карякин. — Любую ксиву изготовят. — Оперативник устроился поудобнее и скомандовал: — Володя, домой!

Водитель свернул на Васильевскую, выехал на улицу Горького. Гуров сказал:

— У меня, парни, просьба. Сугубо мужская. Ты, Володя, ничего не слышишь. — Он хлопнул водителя по плечу. — Надо на секунду к ЦУМу подскочить.

— Не положено, приказали...

— Парни! — Гуров всплеснул руками. — Мужики вы или нет? У меня в ЦУМе телка, — он чуть не подавился этим словом, — работает. Она сейчас сменится, а я вечером свободный. Телефона у нее нет. Привстанем, с капитаном, — сыщик толкнул в спину впереди сидящего, — заскочим на минутку. У моей подружки ноги из ушей растут... Я же мог и на пять минут дольше обедать?

Оперативники колебались, но водитель на Маяковской перестроился в левый ряд, свернул на Садовое и поехал в сторону ЦУМа, чем и разрешил ситуацию.

Все верно, подумал Гуров, у кого руль, тот и управляет, и, не давая оперативникам времени на размышление, быстро заговорил:

— Болтают, мол, молодые работать не умеют, а вы классно за мной проехали и «сняли» меня профессионально. Молодцы. Сыщики. А вы что же, меня на Ленинском зацепили?

— Значительно раньше, товарищ полковник, — ответил Дролов, повернулся к Гурову, подмигнул.

— А на Ленинском прокол, — сказал Карякин и вздохнул. — Наши товарищи к этой бледнолицей гниде, что вас на «мерседесе» катала, заглянули, а он, падла... Подробности, как говорится, письмом, пришили, в общем...

— Баба с возу, — пробормотал Гуров.

Романова застрелили! Как? Сопrotивления он оказать не мог. Зачем же в квартиру полезли? Его можно было у машины подождать, вежливо взять под белые ручки. Какого агента загубили! На дискете есть что? Кто-то жжет мосты. Теперь, парни, мне с вами не по дороге.

«Волга» прокатилась вниз по Петровке, миновала дом тридцать восемь, в котором Гуров прослужил более пятнадцати лет, пугнув окружающих сиреной, вильнула налево и остановилась у ЦУМа.

— Век не забуду, ребята. Пошли, капитан, — сказал Гуров и выскочил из машины.

Сыщик горячо зашептал оперативнику в ухо:

— Только ты об этом молчок. У нас не поощряется.

— Обижаете! — От возмущения Дролов даже приостановился.

— Ладно, извини...

Шагая плечом к плечу, они протолкались сквозь толпу гостей столицы, которые не верили, что и тут, в самом центре Родины, тоже ничего нет. Гуров взглянул на часы — семнадцать двадцать.

Если хотите потерять человека или оторваться от назойливого соглядатая, приходите с ним в ЦУМ.

В круговерти обезумевших покупателей, шустрых мошенников и орущих детей расстаться с недалеким капитаном было так же просто, как проглотить рюмку водки. Гуров даже постеснялся элементарности трюка, который мог удивить лишь дошколят. Пока они продирались через людскую чащобу, капитан дважды терялся, но Гуров, не доверяя случайности, поджидал охранника, чем окончательно усыпил его бдительность. Напротив прилавка, у которого покупатели давили друг друга из чисто спортивного азарта, сыщик остановился. Указывая на продавщицу, блондинку, лениво шевелившую яркими губами, Гуров прошептал:

— Видишь? Это Тося, подруга моей тетки. Спроси у нее, где Роксана. Если она уже ушла, назначь им свидание часиков на девять у телеграфа.

— Понял, — выдохнул капитан и ввинтился в толпу.

Гуров проводил его сочувственным взглядом и начал пробираться к выходу в сторону Пушечной улицы.

Сверкая лакированными боками, «вольво» стояла на условленном месте. Гуров сел рядом с Юдиным и сказал:

— Поехали! К чертовой матери! Будь все проклято!

Юдин пожал плечами и повернул ключ зажигания.

Они стояли на Воробьевых горах, смотрели на Москву, молчали.

Бизнесмен подсчитывал убытки. Губский и Мельник ушли. Туда им и дорога. Каца жалко, ему после такого удара не оправиться.

— Кац может покончить с собой, — вздохнул Юдин.

Гуров с удивлением взглянул на него.

— Бриллианты принадлежат общине, — пояснил Юдин. — Миллион долларов! Для кого-то это не деньги, а для Анатолия Самойловича — петля.

— А я-то все думал, чего мне не хватает... Вы с Романовым давно знакомы?

— Совсем не знакомы. — Юдин помялся. — Мне его рекомендовали...

— Кто? Борис Андреевич, это важно.

— Вы этого человека не знаете.

— Тогда мыслите для Каца петлю. Поехали, мне нужно срочно позвонить.

Гуров резко повернулся и зашагал к машине. Когда они сели в «вольво», сыщик сказал:

— К ближайшему автомату.

— Я вам не шофер, черт побери! — сорвался Юдин. — Вы что же, собираетесь сделать из меня осведомителя? Романова мне рекомендовал крупный чиновник МИДа. Фамилии я вам не назову. — Он включил мотор.

— Вы будете меня возить столько, сколько мне нужно... Да и фамилию назовете, — тихо произнес Гуров. — Дайте закурить...

Юдин открыл отделение для перчаток, достал пачку «Мальборо», дал сыщику прикурить.

— Я все думал, как определить вашу сущность. Теперь понял. Вы слабый.

— Точно. — Гуров кивнул, затянулся, понюхал сигарету. — Никакой гадости не подмешано?

Он решил было позвонить старому приятелю, укрыться временно у него, но вспомнил, что приятель недавно женился, и вариант отпал.

— У вас большая семья?

Юдин нахмурился:

— Это угроза?

— Не дуйте на воду, Борис Андреевич. — Гуров давно не курил, и у него слегка закружилась голова. — Просто вы мне подсказали идею вербовки, и меня заинтересовало ваше семейное положение.

— Если не считать сиамского кота, одинокий. А работать на вас не буду.

Уже работаешь, подумал сыщик, а дальше — жизнь покажет.

— Пригласите в гости, выпьем кофе.

Юдин колебался, Гуров почувствовал, что может получить отказ, и козырнул:

— Из дома позвоните Кацу, пусть не торопится.

— Опасный вы человек. — Юдин рассмеялся. Включил передачу и мягко тронул машину с места.

— У вас, как я понимаю, большие связи, — сказал Гуров. — Вы можете выяснить, куда поступают изъятые нашим ведомством вещи?

— Наверное, вам это сделать легче.

— Возможно, только вам нужнее.

— Какая конкретно вещь?

— Со временем узнаете, в обмен на фамилию чиновника МИДа.

— Дался вам Романов,— раздраженно произнес Юдин. Он припарковался у высокого дома, сложенного из светлого камня.

— С час назад Романова застрелили.— Гуров прикурил вторую сигарету.— И меня интересует все, что с ним связано.

Светало. Сыщик сидел перед компьютером. На столе стояла «турка», несколько чашек с кофейной гущей, лежали страницы исписанной бумаги.

Квартира у Юдина была трехкомнатная. С небольшим холлом, с маленьким бассейном, крохотной баней, гостиной, кабинетом и спальней. Ковры и хрусталь, как заметил Гуров, отсутствовали. Пол покрывал скромный однотонный палас. Мебель не сверкала нахально полированными боками, была матовая, из вошеного дорогого дерева. Каждый предмет предназначался для конкретного использования. Для форсу были разве что картины.

Компьютер, как и следовало ожидать, нашелся. Гуров выставил хозяина за дверь и начал работать. Выяснил, что одна дискета безнадежно испорчена, а другая вроде бы ничего, но в то же время и ничего особенного. Не стоило и огород городить. Имена и клички, проявившиеся на экране компьютера, были Гурову известны. Попадалось кое-что, в основном взяточники: одни в погонах, другие при галстуках и партбилетах. На них можно было и наплевать. Ну куда денутся?

В конце картотеки шли подробные характеристики двух человек. Один — депутат Верховного Совета России Черкасов, из «так называемых демократов». Второй, Кудин, журналист, выступал на страницах газет и рассуждал о плохой работе милиции, коррумпированности и безнравственности ее сотрудников. Оказывается, и депутат, и журналист были тесно связаны с Корпорацией, брали взятки. Указывались даже суммы и даты: жена депутата приняла бриллиантовую брошь, которую дарители не поленились подробно описать.

Гуров выругался, отключил компьютер и закурил. Он полностью соглашался с доводами депутатов и даже завидовал человеку, который так легко сменил кожу.

Журналиста Гуров никогда в глаза не видел, но, читая его хлесткие, злые материалы о безнаказанности преступников, крестинизме и бездушии работников милиции, покрывался гусиной кожей и матерился. Пижон и краснойбай играючи справлялся с проблемами, которые не мог разрешить Гуров два десятка лет.

Сыщик смотрел на бледный экран компьютера и бормотал:
— Ах ты, бархатная жопка, шелковые ушки, значит, мы все в дерьме, а вы в белых перчатках?

Гуров стал прикидывать, как полученной информацией можно распорядиться.

— Разрешите? — В дверях появился Юдин. — Может, перекусим, по рюмке примем? — Он поставил перед Гуровым кофе, глянул на погасший экран.

— Может быть, может быть,— рассеянно пробормотал Гуров.

Он взял чашку и прошел на кухню. Расположился у окна, лицом к двери — наверное, и в бане сыщик не сядет к двери спиной, — все старался и не мог хоть ненадолго забыть о депутате и журналисте.

Юдин бесцельно слонялся по кухне, прикидывая, как подступиться к задумчивому гостю, изловчиться, перетащить на свою сторону.

— Вы чем-то озабочены, Лев Иванович. Может быть, я смогу быть вам полезен? — Юдин решил прервать тягостное молчание.

Гуров взглянул недоуменно.

— Думаете, я от хорошей жизни связался с Губским, Мельником и компанией? — Юдин взял полотенце, вынул из печки сковородку с яичницей, поставил на стол.

Ужинали молча, Юдин выпил, Гуров взял чашку с кофе и встал.

— Спасибо, очень вкусно, я пошел.

— Я вам постелю на диване. — Юдин прошел за Гуровым в кабинет, достал из тумбочки белье. Взглянул на лицо сыщика, бросил все на диван и молча удалился.

Гуров включил компьютер, еще раз перечитал данные на депутата и журналиста и почувствовал непонятное беспокойство.

Совершенно ясно, что материал в компьютер закладывался по мере его поступления и не имел никакой системы. Взятчик из вневедомственной охраны, следом боевик-убийца, после него директор магазина. И такая чересполосица от начала и до конца. И под самый финал — депутат и журналист. Следовательно, информацию на них получили одновременно. Почему? Дела, в которых они увязли, различны, сроки наказания тоже разные. Депутат способствует хищениям, и в тексте упоминается восемьдесят седьмой год. А в компьютер сведения попали в девяносто первом. Явные нескладушки.

Можно предположить, что некто, человек дальновидный, полагает, что карточка преступников рано или поздно может попасть в руки властей, и закладывает в нее дезу, порочащую депутата и журналиста. Депутата и журналиста рвут на куски, поливают помоями и все вываливают на голову Президенту России.

Сыщик начал чертить на листе бумаги геометрические фигуры и продолжал рассуждать.

Если горячий материал является дезой, то ее инициатор должен знать, куда заложил мину, и не зависеть от успеха или неуспеха какого-то Гурова. А Гурова могли резать в лесу, он мог не выйти на Романова или не суметь его сломать. Слишком много случайностей. Если проводится запланированная провокация, она должна быть проста и надежна.

Кажется, я придумал ответ, решил Гуров, теперь подгоню под него условия задачи. А откуда появились генералы? А «Волга» с оперативниками? Главное, почему убили Романова?

Гуров вскочил, прошелся по кабинету.

Романов не мог оказать сопротивления, его убили, потому что мертвые молчат. А что он такого знал? Все упирается в картоте-

ку, а может, ответ в испорченной дискете? Хозяева не знали, что Романов стер запись? Организаторы убийства и слежки за Гуровым не могут быть хозяевами Романова, ясно, что они вышли на липового кагэбэшника через Гурова. Выходит, человек закладывает в компьютер дезу и не знает, где этот компьютер находится? Не может быть...

Почему? Предположим, Некто узнает, что в преступной Корпорации региона России имеется компьютер с картотекой. Информация могла просочиться из нашего Управления. Через свою агентуру Некто посылает компматериал на «так называемых демократов».

Из того же источника Некто узнает о полковнике Гурове и его задании. Сыщик отправляется за город, за ним приглаждают. После вызова опергруппы, прокуратуры и «Скорой» сначала появляются генералы, а после за Гуровым устанавливают наблюдение, которое приводит сначала к Романову, а затем к компьютеру и дискете.

— Такой грязной работы я еще никогда не делал,— вслух подвел итог Гуров.

Гуров долго сидел в кресле, курил, варил кофе, снова курил, тасовал колоду и так, и сяк и каждый раз проигрывал. Лишь когда начало светать, сыщику удалось «вытащить джокер».

Около десяти утра Гуров, стоя в одних трусах, гладил брюки. Юдин готовил завтрак, поглядывал на мускулистую фигуру гостя.

— У вас фигура тридцатилетнего атлета, можете работать натурщиком, хотя для классики, пожалуй, мышц многовато. И на груди шрамик почти не виден, а вот спину вам конопатил халтурщик.

Гуров закончил гладить, убрал утюг и доску, принялся чистить туфли.

— Рубашечка ваша никуда не годится, мог бы подарить новую, так вы наверняка не возьмете...

— Отчего же? — удивился Гуров. — Я нормальный человек и обожаю подарки.

Юдин принес белую рубашку и строгий однотонный галстук.

Потом они завтракали, разговаривали о погоде, футболе, политике. Когда собрались уходить, Юдин спросил:

— Вам действительно нужен человек, который подбросил мне Романова?

Гуров кивнул, и Юдин назвал фамилию и должность. Сыщик снова кивнул, прищурился и заговорил:

— Я бы на месте Каца не лез в петлю, а раздобыл бы «мерседес», принадлежавший покойнику. При ваших возможностях — дело несложное. «Мерседес» разобрал бы на части, до последнего винтика, размонтировал колеса. — И весело заключил: — Разберите этот аппарат на молекулы, и если в ваших руках ничего не останется, я брошу свою работу и наймусь к вам водителем.

— Ловлю на слове, Лев Иванович, — сказал Юдин, отпирая массивные запоры входной двери.

— А пока не я вас вожу, а вы меня, подбросьте, пожалуйста, на Октябрьскую площадь, к министерству, — попросил Гуров, переступая порог.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Шеф Гурова, начальник Управления Петр Николаевич Орлов, как обычно, в цивильном скромном костюме, с плохо повязанным галстуком, сидел в своем кабинете за столом, вертел в руках дискету и, казалось, не интересовался проходившим здесь разговором.

Моложавый генерал, которого Гуров впервые увидел у загородной резиденции, в отличие от хозяина кабинета был активен и суетлив. Он пытался расхаживать перед столом Орлова, но кабинет был невелик, и генерал наткнулся то на книжный шкаф, то налетал на сейф. Гуров сидел сбоку от стола начальника, спиной к окну, терпеливо ждал, когда кончится игра в слова и начнется дело.

Сыщик не понимал роли генерала, широты его полномочий, хотя по лицу шефа догадывался, что генерал является персоной, приближенной к императору.

— Мы люди военные и дисциплинированные! А вы, Лев Иванович, — полковник милиции, а не анархист с маузером за поясом и бомбой в кармане! — Генерал в очередной раз наткнулся на сейф. — Черт побери, может, перейдем ко мне, все-таки просторнее, и хоть кофе дадут...

Шеф нажал на кнопку и тихо сказал:

— Света, кофе, пожалуйста...

— Петр Николаевич, вы своим молчанием поддерживаете полковника, будто одобряете его безобразное поведение, которое граничит со служебным преступлением. — Генерал неловко присел на краешек стула. — Мало того, в прокуратуре решают вопрос о возбуждении против полковника уголовного дела за превышение пределов необходимой самообороны, нанесение тяжких телесных повреждений с расстройством здоровья.

— Тяжких без расстройств не бывает, генерал, — флегматично заметил Орлов. — А никакого дела не слепится, нет потерпевших.

— Не понял! — Генерал вскочил.

Орлов заглянул в лежавшую на столе папку.

— Сегодня, около шести утра, содержавшиеся в санчасти Прохоров и Семин убили постового милиционера и скрылись.

— Прекрасно! Великолечно! — Генерал вновь начал тыркаться по кабинету. — Просто гора с плеч! Но сейчас главное — полковник. — Он кинул пальцем в Гурова, словно хотел пригвоздить его к стулу. — Он должен быть без единого пятнышка. Надо не только, как вы выражаетесь, пахать, но и подать результат. Сегодня в семнадцать — пресс-конференция, будут наши писки, депутаты, сами понимаете, иностранцы. Мы им такой товар подаем, а главный герой — в грязи, увечит людей... Ну, слава Богу, хоть с этим пронесло!

Генерал поднял руку, хотел, видно, перекреститься, но сдержался, помахал ладошкой.

Так... Ларчик просто открывался, подумал Гуров. Пресс-конференция, иностранцы, потому-то ты не спишь. И гоняешься ты не за мной, грешным, а за сенсацией.

— Я выполняю приказ министра! — Произнеся эту фразу, генерал, словно прикоснувшийся к земле Антей, ринулся в бой с новыми силами. — Я вас подам на всю страну и дальше, за пределы! Я должен быть уверен в вас, полковник! А я не уверен! Где вы болтались почти сутки? Почему вы скрылись от своих товарищей?

— Разберемся. — Орлов разглядывал свои ладони. — Полковник Гуров напишет рапорт. Мы разберемся.

— Нет у меня времени! Мы боремся с бюрократией, а вы все вопросы хотите свести к бумажке! Почему сейчас нельзя простыми русскими словами объяснить?

Орлов перестал любоваться ладонями, взглянул на Гурова и кивнул.

— Товарищ генерал, я выполнял специальное задание, о котором в принципе никто не должен был знать. Неожиданно меня остановили незнакомые люди, представились как мои телохранители. У меня тело одно, я не могу доверить его охрану чужим людям.

— Не паясничайте, полковник! Вам предъявили документы, сослались на министра!

— Документы я могу такие предъявить, что вы, товарищ генерал, в моем присутствии сидеть не посмеете.

Генерал покраснел, затем пошел белыми пятнами, Орлов довольно заурчал, сказал миролюбиво:

— Ну, ладно, ладно, Лев Иванович, давай по существу.

— А по существу, товарищ генерал, — сыщик взглянул на начальника обиженно, — ни о какой охране не договаривались. Парни наглые, и что им нужно, неизвестно. Министр, говорите? Так я могу сослаться на Президента или на Господа Бога... Слова — они все выдержат.

— Допустим, допустим, — неожиданно миролюбиво сказал генерал. — Ну, не понравились вам мои парни... А ушли вы, надо сказать, мастерски, провели моих вислоухих.

Генерал улыбнулся, призывая заключить перемирие. Гуров еле сдерживал смех, Орлов вновь вызвал секретаря:

— Светок, как дела с кофе?

— Петр Николаевич, чайник перегорел, я ребятам позвонила, не несут, черти, — радостно сообщила секретарша, которая отлично знала, когда нужен кофе, а когда чайник должен «перегореть».

— Хорошо, хорошо, отставить, — сказал Орлов и развел руками.

— Ну, великие сыщики, вы и даете! — Генерал вымучил еще одну улыбку, повернулся к Гурову и посерьезнел. — Так куда вы пропали, почему не явились к начальству? Где вы ночевали?

Сыщик знал, что такие вопросы зададут. Гуров рассчитывал переговорить с Орловым один на один и вместе сочинить леген-

ду. Но когда сыщик переступил порог министерства, его уже ждали и повели к чужому генералу. Гуров еле отбилсЯ и сумел проскочить в этот кабинет.

Орлов покусывал губу, взгляда на Гурова не поднимал. Он понял: никакой защиты, только нападение.

— Может, вы хотите знать, с кем я ночевал и как именно? От меня жена ушла... как раз вчера, такая незадача. Сто лет прожили дружно, любили...

— Все! — Орлов хлопнул ладонью по столу, поднялся. — Объявляется перерыв.

Генерал растерянно оглянулся, не зная, что предпринять, хотел взять со стола дискету, Орлов отрицательно качнул головой, указал взглядом на дверь. Генерал возмущенно фыркнул и вышел.

— Ты, Лева, свой талант закопал, — сказал Орлов, с искренним удивлением глядя на Гурова. — Семнадцать лет с тобой бок о бок, и не подозревал даже.

Дверь открылась, секретарша принесла кофе, заговорщицки подмигнула и удалилась.

— Что здесь? — Орлов постучал пальцем по дискете.

— Разное, — ответил сыщик. — Откуда явился сей муж? И почему ты разрешаешь с собой так разговаривать?

— Потому, Лева, все потому же. — Орлов убрал дискету в сейф. — Если меня не будет, кто останется? Ты, гений, куда служить пойдешь? Почему не звонил?

— Статью за соучастие не отменили, Петр Николаевич. Что позволено оперативнику, не позволено генералу.

— Я твой друг.

— Сейчас ты начальник.

— Я волновался. — Орлов сунул ладонь под пиджак, потер грудь. — Бог тебе судья. Ну, Лев Иванович, как будем жить дальше?

К семнадцати часам перед конференц-залом начали собираться сотрудники министерства и постепенно прибывавшие гости. Атмосфера ожидания была, как в фойе театра перед началом премьеры, — нервная и одновременно праздничная.

Молодым сотрудникам было поручено встречать и рассказывать гостей. Милиционеры со стажем, кто в форме и при орденАх, кто в штатском, поглядывали на происходящее снисходительно: мол, чего только нынче не придумают. Вот и в святая святых неизвестно кого пустили, скоро и кооператорам разрешат здесь шляться. Иностранцы, привычно улыбаясь, не скрывали любопытства, оглядывались, один даже подошел к стене, колупнул пальцем облицовку. Несколько депутатов, как и надлежит народным избранникам, держались солидно и слегка покровительственно, дескать, не такие залы видели, мягко стелете, но нас, умудренных, на кривой не объедешь, мы в корень посмотрим, в самую суть. Журналисты, которых профессия обязывает в любую щель пролезть, с тем, кого не знали, здоровались с таким видом, что человек, досадуя на свою память, начинал чувствовать себя неловко.

Орлов и Гуров сидели в полупустом зале, у прохода, над ними нависал генерал.

— Петр Николаевич, я категорически требую отдать мне дискету. Мы планируем показать кое-какую кинохронику, а ваш материал запустим на скорости, прочесть его будет нельзя, но объем добытой информации произведет впечатление, — он указал на стол президиума, рядом с которым стояли телевизор и компьютер.

— Классное решение, — Орлов одобрительно кивнул. — Зарядите компьютер любой информацией и гоняйте, а конференс — дело несложное...

При слове «конференс» генерал скривился, набычился:

— Я категорически требую...

Орлов резко перебил:

— Вы, генерал, требуйте с подчиненных, меня вы можете только просить. Совершенно секретный материал из моего сейфа никуда не выйдет, тем более на эстраду.

— Ах, так? Сейчас прибудет министр...

— Хоть президент.

— Ну посмотрим, — пробормотал генерал и отошел.

Зал начал наполняться, по проходу двинулась группа товарищей, которым полагалось сидеть в президиуме. Засверкали блицы.

Рядом с министром сыщик увидел депутата, который фигурировал в картотеке уголовников. Прав я или не прав, думал Гуров, глядя на массивную фигуру с седой шевелюрой. Задумана провокация, скандал с разоблачением или мне привиделось? Но сегодня у них сорвалось. Петр дискету не отдаст, да и обнародовать такой материал прилюдно никто не рискнет.

Товарищи солидно занимали свои места, улыбаясь, переговариваясь, галантно уступали друг другу место. Среди вышесидящих было три генерала, но один, недавний собеседник сыщиков, из зала смотрелся лучше всех, был подчеркнута статен. Он склонился к уже занявшему свое место министру, что-то быстро говорил и поглядывал в зал.

— Я, пожалуй, пойду. — Орлов встал и направился к выходу.

Микрофон щелкнул, и спокойный, уверенный голос произнес:

— Петр Николаевич, подождите, пожалуйста. — Генерал призывно махнул рукой.

Орлов остановился, взглянул на эстраду, почесал за ухом, пошел обратно, недовольно бормоча:

— Старый дурак.

Проходя мимо Гурова, Орлов дал ему подзатыльник, одернул пиджак и зашагал решительнее. Генерал встретил его у ступенечек, чуть не подхватил под локоток, подвел к министру.

— Сенсационный материал раздобыли и причете. Нехорошо, Петр Николаевич. — Министр улыбнулся сидевшему рядом депутату. — Принесите и передайте генералу.

Орлов, понимая, что выглядит смешно и препирательство бесполезно, ответил:

— Товарищ министр, материал доставлен лишь сегодня, я его не смотрел, но он совершенно секретный.

Министр натужно, словно жал воротничок, повернул голову и сказал:

— Я вас прошу, Петр Николаевич.

Гуров видел, как Орлов и генерал быстро вышли из зала, все понял, философски подумал, чему быть, того не миновать, и начал разглядывать макушки сидевших в первых рядах журналистов, пытаясь опознать затылок человека, из-за которого не спал ночь.

Заместитель министра вышел к микрофону и сообщил, что сегодня пойдет разговор о криминогенной обстановке в стране, работе уголовного розыска, будут показаны несколько эпизодов из работы розыскников, снятых самими сотрудниками на видео, после чего желающие могут задать вопросы. Окончив короткое выступление, оратор углубился в статистику. Зарегистрировано, раскрыто, арестовано, возвращено на сумму, изъято оружия...

Данные эти были уже обнародованы в газетах, зал слушал равнодушно, переговаривались, все ждали, когда можно будет задавать вопросы.

Процент раскрытых убийств довольно высок, действительно производит впечатление. Только кто знает, из чего данный процент складывается? Муж ударил жену утюгом, утром протрезвел, прибежал в милицию. Раскрыто... Алкаши подрались, один другого порешил, заснул рядом, патрульная машина подобрала. Раскрыто... Конечно, мы разыскиваем и настоящих убийц, рассуждал сыщик, ребята пашут не за страх, сам не последний человек, однако и наиболее удачливому такого процента не вывести. Вроде и правда в таблицах, а приглядишься — мистификация.

Гуров увидел своего друга и начальника уже на сцене: генерал усадил Орлова, сам подошел к компьютеру, вставил дискету, напряженно уставился на экран, через некоторое время заулыбался, глянул в сторону Гурова победно.

— Там они, там, куда им деться, — прошептал Гуров. Значит, не померещилось.

Когда закончили считать проценты, деньги и стволы, генерал включил телевизор, начал комментарий. Огромный телеэкран в актовом зале плохо смотрелся, да и снято было скрытой камерой, одна мельтешня: машины, погони, пистолеты, трупы. Генерал был лаконичен: «безжалостные, циничные бандиты и убийцы», «безутешные матери и несчастные дети», «неминуемость наказания и беспристрастность суда». — в общем, полный джентльменский набор.

— Уважаемые гости и коллеги, как раз сегодня у нас большое событие, сотрудниками уголовного розыска завершена сложнейшая операция, ликвидирована группа так называемых авторитетов уголовного мира. Главарь, к сожалению, убит во время перестрелки, но герой жив и здоров!

Гуров застонал, ноги у него ослабли, во рту пересохло, поняв, какое испытание его ожидает, он выругался.

— Так бывает не только на экране, хотя человек, которого я вам сейчас представлю, и похож на киногероя. Жизнь закручивает сюжеты почище драматургов. — Генерал поднял руку, вы-

держал паузу и с пафосом произнес: — Полковник милиции, старший оперуполномоченный по особо важным делам Лев Иванович Гуров! Прощу!

Пафос тона в сочетании с «оперуполномоченным» вызвал недоумение, кто-то рассмеялся, послышалась быстрая иностранная речь. Генерал продолжал:

— Полковник Гуров, смелый, опытный, талантливый сыщик. Он сумел не только разгромить преступную группировку, но и захватить картотеку преступников, которая содержит имена, клички боевиков, осведомителей и полные данные на тех уродов-перевертышей, которые, чего греха таить, все еще существуют в нашей среде.

Никогда в жизни Гурову не было так стыдно, но не выйти было невозможно, начнут искать, тыкать пальцем, подталкивать. Он шел по проходу, стараясь не слушать заливавшегося соловьем генерала.

— По своим политическим убеждениям полковник — ярый сторонник демократической платформы. — Генерал указал на свободный стул. — Присядьте, Лев Иванович, а сейчас, товарищи и господа, мы постараемся ответить на ваши вопросы.

На вопросы отвечал заместитель, министр лишь подал несколько реплик и даже сравнительно удачно пошутил.

Генерал представил залу Орлова. Узнав, что этот немолодой человек — главный сыщик страны, журналисты, особенно иностранцы, оживились, начали задавать более конкретные и профессиональные вопросы. Орлов отвечал нудно и односложно, пытаясь погасить интерес к своей персоне. И он, и Гуров напряженно ждали подвоха, ведь дискета была в компьютере.

Иностранцы о чем-то переговаривались между собой, а потом один из них на чистом русском языке спросил:

— Господин Орлов, как мы понимаем, захват полковником списков агентуры уголовников для вас большая удача?

— Безусловно. — Орлов кивнул. — Хотя я не могу судить о степени удачи, так как еще не успел ознакомиться с материалами.

— Мы поздравляем вас, господин Орлов. Мы не хотим вас обидеть, но не боитесь ли вы, что среди членов мафии могут оказаться и ваши люди?

Вот оно, началось, понял Гуров.

— Мы полностью исключаем возможность сотрудничества с преступниками наших ответственных товарищей, — вмешался в разговор министр. — Это исключено. А среди рядовых могут быть и двурушники. Мелкие чиновники в вашей стране не продаются мафии?

— О, сожалеем, господин министр, продаются. — Иностранец всплеснул руками. — Это наша беда!

— Петр Николаевич, разрешите вопрос. — Журналист представился, и Гуров услышал знакомую фамилию, которая была на дискете Романова.

— Да, конечно, — ответил Орлов.

— Приятно, что наш министр такой оптимист, — сказал Кудин. — Но вы, опытный сыщик, не исключаете, что среди осведо-

мителей и других пособников нашей родной мафии окажутся лица крупного калибра?

— Я уже давно ничего не исключаю, — сказал Орлов. — Наш разговор уходит в область предположений, а я поклонник фактов.

— Простите, господин Орлов, — вмешался иностранец, — вы впервые пошли на открытый разговор с прессой, данный факт мы приветствуем от всей души. Но если, как заметил мой русский коллега, вы столкнетесь с людьми большого масштаба, то не боитесь ли, что добычу у вас просто отнимут?

— Лично мне бояться поздно, отбоаясь. А отнимут, не отнимут — это решать не мне. Я не политик, я сыщик.

— Удобная позиция, — усмехнулся Кудин. — Мы не были политиками в тридцать седьмом, сорок девятом, в застойные годы, теперь имеем то, что имеем. Может быть, есть смысл передать добытые материалы в специальную комиссию Верховного Совета?

Министр многозначительно взглянул на генерала, тот мигнул своим подручным, которые неслышно спустились в зал, прошествовала команда: «Товарищи! Просьба разойтись по рабочим местам!»

Сотрудники неохотно потянулись к выходу. Лишь группа советских и иностранных журналистов, ощерившись микрофонами, осталась перед столом президиума, за которым восседали руководители и депутаты. Гуров вглядывался то в лицо Кудина, который специализировался на разоблачениях незаконных, творимых органами милиции, и был негласно выдвинут своими коллегами в лидеры, то переводил взгляд на чуждый профиль депутата Черкасова, обменивавшегося с министром короткими репликами.

Орлов бросился в бой:

— Какова бы ни была заложенная в картотеку информация, она совершенно секретная и оглашению не подлежит.

— Обожаю секреты! — воскликнул журналист. — Вы распоряжаетесь секретами по своему усмотрению, народным избранникам знать правду не положено.

— Демагогия, — отрезал Орлов и взглянул на министра. — Спецслужбы любого, даже самого демократического государства хранят свои секреты.

Иностранцы согласно закивали, кто-то из них произнес:

— Конечно, так есть.

— Что представляет собой столь секретная картотека? — последовал очередной вопрос.

— Дискета, заложенная в этот компьютер... — выстрелил подручный генерала и кивнул на стоявшую на приставном столике аппаратуру.

— Прекрасно, значит, если вам что-то в тайнах мафии не понравится...

— Почему именно нам не понравится? — перебил журналиста генерал. — Может быть, вам не понравится?

— Извините, — вмешался сидевший за столом депутат. — давайте откажемся от деления на «наших» и «ваших».

— Нет уж, теперь вы извините,— генерал задрал подбородок.— Прозвучал недвусмысленный намек, и честь мундира обязывает.

Более раскованные иностранцы рассмеялись, захолопали.

— Генерал, вы — смельчак, а вызываете на дуэль безоружно-го. Знакомая картинка! — съязвил Кудин.

— Поберегитесь! С ваших губ капает яд.— быстро отпарировал генерал.— У нас будет одно оружие и один секундант.

Гуров все понял: он одинаково не любил ни генерала, ни журналиста, но отдал должное первому, который был умнее и коварнее.

— Объяснитесь,— Кудин произвольно провел рукой по губам.— Какое оружие?

— Компьютер.

— Согласен. А секундант?

— Пресса,— генерал поклонился журналистам.— Вы же поклонник гласности.

— А каковы будут условия? — Кудин чувствовал, что его заманивают в ловушку, но не мог понять, в чем она заключается.

— Мы спросим у компьютера о вас.— Генерал обвел взглядом присутствующих, остановился на депутате Черкасове, улыбнулся.— И о вас. Согласны? Чтобы вам проверка не показалась обидной, мы сначала зададим вопрос, что известно мафии о генерале Орлове и обо мне. Согласны?

— Конечно, нет! — взорвался Кудин.— Это ваш компьютер, в нем заложена ваша информация... Я категорически протестую, это чистой воды провокация!

— Проверьте, пожалуйста, меня, товарищ генерал,— сказал иностранный журналист.— Эрнест Гартнер. Пожалуйста.

Иностранцы захолопали.

Генерал кивнул возмущенному Кудину.

— Я вас понимаю, знает кошка, чье мясо съела. Вынудить не могу, давайте взглянем, чем мафия располагает на генералов милиции.— Он подошел к компьютеру, журналисты поднялись на сцену, сгрудились у небольшого экрана.

Генерал набрал свою фамилию, имя и отчество, на экране появилась надпись: «Сведениями не располагаем».

— Видно, я недостаточно знаменит. Теперь Орлов, Петр Николаевич. Не возражаете?

Орлов махнул рукой: мол, отстань и делай, что хочешь.

Генерал потыкал пальцем в клавиши, появился текст: «Орлов Петр Николаевич, 1928 г. р., работает в Угро более сорока лет, генерал, среди своих пользуется авторитетом, фанатик, подходов не имеем».

— Ясно, какие компрометирующие материалы могут быть на генерала милиции,— саркастически улыбнулся Кудин.— Да еще в стенах этого здания.

— Дискета доставлена сегодня полковником Гуровым, кстати, вашим единомышленником.

Присутствующие невольно посмотрели на Гурова.

Так вот зачем ты расхваливал меня, понял сыщик, глядя на

лощенного генерала, у которого от напряжения на лбу выступили капельки пота. А ты не дурак, генерал, мерзавец, конечно, но не дурак.

— А мне даже любопытно, — неожиданно произнес депутат Черкасов, — удостоили меня уголовнички своим вниманием или нет? Валяйте, генерал!

Тот глубоко вздохнул, промакнул платком лоб, бросил на министра словно случайный взгляд, скомкав платок, вытер руки, будто готовился к прыжку и боялся промахнуться. И хотя генерал старался держаться спокойно, его напряжение почувствовали все. Журналисты придвинулись плотнее, разговоры смолкли.

— А отчего вы так нервничаете, товарищ генерал? — срывающимся голосом воскликнул Кудин. — Давайте вытаскивайте на Божий свет заготовленную гадость!

— А может, не стоит? — генерал оглядел присутствующих. — Господа, я прошу извинения, все это несерьезно и достаточно грязно. Уголовники! Ведь о любом человеке могут написать что угодно. Правда, свои записи они прячут, а не тиражируют миллионными экземплярами. Товарищ Черкасов — депутат парламента, лучше не надо.

Генерал выжимал из ситуации максимум, накалял обстановку до предела.

— Господин депутат согласился, — сказал иностранец, — я уверен, наш депутат никогда бы не согласился.

Народный избранник не был абсолютным дураком, почувствовал недоброе, решил отступить, взять свои слова назад, но на сомнительный комплимент иностранца попался, словно мальчишка, и четко произнес:

— Депутат, как жена Цезаря, должен быть выше всяких подозрений, прошу, генерал.

— Ну, если желаете. — Генерал начал выстукивать буквы.

На экране появилась надпись: «Сведениями не располагаем».

— Не удостоили, — облегченно вздохнул Черкасов. — Значит, плохо работаю.

Журналисты начали фотографировать, чиркать в блокнотах, о своем коллеге Кудине забыли.

А генерал все играл на компьютере, вновь набрал фамилию депутата, затем фамилию журналиста, на экране вновь появилась надпись: «Сведениями не располагаем». Журналисты народ дошлый, манипуляции генерала заметили, кто-то ехидно спросил:

— Что-нибудь не так? Может, машинка испортилась?

Генерал не ответил, посмотрел на Гурова, сыщик отлично знал, что взглядом встречаться нельзя, он выдаст себя, но поднял голову, ответил спокойной улыбкой. Эту опасную игру заметил Орлов, сказал министру, что вынужден вернуться в кабинет, подошел к компьютеру, забрал дискету, взял Гурова под ручку и быстро поволок к выходу. За спинами сыщиков звучал уверенный голос министра:

— Мы еще не достигли абсолютного консенсуса, но в наших взаимоотношениях, безусловно, произошли подвижки...

Гуров перешагнул порог, привалился к двери, отгородился от зала.

— Подвижки-херишки! Когда генсек «хакал», так вся рать букву увечила, если следующий будет материться, свита запоет на фене...

Орлов шел по коридору так быстро, что длинноногий Гуров еле попевал. Начальник влетел в свою приемную и закричал:

— Меня нет! Нет меня! Ни для кого! Ясно? — И распахнул дверь кабинета.

Секретарша взглянула обиженно, Орлов втолкнул сыщика в кабинет, вбежал сам, путаясь с ключами, открыл сейф, запер в него дискету, упал в кресло, рывкнул:

— Ну?

Гуров опустился на стул и миролюбиво сказал:

— Не сердчай, Петр Николаевич. Раз пуля просвистела, значит, не твоя.

— Они там были? — Орлов не пояснил, кто «они» и где «там».

— Оба, — ответил сыщик. — И представляешь, в каком виде!

— Ты как посмел?

— Но ты же сам видел, я угадал. Их замазали и подставляли.

— А если бы не угадал? Ты же уничтожил вещественные доказательства!

— Обижаетесь. — Гуров достал из кармана дискету, положил перед начальником. — Вот она, оригинал, так сказать, а генерал баловался копией моего изготовления.

Орлов откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

Прав Лева или не прав, он совершил Поступок, на который я уже не способен, рассудил Орлов. И при этой власти нам обоим теперь жизни не будет.

— У меня выслуги сто лет и генеральская пенсия. На что ты рассчитываешь? — Орлов вызвал секретаршу и заискивающе сказал: — Девочка, где наш кофе?

— Минуточку, Петр Николаевич, — ответила девушка.

— Мне эти мужики несимпатичны, но они из команды Президента России. И какой бы он ни был, мы его выбрали и должны защищать.

— А тебя кто защитит?

Секретарша принесла кофе, оставила поднос, снисходительно кивнула шефу и величаво удалилась. Орлов взглянул на закрывающуюся дверь, соорудил гримасу, достал из нижнего ящика стола початую бутылку коньяка и стаканы.

— Если просвистела, значит, не твоя?

— Так точно, Петр, наши еще не отлили.

Орлов знал, что друг ошибается, но ничего не сказал. Они молча выпили.

Депутат Черкасов был высок и грузен, журналист Кудин наоборот — мелковат. Положение Черкасова в обществе было весомее и солиднее, но в личных отношениях верховодил, порой тиранствовал Кудин. Выйдя из министерства, приятели остановились у машины, журналист тыкал пальцем в грудь депутата и выговаривал:

— Смелость и глупость суть вещи разные, я ментов знаю как облупленных. Сто против рубля, нас хотели спалить, но, как обычно, у них что-то не сработало.

Черкасов благодушно улыбался, смотрел поверх головы приятеля, увидел вышедшего из подъезда Гурова и сказал:

— А мы сейчас спросим. Вон их знаменитость. Как его?.. Одевается, будто проездом из Парижа...

Журналист повернулся, взглянул на проходившего мимо Гурова и возразил:

— Да он в жизни правду не скажет. А костюмчик на нем действительно отличный. Однако, как сыскаря ни одевай, суть одна — мент поганый.

ЭПИЛОГ

Из трудовой книжки Льва Ивановича Гурова:

«...служил в органах МВД СССР девятнадцать лет, восемь месяцев и двадцать шесть дней... Уволен в связи с утерей доверия...»

Гуров не дослужил до пенсии три месяца и четыре дня.

*Всесоюзный
информационный
клуб дружбы и
создания семьи*

**ПОМОЖЕТ ВАМ
НАЙТИ ДРУГА,
ЕДИНОМЫШЛЕННИКА,
СОЗДАТЬ СЕМЬЮ.**

В чем загадка любви
с первого взгляда?

Может, она
в психологической
и биоритмической
совместимости людей?

— Специалисты фирмы
посчитают эти факторы,
опираясь на
современные научные
методы
и компьютерную
технику. Наше
преимущество —
высокое качество
и скорость
обслуживания.

Мужчинам
предоставляются
льготы.

Наш клуб сотрудничает
самериканской фирмой
«Рашен Американ
Романс». Может
оказаться, что ваш
суженый живет в США
или Японии.

**И
Н
Ф
О
Р
М
С
Е
Р
В
И
С**

СОСТАВИТ ВАШ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ГОРОСКОП

по основным
направлениям вашей
жизни, на основе
древнеиндийских
предсказаний.
Специалисты осветят
вопросы: здоровья,
карьеры, учебы, любви,
приключений.
Индивидуальный
гороскоп поможет вам
отказаться от
рискованных
поступков, найти
верный путь к успеху.

ПОМОЖЕТ СНИЗИТЬ ВЕРОЯТНОСТЬ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ И ТРАВМ

на производстве
(особенно водителей
автопарков),
составляя ежемесячно
индивидуальный
график благоприятных
и неблагоприятных
дней в соответствии
с вашими биоритмами.
ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
105215, Москва, Е-215,
а/я 10, «Информсервис».
В письмо не забудьте
вложить пустой конверт
с вашим полным адресом —
в нем мы вышлем вам
условия обслуживания
и анкеты. На письме к нам
сделайте соответствующую
пометку «3», «Гороскоп» или
«Биоритм».

Шахматная эпиграмма

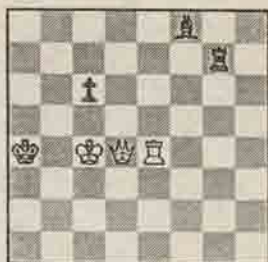
Под редакцией
международного гроссмейстера

ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Сегодня мы открываем новую рубрику — «Шахматная эпиграмма». Так в старину называли шахматные композиции с числом фигур не более семи. Под этой рубрикой мы будем публиковать оригинальные задачи отечественных и зарубежных авторов, присланные на международный конкурс «Смены» (см. № 12, 1991). В конкурсе могут принять участие все желающие. Одновременно для участников наших шахматных олимпиад проводится конкурс решения этих задач.

1. В. СОЛОВЬЕВ

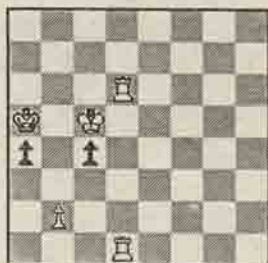
Чебоксары

Мат в 2 хода

2. В. САММЛО

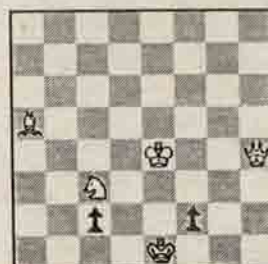
Харьков

Мат в 2 хода

3. С. НИКОЛАЕВ

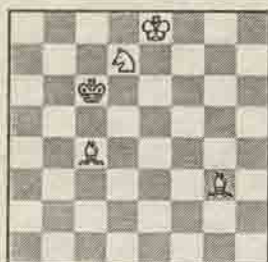
Иваново

Мат в 2 хода

4. А. ЗАРУХ

Рига

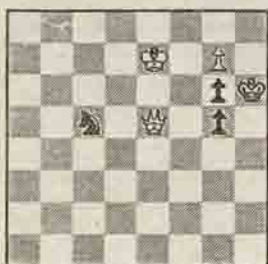

Мат в 3 хода

Близнец: поменять королей местами

5. С. ЗАХАРОВ

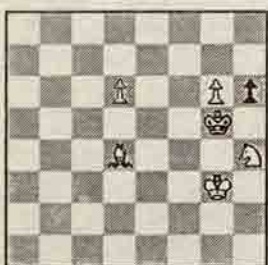
Санкт-Петербург

Мат в 3 хода

6. В. МАРКОВЦИЙ

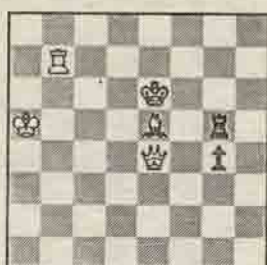
Закарпатская обл.

Мат в 3 хода

7. С. ДЕМИДЮК и В. КОЖАКИН

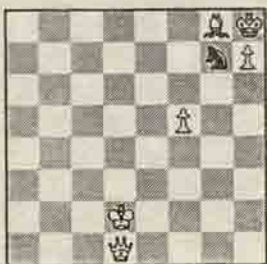
Брест и Магадин

Мат в 3 хода

8. В. АНТИПОВ

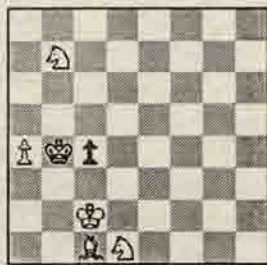
Боровичи

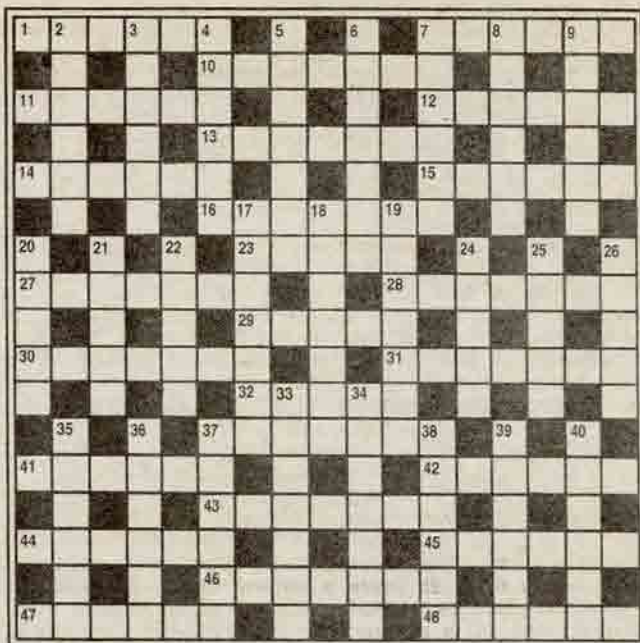
Мат в 3 хода

9. В. ЩЕРБИНА

Донецк

Мат в 3 хода

ЗРУДИТ По горизонтали:

1. Дикая слива, чей цветок в Китае — символ зимы.
7. Медовый кустарничек.
10. Одно из русских названий бойкого, расторопного, умелого парня.
11. Морская или речная сабля.
12. Верхнее течение реки Брахмапутра в Тибете.
13. Бурый — гризли, черный — ...
14. Одежда, шнуры которой в старину японские влюбленные завязывали друг у друга при разлуке и клялись не развязывать их до следующей встречи.
15. Цуцудзи — это японская..., цветущая с весны до осени.
16. «Замечательный» гоголевский герой.
23. Писатель, сказавший о своем великом соотечественнике: «Валери хотел бы выдумать логарифмические таблицы для литературы».
27. Победитель первого международного конкурса пианистов имени Эжена Изаи.
28. Культура, стебель которой был изображен на ордене Труда Хорезмской республики.
29. Чешская левизна, первая исполнительница партий Ариадны и Императрицы в операх Р. Штрауса. Выступала в Одессе.
30. Свод сочинений Аристотеля, впервые напечатанный Альдом Мануцием в 1495 году.
31. Знаменитый представитель итальянского «Арс нова» по прозвищу Слепой Франческо (музыкант).
32. Отец и первый учитель Махтумкули.
37. Одна из специальностей Петра Первого.
41. Житель древнего государства (на территории Армянского нагорья) со столицей Туша.
42. Принцип построения мелодии, которому у русских цыган присуще гаканье.
43. Старинный русский сорт яблок.
44. Пристань на

левом притоке реки, которую писатель С. Елпатьевский назвал «русской Амазонкой». 45. Путешественник. Р. Роллан назвал его «единственным героем нашего времени». 46. «Ах, посмотри сюда, кузина, вот этот!» — «Где? майор?» — «О нет! Как он хорош, а конь —... да жаль, он, кажется, корнет» (М. Лермонтов. «Тамбовская казначейша»). 47. Игра, популярная у Булгаковых в гимназические годы Михаила Афанасьевича. 48. Председатель конвента, утвердившего конституцию США.

По вертикали:

2. Каждая из «медитаций» Ламартина. 3. «Шерсть», растущая в Индии на кустах, о чем писал Геродот. 4. Тип книги Вичеллио «Костюмы старинные и современные», где часть рисунков сделал Тициан. 5. Совокупность русских, чьи привилегии были закреплены Жалованной грамотой 1785 года. 6. Ботус, калкан, паралихт, ромб (общее название). 7. Чешский король, поддерживавший реформы Яна Гуса. 8. Художник, отзывавшийся о книге, которую о нем написал торговец произведениями искусства: «Воллар очень хорошо пишет о Волларе». 9. Самоцвет, срастающийся с живой тканью человека без нежелательных последствий. 17. Бытовавшее в России название музея военного снаряжения и оружия. 18. Конь Калигулы, стоявший в мраморной конюшне, кормушка его была сделана из слоновой кости. 19. Средневековый Суд Божий. 20. Река, в долине которой открыто первое в СССР место с отпечатками следов динозавров. Они оказались самыми древними в мире. 21. Посуда, в которой В. Арсеньев хранил ром, путешествуя «по Уссурийскому краю». 22. Материал, в посуде из которого древние байкальские рыбаки хранили улов. 24. Самая распространенная в средневековой Англии ткань. 25. Прием в вольной борьбе. 26. Четвертая струна альты и скрипки. 33. Парк, посещение которого радует и детей, и взрослых. 34. «Искренний журнал, в который душу изливал Онегин» (вариант в романе А. Пушкина). 35. Оловянный сосуд, с помощью которого готовили постель для сна в богатых домах России. 36. Русское чудо, сопровождаемое возгласом: «Эй, залетные!» 37. Саамские санки. Олень тянет их за один ремешок. 38. Немецкий художник, чье раннее творчество стало основой дунайской школы живописи. 39. Газ, «работающий» в прожекторах, кинопроекторах. 40. Самый дешевый по производству металл.

283

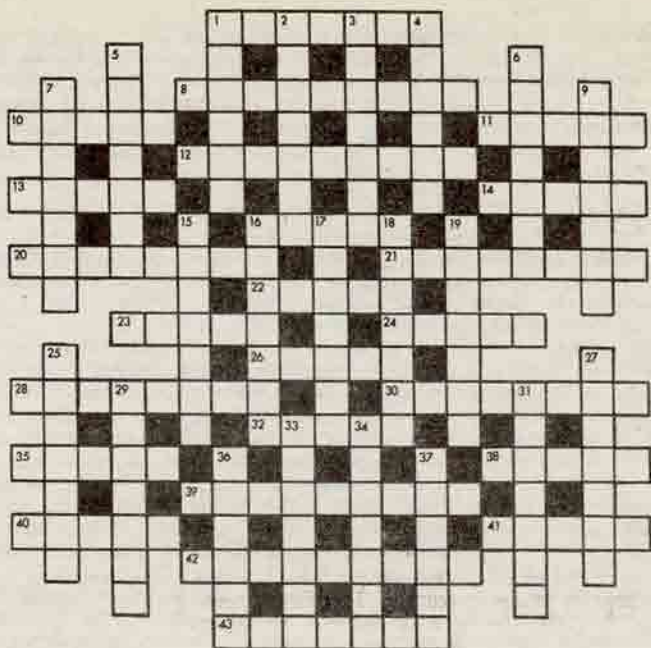
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

1. Ефрон. 4. Будда. 8. Гауди. 12. Войлок. 14. Фасоль. 15. Прокофьев (так подписывался знаменитый композитор). 16. Алоэ. 18. Цинк. 19. Акр. 23. Хек. 25. Таракан. 27. Степ. 29. Бега. 30. Мандельштам. 31. Гипс. 32. Торт. 33. Чеграва. 35. Вяз. 36. Щит. 39. Юмор. 44. Ярмо. 45. Чарльстон. 47. Каучук. 48. Зубило. 49. Опера. 50. Рынок. 51. Жулан.

По вертикали:

2. Фейхоа. 3. Окоп. 5. Удав. 6. Дротик. 7. Овчар. 9. Арка. 10. Дюфи. 11. ...вьюки. 13. Кри. 14. Фет. 17. Экземпляр. 18. Церемония. 20. Чаадаев. 21. Маклюра. 22. Расшива. 24. Тсуга. 26. Сартр (Вознесенский утверждал, что лицо Сартра — точная копия лица кузнечика). 28. Пас. 29. Бат. 34. Любка. 35. Вогулы (манси). 37. «Троица» (Рублева). 38. Голод. 40. Мак. 41. Шлюп. 42. Истр. 43. ...воз... 45. Чудо. 46. Нуну.

КРОССВОРД
Составили
А. БОРОВСКОЙ
и **А. ВОЙСКУН,**
Челябинск

По горизонтали:

1. «Космическая колесница». 8. Минерал, природным крестикам из которого придавали священное значение. 10. Народный французский танец. Ж. Люлли ввел его в свои сценические произведения. 11. Спутник крупнейшей планеты Солнечной системы. 12. Житель областного центра на Волге. 13. «Венецианская повесть» Д. Байрона. 14. Щит для экспонатов выставки. 16. Любимый музыкальный инструмент писателя В. Одоевского. 20. «Созвездие маневров и мазурки» в «Горе от ума» А. Грибоедова. 21. Музыкальная пьеса. И. С. Бах любил давать ее как упражнение своим ученикам. 22. Объект коллекционирования композитора Д. Кабалевского. 23. «... Парижа» — роман Э. Золя. 24. Колыбель русской керамики, известная голубой посудой. 26. Княжеский титул в Индии. 28. Герой повести К. Коллоди, по мотивам которой А. Толстой написал «Золотой ключик, или Приключения Буратино». 30. Невнятный, однообразный шум. 32. Кусок железа, полученный при обработке руды. 35. Известный русский гравер, изображенный на картине Г. Чернецова «Парад на Марсовом поле 1831 года». 38. Певческий голос Тамань. 39. Австрийский физик, один из создателей квантовой механики. 40. Старое русское название руки. 41. Предмет сервировки стола, появившийся в России при Петре Первом. 42. Термин, введенный И. Флавием и обозначающий нынче форму правления,

при которой глава государства одновременно и его религиозный глава. 43. Горная порода, распространенная в междуречье Енисея и Лены.

По вертикали:

1. Австрийский астроном. Под его руководством в Казанском университете были начаты систематические наблюдения. 2. Человек, ломающий старые нормы и представления. 3. Характерный признак героя в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат». 4. Искусный и отважный наездник. 5. Птица, на которую любил охотиться И. Тургенев. 6. Важнейший компонент светочувствительного слоя фотоматериалов. 7. Героиня «Западно-восточного дивана» И. Гете. 9. Руководящая идея, основное правило. 15. Девушка, залетающая двадцать пять косичек. 16. Состояние Фабрицио после побега из крепости (в романе Стендаля «Пармская обитель»). 17. Спортивное увлечение А. Суворова, М. Горького. 18. Река. На языке ирокезов ее название значит «Большой шум». 19. Муза, чей атрибут — двойная свирель. 25. Древнее название флейты. 27. Рыба, способная изменить окраску под цвет грунта. 29. Лиственный лес. 31. Самоцвет, из которого в Китае вырезали флаконы и мелкие шкатулки. 33. Математический знак, чья эволюция длилась свыше пятисот лет. 34. Одно из древнейших созвездий южного неба. 36. Река на западе Китая. 37. Ткань для школьной формы.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12**

По горизонтали:

4. Хаб. 9. Юпитер. 10. Миманс. 11. Евражка. 12. Старик. 13. Йерсен. 14. Оттенок. 15. Страус. 18. Ачинцы. 21. Дятел. 24. Циветта. 25. Обласок. 27. Набат. 28. Аметист. 29. Отводок. 30. Езнас. 33. Шпагат. 37. Скрауп. 40. Валлару. 41. Пангве. 42. Домино. 43. Равнина. 44. Фьельд. 45. Рыльце. 46. Ага.

По вертикали:

1. Эпитет. 2. Шторка. 3. Прекос. 4. Харатья. 5. Баженье. 6. Ямайка. 7. Жмурки. 8. Индеец. 16. Ривьера. 17. Устрица. 19. Человек. 20. ...наседка... 21. Данте. 22. Табун. 23. Лотос. 24. Цна. 26. Кок. 31. Золовка. 32. Ахатина. 34. Платье. 35. Гоголь. 36. Твердь. 37. Сударь. 38. Ремель. 39. Узница.

Фирма **ДАКВИН**

— ВАШ НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР И ПОМОЩНИК — ЭТО:

ЗНАКОМСТВО

Крупнейшая в России компьютерная служба знакомства, содержащая в своем банке данных информацию о десятках тысяч абонентов всех возрастных категорий, желающих создать семью и проживающих на территории всех республик. Если вы еще не нашли надежного спутника жизни, друга, единомышленника, не падайте духом. ДАКВИН поможет Вам в этом и исцелит Вас от одиночества. После получения от Вас заполненных анкет и психологического теста Ваши анкетные данные и требования к партнеру будут немедленно введены в компьютер, а уже на следующий день Вам будут высланы адреса и анкетные данные претендентов на знакомство с Вами. Статистика показывает, что 98,7 процента мужчин и 97,1 процента женщин находится более пяти вариантов после первого компьютерного поиска. Все варианты, кроме первых пяти, высылаются наложенным платежом. Фирма гарантирует не только высокую скорость, но и высокое качество обслуживания. Ваше счастье — в Ваших руках!

ГОРОСКОП

Если вы не скептик и верите в астрологию, то Вы сможете узнать, как распорядятся звезды Вашей судьбой и карьерой, заказав индивидуальный гороскоп. ДАКВИН, тонкий знаток древнеиндийских секретов астрологии, осветит любой период Вашей жизни. Мудрость древних, помноженная на фантастическое быстродействие современных компьютеров, дает потрясающий результат.

РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ

Уважаемые соотечественники! Фирма «**DAKVIN L.T.D.**» продолжает формировать банк данных лиц, желающих работать за рубежом по контракту. Если Вы решите воспользоваться услугами нашей фирмы, Вы сделаете правильный шаг. У Вас появится реальная возможность осуществить свою мечту и получить контракт на работу в Европе, Южной Америке, Канаде, Австралии, ЮАР, США и в ряде стран Персидского залива. Это заработок от 250—500 долларов (для неквалифицированных рабочих) до 3000—6000 долларов в месяц (при заключении солидных контрактов на 2—6 лет в экономически развитых странах).

Желающим самостоятельно включиться в поиск работы предлагается более тысячи адресов фирм-работодателей и бюро по найму рабочей силы во всем мире, несколько сот адресов и телефонов представительств инофирм в Москве. Самые низкие на внутреннем рынке цены.

В письмо с пометкой «**ЗНАКОМСТВО**», «**ГОРОСКОП**», «**РАБОТА**» или «**АДРЕСА**» вложите пустой конверт с Вашим подробным адресом. В нем Вам будут высланы условия обслуживания и анкеты для заполнения. Письма отправляйте по адресу: 144012, Московская обл., г. Электросталь, «**ДАКВИН**».

Убедительная просьба присылать запросы по каждому направлению в отдельном письме с одной пометкой на конверте.

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Реклама в «Смене» — ваш долговременный успех!

Вашу рекламу увидят десятки миллионов в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят. Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками,

**РЕКЛАМА В «СМЕНЕ»
ВЫГОДНА И НАДЕЖНА.**

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена»,
или позвонив по телефону

250-49-98.

АП «МОСКОВСКИЙ МАГАЗИН ПО ПРОДАЖЕ АВТОМОБИЛЕЙ И ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ»

реализует
за свободно конвертируемую валюту
автомобили
«ГАЗ-2410», «ГАЗ-3102», «УАЗ-31512»,
а также автомобили
иностранного производства
«ФОРД», «ОПЕЛЬ»,
«МЕРСЕДЕС-БЕНЦ»,
(как новые,
так и бывшие в употреблении).

В продаже имеются
приборы защиты автомашин
от коррозии; выбор запасных частей.
Оплата в рублях.

АДРЕС:
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 98.
ТЕЛЕФОНЫ: 489-85-40, 483-84-88, 906-10-52.
ФАКС: 489-84-46.

АП «МОСКОВСКИЙ МАГАЗИН
ПО ПРОДАЖЕ АВТОМОБИЛЕЙ

И ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ»

ИНДЕКС 70820. 4 р.

„КОЛИБРИ“

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: